

ТУР
ХЕҢЕРДАА

ЭКСПЕДИЦИЯ • ТИГРИС •

- Экспедиция “Тигрис”

-
- К советскому читателю
- Глава I. В поисках начал
- Глава II. В Садах Эдема
- Глава III. Начинаются затруднения
- Глава IV. Затруднения продолжаются
- Глава V. В страну Ноя — Дильмун
- Глава VI. «Тигрис» начинает слушаться
- Глава VII. Ищем пирамиду и находим Макан
- Глава VIII. «Тигрис» и супертанкеры. Путь в Пакистан
- Глава IX. В долине Инда в поисках Мелуххи
- Глава X. От Азии до Африки: от Мелуххи до Пунта
- Глава XI. Пять месяцев для нас — пять тысячелетий для человечества
- Океан всегда соединял человечество

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19

- [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
-

Экспедиция “Тигрис”

Книга известного норвежского путешественника и ученого, борца за сохранение природы, смелого экспериментатора, автора нескольких книг о путешествиях на различные континенты земного шара рассказывает о широко известном путешествии интернационального экипажа на лодке "Тигрис".

Предназначена для массового читателя.

Тур Хейердал

Перевод с английского Л. Л. Жданова

К советскому читателю

Парни с севера и юга, востока и запада шли вместе со мной на борту камышовой ладьи «Тигрис». Кое-кто из них уже ходил со мной через океан на примитивных лодках-плотах и помог показать, что даже в стесненных и трудных условиях можно не только мирно сосуществовать, но и по-братски сотрудничать. К тому же участники плавания обзавелись новыми друзьями не только на суше, но и на море. Из моей книги вам будет понятно, почему мне хочется передать свои наилучшие личные пожелания и приветствия моим многочисленным советским читателям: я надеюсь, что среди них окажутся многие из тех, кто так или иначе оказывал нашей команде дружескую помощь во время строительства ладьи в Иране, при спуске на воду и когда мы встретились с первыми серьезнейшими трудностями в море. Всем им мы говорим искреннее «спасибо».

За здоровье всех нас на борту «Тигриса» отвечал представитель Советского Союза Юрий Александрович Сенкевич, который до того был экспедиционным врачом во время обоих плаваний «Ра» через Атлантику. Юрий согласится со мной, что важнее всех прекрасных лекарств, которые он на всякий случай захватил с собой, для нашего здоровья было то, что мы сами привезли из дома: отменная физическая форма. Самая лучшая профилактика от болезней — физические упражнения в виде напряженного физического труда, разумного спорта и гимнастики. От тела, в котором легкие и кровеносная система стимулируются активной работой мышц, и мозгу польза.

Если кто-то из членов экспедиции не выдержит физического или психического напряжения, это может обернуться плохо для всех остальных. Экспедиционный врач нужен на случай болезни или травм, но даже современная космическая медицина не преподаст нам лучшего урока, чем тот, который содержится в знаменитом древнем изречении: *в здоровом теле — здоровый дух.*

Тур Хейердал

Глава I. В поисках начал

Начало... Начало всех начал...

Это отсюда все пошло.

Здесь начиналась письменная история. Здесь родилась мифология. Здесь помещались истоки трех из числа самых могучих религий в истории человечества. Около двух миллиардов христиан, иудеев и мусульман во всех концах света узнают из своих священных книг, что именно это место выбрал их бог, чтобы даровать жизнь человечеству.

Две большие неторопливые реки сливаются здесь воедино, и место их встречи обозначено на всех картах мира. Однако на вид знаменитое слияние Тигра и Евфрата ничем не примечательно. Безмолвны, как сами реки, узкие шеренги финиковых пальм вдоль берегов. Солнце и луна хранят свои секреты, исправно навещая древний пустынный ландшафт и озаряя бликами дня и ночи тихие струи. Изредка проплывает лодка с людьми, забрасывающими рыболовные сети.

Здесь, полагает большинство человечества, находилась колыбель гомо сапиенс, находился утерянный рай.

Миновав последнюю зеленую полоску суши, разделяющую их, Тигр и Евфрат приветствуют друг друга плавными завихрениями и, соединясь, словно супруги, образуют великую реку Шатт-эль-Араб, которая тут же пропадает из виду за изгибом берега в пальмовой оторочке. На самом мысу между двумя потоками некогда была построена — а потом почти заброшена — маленькая гостиница. Три номера для постояльцев, широкий холл и еще более широкая терраса с видом на восход за рекой Тигр — вот и все здание. Но какое впечатляющее название начертано большими буквами над входом: ГОСТИНИЦА «САДЫ ЭДЕМА».

Впрочем, столь импозантное имя как будто оправданно, если принимать за истину то, что написано на висящей неподалеку доске. В нескольких десятках шагов от гостиницы, за лужайкой, достаточно широкой, чтобы на ней можно было строить небольшое судно, над рекой Тигр склонились два-три неказистых зеленых деревца. На земле

между ними лежит толстая колода — остаток упавшего дерева неизвестной породы, однако удостоенный почестей в виде горящих свечей. Незатейливое святилище торжественно обнесено оградой. Иногда сюда приходят посидеть и предаться раздумьям старики из близлежащего городка Эль-Курны. Доска с текстом на английском языке, а также каменная плита с арабской вязью извещают редких прохожих, что здесь обитали Адам и Ева. И что будто бы сюда ходил молиться пророк Авраам. В самом деле, если верить Библии, то Авраам родился в Уре, а до Ура отсюда несколько часов езды.

Разумеется, на давно истлевших ветвях старого дерева не висели никакие яблоки. И вряд ли Авраам приходил поклониться сему отрадному уголку природы — ведь за последние тысячелетия уровень земли в здешних местах поднялся примерно на шесть метров, так что и течение рек изменилось. Тем не менее место встречи двух рек и весь этот край заслуживают почтительного раздумья. Здесь завязалось что-то важное для вас, для меня, для большинства людей земного шара.

Внеся свои вещи в гостиницу «Сады Эдема», я вышел на террасу посмотреть, как по воде расходятся бесшумные круги — следы охотящейся рыбы. В это время солнце за моей спиной, уйдя за горизонт, растянуло в небе красный занавес, и подкрашенное кровью зеркало реки Тигр отразило черные силуэты финиковых пальм на другом берегу. Сказочная атмосфера... А как же иначе! Ведь я прибыл на родину «Тысячи и одной ночи», «Волшебной лампы Аладдина», ковров-самолетов и Синдбада-Морехода. На этих берегах жили Али-Баба и сорок разбойников. Ниже по течению эти струи омывают остров Синдбад, названный в честь величайшего сочинителя морских небылиц, героя арабских сказок. А начинается Тигр на склонах подпирающих небо гор Араратских, к которым, по иудейским преданиям, пристал со своим ковчегом знаменитейший судостроитель всех времен Ной. Недалеко от берегов Тигра скромные дощечки и поныне указывают путь к освященным веками городам-призракам, вроде Вавилона и Ниневии, чьи библейские стены упорно тянутся к небесам, стряхивая с себя пыль и кирпичную крошку. Реактивные лайнеры скользят над вечным городом Багдадом, где современные краны и здания запрудили пространство среди минаретов и золотых куполов.

Люди разных племен и постройки разных эпох естественно сочетаются в арабской республике, расположенной между Западом и Востоком и знакомой нам под названием «Ирак». Месопотамия — Страна между реками — выразительно наименовали завоеватели-греки этот край, но еще до того он сменил много имен, которые древний мир произносил с трепетом, благоговением и восхищением. Наиболее известные среди них — Шумер, затем Вавилония и Ассирия. Со времен пророка Мухаммеда здесь пролегают восточные рубежи арабского мира.

Где некогда зеленели тучные пастбища и орошаемые нивы, через бесплодную пустыню протянулись нефтепроводы с горючим, позволяющим исполнить любые желания не хуже лампы Аладдина. Над оскудевшей землей символами чередующихся цивилизаций возвышаются храмовые пирамиды, минареты и нефтяные вышки. Неподалеку от старого русла Евфрата, южнее Багдада, на полпути от столицы до Садов Эдема, дорога минует огромную бесформенную груду битого кирпича. Установленный на этой груде указатель вызывает в памяти классическую легенду о первой попытке человека строить выше, чем ему предназначено. Указатель гласит: **БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ**.

Дорога устремляется дальше в сторону полуденного солнца. Через безбрежную, бесплодную равнину с такими колоритными арабскими городишками, что кажется: вон там Синдбад сидит на приступке, а вон там среди люда на рыночной площади толкается Али-Баба, вы из былых владений могущественной Вавилонии попадаете в приморье, откуда все пошло, попадаете в Южный Ирак, известный в древности под именем Шумера.

Ровная, голая пустыня доходит до самого залива. Лишь в зоне паводка, где сливаются неторопливо два потока, простерлись обширные зеленые болота, кишасшие птицей и рыбой. Здесь, среди зарослей камыша и тростника, с незапамятных времен сохранилась совершенно уникальная община. Наверно, в жилах болотных жителей больше шумерской крови, чем у любого другого арабского племени. И кажется, что реки, берущие начало в Араратских горах, пройдя долгий путь через опаленные солнцем пределы бывшей Месопотамии, изливают через край свою радость от встречи с непокоренными временем болотными арабами. словно изо всех потомков Ноя только

эти люди были наделены даром вечной жизни, меж тем как одно за другим рушились кругом сменяющие друг друга могущественные государства.

Пустыня, осаждающая со всех сторон весеннюю зелень болот, поглотила древний народ шумеров. Мерцающие волны сухого песка захлестнули воздвигнутые в честь забытых ныне богов огромные храмовые пирамиды, погребли заброшенные города, правители которых обратились в прах. Некогда благодатная земля ныне стала миром безмолвия, безжизненным, как Северный полюс на холсте в картинной галерее. От края до края тянутся, будто заснеженные трещины во льдах, выемки оросительных систем и судоходных каналов. И ни капли воды в них, ни одного зеленого побега.

Перед вами кладбище целой цивилизации, древнейшего предка нашей собственной культуры. Если вам дороги наши истоки, вы не пройдете безучастно мимо того, что открыли под здешними песками детективы от археологии. Ибо в этом сокровенном мире смерти и праха слово человеческое продолжает призрачную жизнь, готовое вновь заговорить, как только его исторгнут из объятий песков. Среди раскопанных дворцов и жилищ ученые обнаружили подлинные библиотеки — десятки тысяч глиняных плиток с выдавленными на них знаками древнейшей известной нам письменности. Первоначальное шумерское письмо было идеографическим, но идеограммы вскоре уступили место более простым для начертания клиновидным знакам.

В гробницах и храмах археологи находили также изумительнейшие изделия из золота и серебра, выполненные с таким вкусом и свидетельствующие о таком высоком уровне цивилизации, что в наши дни есть простодушные люди, допускающие, что исчезнувшие творцы этих предметов были пришельцами из космоса. Научные отчеты археологов крайне редко доходят до широких читательских кругов, зато двери издательств и телевидения были широко открыты для тех, кто шел туда со своими сочинениями о гостях из космоса, которые будто бы строили пирамиды и насаждали цивилизацию среди варварских аборигенов нашей планеты. Фантастические истории такого рода распространяются по всем странам с молниеносной скоростью, и это в наш век, когда земляне уже высаживались на Луне. Эти истории призваны утолить растущую жажду современного человека познать неизвестное: кто мы, от кого

происходим, с чего все началось? Ученые бессильны противостоять глобальной лавине инопланетных решений этих общечеловеческих вопросов. Их серьезные и убедительные научные возражения не доходят до ушей широкой публики. Оттого и продолжают свое шествие развлекательные гипотезы о космических кораблях.

Что могли бы поведать нам первые шумеры, сумей мы воскресить их из мертвых? Ведь это они, если верить сочинителям, встречали цивилизованных пришельцев, а то и сами произошли от инопланетян.

Да только нет необходимости воскрешать шумеров, чтобы выслушать их свидетельские показания. Они не были лишены дара речи. До нас дошли их письменные свидетельства. Глиняные плитки запечатлели рассказ о том, откуда и как они явились. Корабли были, но не космические, а морские. Они пришли в залив под парусами, и древнейшие произведения шумерского искусства показывают нам, как выглядели суда, доставившие этих людей к берегам страны в междуречье, где они основали цивилизацию, влияние которой в последующие тысячелетия так или иначе сказалось во всех уголках нашей планеты.

Правда, письменные показания шумеров как будто заменяют одну загадку другой. Что это за страна Дильмун на востоке, откуда прибыли, по их словам, шумерские мореплаватели?

В поисках недостающего фрагмента огромной головоломки я вновь и вновь приезжал в Ирак, чтобы воочию ознакомиться с подлинными древними свидетельствами и почерпнуть практической мудрости у нынешних обитателей болотного края. Суть головоломки заключается в том, что начало истории неизвестно. На нынешнем уровне наших знаний все начинается с того, что откуда-то приплыли мореходы, представители развитой цивилизации. Но какое же это начало! Это продолжение — продолжение чего-то теряющегося во мгле. Может быть, начало все еще таится под слоем песка, как таилась шумерская цивилизация, которая оставалась неведомой для науки, пока ее не открыли в прошлом веке при раскопках в Южном Ираке? Или оно было погребено вулканическим извержением, как это случилось с великой средиземноморской цивилизацией на острове Санторин, о которой ничего не подозревали, пока не наткнулись на нее под пятнадцатиметровым пластом пепла? А может быть, ее поглотили

покрывающие две трети нашей беспокойной планеты воды океана, как говорится в столь живучей легенде об Атлантиде?

Если верить шумерам (а кому, как не им, знать об этом?), их купцы-мореплаватели не раз возвращались в Дильмун. Выходит, в то время их родина не была погребена под вулканическим пеплом и не ушла под воду. И находилась она в пределах досягаемости для шумерских судов, выходивших из шумерских портов. Один из недостающих фрагментов великой головоломки как раз в том и заключается, что никто не знает, как далеко могли ходить шумерские суда. Их мореходные качества были забыты, как были забыты сами древние судостроители и мореплаватели, и на поверхности моря не осталось никаких следов. Тот, кто занимается практическим исследованием древнейших судов, идет по непроторенным путям. Непроторенные пути приводили меня на уединенные острова Полинезии, к озерам в Андах и Центральной Африке, к берегам и рекам разных континентов. Наконец они привели меня на территорию бывшего Шумера, где в наши дни обитают болотные арабы. Здесь начались мои поиски истоков человеческой истории до известной нам точки отсчета. И здесь же началось путешествие, которое увело меня и моих товарищей далеко от дней и маршрутов действительных космонавтов. Мы возвратились в те давние дни и ночи, когда наша планета была неизмеримо больше. Когда она была так велика, что за горизонтом в любой стороне таились неизвестные, неожиданные, непривычные миры. Миры с немыслимыми растениями и животными. Люди, постройки, обычаи настолько отличные от всего известного, будто они возникли и развились на другой планете, под другим солнцем. В прошлом такие миры существовали бок о бок, разделенные барьерами глухих дебрей, но связанные вольными просторами морей. Морские пути между ними были освоены до того, как будущие шумеры поселились в Шумере. Глиняные плитки повествуют о ходивших в заморские страны царях и купцах, перечисляют длинный ряд товаров, которые ввозились или вывозились в иноземные порты. Сохранились рассказы о кораблекрушениях и других бедствиях на море. Ведь опасности — неизбежный спутник морских предприятий, пусть даже в строительство судна вложен опыт целого народа и команда знает свое дело. Читаешь плитки, и драма оживает...

— Все наверх!

Сколько раз тревожные, отчаянные возгласы тонули в рокоте прибоя или в реве яростного океана, вознамерившегося поглотить крохотное суденышко, борющееся с внезапным штормом...

— Все наверх!

Я проснулся и понял, что призыв обращен ко мне. Ко мне и к моим товарищам, которые спали рядом со мной в тесной бамбуковой рубке. Грохот наполнял ночную тьму. Вот она, явь. Меня подбрасывало так сильно, что во сне мне чудилось, будто я еду в машине с квадратными колесами. На самом деле я судорожно цеплялся за бамбуковую стойку, прижимаясь к необычному ложу, и лицо мое орошали струйки воды.

Аварийное положение! Надо выходить.

— Выходи! — крикнул я, отбрасывая пятками спальный мешок. Кто-то с фонариком в руках уже карабкался по моим ногам к узкому выходу.

Одеваться некогда. Обвязался страховочным концом — и пошел. Сейчас каждый человек нужен. Это не дурной сон, а суровая явь. Среди ночи нас неожиданно настиг шторм. Ветер и качка не давали выпрямиться в рост. Дождь и соленые брызги хлестали кожу. Мы передвигались вслепую от штага к штагу, цеплялись за бамбуковую стенку, нащупывая фонариками парус и снасти, на которые легла непосильная нагрузка.

— Всем привязаться! — скомандовал я.

Буйная волна подбросила наше суденышко, и оно подпрыгнуло, будто антилопа. Стихии разбушевались. Жутко было слушать, как ревут волны и жалобно скрипит дерево. Ветер свистел в снастях и в щелях бамбуковой рубки. Керосиновые фонари потухли, и лишь один болтался на кончике мачты обезумевшим светлячком, бессильный хоть сколько-нибудь осветить палубу.

— Пусть Норман зарифит парус!

Это Юрий, держа рулевое весло, кричит взобравшемуся на рубку Карло. Команды, вопросы, сердитые возгласы на многих языках пропадали в гуле и рокоте, не доходя до ушей того, кому предназначались. Вот откуда-то донесся тревожный голос нашего штурмана Нормана. Впрочем, мы все и без слов понимали, что снасти под угрозой.

Мачта — вот наша ахиллесова пята. Парус, хоть бы и лопнул, можно починить. А двуногая мачта опирается на деревянные колодки, которые закреплены найтовыми за камышовые связки. Стоит порваться веревкам или камышу, и все наши снасти вместе с парусом и мачтой унесет ветром.

Мы дружно повисли на вантах и штагах, чтобы прижать оба шпора к колодкам и спустить обезумевший грот. Внезапно над головой у нас словно прозвучал выстрел, затем жуткий треск. Судно накренилось, наклонились снасти, за которые мы держались, и я поспешил включить свой фонарик, пытаясь рассмотреть, что произошло там наверху.

Толстая стенга разлетелась в щепки. Основной обломок болтался перед гротом, грозя распороть остроконечным изломом парус, который бился и метался на ветру, будто воздушный змей, заставляя судно все сильнее крениться на правый борт. Стремительная волна поймала угол паруса и отказывалась его выпустить. Все свободные члены команды объединили свои усилия, чтобы вырвать парусину из хватки океана. Мы приготовились к самому худшему. Обычное судно в таком положении должно было либо вот-вот опрокинуться, либо дать течь.

Но наше судно не было обычным в глазах современного мореплавателя. На таких судах некогда ходили древние шумеры. Нынешние ученые пришли к выводу, что эта конструкция годилась только для рек.

Пользуясь тем, что океан не отпускает наш грот, волна за волной с ревом обрушивались на неуправляемую ладью. Да, тут всякое может произойти, но в любом случае мы получим ответ на один из вопросов, во имя которых затеян эксперимент: каковы мореходные качества такого судна доевропейского типа? Мы для того и вышли в море, чтобы учиться, на собственной шкуре познать, какие лишения, радости и практические проблемы подстерегали шумеров. Вспомнился сухой и теплый клочок суши среди прочно вросших в землю финиковых пальм в Садах Эдема. Стал бы я выходить в плавание, если бы знал наперед, что нас ожидает? Думаю, да, стал бы. Думаю, все мы отдавали себе отчет в том, что, выходя в море на совершенно незнакомом судне, чьи качества неизвестны, надо быть готовыми к трудностям, и к лишениям.

В третий раз вышел я в океан на камышовом судне, но впервые плавание было задумано не как пассивный дрейф по воле стихий. На этот раз мы не могли рассчитывать на то, что некий морской конвейер автоматически доставит нас к месту назначения. Тем не менее опыт плаваний на папирусной ладье египетского типа был для нас большим подспорьем. Судя по всему, древнейшие конструкции шумеров и египтян восходили к общим образцам. Недаром ученые заметили, что старейшая идеограмма для понятия «корабль» в Шумере совпадает со знаком египетских иероглифов, обозначающим понятие «морской»^[1]. Она изображает серповидное камышовое судно с поперечными найтовами, причем камыш топорщится пучками на носу и на корме. Может быть, первые писцы в обеих странах восприняли элементы некогда общей письменности? Или — еще проще — оба народа унаследовали один тип судна?

Художники эпохи фараонов изобразили папирусные ладьи Древнего Египта настолько подробно, что я смог полностью воспроизвести всю конструкцию, включая такелаж и рулевое устройство, когда строил «Ра I» и «Ра II» для испытания в открытом океане. На месопотамских изображениях таких деталей нет, хотя на хранящейся в Британском музее каменной стеле из царского дворца в Ниневии показана рельефом реалистическая картина боя между ассирийцами и вавилонянами на камышовых судах. И суда были достаточно большие: двойные ряды ассирийских воинов, ворвавшись на палубу, расправляются с противником, выбрасывая мужчин и женщин за борт к рыбам и крабам. Ниневийские рельефы убедительно свидетельствуют о том, что камышовые суда Двуречья строились так же, как папирусные на Ниле.

Преобладающий мотив миниатюрных изображений на цилиндрических печатях Месопотамии — камышовые суда, на которых плавали легендарные герои, освоители новых земель. Эти суда во всем основном тождественны тем, что изображены более подробно в искусстве Ниневии и Египта.

Правда, есть одно существенное отличие. Египетские строители пользовались папирусом. В прошлом папирус рос в изобилии на берегах Нила от истоков до самой дельты. У шумеров не было папируса. Вместо этого болота Месопотамии поставляли им стебли высокого пресноводного камыша^[2], который здесь называют берди.

После двух экспериментов с ладьями египетского типа в 1969 и 1970 годах я убедился, что правильно построенное папирусное судно могло пересечь океан. Ладья «Ра I», связанная мастерами из центральноафриканского племени будума, проплыла почти через всю Атлантику, когда начали рваться найтовы. Год спустя на связанной южноамериканскими индейцами племени аймара ладье «Ра II» мы прошли до конца путь от Африки до Америки. Но *берди* заметно отличается от папируса как по внешнему виду, так и по структуре. И что главное, наука утверждала, будто бы *берди* жадно впитывает воду. Правда, в наше время только один ученый, финн Армас Салонен, серьезно занимался судами Древней Месопотамии.

В его скрупулезном исследовании разных судов Двуречья почти ничего не сказано про *элеп урбати* — камышовые ладьи, есть только ссылка на господствующее убеждение, что они быстро пропитывались водой «и после употребления их, несомненно, приходилось вытаскивать на берег для просушки»^[3].

То же самое говорят и остальные, весьма немногочисленные, источники по этому предмету. Стало быть, шумерские камышовые суда могли ходить только по рекам.

Но как согласовать современный вердикт с древними текстами и изображениями? Именно этот вопрос и привел меня в гостиницу «Сады Эдема». Я приехал на земли Древнего Шумера, чтобы попытаться разрешить теоретическое противоречие практическим экспериментом. Проверить, как долго сохраняет плавучесть ладья из *берди*, и попробовать пройти описанными на глиняных плитках маршрутами в Дильмун, Макан, Мелухху и другие таинственные и давно забытые страны.

К древу Адама меня привела чистая случайность. Среди болот и на речных берегах я искал надежное и удобное место для строительства и спуска на воду камышовой ладьи. Ближе к Аравийскому заливу все пригодные участки были заняты современными городами и промышленными предприятиями; выше по течению — свои препятствия: топи, трясины, фиговые плантации, крутые обрывы. И тут представители иракского Министерства информации показали мне свободную лужайку возле Адамова древа и любезно предложили разместить членов экспедиции в гостинице «Сады Эдема». В нескольких минутах хода от гостиницы начинались

обширные камышовые заросли, и река позволяла чуть ли не от самой террасы спуститься в открытое море. Лучшего решения не могла бы предложить мне даже лампа Аладдина.

Меня настоятельно предупреждали, что Ирак сейчас не самая подходящая страна для такого дела, как экспедиция. Дескать, республика еще бурлит после недавно обретенной независимости от Великобритании. Два действующих багдадских отеля были переполнены представителями делового мира и инженерами из всех промышленных стран Востока и Запада. Чувствовалось общее стремление вернуть зрелые плоды современной цивилизации на выжженную солнцем землю, где некогда проросли первые семена. Если прежде артериями страны были оросительные каналы, то в нынешнем Ираке эту роль играют нефтепроводы.

Молодая республика и впрямь переживала пору бурного развития, в которой будущему придавалось куда больше значения, чем прошлому. Тем не менее видные ученые при Национальном музее в Багдаде великолепно понимали, что основательное знание прошлого помогает лучше планировать будущее. Может ли человек судить, куда он идет, не видя своих следов и не зная, откуда пришел? Нет ничего абсолютно нового под луной, и если мы не настроены учиться на собственных ошибках, есть смысл почерпнуть урок из ошибок других.

Доктор Фуад Сафар собрал своих сотрудников и коллег в Национальном музее с его прекрасной библиотекой, и вместе мы обсудили мой проект.

Промазывали ли шумеры свои камышовые суда битумом для плавучести и водонепроницаемости? К их услугам были естественные выходы асфальта под Уром и выше по течению Евфрата, и они обмазывали им сосуды и кровли.

На полках музея лежали также покрытые слоем асфальта пятитысячелетние модели камышовых лодок.

А может быть, учитывая большой вес асфальта, они промазывали крупные суда акульим жиром, как это в наши дни делают со своими дощатыми лодками многие рыбаки в заливе? На одной древней плитке записан рассказ о знаменитом герое, который, построив большой камышовый корабль, смешал шесть частей дегтя, три части асфальта и три части масла. Может быть, эта смесь предназначалась для обмазки корпуса?

Где находилась страна предков Дильмун, куда так часто ходили шумерские купцы-мореплаватели? Большинство ученых полагают, что речь идет об острове Бахрейн, где в ходе недавних раскопок обнаружены настоящие города, храмы и могильники, причем некоторые находки превосходят древностью шумерские. Но Бахрейн лежит далеко в Аравийском заливе, так, может быть, вернее искать Дильмун на небольшом острове Файлака, расположенном вблизи от шумерских берегов?

После совещания я вышел из музея обогащенный сведениями, но и порядком озадаченный. Так чем же пропитать свою камышовую ладью? И пропитывать ли вообще? Неделями штудирю музейные экспонаты и многочисленные тома с переводом клинописных текстов на плитках, я исписал не один блокнот фактами и гипотезами. Одно не вызывало сомнения: древние шумеры были судостроителями и мореплавателями. Их цивилизация базировалась на ввозе меди, леса и другого сырья, и держава в устье двух рек была обязана своим могуществом тому, что такие города, как Ур и Урук, были крупными портами и центрами оживленной торговли. Но по соседству не было меди или другой основы для подобной торговли; стало быть, шумерские моряки ходили в далекие страны.

Только моделирование могло дать ответ. Я решил осуществить свой замысел, и работники музея сумели убедить ведающее ими министерство, что реконструкция древнего судна — дело вполне целесообразное. После чего мне разрешили заготовить камыш на болотах, беспощинно ввезти необходимое снаряжение и собрать в Ираке команду из представителей разных наций, причем мы будем считаться гостями страны вплоть до старта экспедиции.

Не теряя времени, я поспешил вернуться в болотный край. Национальный музей выделил мне переводчика.

...Выйдя из гостиницы «Сады Эдема», мы пересекли город Эль-Курна, через который проходит не ведающая отдыха автомагистраль. Какие там верблюды — тут даже велосипеда не увидишь! Огромные фургоны, автоцистерны и военные грузовики катили сплошной чередой вдоль 650-километрового шоссе, соединяющего Багдад с портами на берегу залива. Сразу за шоссе начинаются болота, на много километров простирается совершенно особенный, ни на что не

похожий мир. Более пятнадцати тысяч квадратных километров занимает болотный край.

У первого протока нас поджидали два высоких араба в широких халатах; у каждого было в руках по длинному шесту, а один придерживал босой ступней длинную черную лодку. Поприветствовав нас, они знаком предложили нам занять места в их суденышке. Это была обычная *маихуф* — длинная, стройная плоскодонка стандартного типа, какие строят себе все болотные арабы в наши дни. Раньше лодки вязали из местного камыша, теперь собирают из привозных досок и покрывают, подобно камышовым прототипам, слоем черного асфальта. Нос и корма загнуты высоко вверх, как у ходивших здесь пять тысяч лет назад шумерских конструкций.

Я сел на подушку, лежащую на дне валкого суденышка. Стройные арабы, стоя в разных концах лодки, принялись ловко работать шестами, плавно и неторопливо отталкиваясь ими от грунта. Вода была мелкая, кристально чистая, я видел водоросли, рыб, на поверхности качались длинные гирлянды вороньей лапы. Бесшумно удаляясь от зеленой дернины, мы очутились между двумя высокими стенами из тростника и камыша. Окружив нас со всех сторон, водные растения замкнули за лодкой зеленую дверь, и мы покинули шумную, беспокойную планету наших дней — словно отправились в прошлое со скоростью космического корабля. Право же, у меня было такое чувство, будто с каждым толчком шеста в руках молчаливого болотного жителя я углубляюсь в былые времена и ждет нас там не чреватая опасностями дикость, а культура столь же далекая от варварства, как наша собственная, но вместе с тем удивительно простая и бесхитростная. Мой переводчик из Министерства информации не бывал здесь раньше, и первая встреча с плавучими селениями восхитила его не меньше, чем меня.

Когда я пять лет назад впервые приехал в Ирак, чувствовалось, что багдадским властям не очень по душе мой интерес к этому району. Не потому, что его обитателей считали опасными, — просто они не поспевали за современным развитием страны. Соседи несколько пренебрежительно называли болотных арабов *маданами* — буйволятниками, противопоставляя их верблюжатникам, или, вернее, автомобилистам (ведь верблюды теперь тоже вышли из моды...).

Водоемы в краю болот слишком глубоки, чтобы применять колесный транспорт, и слишком мелки для обычных судов. Трясины непроходимы для копей и верблюдов, да любой чужак и пешком тотчас заблудится в камышовой чаще. Только сами *маданы* безошибочно ориентируются в лабиринте мелких протоков среди болотных джунглей, потому им предоставили жить своей жизнью, не гнаться за прогрессом. Однако восторженные рассказы английских исследователей Уилфреда Тесиджера, Гевина Янга и немногих других, включая меня, проникших в дебри болотного края, повлияли на позицию Багдада. В этот раз мне даже охотно разрешили пользоваться кинокамерой и привлечь сколько угодно *маданов* к строительству камышового судна на лужайке рядом с гостиницей.

Лишь редкие столбики дыма выдавали присутствие людей в царстве болот. Нигде не видно никаких следов деятельности человека. Пока не подъедешь вплотную к поселению, и не заметишь его. Ни бугорка тебе, ни камня, с которого можно было бы окинуть взглядом местность поверх высоких камышей над пружинистой, как матрац, трясинной. Гусей, уток и прочих водоплавающих всевозможного рода и цвета такое обилие, словно человек еще не изобрел огнестрельного оружия. Высоко в небе парит орел, гнездящийся где-то на окрестных берегах, а среди зарослей, особенно в перелетную пору, качаются на стеблях зимородки и полчища щеголяющих ярким оперением мелких пичуг. Точно часовые, стоят в камышах длинноногие белые цапли и красноклювые аисты; упитанные пеликаны вычерпывают рыбу своими огромными клювами-ведрами.

Повезет — заметите косматого черного кабана, тяжелыми прыжками прокладывающего себе путь в гуще упругих стеблей. А уже возле самых селений увидите неторопливо бредущего по воде или взбирающегося на дернину огромного буйвола. Могучая черная спина великана лоснится на солнце, точно влажная кожа тюленя. При виде нас буйволы останавливались и провожали гостей добродушными коровьими глазами, терпеливо сгоняя мух со спины взмахами широких ушей и тонкого хвоста и спокойно дожевывая свисающий изо рта зеленый побег.

Но вот и селение вдруг перед вами. Какое откровение! Какое совершенное согласие с природой! Сводчатые камышовые дома сливаются с окружающей средой, как сливаются птичьи гнезда в

камышках. Есть совсем маленькие домики, почти шалаши, однако преобладают просторные постройки. Издали их не видно по той простой причине, что вы приближаетесь к ним вдоль сплошной зеленой завесы. Самые высокие дома хочется сравнить с ангаром: степы и крыша образуют правильный свод, вход в жилище — с открытого торца. Иногда оба торца открыты, и получается подобие туннеля. Здешние строители обходятся совсем без железа и дерева. Каркас из камышовых дуг кроют циновками, привязывая их тростниковым волокном.

Совершенство конструкции и красота линий поразительны; каждое жилище напоминает маленький храм с роскошным золотисто-серым куполом на фоне вечно голубого небосвода пустынь. И в таком же голубом водном зеркале купается их опрокинутое отражение...

Это — подлинная шумерская архитектура. В таких домах обитал трудолюбивый народ, даровавший нашим предкам искусство письма. В городах стены выкладывали из долговечного кирпича, но в болотном краю строили камышовые жилища. Мы видим их реалистичные изображения пятитысячелетней давности на камне и на шумерских печатях; и так же точно контуры современных лодок повторяют обводы маленьких жертвенных моделей из серебра или из камыша с асфальтовой обмазкой, которые находят в шумерских храмах археологи. Обе конструкции доказали, что они как нельзя лучше приспособлены к здешней среде и к местным нуждам.

Когда мы выпрыгнули из лодки на сушу, она закачалась у нас под ногами, словно гамак. От неожиданности мой спутник, чтобы не упасть, схватил меня за руку. Несколько шагов к туннелеподобному дому — и опора под ногами стала толще и надежнее. В знак приветствия мужчина средних лет пожал мне руку двумя руками, потом поднес ладонь к сердцу:

— Салям алейкум! (Мир с вами!)

Я возвратился к друзьям... Пять лет назад я познакомился здесь со старым арабом, который произвел на меня неизгладимое впечатление. Сейчас меня встретил его сын.

— Друг, как поживаешь? Как твоя семья?

— Слава богу. А ты? Твои дети? Твой отец?

— Отец жив, слава богу. Только он теперь в больнице в Басре. Ему ведь больше ста лет.

Я огорчился. В каком-то смысле я именно из-за этого старца вернулся в болотный край. В прохладной тени камышового туннеля показался другой старик с длинной седой бородой, и мы, как того требует арабский обычай, дружно продолжали осведомляться о здоровье всех родичей, воздавая хвалу Аллаху за его великодушие к нашим домочадцам. Сбросив обувь, мы опустились на чистые ковры и погрузились, опять же по обычаю, в учтивое молчание. Хозяева сидели поджав ноги, прикрытые полами широких халатов; гостям подложили цветастые подушки, чтобы можно было удобно прислониться к мягкой камышовой стене.

Я с удовольствием обозревал знакомое просторное помещение; дом для гостей принадлежал тому самому столетнему арабу, которого увезли в больницу. Потолок высокий — шестом не достать. Плотная обшивка из плетеных циновок покоилась на изогнутых дугой параллельных ребрах — семи камышовых бунтах толще человеческого туловища. Мне вспомнилась библейская притча про Иону во чреве кита; только в этом случае в оба конца открывались широкие пасти с двойным видом на чистейшее лазурное небо, голубую воду, зеленый камыш и несколько бахромчатых финиковых пальм.

Финиковые пальмы — редкость в краю *маданов*. Большинство селений стоит на искусственных островах из вековых наслоений гниющего камыша и буйволового навоза. Острова, как правило, плавучие, на грунт ложатся только в засушливый сезон. Ежегодно сверху настилают свежий камыш взамен истлевших нижних слоев. Чтобы медленно текущие струи не размывали кромку, ее защищают сплошным забором из воткнутых в илистое дно стеблей камыша. Острова с домами то поднимаются, то опускаются вместе с водой, а разделяющие их протоки позволяют осуществлять сообщение внутри поселка на узких лодках — совсем как в Венеции.

Пройдя пешком три-четыре шага, болотный араб, как правило, должен садиться в лодку. Некоторые острова настолько малы, что вместе с жилым строением или с хлевом для буйволов напоминают плавучий дом или Ноев ковчег, окаймленный узенькой пешеходной дорожкой. Обитающие на озерах в сердце болотного края семьи *маданов* вместе со своими утками, курами, буйволами и лодками качаются вверх-вниз на пружинистых камышовых коврах, и по утрам, когда открываются плетеные калитки сводчатых камышовых хлевов,

буйволы погружаются в воду и плывут, разгоняя уток, к своим пастбищам.

Наш хозяин, закутанный в халат, помешал угли маленького костра на глиняном пяточке посреди пола. Из изящного чайника по маленьким стаканам в серебряных подстаканниках разлили чай, и наших ноздрей коснулся ароматный пар. Один за другим тихо входили арабы в длинных одеяниях, оставляющих открытыми только румяные лица, приветствовали нас и рассаживались в тени у камышовых колонн.

— *Берди* полагается срезать в августе.

Старик нарушил молчание словами, которые мне снова и снова повторяли в краю болотных арабов.

— Почему? — чуть не в сотый раз спросил я, хотя давно уже знал ответ.

Камыш, заготовленный в любом другом месяце, впитывает воду и теряет плавучесть. Только августовский *берди* долго держится на воде. Кто говорил — год, кто — два, три, даже четыре года. Но почему все-таки именно августовский? А кто его знает, отвечали мне чаще всего, так уж заведено.

— В августе внутри стебля есть что-то такое, что не пускает воду, — продолжал старик. — Вот тогда и полагается заготавливать камыш, потом мы сушим его две-три недели, прежде чем пускать в дело.

Впервые мне сказали об этом на берегу Шатт-эль-Араба, в селении Кармат-Али, расположенном между краем болот и Аравийским заливом. Приехав в Ирак после двух экспериментов с папирусным судном египетского типа, я тогда был поражен зрелищем полудюжины огромных камышовых плотов, причаленных к берегу и напоминающих плавучие пирсы. Один из них я измерил: тридцать четыре метра в длину, пять в ширину и три в толщину. Его осадка составляла около метра. Болотный араб по имени Матуг, обитавший в тростниковом шалаше на этом плоту, угостил меня чаем. Глиняный пяточек очага предохранял плот от загорания; стебли сухого камыша служили топливом. На мой вопрос, давно ли он живет на плоту, Матуг ответил, что поселился на этом *гаре* всего два месяца назад. Один месяц ушел на то, чтобы сплавить его сюда из Сбэба в болотном краю. И на сколько же возросла осадка за все это время? Нисколько не возросла. Матуг заготовил камыш в августе. Сюда он приплыл, чтобы

продать свой *гаре* маленькой фабрике, которая прессует из камыша изолирующие плиты для современных домов.

Два месяца! Наша папирусная «Ра» уже через месяц пропиталась водой настолько, что палуба оказалась вровень с морем и волны захлестывали лежащий на ней груз. Матуг добавил, что в прошлом году он девять месяцев просидел на *гаре*, пока фабрика смогла принять его товар.

Мысль о непотопляемых *гаре* не давала мне покоя. Папирус для «Ра I» и «Ра II» срезали в декабре — с таким расчетом, чтобы ладьи были готовы к отплытию весной. Почему же опытные лодочные мастера из племени *будума* на озере Чад не сказали мне, что мы неправильно выбрали время для заготовки строительного материала? И почему эфиопские монахи, которые заготавливали для меня папирус на озере Тана, уверяли, что месяц не играет никакой роли? Очень просто: африканские лодки на Чаде и Танае просто не успевали намокнуть, они находились в воде от силы день-другой, после чего их вытаскивали на берег, тогда как иракские *маданы* всю жизнь проводили на островах из камыша.

Словом, в первый же мой приезд в Ирак я тотчас понял, что у болотных арабов можно почерпнуть знания, которых не даст мне никакой институт и никакая ученая книга. На полицейской машине я добрался до Эль-Курны, где встречаются Тигр и Евфрат; здесь по разбитому проселку местный шериф довез меня до переправы, за которой находится крупное селение Мадина, построенное на отложенном Евфратом прочном песчаном грунте в глубине болотного края, в двадцати пяти километрах от шоссе. Шейх Мадины пригласил меня к себе и угостил незабываемым завтраком. Кофе, чай, молоко, йогурт, яйца, телятина, цыплята, рыба, инжир, финики, арабские лепешки, белый хлеб, печенья, компоты... С великим трудом добрался до берега и втиснулся в узкую *маишхуф*, которая должна была повезти меня еще дальше, в Умм-эль-Шуэх. Достойные жители Мадины были рады поделиться со мной всем, чем они располагали, однако у них не было самого главного, зачем я приехал: сведений о камышовых судах. Все они были знакомы с *гаре*, какие я сам видел ниже по течению, но ведь *гаре* всего-навсего уложенные крест-накрест снопы *берди* для доставки на фабрику. Что до лодок, то они знали только разновидности деревянной *маишхуф*: *тарада*, *матаур* и *заима*, которые обмазывают

асфальтом, а также более широкую *балям*, предназначенную для перевозки камыша и циновок. Камышовые суда остались в прошлом, и только самые древние старцы могли мне что-то поведать о них.

Вот шейх Мадины и посоветовал мне отправиться в Умм-эль-Шуэх, к старейшему из местных жителей (ему уже перевалило за сто лет) — вождю Хаги Суэлему.

Я не очень-то надеялся на память человека столь преклонного возраста, и картина, увиденная мной, когда расступился камышовый занавес и лодка бесшумно пристала к плавучему острову, не прибавила мне оптимизма. Отражаясь вверх ногами в водном зеркале, у входа в свой камышовый ангар сидел облаченный в белый халат седобородый старец, этакое воплощение Мафусаила. Но вот он поднялся, приветствуя гостя, устремил на меня живые дружелюбные глаза и сразу стал высоким и сильным. Соплеменники, которые один за другим входили в его дом и рассаживались вдоль стен, с явным почтением смотрели на старого Хаги, вместе со мной внимательно и одобрительно слушая его исполненные юмора мудрые речи. Вскоре у тлеющего очага появился поднос с чайным прибором; тут же пеклась поставленная на ребро, распластанная наподобие огромной бабочки рыбина. Белая и сочная под хрустящей корочкой, да еще завернутая в свежую, с пылу, с жару лепешку, рыба оказалась такой вкусной, что я уплетал за обе щеки, словно и не было завтрака у шейха. Хозяин заботливо следил за тем, чтобы мой сосед отбирал самые лакомые куски и потчевал меня ими, словно какого-нибудь царственного отпрыска. Согласно обычаю, до и после еды слугитель подавал каждому полотенце и мыло и сливал на руки горячую воду над тазиком.

Хаги извинился за скромную трапезу (как будто не видел, с каким аппетитом я ел!) и обещал приготовить настоящее угощение, если я приеду снова. Конечно, приеду! Мне доводилось жить среди так называемых примитивных народов Полинезии, Америки и Африки, но болотных арабов нельзя было даже условно назвать примитивными. Цивилизованные люди, только их цивилизация отлична от нашей. Они обходятся без кнопочного сервиса; к пище и к радостям жизни идут кратчайшим путем. Их культура доказала свою добротность и жизнеспособность, продолжая существовать, меж тем как рушились, пройдя полосу развития и расцвета, ассирийская, персидская,

греческая и римская цивилизации. Этой многовековой стабильности сопутствует то, чего нет у нас: уважение к предкам и уверенность в будущем. Нам кажется, что наша цивилизация превосходит все остальные; во всяком случае, мы рассчитываем, что так будет завтра на основе достижений, накопленных многими поколениями. А что же на деле? Мы совершенствуем, строим, изобретаем, но чем больше новых благ, тем больше проблем, и в наши дни они достигают непредвиденных масштабов. Стрессы, молодежная преступность, гонка вооружений, загрязнение воздуха, почвы, воды, истощение ресурсов, инфляция, политический террор, перенаселенность, растущая пропасть между перекормленными и недоедающими. Наиболее развитые страны начинают понимать, что будущим поколениям грозят серьезнейшие неприятности, если все эти проблемы не будут решены в кратчайший срок. Наша цивилизация еще не может служить примером стабильности, хотя мы напридумали столько благ и вещей, без которых не можем обходиться, что с жалостью смотрим на людей, не воспринявших наш образ жизни, единственно правильный и достойный в наших глазах.

— Мы не бедны, — произнес старик Хаги, словно читая мои мысли. — Наша гордость — вот наше достояние, и ни один из болотных арабов не голодает.

Ему довелось однажды попасть в Багдад — так он не чаял, как поскорее вернуться домой, в благословенный Аллахом тихий, надежный болотный край. Город он представлял себе как рассадник алчности, соперничества, зависти и воровства. В болотном краю воровства не знают. Слава богу, у каждого есть все необходимое, и никто не трясется над своим достоянием. Есть вдоволь корма для буйволов, вдоволь рыбы и дичи; понадобилась мука и чай — отвез в Мадину лодку арбузов или камышовых циновок. Здешние женщины — мудрый старец даже поднял руку — прекрасны, у него самого четыре жены. Сидящие вдоль стен одобрительным смехом приветствовали его слова.

Женщины болотного края и впрямь были хороши собой. Вероятно, поэтому им не разрешалось есть вместе с нами, даже подавать нам чай. Закутанные с головы до босых ног в черные одеяния, они скользили, будто тени, среди камышовых перегородок, задавая корм курам или готовя лепешки, которые пекли на внутренних

стенках открытых вверху цилиндрических глиняных печей. Профиль лица такой же изящной чеканки, как у мужчин. Белые зубы, живые глаза блестят, будто звезды (если успел их приметить, прежде чем робкая смуглянка поспешно отвернулась или закрыла лицо краем платка). Шестом и веслами женщины владели не менее искусно, чем мужчины. Я видел женщин, которые в одиночку управлялись с груженной циновками огромной *балям*, гоня при этом куда-то стадо плывущих буйволов.

Но только маленькие девочки или старухи могли позволить себе вместе с мальчишками и взрослыми мужчинами улыбаться и махать нам, когда наша лодка скользила мимо жилья.

Поражало обилие рыжеволосых, особенно среди самых юных. Мне даже казалось, что рыжих девочек чуть ли не столько же, сколько черноволосых. Столько рыжих, сколько я увидел в селении *маданов* Хуваир, старинном центре строительства лодок, мне не встречалось ни в одном европейском городе. Такое обилие не объяснишь чужеродной примесью, тем более что у болотных арабов по-прежнему действует неписанный закон, по которому нецеломудрие и неверность караются смертью. Иноземные солдаты времен британского господства, как мне объяснил Хаги, редко отваживались заходить в болотный край для того, чтобы встретиться с арабской женщиной.

Хаги отлично сознавал, что мы, горожане, не выживем без привычных элементов нашей культуры, вроде электричества и автомашин. Однако он сильно сомневался, что его соплеменники станут счастливее, если к ним в болота протянут электрические провода и привезут кирпич для домов. Счастливые люди улыбаются, говорил он. На улицах Багдада ему не привелось увидеть ни одной улыбки.

— В городе слишком много народу, — объяснил я. — Каждому встречному улыбаться просто невозможно.

Но Хаги ходил по таким улицам, где было мало народу. Там — то же самое.

Мне нечего было возразить. Ведь не случайно болотные арабы неизменно выходили, чтобы улыбнуться и помахать нам, когда наша лодка проплывала мимо их жилищ, а ребяташки, весело крича и смеясь, подбегали к самой воде. Здесь стоит тебе чуть улыбнуться, как окружающие отзываются радостным смехом. В городе я не наблюдал

такого ни в центре, ни на окраине. Выходит, прав старина Хаги. Болотные арабы — не бедняки.

Взять хоть его самого. Разве этот полный собственного достоинства человек — бедняк? По внешности и манерам старца вполне можно было посчитать его могущественным владельцем нефтяных промыслов, или бывшим государственным деятелем, или ушедшим на покой учителем. Впрочем, в своем длинном облачении он больше всего напоминал мудрого пророка или патриарха из Библии, столь же не подвластного времени, как шумерский камышовый дом, в котором мы сейчас беседовали.

Слушая речи Хаги, я ловил себя на том, что сравниваю его с Моисеем или Авраамом.

Хаги помнил камышовые лодки. В дни его юности были в ходу три разновидности. Две — с полым корпусом, наподобие долбленок или сосудов, обмазанные снаружи и внутри асфальтом. Речь шла о красавице *джиллаби* и о *гуффа*; обе эти конструкции я и сам видел выше по течению Евфрата, к северу от Вавилона. Стройная *джиллаби* напоминает обводами *маишуф*, тогда как *гуффа* — совсем круглая, вроде огромной автомобильной шины, и такая устойчивая, что она ничуть не накренилась, когда я сел на край.

У болотных арабов я впервые после камышовых лодок озера Титикака увидел образцы такой же искусной работы со стеблями водных растений. Широкие гладкие дуги из камыша, надежно подпирающие высокий потолок дома Хаги, поражали своим совершенством. Расставленные с одинаковым интервалом, словно отлитые в одной форме; внизу — толще человеческого туловища, медленно сужающиеся кверху. Показав на одну из опор, Хаги пояснил, что третий род виденных им в юности судов делали примерно из таких связок камыша, только они сужались в обоих концах. Много соединенных вместе связок образовали компактное суденышко с изогнутыми кверху, заостренными носом и кормой. Корпус вязали из *берди*; *кассаб* годится лишь для шалашей на палубе. У *берди* губчатая сердцевина, а *кассаб* — полый, ломкий, легко пропитывается водой. Велев мальчику принести по стеблю каждого вида, Хаги показал мне, что мягкий нижний конец *берди* можно есть. В самом деле, хрустящий стебель отличался приятным вкусом, как и молодые стебли папируса.

Чтобы лодка из *берди* долго держалась на воде, продолжал Хаги, стебли надо связывать очень туго. Двое мужчин из всех сил затягивают веревочную петлю, тогда связка получается твердая, как бревно. Я еще раз потрогал опоры его дома: верно, пальцем не сомнешь, твердые, как дерево. Я спросил о пропитке, но Хаги никогда не слышал, чтобы такие лодки обмазывали асфальтом или еще каким-нибудь веществом.

Мне довелось однажды видеть фотографию камышовой лодки такого типа, который описал Хаги. Она была напечатана в газете «Дейли Скетч» 3 марта 1916 года, во время первой мировой войны. Выцветшая подпись гласила: «Такие лодки постоянно видят наши люди в Месопотамии». Ее вполне можно было бы принять за лодку с острова Пасхи или озера Титикака, если бы в ней не сидел араб.

Спасибо крепкой памяти Хаги, не то я опоздал бы на полвека с приездом на земли бывшего Шумера. Хаги перебросил мост в прошлое. Глядя на него, я все время вспоминал про Авраама. Кстати, Хаги вполне мог быть прямым потомком библейского патриарха: все арабы, как и все иудеи, считают Авраама своим родоначальником, и ведь Хаги жил по соседству с Уром, где родился Авраам. Человек, занятый поиском начал в этих библейских краях, не может пройти мимо Авраама: мало того, что иудеи и арабы числят его своим предком, — ему мы обязаны одним из первых описаний того, как месопотамцы в древности строили свои суда.

Некоторые современные ученые видят в Аврааме историческое лицо, жившее в Двуречье около 1800 года до нашей эры. По Ветхому завету, он родился в Уре, который покинул вместе с отцом, когда тот со всем своим племенем и скотом от рубежей болотного края двинулся на север, в ассирийский город Харран. Позже Авраам из Харрана направился дальше, в страны Средиземноморья. Уроженец Ура дошел до самого Египта, прежде чем окончательно решил осесть в земле обетованной. Рассказ о его странствиях — документальное свидетельство древнейших связей по суше между Двуречьем и долиной Нила. Хотя нам может показаться, что Двуречье и Египет были для древнего человека двумя совершенно обособленными мирами, на самом деле это не так. Недаром Авраам заявлял, что его потомкам были обещаны все земли от реки египетской до великой реки Евфрат^[4].

С той далекой поры река Евфрат и зеленые болота со всем, что на них произрастает, отступили километров на десять от величественных развалин Ура, но исполинская шумерская храмовая пирамида по сей день вздымается из праха к небесной синеве поразительным памятником дерзаний и бренности рода человеческого. Грандиозная ступенчатая пирамида снова и снова перестраивалась чередовавшимися культурами, и возраст ее уже исчислялся веками, когда Авраам мальчиком играл у ее основания и купался в реке, которая задолго до его рождения сделала Ур крупным портом. В шумной гавани Авраам встречал купцов из дальних стран, а в тени могучего храма писцы и мудрые старцы передавали подрастающим поколениям свои познания о прошлом и наставления о том, как обеспечить себе счастье в загробной жизни. Видимо, от них он и почерпнул те сведения о пространной истории своих предков, начиная от древнейших времен, которые передал потомкам и которые были запечатлены в Ветхом завете. Надо думать, Авраам видел хранимые жрецами лодочные модели из серебра и обмазанного асфальтом камыша — жертвоприношения осмотрительных мореплавателей. И даже если он сам не ступал на палубу корабля, ему, конечно же, были хорошо знакомы различные суда, швартовавшиеся у местных пристаней и берегов.

Сидя вместе с Хаги в камышовом доме и слушая его рассказ о том, как строили *джиллаби*, как обшивали каркас камышом, который затем конопатили битумом, я мысленно видел перед собой миниатюрный вариант знаменитого судна, описанного в Ветхом завете. Ноев ковчег... При этих словах многие с улыбкой вспомнят слышанную в детстве наивную историю про пузатый плавучий дом и добродушного бородатого старца, гонящего вверх по трапу попарно слонов, верблюдов, жирафов, обезьян, львов, тигров, других зверей и всевозможных птиц. Когда я мальчишкой выстраивал игрушечных деревянных зверей на трапе деревянного ковчега, мне в голову не приходило, что из старого предания можно извлечь какие-то сведения, и уж никак я не мог предвидеть, что сам окажусь на родине этого предания и буду штудировать ученые труды, докапываясь до его корней.

Судя по всему, иудейская версия истории про Ноя и потоп, известная нам по Ветхому завету, долго передавалась из уст в уста,

прежде чем ее за несколько веков до нашей эры записали древнееврейскими буквами. И не исключено, что патриарх Авраам владел грамотой, — ведь он вырос в городе, где письмо в том или ином виде было известно больше тысячи лет. Как бы то ни было, легенда о Ное родилась в давний период истории человечества, до того, как цивилизация из Ближнего Востока распространилась на Европу.

Ковчег в Ветхом завете не европейское, а месопотамское судно. Есть причины предполагать, что общее для иудейской и мусульманской религий предание о потопе было принесено в Средиземноморье выходцем из Ура, Авраамом. Его племя прошло в своих странствиях через Ассирийское царство на севере Двуречья и, скорее всего, задержалось там на какой-то срок. Тогдашние ассирийцы тоже хорошо знали историю о потопе, погубившем большую часть человечества. В огромном архиве ассирийского царя Ашшурбанипала, насчитывающем десятки тысяч плиток, есть, в частности, впервые прочитанный в 1872 году подробный рассказ о всемирном потопе. Сходство этого рассказа с иудейской версией настолько велико, что они, несомненно, восходят к общему источнику. Поскольку ассирийцы унаследовали свою письменность и мифологию от шумеров, а иудеи, по их утверждениям, вышли из бывшей шумерской столицы Ур, естественно искать этот общий источник в Шумере.

В ассирийском тексте имя старца, построившего корабль для спасения человечества, не Ной, как в иудейской версии, а Ут-напиштим; однако оба имени, скорее всего, аллегорические. Далее, у ассирийцев вместо единого иудейского бога Яхве видим бога моря Энки. По ассирийской версии, историю о всемирном потопе рассказал одному из их предков в Дильмуне сам венценосный кораблестроитель Ут-напиштим. Будто бы бог морей проникся к нему расположением и открыл тайный заговор других богов, задумавших утопить весь род людской. Тот же бог морей научил Ут-напиштима построить большой корабль и взять на борт родных и приближенных, а также свой скот. Царь послушался совета и построил корабль:

«На седьмой день корабль был готов. И чтобы облегчить спуск на воду, были разложены катки вверху и внизу на две трети... Нагрузил я его всем своим достоянием, нагрузил его всем своим серебром, нагрузил его всем своим золотом, нагрузил его всем своим племенем. Взял на борт всю семью и слуг моих, и скот, и степных зверей, и всех

мастеров я взял... Кормчему судна Пузур-Амурри вверил я корабль вместе с грузом».

Шесть дней и семь ночей заливала землю вода, и на седьмой день корабль пристал к вершине горы в Верхнем Курдистане — в том самом краю, где Ной, в предании иудеев, пристает к горе Арарат. В ассирийском тексте с корабля выпускают сперва голубя, потом ласточку, и обе птицы возвращаются; лишь после того, как не возвратился выпущенный ворон, царь понял, что воды спадают, можно без опаски сходить на сушу вместе с племенем своим и скотом. Покинув корабль, люди принесли жертву богам, и те обещали никогда больше не карать все человечество за грехи нескольких людей. Любопытно, что в ассирийском тексте спасшимся от потопа боги повелевают поселиться «при устье рек, в отдаленье». Для жителей Ассирии это означало устье Тигра и Евфрата, где находилась некогда страна шумеров. Другими словами, по ассирийской версии, возродившееся человечество сначала заселило берег Аравийского залива и болотный край в Южном Ираке.

Тем интереснее узнать, что говорили по этому поводу сами шумеры. Их версия была обнаружена археологами Пенсильванского университета. В Ниппуре, к северо-западу от слияния двух рек, раскапывая огромный шумерский зиккурат — столь характерную для древних городов Двуречья ориентированную по солнцу ступенчатую пирамиду с храмом на макушке, — они натолкнулись на обширную библиотеку. У подножия пирамиды лежало 35 тысяч плиток с письменами, и на одной из плиток удалось прочесть исконное шумерское предание о всемирном потопе.

В отличие от более поздних ассирийской и иудейской версий, у шумеров спасенные после потопа не высаживаются на какой-то горе внутри страны, а сперва заселяют находящийся за морем на востоке Дильмун, откуда боги затем приводят их на новое место жительства в устье двух рек.

Ясное указание на то, что ассирийский текст представляет собой вариант более древнего шумерского оригинала, специалисты видят в том, что в обоих случаях спасителем рода людского изображен шумерский бог морей Энки. В роли избранника, которого бог учит построить большой корабль для своего спасения, у шумеров также выступает благочестивый, богобоязненный, кроткий правитель некоего

царства, но зовут его Зиусудра. К сожалению, часть плитки с описанием того, как Зиусудра строил свой корабль, не уцелела; во всяком случае, судно было достаточно большим, чтобы вместить не только людей, но и скот. После того как все взошли на борт, воды семь дней и ночей заливали землю, «и могучие волны бросали огромный корабль», пока Уту, шумерский бог солнца, наконец не явил свой лик и не осветил небо и землю. Тут Зиусудра распахнул окно и простерся ниц перед богом. Затем он поспешил принести в жертву быка и овцу; очевидно, Зиусудра, в отличие от Ноя, захватил с собой больше одной пары животных. Правда, зато он не брал на борт диких зверей. Как видим, в ходе тысячелетий исконная версия о спасшихся людях, которые везли на судне только домашний скот, видоизменилась, и Ной выступает уже в роли спасителя диких животных.

Самое важное для меня во всех трех вариантах — большие корабли. В каждом случае говорится о домашних животных, о том, что до потопа существовали города и царства, но нигде не сказано, чтобы человек и его скот спаслись от воды на какой-то высокой пирамиде или башне.

Пять тысяч лет назад из рук писцов вышли древнейшие известные нам фрагменты письменной истории. Истории, которая начинается с того, что после великой катастрофы люди и скот высаживаются с большого корабля в Дильмуне, откуда, опять-таки морским путем, прибывают в Ур в Двуречье. Досадно, что не сохранилась часть древнешумерской плитки с описанием строительства корабля, но поскольку Зиусудра и Ут-напштим суть два имени одного и того же венценосного кораблестроителя, мы можем в своих умозаключениях опираться на ассирийскую версию. В древнейшем известном нам героическом эпосе ассирийский поэт отправляет своего героя, царя Гильгамеша, на корабле в страну предков Дильмун, где, как уже говорилось, царственный долгожитель Ут-напштим рассказывает ему свой вариант истории о потопе. Назвав себя сыном царя Убар-Тату, правившего в Шуруппаке до всемирной катастрофы, Ут-напштим затем в поэтической форме воспроизводит слова бога морей, который повелел ему строить корабль:

«Камышовый дом, камышовый дом. Стена, стена. Слушай, камышовый дом! Слушай, стена! Шуруппакиец, сын Убар-Тату. Разрушь свой дом и построй корабль!»^[5]

Естественно, разрушив камышовый дом, можно было построить только камышовый корабль. Это согласуется и с иудейской версией, где Ноею предписывается: «Сделай себе ковчег с ребрами кипарисовыми, покрой его камышом и осмоли внутри и снаружи»^[6].

В ассирийском эпосе также есть намек на то, что венценосный кораблестроитель обмазывал свой корабль. Сам Ут-напиштим говорит, что, разрушив камышовые чертоги: «Шесть *саров* смолы влил я в горячий котел, три *сара* асфальта добавил. Три *сара* масла принесли работники, не считая одного *сара*, который хранился в трюме, и двух *саров*, которые припас кормчий».

Принципы строительства, описанные в предании о Ное, те же, только в гораздо меньшем масштабе, о каких говорил мне Хаги, рассказывая про *джиллаби*. Недалеко от Вавилона я сам видел *джиллаби* с шестью пассажирами. Естественно, размеры древних царских судов должны были соответствовать прочим сооружениям эпохи деспотических держав. В ассирийском эпосе величина корабля Ут-напиштима выражена словом «ику», подразумевающим меру, равную площади основания Вавилонской башни^[7]. Вряд ли следует понимать это буквально, хотя вообще-то было легче собрать конструкцию таких размеров из длинных связок камыша, в изобилии произрастающего на болотах, чем из мелких кирпичей, каждый из которых надо было формовать и обжигать в гончарной печи.

Иудеи более умеренны: длина Ноева ковчега — триста локтей, ширина — пятьдесят локтей и высота — тридцать локтей (соответственно сто пятьдесят, двадцать пять и пятнадцать метров). Иначе говоря, ковчег был всего в четыре раза длиннее камышового *гаре*, наскоро сооруженного Матугом.

Думается, к разряду гипербол можно отнести также утверждение ассирийцев, будто на корабле Ут-напиштима было девять внутренних отсеков и шесть палуб. Иудеи и тут скромнее: у описываемого ими ковчега три палубы — верхняя, средняя и нижняя.

Несомненно, ассирийцы, а также иудеи, когда жили в Двуречье, видели большие корабли. Иначе откуда у них могло взяться представление о многопалубных судах? Вообще, нам отнюдь не следует недооценивать способности шумеров сооружать большие конструкции из камыша, если учесть, что из сырцового и обожженного кирпича они воздвигали подлинные горы, и, не сохранись

месопотамские зиккураты до наших дней, изумляя нас так же, как изумляют египетские пирамиды, мы, конечно же, сочли бы невозможным строительство таких масштабов пять тысяч лет назад. Высокое развитие кораблестроения на Ближнем Востоке в древности не должно казаться нам невероятным теперь, когда открыт поразительный корабль фараона Хеопса, намного превосходящий размерами норманские ладьи, хотя он был построен за тысячу лет до того, как иудеи дошли до Египта, и если бы Авраам и Сарра увидели этот корабль в его тайнике у подножия пирамиды, он был бы в их глазах таким же памятником старины, как в наши дни ладьи викингов в глазах туристов, посещающих Норвегию.

Обширные раскопки на острове Бахрейн в Аравийском заливе, проведенные датчанами, дали новый материал исследователям первоначального предания о всемирном потопе. Найденные здесь города, по мнению специалистов, — первое конкретное подтверждение того, что Бахрейн и есть упоминаемый в документах шумерских купцов Дильмун, страна, где предки шумеров обосновались после потопа. Подводя итоги пятнадцатилетних работ на Бахрейне, видный датский археолог П. В. Глоб^[8] поддерживает распространенное толкование шумерской версии. Как известно, Леонард Вулли, раскапывая Ур, обнаружил под резиденцией шумерских правителей трех-четырёхметровый однородный слой ила, ниже которого находились развалины более древнего города, затопленного во время катастрофического наводнения, когда вся Нижняя Месопотамия была покрыта восьмиметровым слоем воды. Понятно, немногим спасшимся тогда казалось, что погиб весь мир, и память людская сохранила воспоминание о потопе, запечатленное впоследствии на шумерских глиняных плитках. Глоб полагает, что некоторые горожане сумели спастись, взобравшись на стены самых высоких построек. Но почему именно построек, спрашивал я себя, если речь шла о портовом городе с множеством камышовых судов?

...Я посмотрел налево, направо. Как далеко от дома Хаги увели меня мои размышления! Камышовый дом, камышовый дом. Стены, стены. Слов нет, Хаги мог бы соорудить неплохое судно, разобрав большой дом, в котором мы сидели. Да и зачем разбирать? Перевернул постройку — вот тебе и готовый корпус ладьи с крепкими ребрами,

останется лишь заделать оба конца и обмазать камыш внутри и снаружи смолой или асфальтом.

Разумеется, никто не собирался рушить дом Хаги. Вернувшись пять лет спустя в те же места, я с радостью убедился, что он целехонек. Правда, мне недоставало старца, в котором я видел живое воплощение Авраама, но сыновья его никуда не делись и приняли меня по-царски. Библейская обстановка — потомки Фарры, родителя Авраама, оставались верны древним традициям.

Ша-лан, старший сын Хаги, и другие мужчины, собравшиеся в его доме, заметно оживились, услышав, что я вернулся, чтобы найти в болотном краю желающих помочь мне заготовить *берди* и построить судно наподобие тех, про которые пять лет назад рассказывал старик Хаги. Мне требовалось двадцать человек. Ша-лан поспешил заверить меня, что лично подберет подходящих людей, все будет в порядке. Посовещавшись, присутствующие решили, что на роль бригадира лучше всех подойдет Гатаэ — он мастер строить дома и уж наверно знает, как делают конусовидные связки.

Кто-то сходил на *маихуф* за Гатаэ, и я увидел пожилого араба с располагающей внешностью и веселой искоркой в глазах. В просторном клетчатом халате он стоял в лодке, высокий и стройный, будто мачта. Гордая осанка и острая седая бородка напомнили мне моего покойного английского издателя, сэра Стенли Анвина. С первой минуты у нас с Гатаэ установился такой контакт, словно мы всю жизнь были друзьями. Мои слова о том, что я собираюсь построить камышовое судно и выйти в море, он воспринял как нечто вполне естественное и сразу же поинтересовался, сколько камыша нам понадобится.

Я смерил шагами пол. «Ра I» была около пятнадцати метров в длину, «Ра II» — неполных двенадцать. На этот раз я задумал набрать команду побольше, а потому и судно должно быть крупнее — метров восемнадцать в длину, примерно такое же, как дом, в котором мы находились. Но Хаги говорил, что губчатые стебли нужно сильно сжать; стало быть, объем заготовленного камыша должен превышать конечный объем ладьи.

— Думаю, стоит заготовить *берди* вдвое больше, чем вместились бы в этом доме от пола до потолка, — сказал я.

Все подняли глаза на изогнувшийся высоко над нами камышовый свод. Гатаэ оставался невозмутимым. Какие связки мне понадобятся, такие он и сделает.

Мы условились, что в сентябре двадцать человек во главе с Гатаэ соберутся у Адамова древа и приступят к строительству, но перед тем я еще приеду в августе и прослежу, чтобы *маданы* из деревни Эль-Гассар, расположенной ближе к строительной площадке, заготовили камыш и как следует высушили его. Власти провели грунтовую дорогу от этой деревни до самых болот, чтобы камыш можно было грузить прямо с *маихуф* на машины, которые доставляли сырье на новую бумажную фабрику на реке Тигр.

Однако наш камыш отнюдь не предназначался для бумажной фабрики. Мы не собирались делать корабль из папье-маше. Нам нужны были хорошо просушенные на солнце, целые и крепкие стебли. Возвращусь в Ирак — сразу же договорюсь и о том, чтобы их после сушки привезли на мыс, у которого встречаются две реки, на лужайку у гостиницы «Сады Эдема».

Глава II. В Садах Эдема

Август. Я снова в болотном краю. Август — самый жаркий месяц в Южном Ираке. Ртутный столбик колеблется между 40 и 50 градусами в тени, но на открытой местности, где мы заготавливали камыш, тени не было и в помине. Вооруженные большими кривыми ножами, болотные арабы врубались в камышовую чашу с таким рвением, словно перед ними был враг, которого требовалось обезглавить или, вернее, обезножить. Под натиском *маданов* падали шеренги длинных зеленых стеблей. Я только наблюдал с лодки за этой битвой, но и то совершенно изнемог от зноя. В конце концов, положившись на заверения не слишком сильного в английском языке местного переводчика, что в здешних водах нет шистосом, я, не раздеваясь, прыгнул за борт и присоединился к стоящим по пояс в воде *маданам*. На озере Чад и на Ниле я научился остерегаться крохотных личинок, которые развиваются в теле камышовых улиток: легко проникая под кожу человека, они затем размножаются в его внутренних органах. Наслаждаясь прохладой неторопливого потока, я вдруг заметил плывущую в мою сторону красивую улитку. Поймал ее рукой и нерешительно показал энергично рубящему камыш переводчику.

— Это? — сказал он. — Это же только домик шистосомы.

Одним прыжком я вернулся на борт водонепроницаемой *маишуф*: лучше буду обливаться потом под безоблачным небом.

Лодка за лодкой — я давно потерял им счет, — управляемые жителями и жительницами Эль-Гассара, отвозили горы зеленого *берди* на берег для сушки. Кажется, моя ладья размерами несколько не уступит Ноеву ковчегу...

Но до начала строительства мне надо было по делам экспедиции на несколько недель возвратиться в Европу. Организовать что-нибудь, сидя в гостинице «Сады Эдема», было невозможно. В Багдаде я, не выходя из гостиничного номера, брал телефонную трубку цвета слоновой кости и в несколько минут связывался с Осло, Сиднеем, Токио. А в моем Эдеме древний телефонный аппарат надо было

заводить ручкой наподобие старинного «форда». Вот уже вроде бы Лондон ответил, и ты пытаешься с помощью гостиничного персонала разобрать, что тебе оттуда говорят, как вдруг выясняется, что еле слышный писклявый голос в трубке принадлежит телефонисту на расположенной через улицу станции, который силится втолковать тебе, что линия на Басру повреждена, сегодня ничего не выйдет. Наконец из Басры прибыл английский инженер с утешительной вестью, что столичные власти поручили ему проложить новую линию, в следующем году будет готова. Приятная новость. Для тех, кто будет жить в «Садах Эдема» после нашего отъезда.

Нефтяной бум, позволивший наладить бурное строительство и массовый ввоз всевозможных изделий из-за границы, привел также к тому, что все импортные товары раскупались тотчас по прибытии в страну. Портовые устройства не поспевали обслуживать огромную флотилию танкеров и сухогрузов, направляющихся в устье Шатт-эль-Араба. Корабли со всех концов света по два, три, даже четыре месяца дожидались в бухте своей очереди подняться вверх по реке и стать на разгрузку. Все товары, от индийского леса и бамбука до датского масла и мороженных цыплят из США, исчезали с портовых складов и оптовых баз с такой скоростью, что ухватить что-нибудь для себя не было никакой возможности. А специально заказывать — рискуешь, что судно с твоим заказом надолго застрянет в заливе. Я видел только один выход: ехать в Гамбург, собрать там все необходимое для экспедиции и отправить с автофургоном по суше в Ирак.

Друзья в ФРГ помогли мне в три дня закупить нужное снаряжение. Канатный завод, отложив выполнение заказов на нейлоновые тросы, изготовил километры пеньковых веревок разной толщины для наших бунтов и снастей. Потомственный мастер-кораблестроитель старой школы выстругал из ясеня две десятиметровые ноги нашей мачты и вытесал вручную два 7,5-метровых рулевых весла и двенадцать гребных весел с удлиненным веретеном, чтобы его можно было укорачивать по мере того, как будет расти осадка камышовой ладьи. Такой же потомственный и добросовестный мастер сшил из египетской хлопчатобумажной ткани два прямых паруса, сужающихся книзу, как это было заведено в доевропейские времена; один из парусов, побольше площадью и потоньше, предназначался только для хорошей погоды.

Список нужных нам вещей включал также бамбук для надстроек. Сборник дождевой воды. Флаги и сигнальные огни. Керосиновые фонари для освещения; примуса, кастрюли и сковороды для камбуза. Рыболовные снасти. Маленькую надувную лодку с шестисильным подвесным мотором для киносъемок на море. И наконец мы закупили провиант и разные предметы повседневного обихода, включая канистры, позволяющие взять трехмесячный запас питьевой воды на одиннадцать человек, с расчетом на дальнейшее пополнение.

В прежних экспедициях я уже пробовал обходиться продуктами, какими располагали древние мореплаватели; на «Ра» брал лишь такой провиант, который можно было держать в корзинах и керамических сосудах, а воду наливал в бурдюки и кувшины. Мы благополучно пересекли Атлантику, не испытав никаких проблем с едой. Повторять этот эксперимент не было никакой надобности. Да мы и так на камышовом судне, без электричества для холодильника, были ограничены в выборе продуктов. Свежее мясо, фрукты и овощи не сохранились бы на борту, да и большинство консервов вряд ли выдержало бы температуры, которые ожидали нас до старта и во время плавания. Тем не менее у меня набралась не одна тонна провианта и снаряжения. Заручившись нужными бумагами в Иракском посольстве в Бонне, мы нагрузили двенадцатиметровый автофургон, которому предстоял двухнедельный рейс от Гамбурга до самой гостиницы «Сады Эдема» в Южном Ираке.

Из Гамбурга я вылетел в Лондон на встречу с представителями организованного Би-би-си международного консорциума телевизионных компаний. После долгого обмена мнениями и редактирования машинописных проектов был подписан контракт на тридцати одной странице, обязывающий шесть телевизионных компаний Англии, Франции, ФРГ, Японии, Швеции и США финансировать экспедицию на камышовом судне путем закупки четырех еще не снятых одночасовых телефильмов об еще не состоявшейся экспедиции. Составление контракта осложнялось еще и тем, что я мог лишь сказать, откуда мы выйдем, а куда придем и сколько будем плыть — на эти вопросы как раз и должна была ответить экспедиция. Мы нашли выход, записав, что плавание продлится до тех пор, пока судно будет поддаваться управлению или хотя бы держаться на воде. Американские представители в

консорциуме — Национальное географическое общество со своими телепродюсерами — настаивали на том, чтобы мы взяли с собой их оператора с правом свободно фиксировать на пленке все, что будет делаться и говориться на борту, — только снимать и записывать, даже если судно начнет тонуть.

Я согласился. Все поставили свои подписи.

Вместе с представителем Би-би-си я, кроме того, — без особой охоты — съездил в Саутгемптон: при тамошнем университете по моим чертежам изготовили 1,8-метровую модель камышовой ладьи, чтобы испытать ее в аэродинамической трубе и в заливе и снять испытания на пленку. Смотреть, как здоровенная модель с корпусом, составленным из двух пластиковых веретен, покачиваясь на волнах, выполняет команды специалистов из университета, было одно удовольствие. Нажмут кнопки радиоуправления — рулевые весла поворачиваются, и суденышко становится боком к волне. А когда увеличили общую рабочую площадь весел, оно даже пошло галсами навстречу волнам.

Эксперимент показал: чем больше площадь паруса и спущенных в воду весел, тем лучше судно лавирует. Окончательные результаты испытания в аэродинамической трубе мне обещали прислать потом по почте. Правда, во всем этом было одно небольшое «но». Модель была из пластика, а не из камыша. Никто не знал наперед, какой будет осадка камышового судна на старте и с какой скоростью она будет расти по мере уменьшения плавучести. К тому же модель изготовили с опозданием, и наши сроки уже не позволяли изменять размеры парусов и весел, когда будут получены данные об испытании в трубе.

Недалеко от Саутгемптона расположено чудесное поместье Броудфилд, владение лорда Луиса Маунтбеттена, графа Бирманского и адмирала британского флота. Я был приглашен туда на ленч. Общий интерес к морским путям и другим средствам сближения народов сделал меня и несгибаемого старого военного моряка друзьями, и с его легкой руки я стал вице-президентом Всемирных колледжей; сам он весьма активно выполнял обязанности президента. У члена королевской семьи и бывшего вице-короля Индии лорда Маунтбеттена были друзья и контакты во всех концах света; в Атлантический колледж в Уэльсе, который я незадолго перед тем посетил, ему удалось даже привлечь китайских студентов. Всемирные колледжи помогают

развивать прочные связи между юношами и девушками разных стран. Большое место в программе уделено лодочному спорту и спасанию на водах, и я давно обещал лорду Маунтбеттену вспомнить о выпускниках этих учебных заведений, если задумаю какой-нибудь новый морской эксперимент. Теперь я выполнил свое обещание. Для запланированного плавания мне была нужна многонациональная команда. На «Ра I» и «Ра II» тогдашний Генеральный секретарь ООН У Тан разрешил мне поднять флаг Организации Объединенных Наций, и сменивший его Курт Вальдхайм любезно распространил это разрешение на предстоящую экспедицию. Я известил правление Всемирных колледжей, что предпочтение будет отдано участникам моих экспериментов на папирусных судах, однако найдется место и для бывших студентов Колледжей. И теперь все ректоры разослали выпускникам циркулярный запрос, приложив к нему подготовленный консорциумом Би-би-си информационный материал. Предполагалось по полученным в ответ заявлениям составить для меня рекомендательный список.

Я был рад снова очутиться в Броудфилде. Окна светлой столовой выходили в парк с могучими старыми деревьями, а из травы выглядывал молоденький саженец, который я, по заведенному здесь обычаю, посадил в прошлый приезд.

— Тур, ты мне поверишь, если я скажу, что по твоей милости у меня неприятности в международном масштабе? — сурово поглядел на меня лорд Маунтбеттен.

Мы сидели вдвоем за столом; третьим был адъютант. Только что дворецкий в форменной одежде подал дыню.

— Конечно, поверю, — ответил я и засмеялся: дескать, какие еще там неприятности!

— Ты навлек на меня гнев шаха, — строго продолжал хозяин.

Я снова засмеялся, уплетая холодную дыню.

— Как же, как же!

Лорд Маунтбеттен оторвался от еды:

— Как прикажешь убедить тебя, что это не шутка?

Он отдал распоряжение адъютанту, и тот принес письмо на бланке Верховного суда в Тегеране. В пространном послании выражался решительный протест по поводу формулировок в циркуляре Всемирных колледжей относительно задуманной мной экспедиции.

Иранский посол в Великобритании лично звонил лорду Маунтбеттену еще до прибытия этого письма, сразу после того, как по радио и телевидению была передана информация Би-би-си о том, что я собираюсь спуститься по реке Шатт-эль-Араб в «Аравийский залив». Как может международное учебное заведение, возглавляемое адмиралом флота, пользоваться фиктивным географическим термином?! Или в этом проявляется растущая тенденция подольщаться к арабам? Единственно верное наименование данной акватории — «Персидский залив», и автор этого названия не кто иной, как Британское адмиралтейство.

Я почувствовал себя очень неловко. Поистине, непредвиденная заковыка для мореплавателя, замыслившего испытать древнее камышовое судно в современном мире. Я объяснил лорду, что с самого начала писал «Персидский залив», как меня учили в школе, но багдадские власти поправили меня и разъяснили, что из Ирака я могу попасть по воде только в «Аравийский залив».

Лорд Маунтбеттен выразил мне свое сочувствие и предложил вовсе не упоминать эту акваторию.

Мне никак не хотелось обижать кого-либо, но не мог же я спускаться по реке в никуда. Обратился в норвежское Министерство иностранных дел и выяснил, что там принято говорить «Персидский залив», когда дело касается иранских портов, и «Аравийский залив», когда речь идет о порте арабской страны. Но ведь мне предстоит выходить в открытое море, за порт не зацепишься! Я связался со службой информации ООН.

— Вопрос затруднительный, — ответили мне. — У нас вот как раз намечено совещание представителей всех стран, которые граничат с этим вашим заливом, по поводу загрязнения их территориальных вод, и мы сами бьемся над названием!

Показательный случай, красноречивое предостережение, что двадцатый век при всех его радарах и маяках не гарантирует от столкновения с «подводными рифами»...

Я рассчитывал, что Всемирные колледжи предложат мне кандидатов из самых что ни на есть экзотических стран, и был слегка разочарован, когда увидел, что список возглавляют два молодых скандинава — норвежец, студент медицинского факультета, и датчанин, который готовился стать математиком. Правда, у норвежца

было то преимущество, что он служил в инженерных войсках и разбирался в тросах и строительстве мостов. Весьма кстати, если учесть, что вся моя ладья будет держаться на веревках, даже мачты и рубки будут крепиться без единого гвоздя. Но раньше всего предстояло соорудить из реек и жердей стапели в виде помоста, чтобы легче было связывать камыш и спускать на воду готовую конструкцию. Я позвонил в Норвегию, и будущий член экипажа, вооруженный спортивной сумкой и фотоаппаратом, присоединился ко мне в Риме, откуда мы вместе вылетели в Багдад. Моего молодого соотечественника звали Ханс Петер Бён, но он предпочитал короткое Эйч Пи (*HP* — начальные буквы английских слов, означающих «лошадиная сила»).

Из Багдада мы за семь часов добрались до гостиницы «Сады Эдема» — с опозданием на сутки, поскольку днем раньше по графику предполагалось прибытие автофургона из Гамбурга и я хотел встретить его, чтобы принять провиант и сразу переправить в помещение, подальше от палящего солнца.

На крыльце гостиницы нам встретился молодой европеец с красным от солнечных ожогов лицом. Странное дело: он нес куда-то копченую колбасу — точь-в-точь такую, какую я закупил в Гамбурге. Подойдя к реке, он бросил колбасу в воду. Ослепленный струями пота, он не сразу приметил пас. Я остановил его, представился и спросил, чем это он занят.

— Беда! — воскликнул он. — Все продукты испорчены! Машина покатила обратно в Гамбург без меня, а я таскай тут один все это!

Одним прыжком Эйч Пи перемахнул через перила и мгновение спустя вынырнул из реки, держа в руках, словно младенца, здоровенный батон колбасы. Последний батон — остальные унесло течением, а молодой немец уже волок из кладовки копченый окорок и короб с норвежскими рыбными консервами, намереваясь отправить их следом за колбасой.

Кажется, мы подоспели в самый раз! Немца словно завели ключиком, пришлось чуть не силой усадить его на бухту троса и потребовать, чтобы он объяснил нам смысл потрясающей идеи: везти продукты из Гамбурга в Ирак для того, чтобы выбросить их в реку Тигр.

— Таможня, — вымолвил он. — Таможня.

Лишь после того, как Али, обходительный парень из персонала «Садов Эдема», сбегал за банкой холодного пива, немец смог вразумительно поведать свою поразительную историю. Гамбургское транспортное агентство поручило ему сопровождать груз, проследить, чтобы у водителей не было никаких осложнений с таможней, и обеспечить быструю выгрузку товара в нашу темную кладовку в гостинице. Уже в Европе стояла жаркая погода, а фургон был без холодильника, и по настоянию сопровождающего водители гнали вовсю, стараясь опередить двухнедельный график доставки. В этом они преуспели с лихвой. На юге Турции их обстреляли из засады курды. Развив предельную скорость, с пулевыми пробоинами в фургоне, немцы догнали автомобильный караван, который тоже мчался во весь опор в сторону Ирака. Второпях они не догадались обратиться в пограничную таможню, где лежало специальное распоряжение из Багдада оформить их груз. Продолжая мчаться на юг при нарастающей жаре, они проехали Багдад, миновали «Сады Эдема» и остановились только в перегруженном порту Басры, где никто не был предупрежден об их прибытии. Спросив дорогу у полицейского, они в конце концов очутились на таможенном дворе. Все места в тени были заняты. Температура воздуха достигала плюс сорока пяти, внутри фургона — семидесяти градусов. На третий день ожидания вся троица была еле жива. Даже заказанный мной толстый бамбук начал трескаться от жары, и они чувствовали себя так, будто сидели на углях. Наконец какой-то добрый человек, владеющий английским языком, помог им связаться по телефону с министерством в Багдаде. Все разъяснилось, груз был оформлен, водители и сопровождающий вырвались из заточения.

Слушая рассказ молодого страдальца, мы время от времени подпрыгивали от звука выстрелов: это продолжал трескаться бамбук...

Бедняги. Неудивительно, что водители поспешили отправиться в обратный путь, предоставив расхлебывать кашу сопровождающему, а тот решил, что простейший выход — отправить наш провиант в реку. Первым под воду ушел сыр: 40 кг отборного норвежского чеддера, 24 кг эдамского сыра и разные прочие сорта, рассчитанные на умеренную температуру. Дальше последовали прохудившиеся банки с жидким мылом и растаявшим маслом, различные виды копченого мяса. Немец

только что утопил 20 кг особой польской салями, когда наше появление прервало его кипучую деятельность.

Эйч Пи соскреб ножом светлый налет на коже спасенной им колбасы, отрезал кружок и съел с явным удовольствием. После чего снова прыгнул в реку. Увы, на сей раз не клюнуло. А колбаса была бесподобная. Пока шло строительство, мы и наши гости налегали на спасенный батон салями, и все соглашались, что в жизни не ели бутербродов вкуснее.

Зато консервные банки даже нас напугали. Они приняли шаровидную форму наподобие пушечных ядер — типичный признак того, что содержимое протухло. Я отобрал по одной банке каждого вида, сложил в мешок и отправил самолетом из Багдада в Гамбург, чтобы их проверили там в лаборатории, прежде чем мы решимся списать драгоценное продовольствие. А через несколько дней все пушечные ядра приняли цилиндрическую форму: просто банки раздулись от сильной жары. Мы с состраданием думали о бедняге сопровождающем, который сидел на медленно разбухающей горе провианта.

Но потери надо было возмещать, и нехватка времени вынуждала меня теперь прибегнуть к воздушному транспорту. Грузоотправители обещали направить мой новый заказ в аэропорт Багдада и сообщить номер накладной и час прибытия Министерству информации, которое обязалось проследить за тем, чтобы груз был доставлен без промедления на машине в «Сады Эдема». И вот наступил назначенный день, такой же знойный, как предыдущие, а груза нет как нет. Гамбург подтвердил, что провиант отправлен, Багдад сообщил, что провиант не прибыл. Неделью я томился неизвестностью, наконец мне пришла в голову безумная мысль послать человека на все ту же заколдованную таможню в Басре. Три дня спустя посланец вернулся и торжествующе доложил, что упорные розыски увенчались успехом: пропавший груз нашелся.

Мы с Эйч Пи занимали два из трех просторных спальных номеров, которыми располагала гостиница, и к нашим услугам был весь ее персонал, чудесные люди. Особенно пришлись нам по душе Али и Мухаммед, немного объяснявшие по-английски. Вдвоем мы воздавали должное отменным арабским блюдам в большом зале ресторана — таком большом, что мы даже прикидывали, не наладить

ли изготовление связок камыша в помещении, если жара и в следующем месяце не спадет.

Едва над пустыней за Тигром показывался багряный лик солнца, как мы поднимались, чтобы насладиться утренней прохладой и освежающим душем. В первый день едва я лег в ванную и пустил холодную воду, как из сточного отверстия вверху внезапно высунулись два длинных коричневых усика, на меня уставились два бездумных глаза, и в воду свалился здоровенный таракан. За ним последовал второй, третий, четвертый... На счете двадцать два я остановился и, теснимый усатой армадой, пулей выскочил из ванны. Попытался загнать тараканов в нижний сток — куда там! Слишком велики... Пришлось вылавливать их стаканом и топить в уборной. Я разбудил Эйч Пи и спросил, не желает ли он освежиться в холодной ванне. Через несколько минут из-за стены до моего слуха донесся дикий вопль.

— Представляешь себе, на что я нарвался? — спросил Эйч Пи, когда мы сели за стол на лужайке, где нас ожидал плотный завтрак — яйца и бутерброды с сыром.

— Представляю, — ответил я. — Сколько штук?

Нам предстояло немало потрудиться, чтобы подготовить строительную площадку и разместить всех людей, привлеченных мной к экспедиционным делам: болотных арабов, южноамериканских индейцев, бомбейских кормчих *дау*, членов будущего экипажа со всех материков. Разумеется, трех гостиничных номеров было мало, по еще две комнаты можно было оборудовать на втором этаже, а матрасы и раскладушки можно примостить где угодно.

Вместе с Эйч Пи я принялся готовить площадку для стапелей. Мне подумалось, что есть смысл вырыть параллельно две широкие и глубокие траншеи, чтобы лодочные мастера могли проходить под корпусом, когда придет время связывать вместе толстой веревкой оба бунта. Шестеро рабочих из Эль-Курны принялись орудовать кирками и лопатами и вскоре наткнулись на большие прямоугольные желтые шумерские кирпичи, которые они преспокойно складывали в корзины и несли на голове на свалку. Как только я увидел это, моя археологическая совесть заставила меня приостановить работы в Садах Эдема. Но тут Эйч Пи нагнулся и подобрал среди обломков

крохотную живую черепашку, а я увидел среди древних кирпичей горлышко пивной бутылки.

Стало очевидно, что другие давно перепахали весь участок, сглаживая неровности, когда начиналось строительство гостиницы.

Работа возобновилась, однако на третий день, когда наши землекопы заметно углубились в грунт, откуда ни возьмись явилась группа суровых мужчин в европейских костюмах и принялась измерять наши траншеи. Один из землекопов подошел и сказал что-то по-арабски моему молодому переводчику Каису, который вместе со мной сидел в тени пальмы, с недоумением следя за происходящим.

— Они говорят, чтобы мы копали на два метра ближе к дороге, — перевел мне Каис.

— Ну уж нет, — возразил я. — Нам надо держаться возможно ближе к реке.

Рабочий снова взялся за лопату, но вскоре опять подошел к нам.

— Они говорят, наша разметка не согласуется с расположением гостиницы!

— Ерунда! — воскликнул я. — Они ничего не смыслят. Вы копаете как раз там, где надо.

Рабочий вернулся к траншее, однако работа не возобновилась, а началась бурная жестикуляция. Я подошел, чтобы успокоить спорщиков и устранить возникшее недоразумение. Добродушный носатый коротыш представился сам и представил своих товарищей на хорошем английском языке, после чего двумя руками учтиво подтолкнул меня туда, где он считал нужным рыть траншею.

— Конечно, разница небольшая, — согласился я, — но все-таки чем ближе к берегу, тем легче будет произвести спуск на воду.

— Спуск на воду? — Он воззрился на меня, как на беглеца из сумасшедшего дома.

— Ну, конечно, — рассмеялся я. — Не оставлять же судно на берегу.

— Судно? — Он разинул рот и вытаращил глаза. — Какое еще судно?

Настала моя очередь заподозрить, что у этого коротыша не все дома.

— Назовите его стогом сена, если вам угодно, — сказал я, — но я предпочитаю говорить о судне.

Он отступил на два шага, глядя на меня с крайним недоумением.

— Вы потешаетесь надо мной. Простите, сударь, но я выполняю распоряжение Министерства информации!

— Это самое министерство разрешило мне строить здесь судно, — ответил я, чувствуя, что здесь произошла какая-то путаница.

Коротыш явно был очень расстроен:

— Умоляю вас, сударь, я нанял каменщиков и плотников. Нам завтра приступать к работе. Мы будем расширять гостиницу, надо добавить двадцать пять номеров.

Судя по всему, мы общались с двумя разными отделами одного и того же министерства. Надо было как-то распутывать этот узел.

— Если вы сейчас постройте на этом месте дом, я потом не смогу строить судно, — сказал я. — Но если я сейчас построю судно, мы уплывем, и через два месяца вы сможете приступить к своему строительству.

Он устремил на меня взгляд, полный отчаяния, потом показал на макушку стоявшей поблизости финиковой пальмы.

— Видите эту пальму? Я буду болтаться на ней с веревкой на шее, если не выполню свое задание!

Я рассмеялся, он тоже. Было очевидно, что мой конкурент капитулирует. Мистер Рэмзи (как его звали) приехал со всем своим багажом, и я не стал возражать, когда отзывчивый директор гостиницы предложил ему занять свободную койку в своей комнате. В итоге экспедиция, можно сказать, без всяких усилий с моей стороны пополнилась местным консультантом, чья помощь нам очень и очень пригодилась.

В эти же дни явился с чемоданом еще один весьма учтивый и обходительный пожилой господин — мистер Шакер эль-Тарки, направленный в мое распоряжение Багдадским музеем в качестве гида и офицера связи. Это было как раз в тот момент, когда потерялась вторая партия провианта, и, пользуясь тем, что у меня оказалось сразу два переводчика, я попросил Шакера съездить в его родную Басру и разыскать пропавший груз. Только он уехал, как до меня дозвонились из Багдада: до министерства дошло, что у меня появился лишний переводчик, и Каиса теперь вызывали обратно в столицу.

Каису давно надоело «это захоlustье», и он поспешил укатить в тот же вечер. И когда на другое утро ко мне в номер постучал отряд

рабочих и водителей, говоривших только по-арабски, я оказался совсем без переводчиков. Даже Али и Мухаммед куда-то запропастились. Между тем на дороге перед гостиницей выстроился караван грузовиков с полными кузовами сухого золотистого *берди*, и прибывшие ждали моих распоряжений. Я поспешил открыть железные ворота в Сады Эдема, где рабочие копали траншеи, и грузовики один за другим стали протискиваться между кирпичными столбами.

В жизни я не видел столько грузовиков, трейлеров и бульдозеров. Правительство закупало их тысячами, и, получив распоряжение Багдада помочь мне с доставкой *берди* из района Эль-Гассара, мэр Эль-Курны отрядил целый автобатальон, чтобы управиться с заданием в один день. В разгар этой челночной операции на тесной лужайке около гостиницы скапливалось подчас до девяти машин, водителям которых не терпелось поскорее сбросить груз. Они загораживали путь друг другу, катили прямо по сгруженным ранее ломким стеблям, я бегал от машины к машине, водители зло перебранивались между собой по-арабски и весело улыбались мне, с легким сердцем пропуская мимо ушей мои команды на различных, одинаково непонятных для них европейских языках. Ковыляя по стеблям и размахивая руками, я к вечеру совершенно вымотался. Наконец, уже на закате, я остался один в обществе протекающей мимо Адамова древа безмолвной реки. Кирпичные столбы основательно пострадали от грузовиков, и вся лужайка представляла собой сплошное нагромождение камыша. Ступить негде — не то что строить ладью.

Только закончилась заброска просушенного на солнце *берди*, как на другое утро появился, словно из сундука иллюзиониста, Гатаэ со своей бригадой. С таким умом, как у него, языковые проблемы не могли служить неодолимым препятствием. Мухаммед, как мог, переводил мои указания, и болотные арабы поразительно быстро и ловко связали из камыша тугой бунт восемнадцатиметровой длины. Но вот неожиданность: толстый бунт — одному человеку никак не обхватить — оказался настолько тяжелым, что, по расчетам Гатаэ, понадобилось бы человек восемьдесят, чтобы поднять его и перенести на стапели. Стало очевидно, что для корпуса надо заготовить связки потоньше и числом побольше.

Когда вернулся Шакер, успешно выполнив свое задание, мы отвели целиком два дня на то, чтобы уложить *берди* поблизости от

строительной площадки в штабели высотой примерно в рост человека и с таким просветом, чтобы между ними можно было свободно пройти. Поврежденные стебли свалили на берегу; часть унесли старухи на топливо, а остальные в два счета превратились в целую флотилию речных плотов с экипажем из резвящихся мальчишек и девчонок.

Добыть в Ираке материал для стапелей оказалось не так-то просто. Древнейшие изображения и плитки с письменами свидетельствуют о том, что первоначально страна шумеров была лесистой, однако леса постепенно свели, и лесоматериалы, как это следует из клинописных перечней грузов, стали одной из важнейших статей импорта. В наши дни стоимость привозных балок и досок так высока, что мы были счастливы, обнаружив на подходах к порту Басры небольшой лесосклад, где продавались длинные шесты и рейки, заготовленные в горных лесах на севере страны. Нам нужны были сотни реек, и мы постарались выбрать наименее кривые и сучковатые. Поднаторевший в строительстве военных переправ Эйч Пи сумел из этого материала соорудить для сборки корпуса крепкие стапели под стать габаритам и форме будущего судна. Сложнее оказалось раздобыть доски для сходней, по которым должны были подниматься строители. В готовом виде корпус должен был состоять из двух прочно связанных вместе бунтов, достигающих трехметровой толщины посередине. Нос и корма, сужаясь, поднимались метров на шесть — попробуй, дотянись без лесов!

Видно, лампа Аладдина все еще работала на нас, потому что в самую нужную минуту два грузовика привезли и сбросили у ворот старые доски и планки. До европейцев, занятых на разных стройках по берегам реки, доходили странные слухи о нашей затее. Будто бы мы заготовили тонны камыша и воздвигаем на лужайке у гостиницы строительные леса, намереваясь строить бумажную фабрику! Между тем выше по течению и впрямь сооружалась бумажная фабрика с участием немецких специалистов, и однажды к нам явилась оттуда небольшая делегация. Мы объяснили, что строим камышовую ладью и в составе команды будет их соотечественник. А ниже по течению, южнее Басры, только что закончили строительство цементного завода датчане. Навестив нас, они слышали, что со мной пойдет в плавание их земляк.

В итоге мы получили горы досок и планок, которые в нынешнем Ираке, как и во времена шумеров, ценились на вес золота.

Архитектурное совершенство и элегантные линии деревянной конструкции Эйч Пи, право же, позволяли называть ее шедевром. Но едва мы приготовились пустить в дело аккуратно сложенный поблизости *берди*, как появились одетые в европейские костюмы арабы с мерными лентами в руках и принялись деловито расхаживать между штабелями камыша.

Чувствуя, что пахнет новыми осложнениями, я подошел и деликатно справился, в чем дело. Ничего особенного, сэр, просто здесь намечено заложить фонтан. *Берди* придется убрать отсюда, перенести в другое место, потому что этот участок предназначен для фонтана.

— Фонтан? — переспросил я. — Неужели нельзя подождать с фонтаном, пока мы не построим ладью?

Нет, фонтан никак не мог подождать.

— Но ведь вон там, между деревьями через дорогу, есть большой бездействующий фонтан! — сказал я. — Почему бы вам его не наладить?

Я показал на сто лет не видевшую воды, заброшенную конструкцию с ржавыми трубами в полусотне метров от нашей ограды.

Нет, фонтан непременно нужен здесь. Нам великодушно дали неделю сроку на то, чтобы освободить середину лужайки от камыша. Наш тучный и могущественный друг мэр Эль-Курны приветливо разъяснил, что это очень важный фонтан.

Мы потратили еще день на то, чтобы перенести ломкие стебли подальше от стапелей и поближе к Адамову дереву, расчищая участок для фонтана. Затем из Эль-Курны пришли с кирками и лопатами два преклонного возраста труженика и принялись копать круглую ямину шириной с небольшой плавательный бассейн. Углубившись в грунт на полметра, они исчезли, и все то время, что мы пребывали в Садах Эдема, больше тут ничего не происходило. Но как не пожалеть наших собственных рабочих, подносчиков камыша, которые должны были с грузом на голове ковылять через яму по пути от Адамова дерева к стапелям!

Календарь напомнил мне, что совсем близок день, когда из Южной Америки придут индейцы племени аймара, чтобы собирать

судно из связок, подготовленных арабами. Только индейцы умеют строить серповидные суда, которые не опрокидываются и не теряют своей формы под ударами океанских волн. Болотные арабы по-прежнему мастерски делают всякие вещи из камыша, но вот искусство конструировать суда из камышовых связок здесь забыто, как забыто оно в Египте и в других центрах древней цивилизации, за одним существенным исключением: тонкое умение строить корабли из стеблей полностью сохранилось в окрестностях развалин самой величественной из древнейших культур Южной Америки — культуры Тиауанако. На высокогорном озере Титикака в Андах индейцы племен аймара, кечуа и уру в наши дни строят суда, подобные древним ладьям Египта и Двуречья. Когда испанцы, открыв Америку для Европы, дошли до этих мест, обитавшие в районе озера индейцы рассказали им, что впервые такие ладьи появились здесь во времена предков, с приходом чужеземцев, которые, обосновавшись в Тиауанако, соорудили исполинский храм в виде ступенчатой пирамиды и воздвигли огромные каменные изваяния, однако потом враждебные племена вытеснили этих пришельцев в приморье, и они ушли в Тихий океан.

По словам индейцев, во главе чужеземного народа стоял священный правитель Кон-Тики, он же Виракоча, что на языке кечуа означает «морская пена». Кон-Тики называл Солнце своим родоначальником; он повелел, чтобы его предков изображали в керамике и на каменных рельефах человеческими существами с птичьей головой и крыльями. Однако сам Кон-Тики и его рослая свита были самые настоящие люди, такие же светлокожие и бородатые, как испанцы, только одеты по-другому, в перехваченных поясом длинных просторных облачениях, на ногах — сандалии.

Обнаружив древние каменные скульптуры и золотые статуэтки, изображающие Кон-Тики-Виракочу именно таким, каким его описывали индейцы, испанские завоеватели решили, что некий апостол из Священной Земли до них пересек Атлантику; ведь такую точно историю им рассказали, когда они впервые высадились в Мексике. Среди ступенчатых священных пирамид и огромных каменных статуй ацтеки приветствовали Кортеса в Мексике так же, как инки приветствовали Писарро в Перу. И поведали европейцам, что задолго до них через Атлантику приплыли светлокожие бородатые

люди в длинных одеяниях и научили предков ацтеков и майя воздвигать пирамиды и поклоняться солнцу; они же принесли с собой иероглифическое письмо и другие достижения цивилизации, оставшиеся неизвестными первобытным индейским племенам к северу от Мексики и к югу от Андской области в Южной Америке. Зато в пределах пояса жарких дождевых лесов Центральной Америки повсеместно обнаружены развалины — следы забытой цивилизации, приписываемые местными индейцами бородатым светлокожим чужеземцам, чей предводитель называл себя потомком Солнца. В каждой из стран этой области он был известен под другим именем. Ацтеки называли его Кецалькоатль, майя — Кукулькан, инки — Виракоча. Первое время испанцы совсем запутались, настолько, что в Мексике их монахи признали в Кецалькоатле Святого Фому, а в Перу учредили орден Святого Варфоломея, воздавая почести большой статуе бородатого Кон-Тики-Виракочи в Кане к северу от озера Титикака.

По преданию, на маленьком острове среди названного озера, известном теперь как остров Солнца, светлокожий правитель и его бородатые спутники сочетались браком с местными женщинами. Затем они, плавая на камышовых лодках, насаждали цивилизацию среди индейцев племени уру и воздвигли величественный культовый и культурный центр Тиауанако.

С тех самых пор искусство вязки камышовых лодок сохраняется среди местных жителей, располагающих для строительства только камнем, камышом и глиной. Индейцы племени уру, которые ранее были подвластны все здешние земли вплоть до берегов Тихого океана, не только вяжут лодки из камыша — они живут в камышовых домах на плавающих камышовых островах, совсем как болотные арабы Южного Ирака.

В Африку я привозил с Титикаки четверых индейцев племени аймара. Руководствуясь опытом, приобретенным на штормовом внутреннем море в горах, они связали мне папирусную ладью «Ра II», которая вынесла все испытания и в полной сохранности пересекла Атлантический океан. Но когда ладью затем доставили в музей Кон-Тики в Осло и набухшие от воды связки начали просыхать, гордое суденышко поникло, точно пальто без вешалки, и ни ученые, ни местные мастера не могли вернуть былую осанку серповидной

конструкции. Древняя техника вязки была настолько хитроумной, что наши наблюдения в период строительства не помогли; пришлось руководству музея приглашать все тех же индейцев с переводчиком в Осло, чтобы они восстановили ладью. Зная, что никто не сравнится с ними в искусстве камышового судостроения, я теперь решил просить их, чтобы они снова пересекли Атлантику, на сей раз курсом на Ирак.

Хотелось бы начать плавание и выйти из Аравийского залива до начала зимних дождей; стало быть, индейцам следовало приступить к работе возможно скорее после просушки срезанного в августе камыша. Но в сентябре в болотном краю еще стоит сильная жара, а индейцы племени аймара привыкли к прохладному разреженному воздуху, живя на своем озере на высоте 3,5 тысячи метров, в окружении снежных вершин. Столь резкая перемена климата могла оказаться пагубной. Надо было повременить с их приездом, пока не спадет зной, к тому же позаботиться о постепенной акклиматизации. Вот как мы поступили: с голого островка на озере Титикака переводчик проводил индейцев в боливийские дождевые леса в истоках Амазонки, там они две недели отдыхали, привыкая к теплему воздуху, после чего вместе с моим мексиканским другом Германом Карраско, будущим участником экспедиции, вылетели из Ла-Паса в Багдад.

Министерство информации Ирака любезно предложило установить кондиционер в предназначенном для них номере на втором этаже гостиницы. С окна на первом этаже сняли аппарат, похожий на клетку для канарейки, и перенесли наверх. И начались мои мытарства. Целыми днями кондиционер висел, не подавая никаких признаков жизни, словно и впрямь речь шла о заброшенной клетке, потом вдруг принимался рычать, как будто в нем поселились лютые тигры, или же рокотал и дергался, точно вертолет, тщетно пытающийся оторваться от земли. Наконец, в тот самый день, когда прибыли индейцы, случилось чудо: из страховидного ящика в пустую комнату вырвался леденящий ветер.

К этому времени тихий приют на берегу реки успел превратиться если не в сумасшедший дом, то, во всяком случае, в нечто вроде перенаселенного морского курорта. Первыми в гостиницу ввалилась обвешанная со всех сторон камерами и треногами пятерка арабов-телевизионщиков из Багдада, которые тотчас принялись целиться в нас своими объективами из-за каждого угла. Их устраивал только номер

Шакера, и он перешел в комнату к директору и инженеру. Не успели они разобрать свои вещи, как другая пятерка, операторы Би-би-си, оккупировала вестибюль и заставила все лестницы и коридоры несметным количеством ящиков, сумок и жестяных коробок, пока их арабские коллеги не согласились любезно освободить бывший номер Шакера и занять комнату на втором этаже рядом с «вертолетной базой», бронированной мной для индейцев. Следующим прибыл учтивый, безупречно владеющий английским языком, тихий молодой араб — Рашад Назир Салим, студент-искусствовед из Багдада. По рекомендации Норвежского консульства он должен был представлять Ирак в составе моей команды. На первый взгляд столь утонченная натура не очень-то подходила для опасного морского предприятия, но я все же вселил Рашада к Эйч Пи. Дальше один за другим стали появляться какие-то потные, усталые субъекты, мечтающие о холодном пиве, ванне и кровати после семичасовой тряски на багдадском такси под палящим солнцем. Немецкий журналист. Фоторепортер из США. Газетчик из Багдада. Шведский журналист. Два норвежских репортера. Еще один немец. Потом я сбился со счета. Кроткий директор гостиницы всех приветствовал и несколько человек разместил в кладовой на матрацах между горами постельного белья, которое грозило обрушиться на постояльцев от громкого храпа.

Казалось, стены гостиницы «Сады Эдема» оттопыриваются от напора изнутри, а ведь еще не приехали главные действующие лица. Кроме индейцев из Южной Америки ожидалось трое индийских кормчих из Бомбея, не говоря уже о членах экспедиции, уроженцах Азии, Европы и Америки. В отчаянии я связался по телефону с Багдадом; из министерства ответили, что страна по-прежнему закрыта для туристов и журналистов, однако власти, верные своему слову, впускают всякого, кто ссылается на меня. Мне пообещали впредь руководствоваться составленным мною списком, но предупредили, что из Багдада уже едут в Эль-Курну еще репортеры...

Было условлено, что через знойную равнину индейцев провезут к нам ночью. В жаркий полдень перед битком набитой гостиницей остановилась многоместная легковая машина, из которой выбралась пятерка коренастых коротышей в тяжелых шерстяных пончо и вязаных шапочках с наушниками. Они молча обняли меня — так у аймара принято приветствовать вождей, и так они в Осло обнимали

норвежского короля, — поздоровались с остальными за руку и поднялись следом за мной на второй этаж. Каждый нес в руке маленькую сумку, и я знал, что в сумке лежит озерный голыш и деревянный крючок: единственный инструмент, которым они пользовались, работая с камышом и веревками. Войдя в номер, вся пятерка замерла перед благодатным ящиком, рычавшим голосом белого медведя. Пока они наслаждались прохладой, я рассматривал сияющие радостной улыбкой знакомые лица. Паулино Эстебан и братья Хуан, Хосе и Деметрио Лимачи — индейцы племени аймара с острова Сурики на Титикаке; пятым был их боливийский переводчик Луис Себальос Миранда, сотрудник Музея Тиауанако в Ла-Пасе.

Стоические лодочные мастера не проявили никаких эмоций при виде нескончаемых штабелей камыша в Садах Эдема. Но перед Адамовым деревом они почтительно остановились и обнажили черноволосые головы. После чего снова обратились лицом к *берди*. Взяли несколько стеблей, разломали на мелкие куски и невозмутимо вынесли приговор: для строительства судна не годится. Наши местные друзья, болотные арабы во главе с Гатаэ, окружив нас любопытствующим кольцом, смотрели на заморских коротышей, как на пришельцев с другой планеты. С удивлением услышали они, что племя этих лодочных мастеров называется аймара, но еще больше изумили их мои слова, что соседи аймара зовут себя уру и живут на плавучих островах, совсем как здешние арабы. Названия-то какие знакомые: Амара — один из соседних городов, и до развалин Ура не так уж далеко!

Гатаэ попросил меня объяснить индейцам, что сейчас камыш и впрямь ломкий, как бумага, но стоит его намочить, и он будет тугим и гибким, не хуже каната. Известное дело, сказали индейцы, такими же свойствами обладает камыш *тотора* на озере Титикака. Да только все равно *берди* не годится. Взять *тотору* — у нее сплошной ровный стебель, как и у папируса, из которого они вязали для меня «Ра II» в Африке. Папирус даже толще и лучше, чем *тотора*. А тут стебель расходится, как у травы, на тонкие листовые пластины, неизвестно, как и подступиться.

И индейцы поспешно ретировались в свою прохладную комнату с рокошущим ящиком. Как бы не надумали возвращаться домой!

И ведь они правы: разница большая. Нам предстоял совершенно новый эксперимент. Только сладковатый запах да рыхлая сердцевина сближает все три материала. У *тоторы* и папируса сердцевина плотно обтянута тонкой водонепроницаемой кожицей; от корня до зонтиковидного соцветия наверху тянется прямой трехгранный стебель. А у *берди* кожица и сердцевина свернуты в несколько слоев, как у луковицы; овальный в основании стебель раскрывается кверху длинными острыми листовыми пластинами. Правда, глянцевиная кожица такая же водонепроницаемая, как у папируса, но у *берди* есть то преимущество, что нет нужды обрезать верхушку, так что вода может просочиться только с нижнего конца, тогда как обрезанные внизу и вверху стебли папируса и *тоторы* впитывают воду с обоих концов.

Под вечер, когда поунялась жара, индейцы спустились из своей комнаты, чтобы еще раз взглянуть на камыш. У сеньора Себальоса уже был опыт посредничества, и с его помощью мы с Гатаэ сумели убедить титикакских мастеров, что от них требуется только проследить за сборкой корпуса из готовых элементов, а болотные арабы сами подготовят по их указаниям связки нужной величины.

Едва ли не самыми радостными за весь экспедиционный период были для меня эти дни, когда на моих глазах между индейцами и болотными арабами, как только они вместе взялись за работу, сразу возникла дружба и взаимное уважение. Сеньор Себальос и четверо титикакцев с явным удивлением и одобрением смотрели, как арабы, отбирая лучшие стебли, туго-натуго связывают их в такие ровные и плотные пучки, что получается несколько не хуже пучков из отборной *тоторы*. Наши аймара пришли к выводу, что иракские арабы в работе с камышом явно превосходят марокканских — недаром они прямые потомки Адама!

Первый день индейцы обращались со своими пожеланиями к сеньору Себальосу на языке аймара, он переводил мне на испанский, я — мистеру Шакеру на английский, а уже Шакер объяснял арабам, что от них требуется. Однако эта громоздкая система функционировала недолго. Выйдя на другое утро из гостиницы, я увидел, что индейцы в пончо и вязаных шапках и арабы в бурнусах и халатах сидят на корточках вокруг длинного мата, который плели вместе. Они переговаривались, кивали, улыбались, передавали друг другу веревки,

стебли и прочие вещи — словом, царило полное взаимопонимание, как будто те и другие вдруг овладели в совершенстве эсперанто. Я постоял под пальмой, не веря своим глазам, потом подошел ближе и прислушался... На каком это языке они так свободно объясняются? Мой слух не улавливал ни одного знакомого слова. Дождавшись Себальоса и Шакера, я выяснил, что индейцы говорят на языке аймара, а арабы — на своем арабском. Между этими двумя языками столько же сходства, сколько между китайским и английским, но наших мастеров объединяли житейский опыт, камыш и живой ум.

Гости с озера Титикака объявили, что с такими отличными ребятами, как болотные арабы, они готовы построить судно любых размеров. А Гатаэ, сияя от удовольствия, сказал, что его землякам в жизни не доводилось работать с такими приятными и знающими людьми, как эти южноамериканские джентльмены. Прошел еще один день, и я увидел, что степенный рослый Гатаэ щеголяет в коротком коричневом пончо и вязаной шапочке, а Себальос и его коренастая бригада облачились в белые халаты и чалму — привидения, да и только, смеху не оберешься! Индейцы непрерывно путались в полах длинных одеяний; Гатаэ без конца чесался, томясь от жары. Мы постарались добыть в Басре соломенные шляпы для индейцев, но на другой же день они опять напялили свои шерстяные шапочки с длинными наушниками.

В день первого знакомства индейцы без всяких переводчиков научили арабов плести особые маты, которыми предстояло туго обтянуть два главных бунта — две половины корпуса нашей ладьи. Гладкие маты длиной во весь корпус были сплетены так, что стебли смотрели в одну сторону и ни один кончик не торчал наружу. Это важно и для обтекаемости, и для большей водонепроницаемости. Когда было изготовлено несколько таких матов длиной восемнадцать метров и шириной около метра, три десятка рабочих осторожно один за другим отнесли их и уложили на стапели. Теперь эти огромные «колбасные шкурки» предстояло набить начинкой из плотных связок. Я подсчитал, что на корпус уйдет тридцать восемь связок шестидесятисантиметровой толщины; просветы между ними заполним тонкими пучками. Арабы и индейцы работали так споро, что в день вместо одной, как предполагалось, поспевали делать по три большие связки. Каждая из них длиной намного превосходила собственную

длину корпуса — ведь концы должны были загибаться кверху, образуя подобие серпа.

Немало поломали мы голову над другим вопросом: применять или не применять асфальт? Ученые напирали на то, что найденные в Уре модели шумерских судов густо обмазаны асфальтом. Духовные лица напоминали мне, что Моисей был найден в обмазанной смолой корзине на реке Нил, а Ной спас своих пассажиров, промазав таким же способом камышовую обшивку своего корабля. Но Гатаэ, как и старик Хаги до него, уверял меня, что бунты и без того будут отлично держаться на воде. Мы изготовили на пробу две одинаковые связки 3,5-метровой длины и отвезли одну из них в деревню лодочных мастеров Хуваир, к рыжеволосому голубоглазому арабу, который славился своим умением промазывать *маихуф*. Просто диво, до чего быстро и искусно он работал, обходясь теми же приемами и таким же инструментом — деревянной лопаточкой и скалкой, — какими пользовались его братья по ремеслу пять тысяч лет назад! Асфальт для промазки добывался в природном месторождении выше по течению Тигра.

Мастер смазал нашу связку по всем правилам, и мы установили, что к ее собственному, не такому уж значительному, весу прибавилось около шестидесяти килограммов черного битума. После этого обе экспериментальные связки — с защитным покрытием и без него — погрузили рядом друг с другом в реку, придавив кирпичами и железным ломом. Им предстояло лежать на дне около полутора месяцев, пока не будет готова ладья.

Одновременно с этим экспериментом Эйч Пи произвел свой собственный опыт. Срезав верхушку у нескольких прозрачных пластиковых бутылок, он наполнил одни пресной, другие соленой водой, засунул в них торчком обрезанные куски *берди* и поставил в моей комнате. Некоторые стебли он туго связал вместе бечевкой. Тростинки плавали так хорошо, что даже целый трехметровый стебель стоял в воде прямо, не касаясь дна. Нельзя, однако, сказать, чтобы результат опыта внес какую-то ясность. На третий-четвертый день кое-какие стебли начали вылезать из бутылок, видимо потому, что разбухло основание. Эйч Пи сразу воодушевился и предположил, что под конец плавания мы будем парить над океаном не хуже дирижабля. Правда, через несколько недель тростинки все же малость

погрузились; только те, что стояли в соленой воде, остались на прежнем уровне.

Более сложная проблема с водой возникла на суше, как только индейцы начали собирать корпус ладьи.

— *Маку маи!* (Нет воды!)

Первые арабские слова, которые я заучил. В ответ с крыши гостиницы раздавался радостный голос нашего арабского друга, инженера Рэмзи:

— *Аку маи!* (Есть вода!)

Без воды хрупкие, как спичка, стебли *берди* ломались при сгибе. А зеленый *берди* и вовсе не годился для строительства, потому-то камыш сперва высушивали на солнце, потом смачивали сверху, чтобы он стал гибким и можно было делать из него маты и связки. Находящиеся выше по течению Тигра Багдад и другие большие города настолько загрязняли реку, что мы боялись испортить высушенный камыш этой водой. Первые дни мы все же пользовались ею, но затем мистер Рэмзи нашел выход. По его распоряжению из Басры доставили две цистерны и установили с великими трудностями на крыше гостиницы. Насос накачивал в них очищенную питьевую воду из Эль-Курны, и теперь сеньор Себальос мог с утра до вечера spraysкивать стебли и связки. Однако те же цистерны питали гостиничный водопровод, а потому работающая с полной нагрузкой кухня и перенаселенные номера соперничали с тонким резиновым шлангом в руках Себальоса.

— *Маку маи!* — отчаянно кричали мы, когда у нас под ногами начинали хрустеть сухие стебли.

— *Аку маи!* — доносилось минутой позже с крыши, где орудовал разводным ключом коротышка-инженер.

Сразу после этого радостного известия нередко можно было услышать яростный вопль какого-нибудь журналиста или телерепортера, который в это самое время стоял, весь в мыле, под бастующим душем. Я так боялся потерять мистера Рэмзи, что однажды утром, когда он задумал на денек укатить в Басру, буквально вытащил его из машины.

Перед нашим въездом в «Сады Эдема» Министерство информации великодушно предложило вообще закрыть гостиницу для всех, кроме членов моей экспедиции. Я не согласился, зная, что просторный зал ресторана и терраса с видом на реку — любимое

место здешнего люда. По вечерам и в дни мусульманских праздников приходили сюда мэр и другие деятели из Эль-Курны, собиралось множество учителей из болотного края, чтобы выпить холодного иракского пива или чашку чая. А для туристов страна и без того была закрыта, но я забыл про десятки тысяч иностранцев, работающих в Ираке по межправительственным соглашениям на промышленных объектах в районе Багдада и Басры, на нефтяных промыслах. Стоило местному телевидению показать, что в Садах Эдема работают южноамериканские индейцы, как на нашу лужайку повалили толпы гостей. Русские, японцы, немцы, поляки шли в гостиницу освежиться холодным пивом; Али и Мухаммед выключали воду в уборных, а Рэмзи переключал ее на наш шланг, и начинался нескончаемый внутренний конфликт.

— *Маку маи! Аку маи! Аку маи!*

В такой вот сумятице под знойным солнцем рождалась наша ладья. Тридцать рабочих взваливали на плечи очередную восемнадцатиметровую связку, и длинное шествие наподобие китайского фестивального дракона извивалось между пальмами и штабелями камыша. Поднимут связку на ажурные стапели и запаковывают в огромный плетеный чулок.

Жара пошла на убыль. С прибытия индейцев в начале октября прошло три недели, и могучий корпус ладьи из двух параллельных бунтов был в основном готов. В широкий просвет между двумя бунтами незримым хребтом должен был лечь третий — главный секрет хитроумной конструкции необычного судна.

И с каждым днем все сильнее ощущалась нужда в трех специалистах по *дау*, которые давным-давно должны были прибыть из Бомбея. Без них нельзя было начать изготовление специфического паруса из припасенного мной материала. *Дау* ходят в здешних водах с незапамятных времен, и паруса их напоминают поставленный наклонно египетский парус. Речь идет, несомненно, о переходной форме между древнейшим доисторическим типом и современным латинским парусом. Было очень важно располагать такой конструкцией для нашего эксперимента, однако гамбургский мастер не знал, как ее шить.

Я проехал по берегам реки вплоть до Аравийского залива, побывал даже в Кувейте в поисках кормчих, которые, во-первых,

помогли бы нам оснастить ладью, во-вторых, провели бы нас через частокол рифов и танкеров в открытый океан. Увы, все владельцы *дау* давно срубили мачты и поставили моторы, поскольку горючее в странах по берегам залива сравнялось в цене с ветром. Всюду мне отвечали одно и то же: в наши дни только индийские и пакистанские *дау* ходят под парусом.

Двадцать лет назад и Шатт-эль-Араб, и Тигр белели парусами открытых *дау*, доставлявших в Басру финики с плантаций. Теперь эти гордые парусные суденышки увидишь только на фабричном знаке, украшающем коробки с иракскими финиками.

Когда я впервые приехал в Ирак, индийские парусные *дау* совершали регулярные рейсы между Бомбеем и Басрой, однако это сообщение временно остановили, борясь с контрабандой. Индийский консул в Басре обещал мне раздобыть трех кормчих *дау* через профсоюз моряков в Бомбее, но не успел довести дело до конца, как его отозвали из Ирака. Я решил было сам отправиться в Бомбей и подобрать нужных людей, но куча неотложных дел не позволяла оставлять строительство. В конце концов представители Би-би-си вызвались найти для меня специалистов по *дау* через Бомбейское агентство по найму моряков. Мне требовалось три человека, досконально знающих условия плавания в Аравийском заливе, и чтобы по меньшей мере один из них объяснялся по-английски.

Из Лондона телеграфировали, что три человека наняты и вылетели из Бомбея. Прошло две недели, а индийских кормчих нет как нет. Новая телеграмма сообщила, что они застряли в Нью-Дели в ожидании иракской визы.

Пока Би-би-си и Бомбейское агентство разыскивали пропавших, начали прибывать основные члены экипажа. Они должны были помочь со спуском ладьи на воду и монтажом надстроек. Пока Эйч Пи вылетел в Норвегию, чтобы передохнуть и охладиться перед стартом, роль моей правой руки на верфи взял на себя Детлеф Зоицек, молодой капитан торгового флота, с которым я познакомился в ФРГ. После него прибыли три опытных мореплавателя, ходившие вместе со мной на «Ра I» и «Ра II»: штурман экспедиции Норман Бейкер из США, врач Юрий Сенкевич из Советского Союза и итальянский альпинист Карло Маури. Еще через несколько дней мы встретили остальных новичков: специалиста по подводным съемкам Тору Судзуки из Японии; моего

друга вечного бродягу Германа Карраско, который успел возвратиться в Мексику после того, как доставил индейцев из Боливии в Ирак; молодого датчанина из Всемирных колледжей Асбьёрна Дамхюса и совсем незнакомого мне американца Норриса Брока — кинооператора, прикомандированного к нам Национальным географическим обществом США в качестве, так сказать, независимого наблюдателя. Все как один — отличный, крепкий народ.

Во второй день ноября, когда мы, сидя в ресторане за большим общим столом, смаковали превосходный ужин, вошел Али и сообщил, что нашлись пропавшие индийские кормчие, стоят все трое со своими вещами в гостиничной конторе. Бросив еду, мы радостно поспешили в контору, чтобы приветствовать своих долгожданных товарищей по первому этапу намечаемого плавания. Наконец-то! Смуглые, самые настоящие кормчие из Индии! Я воспринял их как давних знакомцев и представил своим друзьям: Салеман Тайяб Чангда, Ибрахим Харун Содха, Абдул Алим Васта. Помыли руки с дороги — и в ресторан. Мы приставили еще один столик, и новоприбывшие вместе с нами принялись воздавать должное аппетитным блюдам, подаваемым Али и Мухаммедом. Преодолев начальное смущение, индийцы обрадовались такому дружескому приему. Положили себе по половине жареного цыпленка и стали открывать пиво банку за банкой. Салеман, говоривший по-английски, переводил для своих товарищей.

К языкам аймара, арабскому, японскому, русскому и целому набору западноевропейских теперь добавился индийский, и кто-то предложил, чтобы мы бросили всю эту затею с камышовой ладьей, а вместо этого занялись восстановлением Вавилонской башни, благо до нее недалеко. Отстроим башню заново и откроем наверху школу эсперанто. Наша интернациональная компания веселилась от души, и Мухаммед еле поспевал приносить полные банки пива и выносить на террасу пустые. Куда он их там деваает? Проследовав за ним, я увидел, что он выбрасывает пустые банки в реку.

— Мухаммед, — сказал я, — вы тут, как я погляжу, весь мусор отправляете в Тигр. И куда же, по-твоему, доплывут эти банки?

Он весело улыбнулся:

— В Америку?

Трое новоприбывших устали с дороги, к тому же успело стемнеть, и мы решили перенести на завтра их знакомство с нашим судном. Все

гостиничные номера и даже вестибюль с прилегающим к нему баром были заполнены кроватями и матрацами, и пришлось уложить индийскую троицу на раскладушках, втиснутых между горами стреляющего бамбука и бухтами канатов в нашей кладовке.

На другой день я разбудил их чуть свет. Прямо в пижамах они поднялись вместе со мной по лестнице на плоскую крышу гостиницы. Здесь открывался великолепный вид на реку и на лужайку. В бледном свете занимающегося дня наша серповидная ладья смотрелась изумительно — словно золотистый месяц на время приземлился на берегу Тигра, чтобы вскоре снова тронуться в путь. Под руководством индейцев в последние дни была завершена самая трудная часть всей работы: две огромные половины корпуса соединены в одно целое. Оба бунта из множества связок, туго обтянутых камышовой оплеткой, сохраняли круглое сечение, а разделявший их просвет, из-за которого каждая половина казалась отдельным челном, теперь заполнила тонкая связка, своего рода позвоночный столб всей конструкции, соединенный с двумя бунтами от носа до кормы непрерывной спиралью из полудюймовой пеньковой веревки длиной в несколько сот метров. Спиральными витками центровую связку скрепили сперва с одним, потом с другим бунтом. Затягивали веревку общими усилиями всех рабочих, с применением блоков и талей, и боковые бунты, постепенно сближаясь, стиснули среднюю связку так крепко, что она совсем скрылась между ними. Получилось нечто вроде катамарана из двух спаянных вместе корпусов.

Трое невыспавшихся кормчих из Индии долго смотрели с крыши на красавец корабль, которому недоставало только надстроек и рангоута с такелажем. Казалось, они не находят слов, чтобы выразить свой восторг. Наконец Салеман медленно вымолвил:

— А где же мотор?

— Мотор? — удивился я. — Никакого мотора не будет!

— А как же лодка пойдет? — любопытствовал Салеман.

— Под парусом, разумеется. Разве вы не ходите на *дау* под парусом? — спросил я, глядя на смуглую тройку, созерцавшую мою ладью.

— Мы ходим на *дау*, — спокойно подтвердил Салеман. — Но наши *дау* — моторные.

Ни один из них не умел плавать под парусом! Вот так так... Ладно, хоть будут лощманами, помогут провести ладью через Аравийский залив. Сколько раз доводилось им ходить от Бомбея до Басры?

До Басры? Салеман поглядел на Ибрахима, Ибрахим — на Абдула. Никто из них не ходил до Басры.

Ну что тут поделаешь! Придется отсылать их обратно в Бомбей. Индийцы с видимым облегчением восприняли мое решение; глаза их выражали явный ужас, когда они напоследок еще раз посмотрели с крыши на камышовое суденышко.

Однако прежде, чем отправить всю троицу в обратный (увы, не такой уж дешевый!) путь, меня осенило, что Салеман с его английским языком еще может нам пригодиться. В Басре мы видели стоящие на якоре большие индийские *дау*, да только все наши попытки наладить контакт с их праздными экипажами ни к чему не приводили, потому что эти люди не знали арабского языка, не говоря уже о европейских. Может быть, кто-нибудь из них знаком с парусным делом, тогда Салеман послужит переводчиком.

В тот день вечером члены экспедиции были приглашены в Басру на званый обед, устроенный в нашу честь ректором университета, а наш штурман Норман Бейкер вызвался еще до обеда съездить вместе с индийцами в гавань Басры, чтобы там потолковать с их соотечественниками. Советское Генеральное консульство предоставило Юрию замечательную новую русскую машину, и Шакер сказал, что отвезет Нормана, а мы отправились в университет на микробусе.

Долго мы ждали Нормана и его четверых спутников в университете, наконец сели за стол без них. Одно арабское пряное блюдо сменяло другое; внезапно озабоченный официант ввел в зал какого-то странного человека, смахивающего на привидение. На сплошном белом фоне — два красных пятна: ухо и нос, притом красные от ссадин. Это был Норман. Весь обмотанный бинтами, он остановился в дверях, ожидая, когда его представят хозяевам.

— Что случилось?! — в ужасе воскликнул я.

— Машина перевернулась, три оборота успела сделать, — пробурчал Норман.

— А где индийцы?

— В больнице, на обследовании.

— А Шакер?

— Шакер в полиции. Он ведь сидел за рулем.

— А что с новой машиной советского генерального консула?

— Машина вдребезги, лежит там на обочине колесами кверху.

Норман отделался ушибами; бинты на лице не помешали ему дать работу челюстям и доказать, что его знаменитый аппетит нисколько не пострадал. Однако злополучные индийцы, явившись немного погодя, есть отказались. У одного была повреждена нога, у другого голова, у третьего спина, и все трое умоляли меня об одном: с первым же самолетом отправить их домой в Индию. Что я и сделал, как только связался по телефону с Багдадом. Они вылетели из Ирака курсом на Индию, но в пути где-то потерялись и в Бомбейское агентство по найму больше не показывались.

Но как же нам все-таки быть? Близится зима, уже — на месяц раньше обычного — прошел небольшой дождь, через несколько дней надо спускать ладью на воду, а Норман, положившись на отчет Саутгемптонского университета об испытании пластиковой модели, настаивал на том, что нужен парус большей площади и нужны рулевые весла пошире тех, которые мне изготовили в Гамбурге. У нас были припасены полотнища для парусов, какими вооружают *дау*, да только некому их шить, и Норман предложил отставить эту идею, а полотнища пустить на увеличение готового паруса.

— Элементарное дело, — сказал он и взял на прицел лучший из наших двух парусов.

Речь шла о прочном, обшитом ликтросом парусе из толстых полотнищ площадью шестьдесят квадратных метров, с кренгельсами, в которые продевают снасти для лавирования. Второй, подсобный, парус предназначался для ускорения хода при умеренных попутных ветрах, когда можно не бояться опрокидывания. Его тоже сшили из египетского хлопчатобумажного полотна, но намного тоньше; площадь — целых восемьдесят квадратных метров.

Нам удалось найти в Хуваире старых парусных мастеров, и Норман распорол посередине наш лучший парус, чтобы вставить дополнительное полотнище, сохранив в неприкосновенности ликтросы и кренгельсы. Куски распоротого паруса и запасную парусину расстелили на полу столовой, и мастера полдня колдовали над ними, после чего объявили, что у них ничего не получается —

нынешний инструмент уже не тот. «Очень жаль, — ответил я, — тогда восстановите парус, как был».

Увы, сколько ни трудились арабские мастера вместе с Норманом и Эйч Пи, который к этому времени вернулся из Норвегии, привезя с собой специальные иглы и рукавицы, им никак не удавалось вернуть первоначальный вид распоротому парусу. А тут начались дожди, время не позволяло отправлять его для реставрации обратно в Гамбург. Хочешь не хочешь выходи в плавание под рассчитанным на попутные ветры тонким парусом. К счастью для нас, зимой в Аравийском заливе преобладают дующие со стороны Ирака северные ветры. Стало быть, мы можем рассчитывать на устойчивый попутный ветер до самого острова Бахрейн, а там, заверяли нас все, мы найдем сколько угодно парусных мастеров и кормчих, которые ходят на парусных *дау* и заменят нам уехавших индийцев.

Несколько больше преуспел Норман в своих планах расширить лопасти рулевых весел. Тут к нам неожиданно пришел на помощь настоящий плотник-профессионал.

Надо сказать, что в эти дни мы жили наподобие зверей в зоопарке. Ежедневно сотни людей, работающих на промышленных объектах, приезжали на автобусах, чтобы поглазеть из-за железной ограды на диковинное судно на берегу Тигра. Если не считать арабов, преобладали русские, немцы из ГДР и ФРГ, поляки, японцы, американцы и скандинавы. Непременным зрителем был Иозеф Чиллих, бригадир плотников западногерманской фирмы «Поленски унд Цёльнер», которая строила близ Амары огромный комбинат для производства бумаги из камыша. Как-то незаметно получилось, что каждую пятницу Чиллих уже трудился вместе с нами. Его умелые руки помогли Норману нарастить досками лопасти рулевых весел, используя клей и деревянные штифты. Но при таких огромных лопастях понадобилось также увеличить веретена. Искусно применяя деревянные накладки, решили и эту задачу; правда, при этом веретена стали в сечении овальными вместо круглых. Творцы этих причудливых деревянных монстров горячо защищали свою необычную продукцию: дескать, ничего, что сечение овальное, ведь весла будут вращаться не в сплошном кольце, а в открытых уключинах. Так или иначе, делать веретена тоньше нельзя было, не уменьшив соответственно площадь лопастей, а это, подчеркивал Норман, свело бы на нет результаты

саутгемптонских тестов. И ведь он был прав: для чего было затевать испытания, если пренебрегать их итогами!

К тому же на нас в это время обрушились куда более неотложные заботы. Норман, моя правая рука по всем вопросам рангоута и такелажа, свалился в постель с температурой сорок с хвостиком; второй штурман, Детлеф, тоже заболел; за ним Эйч Пи и остальные члены экипажа. Только мы с Карло остались на ногах, да Юрий, преодолевая недомогание, бегал от кровати к кровати со специальной аптечкой, разработанной для советских космонавтов. Болезнь не миновала и телеоператоров, и мы не на шутку встревожились. В арабских странах разразилась эпидемия холеры, и она добралась до деревень ниже по реке. Правда, в районе Эль-Курны не был зарегистрирован ни один случай.

И вот в такое время, когда чуть ли не все мои люди были прикованы к постели, хлынули дожди. Настоящие ливни. Совсем как в мифе о Ное. Болотные арабы забились в свои камышовые дома, ожидая, что вот-вот их островки оторвутся от грунта и поплывут. Суглинок в Садах Эдема превратился в липкую грязь. С помощью двух-трех человек я старался накрыть ладью камышом, чтобы защитить ее от воды. С ужасом смотрел я, как набухающие бунты начинают распирают стойки наших замечательных стапелей. Вес корпуса возрос, наверно, не на одну тонну, и стапели грозили развалиться. Мы срочно принялись вколачивать клинья в грунт, укрепляя покосившиеся стойки, а Мухаммед сбегал в Эль-Курну и принес зеленую пластиковую пленку, которой мы накрыли все суденышко. Если не считать этот малопривлекательный материал, наша ладья с двускатной крышей, по которой барабанил дождь, окруженная множеством расплывающихся луж, стала совсем похожа на Ноев ковчег. Мы волновались: как-то выдержат деревянные стапели растущую нагрузку? Выдержали! Тучи ушли, солнце снова озарило Сады Эдема, мы убрали безобразную пленку, и вот уже наш Ноев ковчег опять такой же сухой, как если бы его прибило к горам Араратским.

Пришла пора решать, промазывать или нет золотистую ладью черным асфальтом. Подняв со дна реки две испытываемые связки, мы с ужасом увидели, что они явно отсырели, прежней плавучести нет и в помине. На берегу распилили их примерно посередине и убедились,

что они промокли насквозь. Асфальт потрескался. Стало быть, от него никакого проку, только лишний вес добавил.

Я глядел на Гатаэ и его ребят, которые безмолвно созерцали мокрые связки. Их замешательство было равно моему разочарованию. По мнению Гатаэ, единственное объяснение такого исхода заключалось в том, что мы утопили связки на дно, вместо того чтобы оставить их плавать на поверхности. Однако на мои слова о том, что под действием многотонного груза и высокой волны у нашего судна тоже будет заметная осадка, ему не нашлось, что возразить. Он понуро удалился вместе со своей приунывшей бригадой, и я остался наедине с анатомированными связками. Стебли *берди* в бутылках с питьевой водой в моей комнате вели себя иначе, не говоря уже о тех, что стояли в соленой воде. Может быть, загрязнение Тигра повинно в том, что камыш в реке загнил? Ведь был у меня в Каире такой же точно случай, когда институт папируса испытывал стебли в застойной воде в ванне!

Мы убрали с глаз долой промокшие связки, чтобы не нагоняли тоску, и сосредоточились на подготовке к спуску на воду, пока за одиночными ливнями не последовали затяжные дожди. С того дня, когда я выбирал место для строительства, уровень реки заметно понизился. Тигр питается в основном за счет осадков в Турции, к тому же в Ираке часть его воды идет на орошение, так что летом и осенью, когда на Армянском нагорье не выпадает снег, река заметно усыхает. Но это нас не очень беспокоило. Главным препятствием была прочная, высокая бетонная стена, которую по приказу местных властей успели воздвигнуть на всем отрезке от гостиничной террасы до Адамова дерева и дальше за тот короткий срок, что я был в Европе по делам экспедиции. Мэр заверил меня, что стена — не проблема. Где скажем, там и сделают пролом, как только понадобится.

Наша ладья из тугих камышовых бунтов весила примерно тридцать три тонны. Для спуска ее на воду надо было протянуть слип через пролом в новой стене до самой реки. Деревянные стапели, на которых происходила сборка корпуса, останутся на берегу, но днище ладьи лежало на салазках. На них судно съедет в реку и всплывет, а салазки лягут на грунт. Полозьями салазок служили двутавровые стальные балки, скользящие по выемкам в положенных на бок рельсах такого же сечения. Теперь эти рельсы, играющие роль слипа, предстояло нарастить метров на сорок.

Но начинать надо было со стены, а чтобы ломать ее, требовалось разрешение речников. Я живо представил себе, как бумаги ходят вверх и вниз по реке до самого начала дождевого сезона... Нет, лучше идти напрямик. Мы обратились к двум тучным подрядчикам, которые так поспешно воздвигли стену, и предложили им приличное вознаграждение, чтобы они разрушили ее, а потом восстановили.

Наше предложение было принято, и мы дважды ударили по рукам, условившись, что пролом будет готов в полдень накануне спуска на воду. Не уложатся в срок — получают только половину вознаграждения. Они охотно приняли и это условие. В назначенный срок пришли и попросили одолжить наши кирки. Час спустя я увидел, как оба трудяги не спеша удаляются восвояси. Прибежал Шакер и сообщил, что они пошли на попятный: мол, стена слишком твердая. Я догнал их и сказал, что кому же ломать стену, как не им, которые ее построили? Верно, построили, согласились они, а вот ломать не получается — инструмент не тот. Всего доброго.

Тогда я сам вооружился киркомотыгой и атаковал арабскую стену, но только высек из нее искры. Оставалось воздать хвалу датскому цементному заводу; это его продукция позволила замешать бетон, превосходящий твердостью горную породу.

С воспаленными от температуры глазами Норман вскочил с кровати. Отставной командер американских ВМС, в гражданской жизни он был строительным подрядчиком в Нью-Йорке. Вдвоем с Шакером они отправились в деревенскую кузницу, где им выковали кувалду и железные клинья. Тотчас из гостиницы выбрались изможденные лихорадкой члены экипажа и принялись поочередно махать тяжелой кувалдой. Английские и арабские телеоператоры тоже включились в операцию «Иерихон», и стена рухнула, открыв нам просвет нужной ширины.

Путь к реке был свободен. Река впадала в длинный залив, ведущий в Индийский океан — океан, с которым мне еще не доводилось мериться силами. На горизонте вновь собирались дождевые тучи, но в Садах Эдема уже распахнулись настежь ворота в неизведанные приключения, и Ноев ковчег был готов к отплытию.

Глава III. Начинаются затруднения

Время! Флаги подняты.

— Все готово?

— Готово!

— Добро! Поехали!

Хотя мы никого не приглашали, Сады Эдема наводнили зрители, которым не меньше нашего было интересно посмотреть, как камышовый корабль ляжет на воду. Словно мы находились в огромном театре, и в зале стоял гул от множества голосов. Нестройный гомон сменился внезапной тишиной, когда мы налегли на ручки лебедек, которые одолжили, чтобы тащить к Тигру тяжелую ладью.

Тысячи ликующих голосов нарушили тишину, как только камышовый исполин тронулся с места и величественно двинулся по железным рельсам. Рывок за рывком, медленнее черепахи, приближался он к проему в стене, за которым струился поток.

Каждому хотелось видеть получше, и люди набились в мирном Адамовом саду так плотно, что яблоку негде упасть. Иракские полицейские, призванные охранять высоких гостей из Багдада, трудились в поте лица, чтобы сановников, членов экспедиции и рабочих не столкнули под степенно подвигающуюся шумерскую диковину. Реку тоже заполнили арабы и чужестранцы на *маихуф*, *балям*, полицейских катерах и моторных лодках.

С великим облегчением смотрел я, как исполин, покинув наши самодельные деревянные стапели, ложится на протянутые до самой воды стальные рельсы, сваренные вместе одним из наших доброжелателей, инженером с бумажного комбината.

На лебединой шее ладьи цвета спелой пшеницы алели кровавые метины: след крестильного обряда. Надо сказать, что этому обряду предшествовала небольшая дискуссия. Болотные арабы доставили к строительной площадке шесть упитанных барашков для жертвоприношения, с тем чтобы я смочил ладони кровью и приложил к носу новорожденного корабля. Я не согласился. «Кон-Тики» крестился молоком южноамериканского кокосового ореха, «Ра I» и «Ра

II» крестили молоком берберской козы. Но тут предложи я крестить судно молоком буйволицы, арабы восприняли бы это как оскорбление. Они признавали только действующий со времен Авраама местный обычай заклания животных. Любое новое сооружение, будь то дом или судно, здесь полагалось метить кровью. И теперь они наотрез отказывались пускать ладью на реку без надлежащего жертвоприношения. Если я не хочу совершить обряд, они сделают это сами, твердо заявил Гатаэ. Даже наш просвещенный багдадский друг Рашад сказал, что не пойдет с нами в плавание, если не будет выполнен принятый ритуал.

Мы пришли к компромиссному решению. Сперва болотные арабы совершат свой обряд, потом состоится крещение судна на мой лад.

Спуск на воду был назначен на И ноября. Утром я застал Гатаэ возле корабля. Он стоял в белоснежном бурнусе и метил золотистый нос ладьи отпечатками смоченной в крови последнего барашка правой ладони, а вся его бригада, сидя на земле, весело уписывала жареную баранину, ничуть не скрывая, что для них это самая важная часть ритуала.

К полудню прибыли сановники из Багдада. Они привезли ножницы и белую шелковую ленту, и ответственный представитель Министерства информации привычной рукой перерезал ленту перед носом ладьи. Затем наступила наша очередь. Крестить судно должна была очаровательная внучка Гатаэ. И вот дед ведет за руку одетую в яркое платье юную черноволосую леди, с трудом удерживающую арабскую бутыл из тыквы, только что наполненную водой из реки, именем которой мы решили наречь судно. Блестя глазенками, маленькая Секне окропила камышовый нос ладьи, но заученную формулу забыла, и стоявшие рядом расслышали только, как она пролепетала «Дигле» — так болотные арабы произносят название реки Тигр. Тут уже сам Гатаэ, продолжая держать внучку за руку, взял инициативу на себя и громко возвестил на арабском языке:

— Да спустится сей корабль на воду с дозволения Всевышнего и благословения Пророка, и пусть он зовется *Дигле* — «Тигрис!»

Не успел он договорить, как с юга донеслись глухие раскаты грома. Все повернулись в ту сторону, кто с удивлением, кто с благоговением, точно звуки эти выражали одобрение могущественнейшего из месопотамских богов — бога Солнца,

мечущего гром и молнии своим жезлом. От горизонта надвигались черные тучи. Даже наименее суеверные среди нас слегка оторопели, услышав глас громовержца в такую минуту.

Сломался винт в одной из лебедек, его пришлось заменять куском гвоздя, поэтому мы потратили целый час на то, чтобы протащить новонареченного «Тигриса» через пролом в стене до критической точки, где пологий откос сменялся крутым уступом. Сколько мы ни пытались заровнять этот уступ глиной, течение упорно подмывало снизу нашу насыпь, и когда «Тигрис» наполовину повис в воздухе над перегибом, все затаили дыхание. Выдержат ли восемнадцатиметровые бунты камыша и тонкие стальные салазки такую нагрузку?

К нашему облегчению, исполин благополучно перевалил через край уступа и заскользил вниз под напором своих тридцати трех тонн. С громким всплеском он врезался в реку, и тысячная толпа вложила свой восторг в ликующие крики, когда широкая носовая часть ладьи поднялась на воде с легкостью надувной резиновой утки. Лишь корма еще продолжала лежать на суше.

Вот это плавание, вот это сила! Я подбежал ближе, чтобы удостовериться, что рабочие крепко держат веревки, не дадут течению унести корпус судна, на котором еще нет ни надстроек, ни рангоута. Однако в ту самую минуту, когда нос корабля возвысился над водой, корма вдруг круто остановилась. Раздался оглушительный треск ломающегося дерева, и я увидел, как стальные балки под широким корпусом изгибаются, будто лапша. Дородный исполин медленно опустился брюхом на берег, словно непокорный бегемот, не желающий входить в воду, и восторги аплодирующих зрителей сменились дружным сетованием и криками отчаяния.

Лежит — и ни с места... Нос спущен на воду, омывается струями Тигра, а окруженная зрителями корма прочно застряла на суше в Садах Эдема. Какие-нибудь метры отделяли ее от воды, и целая армия добровольцев ринулась вперед, чтобы столкнуть ладью на реку. Куда там! Лишь немногие доставали плечом до изогнутой вверх кормы, а ноги тех, кто пробовал упереться в борты, утопали в рыхлой земле и в иле.

Вооружившись лопатами, мы стали подкапываться под ладью, чтобы выявить повреждения и попытаться пропустить воду под

кормой. Вариация на тему о пророке и горе: если корабль не идет к реке, пусть река придет к кораблю!

Сановники учтиво попрощались и отбыли под охраной полиции. Вечерело, заморосил дождик, и толпа начала расходиться. Хуже всего было то, что индейцам пришлось накануне вылететь к себе в Боливию, чтобы не просрочить обратные билеты. А ремонтировать без мастеров с Титикаки, если окажется, что бунты и веревки повреждены, нам будет очень непросто... Какие беды натворили обломки стальных и деревянных балок? Чтобы выяснить это, надо было обнажить широкое днище двойного корпуса. Ночь принесла с собой неожиданно холодный ветер. Пришлось бежать за теплой одеждой. Великолепные молнии расписывали ослепительными трещинами черное ночное небо.

Мы работали поочередно немногими наличными лопатами. Английские телеоператоры установили светильники на крыше гостиницы, чтобы нам было виднее, и молодой член их бригады, Дэвид, рассказал мне по секрету, что ему приснился нехороший сон, будто целое стадо овец поднялось на борт камышовой ладьи и принялось ее пожирать в отместку за убийство своих сородичей. Однако Гатаэ и его товарищи рассуждали иначе: шести барашков мало для такого большого судна, надо было принести в жертву быка!

Только я выслушал эти мрачные комментарии, как рокот мотора и яркий свет фар могучего советского грузовика заставили нас отложить в сторону лопаты. Неожиданный гость перевалил через обломки дерева и покореженное железо в проеме стены и занял исходную позицию, словно намереваясь загнать всех нас в реку. Два плечистых русских водителя выскочили из кабины, и с помощью Юрия мы объяснили им, что пока наша ладья не окунулась в воду, бунты хрупкие, как хрустящий хлебец. Общими усилиями мы пристроили перед высоким капотом толстые камышовые кранцы, нарастив их взятыми со стапелей деревянными балками, чтобы тяжелый грузовик не ушел в воду вместе с кораблем. И не успели мы оглянуться, как без лишних церемоний начался необычный спуск на воду. «Тигрис» стронулся с места и медленно погрузился в кашу разрытого нами ила. Течение унесло щепки и ил, но ладью мы удержали на канатах и пришвартовали к плавучей пристани, которую заблаговременно соорудили из камышовых связок возле гостиничной террасы. В свете фар было видно, что вместе с судном погрузились в воду погнутые

рельсы и салазки. Русские водители простились и уехали. Нам оставалось дожидаться утра, чтобы определить характер повреждений. «Тигрис» лежал на воде как-то неровно, вроде бы с левым носовым креном.

Едва рассвело, как мы все уже были на месте. Наша новая ладья выглядела замечательно. Больше и внушительнее, чем любая из обеих «Ра». Борты вздымались высоко над мутной гладью реки, и на них не было видно ни одной ссадины. Однако наши опасения насчет крена подтвердились. При всем искусстве наших мастеров и совершенстве обводов судна в носовой части осадка была чуть больше. Но этот изъян вполне можно было исправить при размещении груза. Кто-то высказал предположение, что крен был вызван быстрым намоканием камыша — ведь нос лег на воду на несколько часов раньше, чем корма. Мы отнесли эту мрачную догадку к разряду нехороших шуток. Другое дело, что сломанные салазки могли распороть бунты в носовой части.

Детлеф и Герман надели защитные очки и нырнули под днище «Тигриса». Прошла целая вечность. Наконец они вышли на берег и доложили: видимость из-за мути нулевая, но ощупью им удалось определить, что в носовой части под бунтами висели поломанные салазки. Не удивительно, что ладья кренилась. Они нащупали также толстый камышовый амортизатор, проложенный между салазками и корпусом, отделили его ножом, после чего стальные и деревянные обломки ушли на дно, и нос ладьи сразу выровнялся. Продолжая обследовать днище, Герман и Детлеф убедились, что все витки веревочной спирали невредимы. «Тигрис» нисколько не пострадал. Тысячи хрупких стеблей вместе выиграли поединок с современной сталью — они остались на поверхности, а согнутые балки утонули.

Две связки, распиленные нами после проверки, показали, что теперь загрязнение рек гораздо более опасный враг для камыша, чем сталь, поэтому нам не терпелось поскорее уйти в чистые соленые воды. Однако еще две недели ушли на то, чтобы оснастить и загрузить корабль. Наши арабские помощники собрали на лужайке перед гостиницей две рубки, накрыв бамбуковый каркас красиво переплетенными на местный лад лоснящимися стеблями зеленого болотного тростника *кассаб*. Низкий сводчатый потолок не позволял выпрямиться в рост — только сидеть. Одна рубка была побольше, три на четыре метра; в ней, потеснившись, могло улечься восемь человек.

Вторая, наполовину меньшей площади, была предназначена для трех человек и съемочной аппаратуры.

Готовые рубки перенесли на ладью и привязали к доскам, укрепленным с равными промежутками поперек бунтов корпуса. Главная рубка встала на корме; в обращенных к бортам длинных стенах были небольшие дверные проемы. Рубку поменьше установили впереди; ее дверной проем, площадью в один квадратный метр, смотрел на срединную палубу и главную рубку. Обе рубки накрыли платформами с низкой оградой из бамбука; получилось что-то вроде террас. При некотором воображении в мире рыбы и волн участок камышовой палубы между двумя золотисто-зелеными хижинами мог сойти за маленькую деревенскую площадь. Ему предстояло быть нашим дневным обиталищем, а рубкам отводилась роль спален и укрытия при ненастной погоде.

Здесь же, на срединной палубе, высилась мачта с живописным парусом. Как и на всех камышовых парусниках Старого и Нового Света, рея подвешивалась на двойной мачте, широко расставленные ноги которой опирались на главные бунты. Вдоль центральной линии, где соприкасаются бунты, для мачты нет опоры. Десятиметровые ясеневые бревна стояли на привязанных к бунтам широких деревянных башмаках, соединенных с бревнами посредством деревянных книц из согнутых под прямым углом суков: маленькая, но важная деталь, заимствованная с древнеегипетских фресок и моделей. В месте соединения бревен вверху, согласно тем же образцам, было просверлено отверстие для фала, поднимающего рею. Скрепляющие бревна перекладины одновременно служили удобным трапом.

Вся наша жизнь — если не подкачает камыш! — не один месяц должна была вращаться вокруг этого трапа. В просвете между ним и передней рубкой мы укрепили поперек палубы длинный стол и две лавки из связанных веревками, гладко обструганных досок. Позади трапа, в нише метровой глубины, образованной продолжением стен и крыши главной рубки, приютился камбуз с четырьмя примусами и всей нашей посудой.

В последний день мы приняли на борт тонны провианта и питьевой воды. Этот груз был размещен под столом, под лавками, вдоль стен обеих рубок и в протянувшейся от носа до кормы глубокой борозде между двумя бунтами. Одежду и личное имущество, а также

киноплёнку и другие уязвимые предметы мы уложили в обмазанные асфальтом коробки, которые в то же время играли роль общих нар в главной рубке.

Для полной готовности оставалось только установить наклонно по бокам кормы два огромных рулевых весла. С пристроенного к задней стене главной рубки деревянного мостика шириной и высотой в один метр рулевым открывался над крышей обзор вперед, правда несколько ограниченный парусом. Крепкие найтовы соединили рулевые весла с палубой и с перилами мостика, а румпель у верхней оконечности веретена позволял вращать весло вокруг оси.

Полный порядок, можно выходить в плавание!

— Отдать швартовы! Парус поднять!

С каким восторгом и облегчением выкрикнул я заветные команды, махая рукой полчищам зрителей, которые опять заполнили Сады Эдема! Только интуиция могла привести их сюда в этот час. После промашки со спуском на воду мы никого не извещали о времени старта, просто говорили, что отчалим, когда все будет готово.

— Парус поднять! — снова крикнул я что было мочи.

Сейчас все решали секунды. Швартовы отданы, мы во власти течения, а парус, от которого зависит управление рулем, еще не поднят. И никакой реакции на мою команду, если не считать тревожные голоса сотен арабов на берегу. Что-то неразборчиво крича, они показывали куда-то вверх. Я поднял голову и на топе мачты, куда должна была вознестись рея, увидел дорогого мексиканского друга Германа. Болтаясь там чуть ли не вниз головой, он запечатлевал великие минуты своей неразлучной кинокамерой. Весьма подвижный, несмотря на грузное телосложение, Герман живо скатился вниз, услышав нечленораздельный вопль, означающий в переводе на более благопристойную речь следующее: «Дорогой Герман, пожалуйста, спускайся возможно быстрее и освободи место для паруса, иначе нам не миновать нового столкновения с берегом и тебя сбросит на землю».

Вмиг Герман и парус поменялись местами. Течение напирало вовсю, но парус наполнился ветром, и мы овладели ситуацией. Норман следил за парусом, Детлеф, скрытый передней рубкой, ждал команды поднятыми опустить *гуару* — деревянный шверт, мы с Карло стояли на мостике у рулевых весел. Я смотрел, как уходит назад берег Садов Эдема вместе с гостиницей, и душа моя радовалась. Замечательный

уголок, но нам давно пора выходить в океан. Прощай, Адамово древо! Прощайте, Али, Мухаммед, Гатаэ, Каис, Шакер, Рэмзи и все наши остальные иракские друзья! Уже не видно лиц, только лес махающих рук, но среди соленых волн мы часто будем вас вспоминать.

Ладья набирала скорость. Курсом на противоположный берег Тигра. Мы с Карло повернули громоздкие рулевые весла, и я крикнул Детлефу, чтобы опустил носовую *гуару*. Ладья превосходно слушалась руля, мы миновали оконечность мыса, где встречаются две реки, и вошли в Шатт-эль-Араб. Позади на зеленой лужайке с кучкой деревьев и пальм осталась гостиница «Сады Эдема», справа от нее поблескивали воды Тигра, а слева показался Евфрат с мостом, через который проходило шоссе на Басру и который не позволил нам строить ладью в краю наших друзей, болотных арабов: мачта «Тигриса» не прошла бы под ним.

— Ур-ра, плывем!

Ликующий голос Нормана свидетельствовал о том, что он бодр и весел, оправился наконец от злой лихорадки. Наши больные только что одолели хворь, но всем не терпелось скорее тронуться в путь, и глаза их горели решимостью и радостным возбуждением. Да и как не радоваться, глядя, как наш парус ловит ветер и гордо выпячивает грудь, что твой петух! Мы впервые видели полностью развернутое полотнище коричневатой египетской парусины, на котором иракский студент-искусствовед Рашад изобразил огромное красное солнце, встающее из-за месопотамской пирамиды кирпичного цвета.

Видно, окаймляющие реку финиковые пальмы просемафорили весть о нашем движении, потому что вдоль берегов выстроились шеренги провожающих. Они кричали и махали нам руками, а впереди из камышовых и кирпичных построек высыпали все новые и новые зрители. Мальчишки и мужчины бежали вдогонку за «Тигрисом», но он легко уходил от них, быстро скользя мимо голых пустошей и пальмовых плантаций. Казалось, весь край осведомлен о нашем предприятии; некоторые люди выкрикивали даже наши имена. У команды было превосходное настроение. За несколько дней мы минуем города и промышленные предприятия в нижнем течении реки и достигнем залива. Нам придали моторную *балям* с десятью арабами, которые хорошо знали фарватер и должны были провести камышовую ладью среди множества судов и иных современных препятствий на

последнем отрезке Шатт-эль-Араба. Но вот *балям* исчезла впереди за крутым поворотом вправо, и в ту же секунду я заметил, что наш «Тигрис» вышел из подчинения.

Карло — альпинист, и, подобно мне, ему еще не доводилось плавать по рекам. Отстав от лоцманов, которые беспечно мчались впереди, и не зная здешних берегов и мелей, мы решили держаться середины реки. Но в этом месте поток упирался в крутую излучину, притягивавшую течение словно магнитом. Сколько мы ни крутили рулевые весла, как ни маневрировали парусом и *гуарой*, нас упорно несло боком прямо на берег. Описывая дугу вместе с рекой, мы неуклонно приближались к зеленому дерну. Новые толпы восторженных мальчишек и мужчин поджидали нас здесь, чтобы затеять гонки с «Тигрисом», однако восторг сменился тревогой, и слышались испуганные крики, когда зрители увидели, что камышовый корабль чересчур близко подходит к берегу.

У вершины дуги скорость течения была особенно велика, и нас так прижало, что широкая лопасть левого рулевого весла начала пахать ил. Команда трудилась вовсю. Кто не отталкивался от берега шестами бросились помогать Юрию и Карло, чтобы поднять здоровенное весло, на которое легла почти сорокатонная нагрузка: вес судна с грузом. Но весло оказалось слишком тяжелым, к тому же в двух местах его крепко держали найтовы. И хотя веретено равнялось толщиной телеграфному столбу, мы приготовились вот-вот услышать оглушительный треск ломаемого дерева.

До берега оставалось рукой подать, и арабы на бегу пытались оттолкнуть «Тигрис», меж тем как лопасть рулевого весла вспарывала грунт ниже травы. Но ладья плыла так быстро, что наши добровольные помощники не могли как следует упереться в борт. Что от их рук, что от наших шестов было одинаково мало проку. Не одну сотню метров шли мы так вдоль излучины — наподобие мощного самоходного плуга, оборачивая жирный пласт, какому позавидовал бы любой крестьянин. И каждую секунду ждали, что сейчас сломается весло.. Однако Норман и помогавший ему опытный плотник поработали на славу. Весло не поддавалось, зато начал прогибаться мостик, к которому оно было привязано. Под устрашающий треск дерева и скрип веревок вся конструкция перекосилась. Мы с Карло приготовились соскочить на палубу, как только лопнут найтовы и

мостик, а с ним, глядишь, и вся корма начнет разваливаться. Тем временем лоцманы на моторной *балям* повернули обратно, и несколько человек из ее команды соскочили на берег, чтобы помочь своим бегущим соотечественникам отталкивать «Тигрису». Но их усилия уже не понадобились — Норман сумел повернуть сложившийся парус, и мы понеслись прочь от левого берега, словно птица, взлетающая с борозды картофельного поля.

Не успели мы облегченно вздохнуть на шатком мостике, как увидели, что с другой стороны к нам стремительно приближается частокол серых пальмовых стволов. Еще немного, и мы очутились бы под сенью бахромчатых листьев, но быстрый маневр парусом и веслами снова направил нас к голому берегу, который мы только что пахали. Вместе с моторной *балям* мы мотались от одного берега к другому, будто пьяные гуляки, но как ни старались лоцманы вклиниться со своим суденышком между нами и сушей, чтобы сыграть роль амортизатора, почему-то они всякий раз оказывались не с той стороны. А затем *балям* внезапно развернулась и удалилась вверх по течению. Два часа лоцманы где-то пропадали, наконец вернулись, и мы услышали, что они разыскивали четверых членов команды, которые присоединились к нашим добровольным помощникам на краю излучины.

За это время мы успели освоиться с обстановкой и с нашим новым судном, одинаково бдительно следили за незримой силой, увлекающей «Тигрису» к внешней дуге излучины, и за коварными мелями у внутренней дуги. А вскоре излучины кончились, и Шатт-эль-Араб стал подобен гладкой автостраде. Редкие дома. Никакого движения. Мы шутя обогнали одинокого араба, который шел под потрепанным парусом вниз по течению на связанном наспех камышовом плоту. Здоровенные, непомерно тяжелые рулевые весла «Тигрису» били кувалдами по бортам, и с каждым ударом мостик скрипел и вздрагивал так, что мы хватались за самую прочную часть всей конструкции — крышу рубки.

Следуя за *балям*, мы миновали стадо черных буйволов на отмелях у Бейт Вафи — большого селения, где живописные камышовые постройки заметно контрастировали с не менее живописными глинобитными хижинами и домами из самодельного кирпича. В этом районе, как и во времена Авраама, в ходу огромные печи для обжига

кирпича. Они высятся над равниной, словно пирамиды, и когда над ними клубится дым от горящего камыша и тростника, их вполне можно принять за конусы действующих вулканов.

Морской прилив дает себя знать за полтораста с лишним километров от залива. Поднимающаяся вода закупоривает устье Шатт-эль-Араба, и река начинает течь в обратную сторону. Под вечер водная гладь вокруг нас уподобилась озеру, и мы попросили лоцманов, пока река не двинулась вспять, показать надежное место для якорной стоянки на ночь. Они посоветовали остановиться у западного берега вблизи деревни Эш-Шафи. Мы подошли туда, свернули парус и отдали два малых якоря. Зная, что якоря не удержат ладью, когда течение переменится, наши опытные сопровождающие воткнули шесты в илистое дно вокруг «Тигриса» — так принято защищать плавучие острова в болотном краю, чтобы их не сносило.

Вечер выдался чудесный. Первый вечер на борту «Тигриса»... Глядя, как багровое солнце скрывается за курящимися печами, мы чувствовали себя так, будто очутились в Шумере. Да мы и в самом деле приплыли в Шумер. С заходом солнца подул прохладный ветер, и вскоре мы заметили, что течение действительно повернуло вспять. Ребята зажгли керосиновые фонари и уставились на реку, словно ожидая, что выброшенные Мухаммедом банки сейчас приплывут обратно из Америки.

За хлопотами на реке мы после старта успели сжевать лишь по нескольку крекеров. Теперь Карло раскочегарил примус, мы заняли места на лавках вокруг стола, извлекли миски и вилки из личных мешочков и приготовились воздать должное итальянским макаронам. Эксквизито! Бониссимо! Вундербар! Хорошо! Дейлиг! На Карло сыпалась заслуженная многоязычная похвала. Ребята устали и проголодались. И впервые за много дней у нас появилась возможность перевести дух.

Последние дни царило какое-то безумие. Ни забор, ни сторожа не могли сдержать толпы любопытных. Мы попытались огородить веревкой участок перед плавучей пристанью, чтобы можно было плотничать и без помех проходить на ладью. Куда там! Каждый раз надо было проталкиваться сквозь толпу, встречая решительный отпор со стороны радушно улыбающихся зрителей. Отовсюду к нам тянулись руки с карандашами и клочками бумаги. Людям явно было невдомек,

что автографам будет грош цена, если нам не дадут закончить строительство и экспедиция сорвется. Арабов наши каракули на первых порах не занимали; к тому же большинство из них все равно читало только арабскую вязь. Но глядя, как русские и японцы домогаются наших росписей, местные жители тоже решили проявить инициативу, пока мы не уплыли. Одного из индейцев буквально силой оторвали от работы, чтобы он изготовил модель камышовой ладьи для немецкого журналиста. С трех русских плотников, вызвавшихся помочь нам с установкой мостика, тоже требовали автографов. Мы расписывались налево и направо. Наиболее шустрые совали нам сразу по дюжине открыток, чтобы порадовать родных и знакомых. Пока не распишешься, не дадут шагу шагнуть. Мы писали на обрывках бумаги и на кусках *берди*, на пачках из-под сигарет и блокнотах, на газетах, семейных фотографиях, открытках с видами Варшавы и Будапешта, с портретом Ленина, на паспортах, бумажниках, американских долларах, иракских динарах и спичечных коробках. И смех, и горе! Когда мы поднялись на палубу, чтобы отчалить, те, у кого не нашлось ничего бумажного, словно обезумели. Только я стал в надлежащую позу и приготовился произнести несколько прощальных слов, как молодой араб с борцовским торсом взобрался к нам на борт и рванул рубаху на груди, чтобы я расписался у него прямо на теле. Не успели его оттащить в сторону, как другой молодой араб повис на моей руке и принялся вертеть у меня перед носом каким-то клочком, не давая мне говорить. Я выхватил самописку, чтобы отделаться от него, но он только еще больше разбушевался. Не нужен ему мой автограф — он принес счет за пиво, выпитое кем-то из команды уже после того, как мы рассчитались с гостиницей. Я полез в карман за деньгами, стараясь в то же время изрекать что-нибудь вразумительное в возникшие передо мной микрофоны и слыша свой усиленный динамиками голос. Кто-то шепотом уведомил меня, что единственным человеком, кого я, поднимаясь на борт, обошел рукопожатием, был прежний министр информации. Словом, царил такая сумятица и такая смесь языков, какой здесь не знали с времен Вавилонской башни. Надо было отчаливать. С беспорядочно наваленным на палубе грузом можно разобраться и потом, когда останемся одни и будем спокойно идти вниз по тихой реке...

Но только теперь, когда мы стали на якорь и огородились шестами вдали от Садов Эдема, у нас появилась возможность толком отдохнуть и по достоинству оценить потешные стороны двух недель, прошедших от спуска на воду до старта. Только теперь мог я, удобно прислонясь спиной к мачте, с чашкой арабского чая в руке, присмотреться поближе к пестрой братии, которую собрал для предстоящего приключения.

Так... Ну, он-то здесь случайно — русский плотник, который еще крепил последнюю перекладину к мостику, когда мы отдали швартовы. Славный малый. Юрий перевел, что Дмитрий Кайгородов охотно пойдет с нами до Басры, где находится его место работы. Никто не возражал. Кстати, поможет нам подремонтировать мостик. А пока что плотник забрался в спальный мешок, первоначально предназначенный для индийского кормчего, и улегся спать на крыше рубки.

Рулевые весла не требовали присмотра, и мы впервые могли без помех посидеть вместе в полном составе, все одиннадцать, пока ребята один за другим не начнут заползать в уютные рубки, чтобы как следует выспаться.

За столом на палубе сидели и хорошо знакомые, и совсем новые для меня люди. Возраст, считая и мой, — от двадцати до шестидесяти трех лет. И не менее широкий спектр национальностей и характеров.

Вот мой старый друг Норман Бейкер из США. Жилистый крепыш. Ни капли жира, сплошные мышцы. В зимнем пальто — сублильный на вид, в плавках — богатырь. Впервые наши пути скрестились на Таити двадцать лет назад; он пришел туда под парусом с Гавайских островов, я — на экспедиционном судне с острова Пасхи. Ему под пятьдесят. Офицер запаса американских ВМС, а в своей гражданской жизни — строительный подрядчик в Нью-Йорке. На «Ра I» и «Ра II» был моим старшим помощником. С Норманом на борту я чувствовал себя подлинным Ноем: подвижный, как обезьяна, сильный, как тигр, упрямый, как носорог, обладает волчьим аппетитом и в шторм ревет, как слон.

Рядом с ним — наш дюжий русский медведь, Юрий Сенкевич, сорок лет. Сложен, как борец, миролюбив, как епископ, специалист по космической медицине, а со времени нашей последней встречи он еще стал популярным ведущим Московского телевидения. В обеих

экспедициях «Ра» Юрий выполнял обязанности судового врача; постепенно стал завзятым путешественником и ведет еженедельную программу «Клуб кинопутешествий», которую смотрят больше ста миллионов советских телезрителей. Любитель пошутить и посмеяться. Уверяет, что это вошло у него в привычку с тех пор, как он летел в Каир, чтобы участвовать в экспедиции «Ра I», и для храбрости глотнул водки. Ибо в моем письме на имя президента Академии наук СССР я просил подобрать советского врача, наделенного чувством юмора.

Карло Маури из Италии, ему тоже под пятьдесят. Участник обоих трансатлантических плаваний на папирусе. Голубоглазый блондин, что твой северный викинг, а благодаря окладистой бороде его скорее, чем меня, можно было посчитать Ноем. Карло — один из самых прославленных итальянских альпинистов, лазил вверх-вниз по самым крутым и высоким скалам на всех континентах; в ряду моих знакомых никто не висел столько на веревках и не связал столько надежных узлов, сколько он. Человек южного темперамента, Карло мгновенно из кроткого агнца превращается в рыкающего льва, а через минуту, глядишь, уже взялся за перо и воспарил на крылатом Пегасе. Умеет обходиться без еды и без комфорта, но не может жить без веревки в руках. Карло была поручена роль экспедиционного фотографа, и ему же предстояло изощряться в изобретении хитроумнейших найтовов и узлов всякий раз, когда рубке, или книце, или стойке рулевого мостика взбредет на ум исполнить твист.

Детлефа Зойцека из ФРГ я прежде совсем не знал. Двадцать шесть лет — один из самых молодых капитанов западногерманского торгового флота, а сверх того ярый спортсмен, инструктор альпинизма в Берхтесгадене. Мне его рекомендовали немецкие друзья, которых я просил подыскать достойного представителя послегитлеровского общества. Приверженец философского натурализма и высоких идеалов, сторонник мира, противник войны, противник насилия и расизма. Сам без нужды рта не раскроет, но умеет внимательно слушать и от души посмеяться над доброй шуткой.

Герман Карраско, пятьдесят пять лет, промышленник и кинолюбитель из Мексики, следил за тем, чтобы мы не скучали. Вот уж про кого нельзя было сказать: какое тело — такая душа! Казалось, этому тучному усачу самое подходящее занятие — сидеть себе под кактусом, надев на голову сомбреро. Пальцем в небо! Лозунг его

личной киноколлекции гласит: «Весь мир — моя арена». Сидит в нем этакий живчик, который заставляет Германа несколько раз в год бросать свои каучуковые фабрики в Мехико и странствовать по свету. Это он, нырнув под полярный лед, снимал мексиканского исследователя Рамона Браво, когда его тяпнул за ногу белый медведь. Шрам около глаза — памятка о том, как он свалился с дерева в джунглях Калимантана, снимая орангутангов. Герман сталкивался с акулами в Полинезии и в Красном море; его любительская кинокамера повидала все страны мира, и особенно много кадров снято в КНР. Он мечтал пройти с нами на «Ра», да не вышло, и тогда мы так и не познакомились. Зато теперь я знал его хорошо. Мы шагали вместе по жгучим пескам Нубийской пустыни, снимая наскальные изображения судов додинастической эпохи, и шлепали под проливным дождем на лесистых берегах Мексиканского залива, наводя объектив кинокамеры на пирамиды ольмеков и майя и на статуи доколумбовой поры, изображающие бородатых людей. В Гватемале он жил через дверь от меня в гостинице «Европа», когда страшное землетрясение 1976 года разрушило ее, засыпав нас обломками и убив тех, кто занимал соседний номер, и еще двадцать тысяч человек.

Особенно поразил меня Герман, когда я пришел к нему в контору посмотреть его личный музей. Форсировав шумный цех по щиколотку в каучуковой пыли, я поднялся по железной лестнице, пересек активно действующий просторный секретариат и очутился в роскошном кабинете. Здесь за столом с разноцветной батареей телефонных аппаратов сидел мой товарищ по странствиям, и со всех сторон на меня смотрели дорогие картины, скульптуры и резные изделия разных стран и эпох. Следующая лестница привела нас в бар, где моему взору неожиданно предстали оскаленные звериные головы, огромные портреты китайских лидеров, настоящая итальянская гондола, самолетные винты и фонтан в виде кораллового рифа из разнообразных раковин; нажмешь кнопку — вокруг рифа плывут по кругу выполненные в натуральную величину макеты акул и аквалангиста. Старинный телескоп смотрел через отверстие в стене на церковные часы на другом конце Мехико, а поднимешь голову — половина потолка оклеена денежными ассигнациями из всех стран мира, другая половина — всяческими этикетками от спичечных коробок. «Бар» занимал три комнаты, наполненные всевозможными

диковинами, и от обилия впечатлений у меня закружилась голова, когда хозяин наконец предложил занять места в гондоле и выпить текилы. А ведь это было только начало!

Не успел я ввинтиться вниз по лестнице обратно в кабинет Германа, как он нажал кнопку в стене за рабочим столом, ниже огромной картины, на которой три упитанных ангела парили в синем небе, словно розовые воздушные шары. Ангелы повернулись вместе с куском стены, и открылось квадратное отверстие наподобие двери в подводной лодке. Я протиснулся в этот лаз, выпрямился и на миг зажмурился, ослепленный ярким светом и образцами мексиканского искусства доколумбовой поры. Действительно музей! Четыре большие комнаты, сплошь уставленные витринами и полками. В строго научном порядке размещены снабженные ярлыками экспонаты: изделия майя, ацтеков, толтеков, микстеков, ольмеков... Дивная керамика всех видов, цветов и размеров. Полчища скульптур от маленьких керамических фигурок до больших каменных статуй. Храмовые рельефы. В особой сокровищнице — золотые поделки, миниатюрная резьба и часть подлинного кодекса с древними письменами. Мне доводилось видеть немало личных музеев, но такого я еще никогда не встречал. Правда, вскоре эти вещи перестали быть личной собственностью Германа: правительственный указ объявил все изделия мексиканского искусства доколумбовых времен государственным достоянием. Четыре студента и один профессор несколько месяцев каталогизировали десятки тысяч экспонатов его коллекции. Но хранителем назначили самого же Германа, и она по-прежнему пребывает в четырех комнатах за картиной с ангелами.

Вот какой человек сидел теперь с нами на борту камышовой лодки. А рядом с ним — еще один новый знакомый, японец Тору Судзуки, специалист по подводным съемкам; возраст — сорок с хвостиком. О Тору мне было известно лишь то, что он не один год снимал жизнь подводного мира на Большом Барьерном рифе, а в последнее время держал японский ресторанчик где-то в Австралии. Я включил его в состав экспедиции, полагаясь исключительно на рекомендацию своих японских друзей. Японцы — люди гордые, умеющие владеть собой, и я мог не опасаться, что мне подсунут какого-нибудь склочника. Немногословный, улыбчивый атлет и

безотказный работяга, Тору прекрасно владел английским. Лучшего выбора я и сам не мог бы сделать.

В этой пестрой компании два скандинава казались близнецами. Оба предложены Валлийским колледжем. Асбьёрн Дамхюс, Дания, двадцать один год. Ханс-Петтер Бён, Норвегия, двадцать два года. Типичные потомки викнигов. Могу представить себе, что парни вроде Асбьёрна были среди датчан, которые покорили многие области средневековой Англии и умыкали осчастливленных их вниманием дам, а Эйч Пи вполне мог бы сидеть на верхушке мачты и кричать «земля!», когда ладья Лейфа Эйрикссона подошла к Винланду. Эти друзья постоянно что-нибудь затевали, вместе придумывали самые невероятные розыгрыши. Богатые на выдумку, с техникой на «ты» и настоящие умельцы. Среди бурных волн они чувствовали себя так же непринужденно, как дома в ванне, и обоим не терпелось испытать настоящие приключения, прежде чем снова браться за университетские учебники.

Самый молодой — Рашад Назир Салим: двадцать лет, иракский студент, будущий искусствовед. Худощавый, по крепкий; мозговитый и жадный до знаний, но без твердо устоявшихся взглядов. Страстный арабский патриот, но добродушный и ни капельки не агрессивный. Прибыв с рекомендательным письмом в гостиницу «Сады Эдема», он на безупречном английском языке застенчиво рассказал, что отец прежде был дипломатом в Европе и возил его с собой, но затем дипломат превратился в одного из самых известных живописцев Багдада, и Рашад мечтал пойти по его стопам.

На полголовы выше всех сидящих за столом — одиннадцатый член экипажа, Норрис Брок, США. Профессиональный кинооператор; возраст — сорок лет. Высокий, худой и на диво подвижный. С ним я тоже не был знаком. И не я его выбирал. Вплоть до нашей первой встречи он был для меня лишь обязательным параграфом в контракте с консорциумом, который одолжил мне средства на экспедицию. Норрис мало говорил, зато все видел. Он был вездесущ со своим неразлучным «младенцем» — специализированной синхронной кинокамерой с длинным микрофоном наверху, похожим на детскую бутылочку. Он нянчил свою камеру, взобравшись на макушку мачты; с нею же, нажав спуск, прыгал в воду с крыши главной рубки. Пока я не узнал поближе Норриса и его таланты, я предполагал, что Национальное

географическое общество США выбрало его за рост. Ему ведь было предписано снимать нас, даже если мы станем тонуть. Что ж, его голова еще будет торчать над водой, когда мы все успеем захлебнуться... Поначалу трудно было привыкнуть к тому, что камера Норриса всюду сует свой нос, следя за всем, что мы делаем и говорим, и ребята не раз подходили и спрашивали меня, что за человек этот долговязый оператор. А я и сам не знал, что он за человек. Слышал, что годом раньше Норрис Брок с таким же заданием участвовал в экспедиции на двойном каноэ из стекловолокна, которое прошло маршрутом древних полинезийцев от Гавайских островов до Таити. Другие операторы снимали с сопровождающего парусно-моторного кеча, но долговязый Норрис всю дорогу ютился вместе с экипажем каноэ, обеспечивая крупный план. Плавание прошло без особых происшествий, если не считать бурного психологического конфликта между полинезийской командой и чужеземными руководителями эксперимента. Никто не скрывал, что от Норриса ждут кадры, отражающие еще более бурные стычки среди смешанной команды «Тигриса». Вышеупомянутый психологический конфликт стал главным стержнем готового фильма о смелом переходе на двойном каноэ, и поскольку паруса и волны могут занимать зрителя от силы несколько минут, нашему одиннадцатому члену экспедиции, конечно же, было велено не прозевать минуту, когда мы схватимся на кулаках.

Я объяснял ребятам, как снова и снова твердил участникам предыдущих океанских плаваний на малых судах, что существует так называемый «экспедиционит», что для людей, подолгу обитающих в тесной рубке, он опаснее любого урагана и мы непременно увидим его акулю пасть, если не будем настороже и не сумеем себя сдерживать, как бы ни хотелось наорать на соседа за то, что он забыл в твоей постели рыболовный крючок или справляет нужду с наветренной стороны.

Ребята слушали меня внимательно, и я даже начал подумывать что вездесущий «младенец» Норриса может оказаться самым эффективным и желанным для руководителя средством против «экспедиционита». А впрочем... Ведь этого самого «сосунка» американец таскал с собой в полинезийской экспедиции и привез такие кадры... Вот и Карло уже ворчит, потому что Норрис знай себе

кино снимает, тогда как он, Карло, кроме фотографирования обязан варить макароны и кантовать груз.

Улучив минуту, когда мы с Норрисом очутились с глазу на глаз, я сказал ему, что он, конечно, вправе вести себя на борту как пассажир. Но для него же будет лучше не чувствовать себя посторонним, а наравне со всеми нести рулевую вахту, дежурить на камбузе и выполнять прочие повседневные дела. Надо снимать — в любую минуту подменим. Норрис ответил, что и сам хотел просить меня об этом. Хотел стать членом нашего товарищества. И он стал им.

Три дня стояли мы на якоре у камышей, ремонтируя и укрепляя мостик крепкими узлами и дополнительными перекладами. Двое ребят побывали на берегу и купили толстые буйволовы кожи; кусками этих кож мы защитили бунты в тех местах, где об них терлись весла и якорные канаты. Кроме того, мы приступили к сооружению двух маленьких забортных уборных по обе стороны кормы, обшивая их приобретенными у болотных арабов плетеными матами *чола*.

Мы любовались восходом солнца и огромной южной луной, но по ночам дул холодный северный ветер, пришлось даже завесить парусиной с наветренной стороны тростниковую стену, сквозь щели которой вполне можно было наблюдать звезды. Дневная температура воздуха понизилась до семнадцати градусов.

Вечером третьего дня мы подняли парус и пошли дальше вниз по реке. Норман пожертвовал одним гребным веслом и вместе с русским плотником попытался нарастить овальные веретена рулевых весел, сделать их круглыми в местах соприкосновения с уключинами. Не вышло. Тогда они попробовали стесать мешающие горбы. Все равно рулевые весла заедало, и эти два чудовища по-прежнему грозили развалить мостик при поворотах, когда на лопасти ложилась большая нагрузка. Мы с Юрием и Карло принялись критиковать усовершенствования Нормана, Норман защищался, но дискуссия сразу прекратилась, едва мы увидели торчащую над передней рубкой голову Норриса и слышали, что в самой рубке словно младенец икает: там заработал рекордер, включаемый дистанционно крохотным устройством, которое лежало в заднем кармане нашего кинооператора. Решили снести рулевые весла на берег, как только где-нибудь причалим, и постараться вернуть им первоначальные очертания.

Ладья развила хороший ход, около трех узлов, и с заходом солнца мы собрались при свете керосинового фонаря за столом, где нас ждал приготовленный Рашадом арабский плов с изюмом и луком. Внезапно рулевые крикнули с мостика, что на реке впереди полыхает пламя. Мы взобрались кто на стол, кто на рубки, а Норрис в два счета очутился на верхушке мачты. И правда, справа три длинных языка пламени, вырываясь из высоких газовых труб, стелились в темноте над рекой. Оберегая от огня свою камышовую ладью, мы прижались к другому берегу. Картина была живописная и драматическая. Могучее пламя так и норовило дотянуться до «Тигрису», озаряя ярким светом парус, рубки и наши лица. Даже пальмы на левом берегу были освещены. Миновав эту опасность, мы вскоре заметили на том же правом берегу свободную бетонную пристань. *Балям* с нашими лоцманами причалила первой и сыграла роль привального бруса для «Тигрису».

Норман вдруг опять свалился на два дня с высокой температурой. Да и Юрий признался мне по секрету, что у него сильно колет в груди.

С восходом солнца мы рассмотрели огромный промышленный комплекс, которому принадлежала пристань. Работающие на комплексе европейские инженеры включили подъемный кран и помогли нам перенести на берег наши исполинские рулевые весла. Мы уменьшили на одну треть площадь лопастей, а Дмитрий обтесал своим русским топором веретена, намного облегчив их и вернув им почти круглую форму. Радужные инженеры из Швейцарии и ФРГ накормили нас и завтраком, и обедом. Они руководили строительством большого бумажного комбината, первая очередь которого уже вступила в действие. Вместе с другим комбинатом, строящимся выше по реке, это предприятие было призвано обеспечить бумагой безлесный Ирак. Бумажную массу делали из заготовленного на болотах тростника и камыша. Особенно подходил для этого *кассаб*, и его сплавляли по реке до комбината в виде огромных плотов — *гаре*. На обширной площадке рядом с комбинатом лежали тысячи тонн камыша, ожидающего превращения в бумажную массу.

В этой связи нас подстерегала новая, кошмарная проблема, с какой шумерам никогда не приходилось сталкиваться. Мы уже обратили внимание на то, что на этом участке Шатт-эль-Араб особенно загрязнен, но только вечером, спустившись к причалу после веселой пирушки, увидели плывущие по черной воде белые хлопья. В

свете карманных фонариков вокруг нашей золотистой ладьи вообще не было видно воды — сплошное безе с мазками желтого крема. Стоя на холодном ночном ветру, мы чувствовали себя словно перенесенными в ледяные просторы Арктики. Казалось, из мрака медленно выплывают покрытые снегом большие льдины, сбиваясь в пак вокруг «Тигрису».

Кто-то из ребят побежал вверх по берегу и обнаружил, что белые хлопья устремляются в реку сплошным потоком по канаве, берущей начало у фабричных построек. Один из инженеров объяснил, что по ночам промывают старую мельницу. Новая мельница, которую сейчас монтируют, не будет загрязнять реку, а старая вот загрязняет... Химикалии из бумажного комбината! Корпус «Тигрису» наполовину погружен в густое месиво отходов предприятия, превращающего камыш в бумагу!

Мы попробовали разгонять бело-желтую кашу гребными веслами — куда там! Коварные хлопья тотчас затягивали снова черные клочки чистой воды. И уйти от них нельзя: тяжелые рулевые весла лежали на берегу, реконструированные лопасти только-только начали покрывать свежим слоем асфальта.

Наутро вся команда была готова поклясться, что осадка «Тигрису» заметно увеличилась. Норман не сомневался, что камыш пострадал от химии. И как мы ни старались поскорее установить на место рулевые весла и поднять парус, отчалить удалось лишь около полудня. Идя вниз по реке, мы и на другой день обгоняли плывущие тем же курсом пышные хлопья.

Слава богу, круглые веретена рулевых весел вращались на прокладке из буйволово́й кожи куда легче. Вот только ветер стих. Начисто пропал. Правда, река продолжала течь. Не спеша. Кругом простирался чудесный, ничем — кроме белых хлопьев — не оскверненный ландшафт. Финиковые пальмы... Буйволы... Гуси, утки, заросли тростника *кассаб*... Деревушки на берегах, весело приплясывающие ребятишки. Кто бежал вдогонку за нами, кто карабкался на пальмы. Лающие псы... Женщины в выглядывающих из-под длинной черной накидки ярких платьях. Одни пасли овец, другие несли на голове воду в бутылочных тыквах или алюминиевой посуде. Гончарные сосуды вышли из употребления. Две-три лодки с рыбаками... И все. Мир, тишина. Багровый закат за пальмами. Потом

река остановилась. И мы бросили якорь, не дожидаясь, когда она потечет вспять.

На другой день впереди, как по мановению волшебного жезла, вновь явилась современная цивилизация. Проходя остров Синдбад, пришлось просить наших лоцманов, чтобы провели «Тигрису» на буксире между огромными устоями нового моста, который уже соединил другую сторону острова с берегом. Я побывал здесь до того, как мы начали строить свое судно, и разговаривал с немецкими инженерами. Сооружение исполинского моста шло стремительными темпами, еще месяц — и он будет готов. Тогда уже под его низкими пролетами никакая камышовая ладья с шумерской мачтой не сможет пройти из Тигра или Евфрата к морю.

Множество людей облепили устои и заполнили пристани оживленной гавани Басры. Мы шли на буксире в сопровождении полицейских катеров. Грузовые пароходы приветствовали нас сиренами и колоколами. Иракские военные суда салютовали флагом, и вдоль их бортов были выстроены матросы. Со всех сторон — гудки, свистки; Юрий схватил наш бронзовый горн, вскочил на крышу рубки и принялся трубить в ответ, а остальные ребята висели на перекладинах двуногой мачты, махая руками и крича. Я тоже не удержался от радостного крика, когда Карло показал мне на норвежский пароход из моего маленького родного города Ларвика.

В разгар этой суматохи к нам вдруг подошла моторная лодка, и на борт «Тигрису» поднялся Питер Кларк — связной от Би-би-си в Лондоне. Он перекусил и вернулся на берег с советским катером, который пришел за Дмитрием.

На душе было весело. И страшно. А вдруг мы не сможем пойти дальше реки? Вдруг кислоты в отходах бумажного комбината повредили камыш?

Шумная гавань осталась позади. Все, кроме рулевых, спустились на палубу. Веселье весельем, но и поесть не худо бы! Асбьёрн подал на стол гуляш по-датски.

Лоцманы задержались в Басре, чтобы заправиться горючим, и мы продолжали идти на юг без них, сопровождаемые случайными попутчиками на маленьких лодках. Снова потянулся красивейший плодородный край. Тут и там среди густых пальмовых рощ, в окружении великолепных террасированных садов разместились

симпатичные виллы; из-за широких листьев банана и финиковых пальм выглядели глинобитные лачуги живописных деревушек. Но то и дело мелькали новехонькие пристани и дороги, принадлежащие строящимся на берегу предприятиям.

Около двух часов дня мы поравнялись с иранской границей. Дальше только западная акватория реки принадлежала Ираку, а берег, у которого стояли на якоре суда, относился к Ирану. Здесь наше появление не вызвало никакой реакции, но когда нас догнала *балям*, ее команда с ужасом обнаружила, что мы идем чересчур близко к срединной линии. Во время моего предыдущего визита в Ирак несколько лет назад отношения между соседями были крайне напряженными, на грани войны, теперь же они хорошо ладили, если не считать, что Ирак недавно взял верх над Ираном на футбольном поле. Что же до нас, то я не был уверен в благосклонности шаха после столь бурных протестов его Верховного Суда и Посольства по поводу того, что мы называли залив Аравийским, а не Персидским. До залива осталось совсем немного.

Как же все-таки называть его, чтобы не задеть ничьих чувств? Персия давно предпочла именоваться Ираном, а Месопотамия стала Ираком, — так почему вдруг такие страсти вокруг залива? Мы идем по пути шумеров, а ведь они тоже как-то называли залив до арабов и британских ВМС! И я решил в нашем внутреннем обиходе именовать его Шумерским.

Впрочем, до залива еще надо было дойти. Лоцманы так боялись нарушить срединную линию, что все время прижимались к иракскому берегу. Временами мне даже казалось, что рулевые весла задевают дно. Судя по всему, наши проводники на *балям* и сами-то еще никогда не спускались по реке дальше Басры.

С приходом ночи они решили остановиться. Показали нам место для стоянки перед излучиной, где у иранского берега стояли два парохода — один под южнокорейским, другой под либерийским флагом, — и предложили отдать якорь. Мы послушались. Детлеф бросил якорь в воду, но канат почему-то не хотел разматываться. Он выдернул якорь обратно и увидел на лапах ил. Я попробовал повернуть правое рулевое весло — туго идет, будто ложка в холодном сливочном масле... И левое весло тоже. Рашад крикнул лоцманам, что мы попали на мелководье. Они прокричали в ответ, что здесь самое глубокое

место. Мы бросили им конец и попросили отбуксировать нас в сторону. Они включили мотор — не тут-то было. При глубине чуть больше метра ил начал засасывать «Тигрису» не хуже болотной трясины. Попытались отталкиваться шестами — уходят в вязкий грунт, не сразу и вытащишь.

Лоцманы объявили, что надо ждать прилива. А когда он начнется, наперед сказать невозможно. В разные дни прилив начинается в разное время, во всяком случае, не в те часы, что выше по реке. Мы наклонились вплотную над мутной водой. Не двигается. Самый разгар прилива! А затем вода стала медленно отступать к заливу. Мы трудились как бешеные, но без успеха. То ли «Тигрис» уходил все глубже в густой кисель, то ли нас все больше обволакивало илом. Плохи наши дела! Во главе с Юрием и Карло мы совместными усилиями сумели поднять и укрепить рулевые весла вровень с днищем.

Взошла луна, а мы торчим на том же месте, и на душе нехорошее чувство, будто нас неумолимо тянут вглубь липкой бездны руки незримого осьминога... Мимо «Тигрису» вверх по реке проходили в ночи ярко освещенные суда. Их-то вели настоящие лоцманы, знающие, что следует держаться подальше от нашего берега.

При свете луны Детлеф и Тору отважились подойти к иранской стороне, чтобы спросить команду либерийского судна, не могут ли они стащить нас лебедкой с мели. Последовал вежливый отказ: команда опасалась иранской полиции, поскольку мы застряли в Ираке. Тогда наши посланники подгребли к южнокорейскому судну. Корейцы соглашались подать трос до середины реки, но не дальше. И ведь нам все равно надо было ждать очередного прилива, иначе мы рисковали, что их лебедка разорвет на части наши бунты. На вопрос, когда теперь ожидается прилив, либерийцы и корейцы ответили совсем по-разному, так что наши ребята вернулись из Ирана ни с чем.

Положение что ни час становилось все хуже. Мы приготовились к тому, что прибывающий речной ил совершенно поглотит камышовые бунты.

Поздно ночью вода перестала отступать. В лунном свете казалось, что дно реки у нашего берега почти обсохло. Никаких событий не предвиделось, и мы один за другим легли спать, оставив вахтенного на крыше рубки.

В половине третьего я проснулся от шума воды, словно где-то открыли кран. Высунулся из рубки, вахтенный посветил фонариком, и я увидел, что шоколадного цвета вода устремилась вверх по реке, с бульканьем омывая торчащую у меня перед носом лопасть левого рулевого весла. Казалось, мы мчимся вниз по мутной стремнине. На самом деле «Тигрис» стоял на том же месте, а от залива с поразительной скоростью наступал приливной поток. Теперь-то уж точно ладью либо совсем занесет илом, либо сорвет с грунта! Мы снова спустили на воду шлюпку, Детлеф с Асбьёрном отвезли оба якоря на самое глубокое место, а остальные члены команды дружно впряглись в канаты, пытаясь снять «Тигриса» с мели.

Шел десятый час нашего плена, когда совместные усилия приливного потока и наших мускулов сдвинули ладью с мертвой точки. В половине четвертого нос «Тигриса» начал постепенно отворачивать от берега. Продолжая выбирать якорные канаты, мы криками разбудили лоцманов на *балям*. Я предпочел бы тут же и отпустить их восвояси, но где-то за очередным поворотом находился крупный иранский город Абадан, и без буксировки нам вряд ли удалось бы пройти между танкерами и нефтеочистительными установками. В пять утра мы смогли вернуть рулевые весла в рабочее положение и поднять парус к звездному небу. Убывающий лунный диск был окаймлен широким ярким ореолом.

За первой же большой излучиной мы увидели очертания Абадана на фоне утренней зари. Высоченные дымовые трубы, радиобашни, скопище могучих танкеров. Подул слабый лобовой ветер, и все еще давало себя знать встречное приливное течение, а потому мы убрали парус и попросили наших лоцманов провести нас возможно скорее через воды, грязнее которых нам в жизни не доводилось встречать. Из своего рода Эдема на Тигре наше золотистое суденышко вдруг было низвергнуто в современный ад. Жидкую среду между огромными пароходами и портовыми сооружениями нельзя было назвать ни морской, ни речной водой — это было черное мазутное месиво, усеянное всяким хламом. Более свободные участки поверхности переливались всеми цветами радуги в пронизывающих индустриальную мглу лучах утреннего солнца. Шумеры пришли бы в ужас, если бы увидели среду обитания, с которой современный человек связывает понятие о прогрессе. По черной от нефти и мазута

нижней половине зеленых стеблей *берди* у иракского берега без труда можно было определить высшую точку прилива. Остро пахло нефтью. Нам было стыдно глядеть на свое гордое суденышко, испачканное выше ватерлинии жирной черной грязью от мелких волн, поднятых неторопливо следующими мимо пароходами. И хотя мы опасались, что сильная тяга может повредить бунты, Рашад передал лоцманам на *балям*, чтобы включили полный ход. Надо было поскорее выходить в залив.

Стоило нам миновать город, как вода, к нашему удивлению, стала заметно чище, словно черное месиво колыхалось на одном и том же месте; впрочем, мы не сомневались, что оно настигнет нас, если мы не проскочим устье до начала отлива. Вода из черной стала бурой. Снова показались финиковые пальмы — жиденькие рощицы среди безотрадно голого ландшафта. Есть куда наступать индустрии...

Во второй половине дня над пустыющей гладкой равниной на иракской стороне выросли постройки. Фао. Последний город в устье Шатт-эль-Араба. Однако было бы неправильно сказать, что здесь конец реки. Во время отлива она лоснящимся морским змеем извивается дальше среди затопляемых трясин и обсыхающих отмелей, ныряя в глубину там, где исчезают последние признаки суши. Нам не терпелось добраться туда. Туда, где солоноватая вода сменится соленой, где чайки ждут, чтобы сопровождать нас на вольный простор открытого моря.

Глава IV. Затруднения продолжаются

Река кончилась. И суша кончилась. Мы рассчитались в Фао с нашими провожатыми, и *балям* прошла обратно вверх по течению. Оставив за спиной безликую линию заиленных прибрежных низменностей Ирана и Ирака, мы вошли в соленые воды и подняли парус над нашей плавучей корзиной с овощами. Пучки камыша и плетеный тростник весело покачивались на волнах, и вместе с ними качались в мешках и коробах красные помидоры, зеленый салат, желтые цитрусы, картофель и морковь. Скоропортящихся свежих продуктов было взято немного — ведь им лежать на залитой солнцем палубе нашей лодки-плота. В несколько дней одиннадцать голодных мужчин управятся с ними, а чего не съедят — обрастет плесенью, как обрастет зелеными водорослями подводная часть камышовых бунтов.

В Фао, на рубеже песчаных равнин и прибрежной низины, мы простояли ровно столько, сколько понадобилось, чтобы наполнить свое чрево и загрузить ладью плодами земли.

Сверх перечисленного выше запасли вдоволь лука, чеснока, изюма, различных местных орехов, зерна и крупы, не боящихся долгого храпения.

Из порта Фао в открытое море ведет расчищенный среди обширных отмелей приливно-отливной зоны длинный и узкий канал, по которому лоцманы проводят вдоль пронумерованных буюв большие корабли. Нас провел этим путем иракский буксир. Ил, ил, кругом сплошной ил... Непрерывно пополняемые отложения мельчайших наносных частиц с Армянского нагорья и приречных равнин Ирака. На рассвете вместе с отливом мы неспешно спустились по каналу.

За светящимся буюм Хафка, где кончилась буксировка, нас встретили первые отлогие волны залива. В утренней мгле над открытым морем взошло румяное солнце. Мы предвкушали небывалое плавание.

Выходя из канала в залив, я чувствовал, что опять преступаю некое научное табу. Ведь было принято считать, что суда вроде «Тигриса» дальше не ходили. Мы достигли рубежа, начертанного

компетентными учеными для месопотамских судов из камыша *берди*. Нас учили, что просторы залива стали доступны шумерам лишь после того, как они изобрели деревянные корабли. Учебники и преподаватели повторяли мнение какого-то давно забытого авторитета, будто жители Двуречья, как и древние египтяне, начали с того, что плавали по рекам на судах из связок камыша или папируса, однако за пределы устьев не могли выходить, пока на смену древнейшей конструкции не пришли первые суда с дощатой обшивкой.

И вот теперь мы занесли руку на общепринятую точку отсчета. В истории мореходства и культурных контактов через моря точкой отсчета служил момент перехода от компактных конструкций из бунтов к полному корпусу. Почиталось само собой разумеющимся, что до этого перехода все культуры и цивилизации развивались независимо друг от друга.

Я знал, когда мы подняли парус, выйдя из Шатт-эль-Араба, что представители разных отраслей науки воспримут мою экспедицию как вотум недоверия прочно утвердившимся воззрениям. Допустим. Но ведь я вел честную игру! Сторонникам старой доктрины представлялся случай убедиться, что правы они, а не я. Правда, при всем моем уважении к коллегам в области антропологических наук никуда не денешься от того факта, что ни один из них не видел своими глазами корабли из камыша *берди* и не мог сослаться на кого-либо, кто их видел. В этом мы с ними были равны, и надо признать, что мне стало слегка не по себе, когда наши две экспериментальные связки промокли насквозь в водах Тигра.

Хуже того, ладья тоже впитывала воду. И я сразу почуял недоброе, когда Юрий во время стоянки в Фао отозвал меня в сторонку для разговора с глазу на глаз. Плечистый русский ветеран папирусных плаваний смотрел на меня так, словно собирался предложить серьезную операцию. Он показал на ватерлинию «Тигриса»: заметил ли я, что осадка увеличилась?

Да, я заметил. И склонен был согласиться с Норманом, что кислоты или какие-то другие химикалии в сбросах бумажной мельницы могли нарушить покров наружных связок и облегчить воде доступ внутрь стеблей. Но когда камыш в этих связках набухнет сколько позволяют тугие веревочные витки, он, скорее всего, не даст воде проникать дальше.

Юрий молча поглядел на меня. Потом спокойно произнес:

— Мы с Карло считаем, что надо выгрузить все, без чего можно обойтись. Пусть лучше достанется жителям Фао, чем выбрасывать за борт в заливе.

Я присмотрелся к выражению его лица. Оробел? Не больше моего. Я знал, что подразумевает Юрий. Наша вера в водонепроницаемость *берди*, заготовленного в августе, опиралась только на слова болотных арабов. Поглощение воды папирусом начало уменьшать грузоподъемность двенадцатиметровой «Ра II», как только мы миновали Канарские острова. Тогда — по сути дела, еще до того, как мы пошли через Атлантику, — мы были вынуждены отправить за борт у берегов Африки все запасные деревянные части, а также излишки провианта и воды, иначе наш перегруженный кораблик грозил затонуть. Серьезное лицо Юрия напомнило мне тяжелые минуты, которые нам довелось пережить вместе на ушедших глубоко в воду папирусных бунтах. Минуты, когда мы сидели по пояс в соленой воде Атлантики и волны накрывали нас с головой. А на «Ра I» нам пришлось и того хуже. Конечно, папирус «Ра II» впитал много воды, и ракушки росли прямо на палубе, по все же мы дошли до Америки, не потеряв ни одного стебля. На «Ра I» положение было более серьезным. Избиваемая волнами бамбуковая рубка перетерла веревки основной конструкции, и корпус разошелся вдоль на две части, так что мы смотрели прямо в бездонную пучину между нашими ступнями. Минуты радости и торжества чередовались с минутами ужаса. Много дней и ночей мы со страхом глядели, как смерть то размыкает, то смыкает свои челюсти под нами, и неизвестно, что принесет следующая секунда.

— Ты прав, Юрий, — согласился я вдруг. — Выгрузим на берег все, без чего можно обойтись.

И вот уже мы вместе с Норманом и Карло составляем список. Компрессор для зарядки Германова акваланга, конечно же, лишний груз. И запасные баллоны ни к чему. Осмотреть бунты снизу или освободить застрявший в камнях якорь на коротком тросе можно и без акваланга, если мы к тому времени израсходуем сжатый воздух, а глубже погружаться нет необходимости. Остальные ребята, не ходившие на подобных судах, недоумевали, какая муха укусила четверку ветеранов. Герман возражал. Он купил дорогостоящее

сооружение в моих же интересах, чтобы вместе с Тору снимать под водой акул и прочих рыб, которые будут сопровождать бесшумно скользящую по волнам камышовую ладью.

Неубедительные возражения Германа остались без последствий. Мы не обязаны заниматься съемками с применением сжатого воздуха. Если уж на то пошло, искусственное освещение тоже не понадобится. И вместе с компрессором на берег отправились тяжеленные аккумуляторы и подводные светильники Германа, груда мексиканских сувениров и предметы личного обихода, которые в таком плавании были ни к чему. Все эти вещи заколотили в ящики и отправили по его домашнему адресу. Такой же чистке подвергся каждый из остальных. Впрочем, ревизоры были достаточно снисходительными, да и сами ревизуемые не брали с собой почти ничего лишнего. Главное разорение началось, когда Юрий взялся за деревянные запасные части. Я чувствовал себя так, словно он меня раздевает догола. Все мы четверо знали, что дерево — наиболее уязвимое звено камышового судна. Рангоут, мостик, но особенно — веретена рулевых весел. Где камыш под нагрузкой гнется, дерево ломается. Тугие, как толстая резина, связки камыша практически невозможно сломать. Иное дело — дерево. Оно не выдерживает поединка со стихиями.

А потому я, как и на «Ра II», взял на борт балки, рангоутное дерево, бруски твердой древесины для сращивания сломанных частей. Теперь Юрий, к удивлению и без того озадаченных новичков, предложил оставить все это. Наши друзья на *балям* с великой охотой приняли драгоценный дар, под весом которого их суденышко чуть не ушло под воду.

Мне с трудом удалось отстоять длинные гребные весла общим числом двенадцать штук. А также несколько брусков для аварийного ремонта.

Лучше сразу восстановить душевное равновесие, если кто-то уже сейчас начинает тревожиться. И ведь я сам не свободен от беспокойства.

Восемнадцатиметровый «Тигрис» был в полтора раза длиннее, чем «Ра II». Зато в команде одиннадцать человек вместо восьми. И запас воды и провианта рассчитан не на два месяца, как это было на «Ра I» и «Ра II», а на куда более долгий срок. А мнению ученых, как уже говорилось, мы могли противопоставить только слова болотных

арабов. Если не считать, что вместо папируса взят камыш *берди*, вся разница между новой экспедицией и двумя предыдущими сводится к тому, что материал заготовлен в августе, а не в декабре.

Нельзя сказать, чтобы осадка «Тигриси» заметно уменьшилась оттого, что мы сняли несколько сот килограммов груза. Впрочем, надводный борт все равно казался невероятно высоким. Нельзя запросто нагнуться и выловить проплывающую мимо щепку или помыть руки в море; последнее обстоятельство даже раздражало тех из нас, кто в прежних плаваниях привык совершать утренний туалет не прибегая к помощи брезентового ведра.

Тяжелая рея поднялась к топу двуногой мачты, парус расправился, и в нем словно отразилось румяное утреннее светило. Изображенное на парусине красное солнце поднималось из-за ступенчатой пирамиды. Настоящее парило в небе над мгlistым морем.

Большие ожидания... Мы рассчитывали на сильный ветер со стороны оставшегося за кормой Ирака. На просторах залива южнее приливпо-отливных низменностей для ветра нет помех. Так где же он?

Странно. Второй день декабря. Обычно всю зиму в заливе господствует устойчивый северный ветер. У нас задумано, если ладья будет держаться на воде, выйти из залива в океан. Желательно с заходом на лежащий чуть ли не прямо на нашем пути Бахрейн. Поскольку шумеры ввозили лес для строительства деревянных судов, ученые полагали, что зимой они с попутными ветрами покидали родные берега, а с грузом возвращались летом, когда ветер менял направление на обратное.

Однако в последние годы погода явно изменила своим привычкам. Как будто стихии решили, что век парусного мореплавания все равно кончился. В самом деле, зимние дожди застigli нас в Садах Эдема на месяц раньше положенного срока. В Фао мы услышали от арабов, что последние два года ветры точно с ума посходили. И вот пожалуйста — словно мы вдруг застряли в экваториальной штилевой полосе.

Оставалось приноравливать курс ладьи к недолгим порывам слабых ветров. Вот где нам пригодился бы какой-нибудь современный Синдбад! Пока мы спускались по реке, я все не терял надежды найти опытного парусника, который согласился бы пойти с нами. Какого-нибудь старожилы, знающего мели и течения у здешних берегов. Но такие знатоки исчезли вместе с ветром. Перед выходом из устья мы

увидели напоследок у иранского берега целую флотилию ярко раскрашенных старых *дау*. И на всех них мачта уступила место мотору.

Да, мир шумеров изменился — что на суше, что на море. Пески поглотили шумерские поля и города, засыпали судоходные каналы. Наносы ила нарастили берега, преобразив их очертания. И морские просторы перестали быть ареной для различных парусно-гребных судов. Моторы. Машины. Не завися больше от ветров и рифов, арабы, а также соседи и гости арабов спокойно плавали на своих суденышках среди нефтяных эстакад вдоль побережья, смело пересекали сеть современных торговых путей. Некогда безмятежные воды у берегов Двуречья стали отнюдь не подходящей областью для новичков, пытающихся освоить управление камышовой ладьей.

Нам надо было следить за тем, чтобы не оказаться на дороге у других судов. Надо было поскорей выбираться с огромной акватории, отделяющей Аравийский полуостров от остальной Азии. Будем прижиматься к аравийскому берегу, насколько позволят рифы и мели. В этой полосе мы сможем маневрировать, не опасаясь встречи с непрерывным потоком больших пароходов.

Наши штурманы внимательно изучили карты в поисках наилучшего маршрута подальше от судоходных линий, островов и нефтяных эстакад. Норман предложил курс 135°. Детлефу больше нравился курс 149°. В это время чей-то голос с мачты посоветовал нам сперва как следует осмотреться. Мы послушались. Утренний туман еще не рассеялся, но в бинокль можно было рассмотреть стоящие на якоре суда. Со всех сторон суда! Ведя биноклем слева направо, я насчитал четыре десятка пароходов, потом уперся взглядом в какое-то страшилище: высоченную нефтяную эстакаду с причаленным к ней танкером — и бросил считать. Повсюду впереди торчали мачты; некоторые из них медленно уползали во мглу.

Какой курс ни выбери, нас везде подстерегало беспорядочное скопление больших судов; одни стояли на якоре, другие двигались тихим ходом. Приблизившись, мы увидели, что преобладают сухогрузы. Мало того, что тут происходила загрузка танкеров нефтью, здесь находилась также известная якорная стоянка для многочисленных судов, ожидающих своей очереди идти вверх по реке и разгружаться в портах Ирана и Ирака, вплоть до Басры.

Из мглы возник высокий нос японского танкера. Могучий корпус проплыл совсем рядом с нашей кормой. Я стоял на одном рулевом весле, Юрий — на другом. Из-за слабого ветра ладья плохо слушалась руля, и нам приходилось трудиться вовсю, чтобы не столкнуться даже с неподвижно стоящими судами.

Норман и Детлеф пришли к согласию, что сейчас лучше всего ориентироваться на буй под номером 23. Поглядев в ту сторону, я еле-еле рассмотрел красное пятно в тумане за скоплением кораблей.

Постепенно мы начали разбираться в окружающем хаосе. Танкерный фарватер и заправочная станция теперь были справа от нас. Слева стояли только сухогрузы. Ветер был такой слабенький, что нам понадобилось целых два часа, чтобы миновать пароходы. До большого красного буя оставалось метров сто, и я хорошо видел выведенный черной краской номер «23». Мы решили выждать у этого буя, когда подует ветер посильнее. Вон он, совсем близко. Кстати, минуту назад он был еще ближе... Ветер стих. Нас относило течением. Относило туда, откуда мы пришли. Отлив сменился приливом, и течение стало разворачивать сухогрузы на их длинных якорных цепях. Раньше мы видели левый борт, теперь они повернулись к нам правым бортом. Нос и якорные цепи смотрели в противоположную сторону от берега.

Парус совсем не работал. Было яснее ясного, что приливное течение увлекает нас обратно к устью Шатт-эль-Араба, которое сейчас качает воду вверх по реке. В это время мы заметили, что примерно в миле от нас с одного из сухогрузов спускают на воду какой-то оранжевый предмет. Он стал приближаться к нам, и я рассмотрел необычную спасательную шлюпку. Она скользила по воде бесшумно, словно призрачное видение. Без мотора, без паруса, даже без весел. Мы впервые видели такую шлюпку. Она была набита битком дюжими мужчинами; большинство — голые по пояс, голова обвязала платком. Сидя вдоль бортов лицом к лицу, они равномерно вращали длинный коленчатый вал, явно соединенный с винтом. Никакого горючего. Лишь отменно согласованные движения работающих рук. Словно некое морское животное ползло по воде, перебирая множеством ног. Ритмично нагибались и выпрямлялись обнаженные торсы. Впереди высунулась чья-то голова:

— Юрий! Юрий Александрович Сенкевич!

Это были русские. Они знали Юрия.

Крепкие рукопожатия. Карло живо подал на шлюпку трос, и Юрий попросил своих соотечественников закрепить конец на бую, до которого теперь было около трехсот метров. Они тотчас сели по местам и принялись дружно крутить рукоятку, направляясь к бую. Тащить нас им было не под силу — только наш швартов. Разматывающийся трос все сильнее тормозил ход шлюпки. Карло поспешно наращивал швартов, пока не кончились наши запасы троса. К его великой досаде, последний кусок вырвался из рук и скользнул за борт. Мы стали махать русским, чтобы возвращались с нашим швартовом. Они лишь приветственно махали нам в ответ и продолжали изо всех сил крутить привод винта. Вконец измотанные, дотащили длиннющий швартов до цели и надежно закрепили на бую 23. После чего начали сигналить нам знаками, чтобы мы выбрали слабину. А нас уже порядочно отнесло от улизнувшего конца. Так далеко, что мы больше не различали номер бую.

Замешательство русских длилось недолго. Впрочем, нам в эти минуты было не до них и не до потерянного троса — «Тигрис» мог вот-вот сесть на мель. Мы поспешили приготовить оба малых якоря. Правда, наши якорные тросы коротковаты, но авось один, а то и оба якоря все же зацепятся за грунт раньше, чем нас прибьет к мелям. Да только что это за грунт — рыхлый ил, принесенный рекой! У пароходов длинные якорные цепи, в любом месте залива достанут до крепкого грунта. Хорошо еще, что между нами и берегом не было ни скал, ни рифов.

Смотрите! Стоя на крыше рубки, Норрис показывал на большой черный сухогруз, который покинул стоянку и шел прямо на нас, направляемый оранжевой шлюпкой.

И вот уже нам подают конец непокорного швартова. Другой конец был закреплен на шлюпке, а шлюпку повел за собой на буксире пароход, возвращаясь к месту якорных стоянок. Руководил операцией коренастый крепыш в шортах, который стоял на носу оранжевого суденышка. Широко улыбаясь, он попросил разрешения посетить нашу ладью. С легкостью кенгуру прыгнул на камышовую палубу и представился: капитан Игорь Усаковский. Средних лет, румяный, веселый моряк, командир 17000-тонного советского сухогруза «Славск», приписанного к Одессе. Ощутив под ногами упругие связки, наш гость пришел в восторг, точно мальчуган, оседлавший деревянную

лошадку. Проверил прочность двуногой мачты и тростниковой стены, постоял на рулевом мостике, полежал на полу в рубке, посидел на дощатых скамейках. А спустя несколько минут вся наша команда уже сидела за двумя длинными столами в кают-компании командного состава на «Славске», уписывая русский борщ и любуясь ожидающими своей очереди блюдами, а также двумя статными блондинками, которые их приносили. Водка, вино, советское шампанское. Свиная отбивная, пирожки с мясом, капустно-морковный салат, сыр, масло, свежий русский хлеб. Капитан Игорь встал и произнес тост, потом встал я, по очереди вставали все ребята с «Тигрису». Наш хозяин был большой оратор, юморист и едок. Пить он тоже умел. Родился в Грузии, куда судьба занесла его отца, польского революционера. В начале обеда он величал меня «капитан», потом я стал «отец».

— Будь здоров, отец мой, — говорил он всякий раз, поднимая бокал.

Когда же я стал подсчитывать, действительно ли гожусь ему в отцы, он пояснил, что не в возрасте суть, а в опыте.

— В таком случае вернее называть меня внуком, — возразил я.

И правда, кто я такой? Сухопутный краб, который пристрастился дрейфовать на доисторических плотках, проверяя, сколько они могли продержаться на воде. То ли дело капитан Игорь — настоящий морской волк! Начал молодым парнем на китобойце в полярных водах. Позже, став капитаном, избородил все моря.

Вечер закончился в просторном салоне, где собрались все сорок человек команды и офицерского состава. В ночном воздухе далеко разносилась режущая ухо громкая музыка с ближайшего соседа «Славска» — греческого сухогруза. Нелегко давалось долгое ожидание сотням томящихся бездельем моряков, которые застряли в этой плавучей железной деревне. Некоторые суда стояли здесь уже больше месяца. Капитан «Славска» рассчитывал, что еще неделю-другую придется ждать своей очереди идти вверх по реке до Басры.

В приподнятом настроении возвращались мы сквозь ночной туман к «Тигрису», крутя ручной привод. Моторная шлюпка «Славска» лежала на палубе: ремонт.

До восхода солнца оставался еще не один час, когда мы забрались в спальные мешки, но я проснулся затемно, ощутив прохладное

веяние, которое проникало сквозь тростниковую стену. Ветер. Я разбудил остальных. Ветер! Протирая глаза, мы побрели к парусу и рулевым веслам. Протирая глаза, обнаружили, что ветер — хуже не придумаешь. Сила есть, да направление не то: юго-восточный. Прямо противоположный обычному для этого времени года. У нас задумано идти на остров Бахрейн, а ветер как раз оттуда.

Все против нас. Тем не менее лучше сделать попытку, чем торчать на одном месте. «Славск» отвел ладью за пределы рейдовой акватории, и мы снова подняли единственный наличный парус. Тонкая парусина, рассчитанная на попутный ветер. Парус для лавировки, с кренгельсами и ликтросом, по-прежнему лежал на крыше рубки, распоротый на части. Полнейший идиотизм! Чтобы ставить его, надо было сперва дойти до Бахрейна и найти опытного мастера, знающего, как сшивать такие полотнища. Ладно хоть у тонкого паруса площадь больше — прибавит нам скорости!

Со времени спуска на воду прошло три недели, а осадка нашей ладьи была совсем незначительной, если сравнивать с обеими «Ра». И под широким легким парусом мы стали быстро удаляться от рейдовой акватории и танкерного фарватера. Ветер усилился. Заодно он еще больше отклонился к югу. При нашем парусном вооружении оставалось лишь идти перпендикулярно к ветру, курсом 240—250°. Любая попытка править круче к ветру привела бы только к сильному сносу.

Волны курчавились белыми барашками; суда и суша скрылись из виду. «Тигрис» шел в сторону острова Файлака у берегов Кувейта. Ход был приличный, и курс нас вполне устраивал. Так и так нам надо отклониться на запад, сторонясь оживленных торговых путей в средней части залива. Пойдем пока поближе к берегам Саудовской Аравии, а когда ветер переменится и подует, как положено, с севера, мы при таком ходе за четыре дня доберемся до Бахрейна.

Однако ветер не желал вести себя как положено. Он все сильнее дул с юга, и мы с нарастающей скоростью шли на запад. Поднятая свежим ветром частая волна с глубокими ложбинами вызывала сильную бортовую качку. Чтобы устоять на мостике, надо было широко расставлять ноги. Кое-кого укачало. Асбьёрн, болезненно улыбаясь, извинился и полез в носовую рубку, чтобы лечь. Длинные

колена двойной мачты начали подпрыгивать с громким стуком. Карло затащил потуже крепления, притягивающие их к башмакам.

Нам встретилось несколько дельфинов; других признаков жизни мы не наблюдали. «Тигрис» продолжал идти западным курсом в сторону Кувейта. Если южный ветер — не на один день, придется бросить якорь где-нибудь у Фай-лаки и ждать перемены погоды. Возможно, так поступали древние мореплаватели. Им недоставало многих современных удобств, но времени у них было вдоволь.

При таком направлении ветра следовало искать укрытия у северного берега Файлаки. Однако навигационная карта не сулила нам ни гаваней, ни подходящих стоянок. В широкой полосе, отделяющей с севера остров от материка, вообще не было обозначено никаких деталей. Картографы ограничились пометкой, что этот район не пригоден для судоходства из-за сплошных мелей. Правда, плоское днище, тугие бунты и умеренная осадка ладьи позволяли нам рисковать там, где другим риск был противопоказан. Норман обратился за справкой к изданной годом раньше в Лондоне «Люции Персидского залива» и прочел вслух:

«...Эти берега редко посещаются европейцами. Обширные области здесь вовсе не заселены, и выходить из городов на материке без вооруженной охраны, судя по всему, рискованно».

Ветер еще прибавил. Наша скорость возросла. День подошел к концу, и солнце погрузилось в изрезанное волнами море впереди нас. В той самой стороне, где находился остров Файлака с его мелями.

В наши планы не входило забираться так далеко на запад. Мы нацеливались на остров Бахрейн, лежащий по пути к выходу из залива, а вместо этого теперь держали курс на Файлаку. Словно судьба вознамерилась подшутить над нами. В трудах специалистов по древнейшей истории шумеров эти два острова выступали в роли соперников. Лично я был не против того, чтобы взглянуть на Файлаку до того, как мы покинем залив. Мы плыли в исконно шумерских водах, а этот остров лежал ближе всех к древним шумерским портам. На совещании в Багдадском музее иракские ученые не один раз упоминали его. Видный исследователь Фуад Сафар склонялся к тому, что Файлака и есть упоминаемый на шумерских глиняных плитках *Дильмун*. Бахрейн, считал он, расположен слишком далеко.

Но стремительно приближаясь на «Тигресе» к Файлаке, мы уже вечером первого дня спрашивали себя: не слишком ли он близко расположен? Большинство ученых помещают легендарный Дильмун на Бахрейне, потому-то мне так и хотелось туда попасть.

Одно не вызывало сомнения: в темноте прямо по нашему курсу таился бесплодный клочок суши, способный поведать немало интересного о деятельности древнейших мореплавателей. Песчаники низкого островка длиной семь миль и шириной три мили, говорил я своим спутникам, сохранили множество следов доисторической активности покорителей моря.

Сам Александр Великий наименовал остров «Икария», когда около 325 года до нашей эры здесь проходили греческие парусники, построенные в далекой долине Инда. Голая ныне земля тогда была еще лесистой, а местоположение острова делало его удобной базой для эллинов при захвате территорий по берегам залива. Хотя поблизости располагалась на материке огромная страна, названная ими Месопотамией, они воздвигли крепость и храм Артемиды на крохотном островке. Древние греки, как это было заведено у европейцев и восемнадцать-двадцать веков спустя, почитали себя открывателями, приходя в страну с другими богами и другой культурой. И только недавние раскопки показали, что, когда Александр Великий более двух тысяч лет назад приплыл на Файлаку, остров еще за две с лишним тысячи лет до него был освоен шумерами.

Эллины, давшие имя стране между реками-близнецами и островам в заливе, никогда не слышали про Шумер. Шумеру как государству пришел конец после разрушения Ура около 2050 года до нашей эры. И люди его вместе с их языком и культурой были забыты, пока засыпанные песком развалины и клинописные анналы не были раскопаны и расшифрованы в прошлом веке учеными, которые возродили к жизни шумеров.

Но лишь в последние десятилетия археологи начали раскопки на Файлаке и обнаружили, что здесь побывали также жители континента. И не только шумеры. До них на острове высаживались аккадцы, а после — вавилоняне. Правда, отложения речного ила у иракских берегов приблизили к ним Файлаку на добрую сотню миль со времен шумеров, по остров был вполне доступен и для основателей первых цивилизаций Двуречья.

Впервые я прочел про Файлаку в книге археолога Джеффри Бибби. Англичанин по рождению, он рассказывает, как ему и его датским коллегам удалось найти множество черепков и печатей, раскапывая развалины и мусорные кучи на маленьком острове. Древние печати для клеймения товаров были особенно характерными приметами, вроде отпечатков пальцев. Изображенные на них символы и мотивы позволяли привязать каждую печать к определенной эпохе и определенной области окружающего остров мира.

Большинство находок отличалось от того, что было известно по близлежащей Месопотамии. И ничто не связывало их с материковым Кувейтом, который вообще чрезвычайно беден археологическими памятниками. Зато очень многие файлакские предметы принадлежали забытой цивилизации, процветавшей на Бахрейне около четырех тысяч лет назад. Видимо, две доисторические островные культуры, разделенные дистанцией около 250 миль, поддерживали тесные морские контакты.

Бибби руководил датской археологической экспедицией на Бахрейне. Здесь были обнаружены неизвестные раньше портовые города и храмы, способные поспорить древностью с египетскими и шумерскими. Данные раскопок убедили Бибби и большинство других ученых, что Бахрейн, а не Файлака — Дильмун шумерских источников. Но Джеффри Бибби пошел дальше, предположив, что под Дильмуном могла подразумеваться обширная морская империя, включавшая и Бахрейн, и Файлаку.

Самой замечательной среди находок на Файлаке оказалась круглая печать, явно изготовленная в далекой Индской долине^[9]. Тонкая, плоская, с высокой шишечкой и с надписью, сделанной не расшифрованными до сих пор письменами древней индской культуры. Очевидно, тот, кто доставил печать на остров, соприкасался с представителями великой цивилизации, которая во времена шумеров процветала на берегах реки Инд и в приморье нынешнего Пакистана и Индии. Внезапно возникнув около 2500 года до нашей эры на вполне зрелой стадии, с великолепными городами Мохенджо-Даро и Хараппа, могущественная цивилизация у берегов Индийского океана столь же внезапно и необъяснимо погибла около 1500 года до нашей эры.

Хотя Александр Великий строил свои суда в долине Инда, он пришел туда слишком поздно, чтобы доставить индскую печать на

Файлаку. Во времена Александра индская письменность, как и сами города Мохенджо-Даро и Хараппа, была погребена под землей и забыта; лопата археолога открыла ее вновь всего лишь полвека назад. Выходит, между 2500 и 1500 годами до нашей эры остров Файлака поддерживал связи не только с Бахрейном, но и с развитым государством за пределами залива. Люди, умеющие читать и писать, создатели собственной письменности, бороздили здешние воды задолго до того, как из стран Ближнего Востока грамота распространилась в Грецию и другие страны Европы.

Мои товарищи на «Тигресе» знали, что незадолго до нашего старта я побывал в Кувейте, надеясь посетить Файлаку. Сейчас, когда встреча с островом представлялась нам неизбежной, они с живым интересом слушали мой рассказ. Правда, мне в тот раз не удалось попасть на Файлаку, хотя всего три часа хода на катере отделяют его от столицы Кувейта. На северо-западном берегу острова, обращенном к Кувейту, есть даже маленькая гавань, тогда как подходы ко всем остальным берегам, включая восточный, куда мы теперь приближались, закрыты рифами и мелями. Однако прежде, чем дело дошло до катера, я познакомился с начальником управления музеев и древних памятников Кувейта Ибрагимом эль-Багли, который свел меня с куратором древностей Имраном Абдо, специалистом по археологии Файлаки. И оказалось, что дальше ехать не надо. То, за чем я приехал, уже вывезли с острова. Абдо сходил за ключами и открыл для меня музейные витрины.

Совершенно верно. Вот они — бесценные печати с выгравированными на них сценами из шумерской и вавилонской мифологии! Такими печатями клеймили товар купцы, посещавшие Файлаку во времена дописьменной истории. Я заметил мотив, который для меня был куда важнее легендарных встреч между шумерскими полубогами и царями. Корабль! Серповидный корабль с мачтой и с поперечной штриховкой на корпусе, изображающей крепления камышовой конструкции вроде нашей.

Я увлеченно продолжал разглядывать древнюю печать. Абдо, голубоглазый палестинец, три десятка лет занимающийся исследованием местных древностей, смотрел на меня с удивлением. Разве я не знал, что Файлака был одним из древнейших центров мореходства? На острове найдены свидетельства весьма давних связей

не только с близлежащими Двуречьем и Бахрейном и не только с далекой долиной Инда, но даже с Древним Египтом.

Он извлек из своей археологической сокровищницы какой-то обломок. Обыкновенный камень, но явно часть изделия, потому что одна грань была отшлифована до блеска.

— Египетский гранит, — торжествующе произнес Имран Абдо. — Раскопан на Файлаке пять лет назад американской экспедицией из университета Джонса Гопкинса.

Мы вместе любовались камнем, который в наших глазах был дороже золота. Золото могло попасть на Файлаку откуда угодно. А такой вот гранит добывали только в далекой долине Нила. Эллины не возили гранит из Египта на Файлаку. Я еще не насмотрелся на драгоценный экспонат, а Имран Абдо уже развернул куски обработанного алебаstra.

— Поглядите, — сказал он. — Алебастр кремового цвета. Как в Египте. А не белый, как в Анатолии.

Затем он с великой осторожностью открыл коробочку, в которой лежало скульптурное изображение жука длиной с большой палец. Скарабей! Самый настоящий египетский скарабей! Украшен местными символами, но наносил их человек, явно испытывавший египетское влияние.

На Файлаке археологи нашли также высокий стройный сосуд древнеегипетского типа. Он отдаленно напоминал сосуды, в которых лежали знаменитые свитки Мертвого моря, по заметно отличался от известных нам изделий Двуречья.

Все эти предметы служили важным доводом, подтверждающим гипотезы о дальних плаваниях, однако меня особенно занимали печати. Осмотрев всю коллекцию, мы с Абдо отобрали пять файлакских печатей с четким изображением судов. Пять серповидных камышовых кораблей с мачтами. На одном из них сидящий на корме человек держал в руках пропущенный через верхушку мачты фал от большого плетеного паруса. На другой печати два человека, стоя по обе стороны мачты, удерживали над головой нижнюю шкаторину зарифленного паруса. Все пять печатей с кораблями датировались приблизительно 2500 годом до нашей эры.

Я рассказывал команде «Тигрису» о посещении кувейтского музея, а наша собственная камышовая ладья быстро шла по

направлению к Файлаке.

Темная ночь. Блики от фонарей на внимательных лицах вокруг стола, который полетел бы за борт вместе с нами, не будь он прочно привязан к палубе. Каждый из нас закрепил свой страховочный конец за колено мачты или за штаг, чтобы не кануть в ночное море, если судно внезапно накроет шальная волна с левого борта.

— Герман! — крикнул я через стол моему мексиканскому другу, который хуже других членов команды понимал английский язык. — Ты уяснил себе, что я увидел на файлакских печатях?

— Корабли.

— Верно, корабли. Притом в точности похожие на те, что мы с тобой видели на изображениях в каньонах Верхнего Египта. До того похожие, что их можно приравнять к отпечаткам пальцев.

Я продолжал свой рассказ.

Услышав от меня, что мы строим в Ираке такой же камышовый корабль, собираясь испытать его в заливе, Абдо несколько не удивился. Файлакские рыбаки, сказал он, вплоть до недавней поры пользовались лодками древнего типа, последнюю из них ему даже удалось приобрести для музея. Они во всем похожи на лодки, какие были в употреблении в Ираке несколько лет назад. Только связки для них делали из черешков пальмовых листьев, поскольку на Файлаке не было камыша.

— Что ты там толкуешь про отпечатки пальцев? — Из носовой рубки рядом с нами высунулось улыбающееся лицо Асбьёрна.

Терпение, Асбьёрн, сейчас услышишь...

Мало того, что остроконечные корма и нос кораблей на файлакских печатях загнуты высоко вверх, как у нашего «Тигрису» и у древних камышовых лодок на островах Средиземноморья, — на носу с обеих сторон торчит по длинному кривому рогу. На самых совершенных изображениях видно, что речь идет именно о рогах, на более упрощенных нос просто разветвляется на три части. Я еще раньше заметил эту своеобразную деталь на многочисленных египетских петроглифах и на месопотамских печатях. Когда родилась первая известная нам письменность, тройчатая оконечность загнутого кверху носа послужила прообразом для знака, отвечающего слову «корабль» в древнейшей шумерской иероглифике. И этот же знак, как установили ученые, обозначал у древних египтян понятие «морской».

Добавим, что у шумеров одно и то же слово означало «нос корабля» и «рог».

Здесь крылась какая-то связь, и она начала проясняться для меня, когда Имран Абдо показал мне такие же «рога» на файлакских печатях и добавил, что в здешних местах было принято укреплять на носу корабля череп газели — либо настоящий, либо вырезанный из дерева.

Вот мы и подошли к тому, что я приравнивал к отпечаткам пальцев. Три из пяти файлакских печатей отличает весьма необычный способ изображения серповидных кораблей. Изгиб палубы совпадает с вогнутой спиной газели, так что животное и судно сливаются воедино. Гордо поднятая рогатая голова вместе с шеей соответствует высокому носу судна; задранный кверху хвост совпадает с кормой. Мачта опирается на спину газели, так что команда одновременно плывет на корабле и едет верхом. В одном случае, как уже говорилось, два человека по бокам мачты удерживают над головой зарифленый парус.

Плывущие на судне и в то же время едущие верхом на газели люди — общий для упомянутых трех печатей мотив. Возможно, речь идет о символе, передающем волнообразное движение. Как бы то ни было, сочетание корпуса парусного судна с туловищем животного — особенность столь же специфическая и неповторимая, как отпечаток пальца. То есть повториться-то она могла, но только при каком-то общении между проектировщиками судов. Необычное сочетание поразило и заинтриговало меня в первый же раз, когда я увидел его в научном труде о египетских петроглифах. В тексте говорилось, что суда — один из самых распространенных мотивов среди наскальных изображений додинастического периода, обнаруженных в пустыне между Нилом и Красным морем. Оттого я и пригласил Германа вместе со мной посетить высохшие русла — *вади*, чтобы поискать в них еще какие-нибудь данные о древнем судоходстве.

Когда глубокие пески и груды камня остановили джип, мы с Германом продолжили путь пешком в сторону Красного моря. Казалось бы, в такой местности нелепо искать какие-либо намеки на судоходство: ни капли воды, ни одного зеленого листика. Животный мир представлен только мухами, змеями и стервятниками. Сухие *вади* пересекают бесплодное приморское плато, впадая безводными притоками в Нильскую долину. Крутые склоны и окатанные камни на дне *сади* свидетельствуют о том, что в древности здесь протекали

глубокие реки. Некогда весь этот край вплоть до Красного моря зеленел травой и деревьями, орошаемый обильными дождями. Картина резко изменилась пять-десять тысяч лет назад, в дофараоновы времена. Ботаники и климатологи продолжают спорить о причине: то ли климат переменялся, потому что лес исчез, то ли лес исчез, потому что переменялся климат. Доподлинно известно, что Двуречье в древности тоже было покрыто лесами. Шумеры описывают лесистые холмы своей страны^[10]. Фараоны про леса не упоминают. Но археология установила, что задолго до фараонов Египет населяли люди, к голосу которых тоже следует прислушаться.

Немало писалось о том, что пустынные *вади*, к которым мы вышли, изобилуют древними наскальными изображениями судов и лесных животных. Мы убедились в этом своими глазами. Многие изображения не публиковались раньше, но репертуар был все тот же: антилопы, водяные козлы и другие длинноногие копытные, жирафы, львы, крокодилы, страусы. Наряду с животными — охотники с собаками и множество судов. Суда и лодки всевозможных размеров. Одни приводились в движение веслами, другие — парусами. Все суда — хорошо знакомого нам по додинастическому искусству типа: серповидной формы, связанные из камыша. Судя по числу весел — до двадцати и даже до сорока, — некоторые корабли достигали внушительных размеров; в нескольких случаях численность изображенной на палубе команды составляет пятьдесят и больше человек. На многих показаны две рубки — впереди и позади мачты. Иногда на палубе изображен рогатый скот или другие крупные животные, причем они кажутся совсем маленькими на транспортирующих их кораблях.

Осмотрев вместе с Германом Вади Абу-Субейра — широкий пустынный каньон между Асуаном и Красным морем, — я лишний раз убедился, что развитый водный транспорт играл важнейшую роль в области Красного моря задолго до того, как человек одомашнил лошадь и изобрел колесо. В полной ли мере оценена суть того, о чем может поведать доисторическое искусство этого края? Похоже, тот факт, что египетские петроглифы — ценные образцы бесхитростного местного искусства дофараоновой поры, значил для исследователей больше, чем сокрытый в них смысл. Для меня же подлинная их ценность не столько в художественности, сколько в том, что они

отражают действительность, окружавшую художников до формирования известной нам цивилизации. Лесные животные и суда. Кроме обитавших в этом краю зверей художники запечатлели на камне древнейшие достижения строительного искусства: большие суда для перевозки грузов и для безопасного передвижения. Суда строили и рисовали задолго до появления колесных экипажей, крепостей и храмов. Большие суда типа плотов позволяли человеку передвигаться, не страшась врагов и диких зверей, в те далекие времена, когда здесь простирались полные опасностей леса, когда не было ни дорог, ни обнесенных стенами городов-государств. Дикие животные и корабли — вот что занимало воображение художника в тысячелетия, предшествующие фараонам.

Сухие долины ведут к Нилу. Однако расстояние, отделяющее наскальные изображения от Красного моря, совсем невелико, а прежде, быть может, было и того короче. К тому же не исключено, что высохшие русла принадлежали рекам, которые из лесов стекали к морю. Поднятия суши, связанные с тектоникой Рифт-Валли, вещь вполне вероятная. Обводы додинастических судов убедительно говорят о том, что они были мореходными. Изящно загнутые вверх корма и нос, как на «Тигресе», а подчас еще выше, — несомненные признаки конструкции, рассчитанной для моря. Конечно, такие суда годились и для внутреннего плавания (скажем, на том же Ниле), но первоначальные творцы этой модели думали отнюдь не о барже или плоту для перевозки грузов, животных или людей по тихой реке. Они создавали судно, с легкостью газели прыгающее через морские волны, как мы на «Тигресе» прыгали и скользили через пенящиеся гребни. Динамичное сочетание парусника и газели, символизирующее легкий бег по волнам, — эта композиция выделялась мастерством среди всех виденных мной древних петроглифов на скалах *вади*.

Некто знакомый с этой искусной композицией совершил до нас прыжок из области Красного моря на Файлаку. Три печати с мотивом, повторяющим судно-газель египетских петроглифов, — поистине отпечатки пальцев. И вот теперь мы сами приближались к Файлаке.

Я простоял на руле почти всю вторую половину дня, а потому посоветовал теперь свободным от вахты ребятам лечь пораньше, в предвидении опасных вод и бурной ночи. Асбьёрн уже пришел в себя и поочередно с Эйч Пи дежурил на мачте, высматривая огни. На карте

был обозначен маяк, указывающий судам путь на Кувейт в обход юго-западной оконечности Файлаки и его отмелей. Высота маяка — 25 метров, дальность видимости — 16 миль. Примерно в миле к северу от маяка помечен опасный риф — с постоянным огнем, если верить карте. Без всяких огней, если верить лоции.

В восемь вечера я лег, но не успел толком заснуть, как Норман просунул голову в рубку и сообщил, что с мачты виден огонь. В том самом месте, где мы рассчитывали его обнаружить. Что ж, значит, есть еще время подремать немного.

Однако через минуту Норман появился снова. Он был заметно встревожен. «Тигрис» быстро идет прямо на скалы. Попытки рулевых провести ладью левее маяка и выйти на фарватер, ведущий к Кувейту, ни к чему не приводят — очень уж сильно нас сносит ветром.

Чтобы не напороться на маяк и скалы справа от него, нам оставалось только спуститься под ветер и курсом 290° идти прямо на Файлаку.

Вот уже и с палубы видно мигание маяка в черной ночи. Три проблеска — и долгий перерыв, плотная стена крошечного мрака. Свет керосиновых фонарей озарял только желтый камыш и бамбук в объятиях черного космоса. Лихо пляшущие искорки светящегося планктона в струе от рулевых весел — не в счет.

Наблюдатель на качающейся мачте докладывал, что не видит никаких огней, кроме быстро приближающихся слева вспышек. Маяк-то мы минуем, но где же риф? Он явно не освещен. Современные суда не ходят по эту сторону маяка.

Асбьёрн простерся на загнутых вверх носовых связках и, высунув вперед голову, чтобы не мешали наши фонари, высматривал подводные камни. Световые сигналы незримой башни проскользнули слева от нас на некотором удалении. Хватит ли этого расстояния, чтобы благополучно обойти неосвещенный риф?

Мы тщетно пытались пронизать взглядом темноту с палубы и с мачты; в это время из рубки выбрался Карло и сказал, что слышит шум прибоя. Все внимательно прислушались. Точно. Теперь и остальные уловили, что к шипению гребней вокруг ладьи примешивается все более громкий, ритмичный аккомпанемент волн, разбивающихся о камни. Рокот доносился откуда-то спереди-слева.

Суша. Скалы. Теперь с левого борта. Хорошо слышно. А что впереди? Для верности мы отвернули еще сильнее вправо и пошли курсом 320°, по-прежнему ничего не видя. Гул прибоя постепенно пропал, заглушенный привычно бурлящими гребнями. А вскоре и этот шум заметно умерился. Заодно прекратилась боковая качка. Видно, что-то заслонило нас от ветра. Скорее всего, оказавшийся с наветренной стороны островок с маяком. Самое подходящее место, чтобы отдать якорь и ждать благоприятного ветра. Впереди только широкие отмели и острые скалы Файлаки. Норман крикнул с мачты, что видит на горизонте рассыпанные по берегу острова тусклые огоньки.

Я скомандовал развернуть судно на сто восемьдесят градусов и спустить парус, чтобы отдать якорь с носа, где широкие полосы буйволовой кожи предохраняли бунты от повреждения тросом. Детлеф с помощниками уже стоял на носу, держа наготове якорь. Ребята ловко управлялись со шкотами, фалами и брасами, и вот уже парус собран на рее, можно бросать малый якорь. Безупречное взаимодействие! Часы показывали 22.30.

Через несколько секунд с носа донеслись какие-то возгласы. Шум волн не позволял разобрать слова. Стоявший на крыше рубки Норман сказал, что мы, похоже, потеряли якорь. То же самое прокричал откуда-то спереди Эйч Пи. Что за неуместные шутки, когда перед нами рифы? Я отказывался поверить услышанному, пока вынырнувший из темноты Детлеф не доложил, что якорный трос лопнул.

— Живо! Второй якорь!

К счастью, на корме у нас лежал в запасе другой якорь, поменьше. Карло и Детлеф уже полным ходом готовили его. Мы проверили и перепроверили все узлы. Я снова и снова твердил:

— Смотрите, чтобы все было в порядке! Больше нам нечем зацепиться за дно!

Пошел за борт второй якорь. «Тигрис» начал выходить из полосы заштиления, образованной незримым островком, ветер нажал на высокую корму и нос, и мы стали набирать скорость. Якорь явно не зацепился за дно. Кто-то негромко предположил, что, может быть, и этот якорь потерян. Остальные молчали. Детлеф подергал трос и решил выбрать слабинку. Из черной воды вынырнул оборванный конец. Мы продолжали молча смотреть. Детлеф застыл, не находя слов.

Молодой немецкий капитан, привыкший нажатием кнопки выбирать многотонные якорные цепи, стоял с потерянным видом, держа в руке обрывок каната.

Мы лихорадочно соображали, что еще можно привязать к тросу, чтобы остановить снос. И ничего не могли придумать.

Увеличивая скорость, «Тигрис» шел прямо на поджидающую нас непрерывную цепочку скал, и никакие маневры рулевыми веслами не помогали. Мы отчетливо различали тусклые огоньки на невидимом берегу Файлаки. Скоро они выстроились вдоль всего горизонта — ни справа, ни слева не обойти, хотя бы и под парусом.

При дневном свете мы бы видели сушу. Попытались бы высмотреть участок поровнее и править туда. Возможно, среди рифов есть проход, хоть лоция и утверждает, что с этой стороны к берегу подойти нельзя. Но сейчас царила ночь, стрелка часов приближалась к двенадцати. Напоремся на скалы раньше, чем увидим их. Потерпим крушение в полной темноте.

И все же у нас нет причин для паники. Наша конструкция — самая безопасная в таком положении. Веревки и камышовые бунты могут быть растерзаны, но нас они спасут от гибели на камнях. Слава богу, что мы подходим к бурунам не на дощатой лодке. Тогда нам всем пришлось бы худо.

Судя по всему, наше гордое суденышко обречено, разве что удастся отстроить его заново. И это еще до того, как оно получило возможность по-настоящему проявить себя. Что говорить, и для нас, и для ладьи было бы куда лучше, если бы мы хоть что-то видели. Но мы словно одиннадцать слепцов. Попробуй проплыть между рифами или выпрыгнуть на скалу, когда без фонаря собственных рук не видно!

Оставалось только одно: возможно больше затормозить снос. Удастся — может быть, оттянем крушение до рассвета. Да и удар о камни будет слабее.

— Отдать плавучий якорь!

Он висел наготове на краю мостика у моих ног.

Плавучий якорь представляет собой всего-навсего длинный конусообразный мешок из грубой парусины, нехитрое устройство, которое волочится по воде, позволяя дрейфовать кормой или носом к ветру, когда шторм вынуждает убрать паруса. В вершине конуса — отверстие для пропуска воды.

Пошел за борт плавучий якорь, и сразу будто включили мощный тормоз. Настолько мощный, что снос совсем прекратился. Огни на острове перестали смещаться, мигалка маяка — тоже. Никогда еще я не видел, чтобы плавучий якорь работал так здорово. Развернувшись высокой кормой к ветру и частой волне, мы застыли на месте в кромешной мгле. Никто из нас не подозревал, что кругом совсем мелко и парусиновый мешок зацепился за дно. Вместо того чтобы плавать у самой поверхности, он, качаясь в ложбинах между волнами, загребал рыхлый грунт. Наполнился илом, отяжелел и зарылся в густое месиво.

Редкие тусклые огоньки на невидимом берегу, скорее всего, были керосиновыми фонарями вроде наших. А где фонари, там дома или хижины. Мы находились достаточно близко, чтобы с берега могли заметить наши огни, и я несколько раз передал сигнальным фонарем СОС. Ответа не последовало. В черном ночном небе над Файлакой слева можно было рассмотреть едва заметное зарево от огней современного города. Эль-Кувейт, в 30 милях от нас. Над нами выше облаков прогудел самолет.

От консорциума в лице Би-би-си мы получили портативную радиостанцию для передачи репортажей с борта. Зная, что на кувейтской береговой радиостанции, расположенной по ту сторону Файлаки, установлено круглосуточное дежурство, Норман попробовал связаться с ней. Никакого ответа. Нам вообще никто не отзывался.

Мы расписали дежурство на остаток ночи — по два человека на вахту — и спали одетые, подложив под голову спасательный нагрудник вместо подушки. Плавучий якорь умерил нашу тревогу. Отчасти. Норман скатал свой матрац и извлек из ящиков, на которых спал, другую рацию, взятую им на время плавания у своего друга-радиолюбителя, поскольку он не очень-то полагался на аппаратуру, полученную от консорциума. А так как мы с Норманом лежали в рубке ногами друг к другу, пришлось мне примостить свои ноги на его скатке. В два часа ночи кончилась моя вахта, но не успел я толком уснуть, как снова проснулся и вылез на палубу. Мысль о грозящей опасности не давала мне покоя. Мы опять стали время от времени посылать световые сигналы в сторону острова. Три короткие вспышки, три длинные, еще три короткие. СОС. Никакой реакции. К тому же большинство огней на берегу погасло, и я лег, оставив на вахте Тору и Юрия.

Раза два или три я выходил из рубки, чтобы проверить направление ветра и положение маяка, потом снова ложился. Вдруг Юрий позвал меня и сообщил:

— Отвечают!

Пять утра. По-прежнему непроглядная темень. Я выбрался на палубу: точно, кто-то с правильными промежутками посылал в нашу сторону долгие световые сигналы. Яркий источник света включался чуть левее одного из немногих оставшихся тусклых огней. Мощный электрический фонарь. На борту какого-нибудь судна? Нет, явно на берегу, судя по тому, что фонарь неподвижен.

Я снова и снова передавал СОС, и каждый раз получал в ответ букву Т в подтверждение приема. С радостью думали мы о том, что скоро к нам подойдут и проведут «Тигрису» между рифами или отбуксируют в обход острова. Наконец-то есть контакт с людьми.

Около шести утра сигналы с берега прекратились. Мы начали смутно различать контуры Файлаки. Длинный безлесный остров, совсем низкий — наивысшая точка всего 12 метров. Я продолжал передавать: «СОС потеряли якорь нуждаемся буксире СОС». Однако мне больше не отвечали. Мы рассмотрели три малых судна, стоящих на якоре. Вероятно, моторные *дау*. Они стояли вместе как раз там, откуда мигал сигнальный фонарь. Судя по всему, нас разделял риф. Одно судно спилось с якоря и осторожно, словно маневрируя по сложному фарватеру, тронулось в путь. В бинокль было видно, что команда наблюдает за нами. Однако, выйдя на открытую воду, судно повернуло в другую сторону и скрылось за островом. На берегу не было видно ни души.

Норман наконец лег спать, устав посылать вслепую в эфир то же, что я передавал сигнальным фонарем. Детлеф отказывался ложиться, словно чувствовал себя виноватым в том, что мы потеряли якоря. Стоя на мостике, он колдовал над маленькой рацией и вдруг услышал слабый голос, твердивший: «Тигрис, Тигрис, Тигрис», после чего следовали какие-то совершенно непонятные слова. Детлеф подозвал Рашада, однако Рашад сразу сказал, что это не арабская речь. Но тут оба отчетливо различили слово «Славск».

— Юрий! Юрий!

В два прыжка Юрий очутился на мостике. Однако «Славск» уже замолчал. Тишина. Поднялся Норман, стал вызывать: «Славск! Славск!

Славск!» Внезапно чей-то голос ответил. Капитан Игорь! Да так громко, что мы все услышали. Сияя от гордости и радости в лучах восходящего солнца, Юрий переводил: «Славск» снимается с якоря, Игорь запрашивает наши координаты. Заодно капитан «Славска» предупредил Юрия, что сегодня в этой части залива ожидаются южные ветры скоростью до десяти метров в секунду.

С приходом дня мы рассмотрели на берегу несколько редких лачуг. Ни дымов, ни людей... Вода кругом была не голубая и прозрачная, как вчера, а серовато-зеленая от ила и песка. Со всех сторон плясали на частой волне растрепанные стебли грязно-бурых водорослей. Нас занесло вглубь отмелей Файлаки. Даже камбала вряд ли смогла бы протиснуться под днищем «Тигра». Весело рассаживаясь вокруг стола, чтобы отдать должное приготовленной Карло воскресной овсянке, мы вдруг обратили внимание на то, что водоросли дружно поплыли в одном направлении, от носа к корме ладьи. Присмотрелись к ближайшему кусту — да нет же, торчит на месте, болтаясь на мутной волне. Это сам «Тигр» внезапно начал развивать ход под натиском южного ветра.

Новая каверза приливно-отливного течения. Работая согласно с ветром, прилив оторвал от грунта плавучий якорь. Полный тяжелого, как цемент, глинистого ила, парусиновый мешок пополз по вязкому дну. Нас несло прямо на остров, — стало быть, врежемся в риф раньше, чем подоспеет «Славск».

Впрочем, у нас был другой выход. Если мы ничего не предпримем, нас вскоре ждет крушение на известняковых рифах скалах Файлаки. Если же поставим парус и поработаем рулевыми веслами, можно, принимая ветер справа, идти параллельно берегу. Этот курс приведет нас в тридцатимильную полосу мелей и рифов, отделяющую Файлаку от иракского материка. Я предпочитал второй вариант, и все меня поддерживали. Сумеет благополучно пройти между рифами — нас выбросит на описанный в лоции «заболоченный низменный берег», и камышовая ладья не пострадает. От Ирака до Кувейта побережье мало чем отличается от того, что мы видели в устье Шатт-эль-Араба. Единственная проблема — отсутствие на борту оружия. А мы взяли курс на те самые берега, о которых в «Лоции Персидского залива» говорилось, что на них рискованно появляться без вооруженной охраны.

Приливное течение набрало полную силу, ветер тоже прибавил. Мы не стали выбирать плавучий якорь, чтобы не слишком удаляться от места, которое сообщили «Славску». Шли левым бортом к острову, испытывая сильную бортовую качку. Рашада и Асбьёрна совсем укачало. Герман забрался в рубку и уснул. В ложбинах между волна ми было так мелко, что мы видели густые клубы поднятого со дна серого ила.

Все так же ни души на берегу, но в бинокль можно было разглядеть несколько круглых холмиков, — вероятно, доисторические могильники. Если древние мореплаватели причаливали к острову с этой стороны, они в совершенстве владели искусством судовождения, разве что рифы и мели образовались здесь в более поздние времена.

Около полудня на восточном горизонте черной точкой показался «Славск». Через полчаса с парохода спустили моторную шлюпку, и она вприпрыжку направилась к нам по зеленым волнам над отмелью. Корабль бросил якорь на голубой воде в трех милях от нас, у самой кромки мелей. На носу шлюпки, уверенно направляя ее, стоял капитан Игорь. Море обдавало каскадами соленых брызг нашего друга и его товарищей, одетых в оранжевые спасательные нагрудники. Широко улыбаясь, раскинув руки, он вскочил на камышовые бунты и заключил нас в свои объятия.

— Отец мой!

— Дедушка!

Мы убрали парус. Все были счастливы. Стоя в оранжевой шлюпке, парни в оранжевых нагрудниках принялись выбирать плавучий якорь, который спас нас от крушения в ночной темноте. Наполненный до краев сероватым илом, он был тяжелый, как свинец. Как только его освободили от ила, нас стало быстро сносить вместе со шлюпкой. Русские запустили мотор, чтобы вести нас на буксире. Однако ветер напирал на высокие дуги ладьи с такой силой, что мотор не помог и вышло наоборот: «Тигрис» потащил шлюпку за собой. Поначалу это было не так заметно, поскольку мы шли носом к приливному течению. Капитан Игорь и его дюжий старпом втиснулись вместе с нами за стол, на котором стояла солонина с горохом. Мы обедали в радужном настроении, внушая себе, что теперь все будет хорошо. Однако вскоре стало совершенно очевидно, что шлюпка дрейфует вместе с нами вдоль побережья к самым коварным отмелям у

восточных и северных подступов к Файлаке. Дома на берегу заметно смещались влево, а высокий маяк на маленьком островке начал уходить за горизонт. Нам приходилось все сильнее напрягать зрение, чтобы рассмотреть «Славск», а затем он и вовсе пропал из виду. Скорость ветра возросла до двенадцати метров в секунду.

Откуда ни возьмись появилась вдруг *дау*, на вид немудреная, зато мотор мощный и малая осадка. Мачта давно спилена. Подойдя к нам, *дау* стала кружить за пределами слышимости. Хотя на борту суденышка было много людей, они явно опасались приблизиться. Ничего удивительного: не одно поколение прошло с тех пор, как предки местных жителей видели в здешних водах такие диковины, как паша ладья.

Мы накачали воздухом трехместную резиновую лодчонку, которую везли с собой для киносъемок. Асбьёрн сел на весла и вместе с Рашадом отправился на переговоры. Подойдя достаточно близко, Рашад объяснился с робеющими рыбаками на их родном языке, после чего наша двойка вернулась и сообщила, что команда *дау* запрашивает триста кувейтских динаров, иначе говоря, тысячу долларов с лишним, за то, чтобы отбуксировать нас к «Славску».

Я был готов поторговаться, по Игорь и слушать не хотел, велел Рашаду грести обратно и предложить шесть бутылок водки и два ящика вина. Ребята опять направились к *дау*, однако возвратились с отрицательным ответом: там одни мусульмане, вина не пьют. Тем временем команда *дау* уразумела, что с нами приключилось, приблизилась, прошла рядом с ладьей и, не возобновляя переговоров, удалилась курсом на восток. Отойдя почти к самому горизонту, они, насколько мы могли судить, занялись ловлей рыбы.

Было ясно, что на буксировку до скрытого за горизонтом «Славска» рассчитывать нечего, надо снова ставить парус. Пойдем, как прежде, левым бортом к берегу. Пусть русские моряки попробуют развернуть нос ладьи немного к ветру — глядишь, и пробьемся малопомалу на открытую воду до того, как нас занесет в коварную полосу перед восточной оконечностью Файлаки.

Капитан Игорь захватил с собой переносную рацию; связавшись со «Славском», он выяснил, что сухогруз, имеющий максимальную осадку шесть метров, ожидал нас в точке с глубиной всего четыре

метра, но теперь немного отойдет, чтобы следовать вдоль кромки отмели возможно ближе к нам.

Немного погода Игорю передали, что мы, согласно радиолокатору «Славска», ходко приближаемся к опасному району. Течение нажимало вовсю. В ложбинах между все более высокими волнами клубились облачка донного ила.

Между тем со стороны Кувейта показалась вторая *дау*. Если команда первой смахивала на рыбаков, то эти люди выглядели настоящими разбойниками. Они тоже держались поодаль и, когда Рашад отправился к ним просить

помощи, с нас запросили вдвое больше динаров, чем в первый раз, или две тысячи долларов, и ни на грош меньше. Нам прямо дали понять: или мы платим сколько они просят, или им достанется все, когда мы напоремся на рифы. Игорь опять пришел в ярость и наотрез отказался участвовать в сделке с бандитами, требующими выкупа. Его гневная жестикуляция не нуждалась в переводе, и вторая *дау* быстро удалилась, прервав переговоры. Напоследок Рашад услышал циничное предостережение: без помощи со стороны всем нам крышка.

Гнев и презрение овладели нами. Уверен, если бы не глубина, капитан Игорь прыгнул бы за борт и сам впрягся бы в буксирный трос. Однако при всей готовности русских поднажать не жалея сил, их мышцы не могли прибавить мощности мотору, а мы на «Тигресе» еще не раскрыли секрет, как древние мореплаватели в этих водах лавировали против ветра.

Далеко впереди стояли обе *дау*; видно, бросили якорь вблизи от коварных рифов и ждали поживу, словно шакалы. Нетрудно было догадаться, что нам угрожает ночью, если сядем на мель. Составители лоции явно знали, что говорили.

Парус пришлось убрать. Шлюпка Игоря бросила якорь на глубине меньше двух метров, и мы стали вместе выжидать более благоприятного ветра. «Славск» не показывался.

Солнце склонилось к горизонту, когда появилась третья *дау*. Мачта срублена, как и на первых двух, осадка минимальная, мощный мотор, команда явно хорошо знакома со здешними отмелями. В третий раз мы начали переговоры, и все повторилось, даже выкуп запросили такой же, какой назначила вторая *дау*, словно тут было так заведено. Но ведь в лоции подчеркивалось, что европейцы редко посещают эти

берега. Скорее всего, три *дау* сговорились между собой по радио, пользуясь переносными рациями вроде той, какая была у Игоря. Команду третьей *дау* никто не принял бы за рыбаков.

— Посмотрите на того типа, что на подушках сидит, — сказал Детлеф, стоя рядом со мной и глядя в бинокль.

Мы передавали бинокль из рук в руки, но команда *дау* никак не реагировала. Эти люди знали наперед, в каком положении мы находимся.

Подозрительного вида толстяк в широкой чалме, который привлек внимание Детлефа, сидел на подушках, скрестив ноги, и созерцал нас презрительным и оценивающим взглядом. Пухлые руки его вряд ли когда-либо прикасались к рыболовным снастям. Сразу видно — отъявленный проходимец. Пестрая компания на борту *дау* явно находилась в его подчинении. Все — один к одному, из тех субъектов, к которым лучше не поворачиваться спиной. Те, что в чалмах, смахивали на пакистанцев; другие, не такие свирепые с виду, вероятно, были арабы из Кувейта.

Мы понимали, что с нас требуют выкуп, и капитан Игорь по-прежнему был решительно против того, чтобы я соглашался на какие-либо сделки. Но мы понимали также: если не откупимся, все три шайки в расчете на добычу будут ждать, когда нам придется высаживаться на камни или на болотистый берег. Якорь нас не удержит, а в обширной зоне отмелей никакие пограничники или таможенники не помешают этим субъектам обделывать свои делишки, в чем бы они ни заключались. Ясно было, что эта не рыбаки. Возможно, контрабандисты, доставляющие на Файлаку наркотики или подлежащие пошлине товары с другой стороны залива. Нам рассказывали, что организованные гангстеры ввозят тайком даже рабочую силу из Пакистана в богатый Кувейт. Достаточно выгрузить людей или товар на пустынном берегу с этой стороны Фай-лаки, и путь в Кувейт с черного хода открыт. Остров Фай-лака принадлежит Кувейту, и через пролив в столицу регулярно ходит катер.

Через час с небольшим зайдет солнце. Эти *дау* — последний шанс для нас выйти на глубоководье, прежде чем окружающий мир снова канет во тьму. Капитан Игорь никак не хотел мириться с мыслью о сделке с гангстерами. Я не знал, как и быть. На мне лежала двойная ответственность. Мои ребята добровольно вызвались пойти на риск,

связанный с нашим экспериментом. Ладья сконструирована так, что нам не страшно напороться на подводный камень, лишь бы волны не прибили ее к отвесным скалам. Но ведь мы тащим за собой на рифы шлюпку с русскими моряками, меж тем как их корабль без капитана кружит где-то за пределами опасной полосы.

— Капитан Игорь, — сказал я. — Теперь я согласен быть твоим отцом. Стало быть, команду я. Будем платить.

По лицу Игоря было видно, каких усилий ему стоит покориться. Он безмолвно наблюдал, как Рашад передавал толстяку на подушках мое согласие. Забравшись в рубку, я скатал матрац, чтобы достать деньги из моей скудеющей казны. Кувейтских динаров у меня не было. Но пиратов устраивала иракская валюта. Хорошо еще, осталось что-то на расходы в дальнейшем плавании через залив.

Эти разбойники отказывались уступить хотя бы один динар, больше того, они потребовали, чтобы Рашад оставался у них заложником, пока мы не внесем выкуп, дойдя до кромки отмелей. Рашад без тени страха согласился.

Хотя ветер несколько умирился, заставить «Тигрису» двигаться в нужном направлении оказалось не так-то просто. Наконец вереница из трех суденышек — впереди *дау*, за ней на буксире шлюпка, у шлюпки на буксире мы — медленно пошла против ветра. «Славск» был где-то за горизонтом.

И снова ночь. Такая же темная, как предыдущая. Ничего не видать кроме наших керосиновых фонарей да электрических фонариков. На острове — ни огонька. Маяка не видно. «Славска» не видно. Где остальные две *дау* — удаляются или приближаются, — мы могли только гадать.

Капитан Игорь оставался с нами на «Тигресе» и при начале буксировки сказал, что до «Славска» примерно миль семь. Судя по тому, как нас качало и бросало, место было совсем мелкое. В лучах наших фонариков мелькали кустики водорослей, и вода была такая мутная, словно в пей полоскали белье. В кромешном мраке возглавившие нашу процессию негодяи уверенно шли вперед. Семь миль — не шутка. Но вот наконец Норрис крикнул с мачты, что справа по курсу видит огни парохода. Огни приближались. Это был «Славск».

У края отмели, где кончилась буксировка, бесновались высокие волны. Внезапно из тьмы рядом с «Тигрисом», озаренная керосиновым

фонарем, возникла *дау*. Не слишком ли близко они подошли? Одно суденышко взмывает на гребень волны, второе в это время скатывается в ложбину — того и гляди, деревянный планшир *дау* пропорет наш камыш. Очень уж лихая пляска, и ничего не поделаешь — надо ведь как-то передать выкуп и заполучить обратно Рашада. Стоя на бортовой связке «Тигриси» и держась одной рукой за штаг, я протянул над водой другую руку, в которой крепко сжимал толстую пачку пятидинаровых ассигнаций. Навстречу протянулась рука темнолицего арабского моряка; в это время члены обеих команд вооружились бамбуковыми шестами, чтобы не дать столкнуться двум суденышкам. Схватив деньги, араб вручил их восседающему на подушках главарю. Толстяк не спеша пересчитал ассигнации при свете фонаря, который кто-то держал над его чалмой, наконец кивнул, и Рашад одним прыжком перемахнул на борт «Тигриси». Освещенный яркими огнями, к нам подходил «Славск». Команда *дау* задула свой фонарь и пропала в ночи, словно Аладдинов дух. Больше мы их не видели.

Волны немилосердно качали ладью и оранжевую шлюпку, качали они и «Славск», и надо было соблюдать предельную осторожность, чтобы не врезаться в мелькающий перед глазами бок железного великана, то черный, то — ниже ватерлинии — красный. К этой опасности добавились еще две, когда мы сблизились. Во-первых, водоворот, образованный могучими вращающимися винтами. Во-вторых, нижняя площадка спущенного сверху трапа, которая металась в воздухе вверх-вниз, будто поршень. То взлетит выше наших голов, то с плеском нырнет в бурлящие волны. Не так-то просто было ребятам на шлюпке уловить момент, чтобы вскочить на взбрыкивающую площадку. Еще труднее пришлось четверке, которая перебиралась с «Тигриси» на «Славск» через резвящуюся шлюпку. Затаив дыхание, смотрели мы, как готовятся к прыжку капитан Игорь и его старпом. Игорь чуть не сорвался в море, потому что шлюпка взмыла вверх на волне в ту самую секунду, когда он прыгнул. Сразу за ними тот же маневр проделали Юрий и Карло, и все четверо пропали в крошечном мраке. Мы увидели их снова, когда они пересекли луч света, быстро поднимаясь по длинному трапу на палубу «Славска».

Перед прыжком на шлюпку Юрий успел сказать мне по секрету, что у Карло неладно с ногой — серьезная инфекция, нужно

воспользоваться случаем, чтобы тщательно обработать язву и сделать перевязку.

Отталкиваясь от борта длинными шестами, чтобы не попасть в водоворот у винтов, мы зашли за корму парохода и продолжали следовать на длинном буксире за шлюпкой, которая, в свою очередь, шла без людей на тросе за «Славском». Нас основательно дергало каждый раз, когда корабль, шлюпка и «Тигрис» начинали качаться не в лад. Игорь сказал, что ни за что не отпустит нас, пока не отведет подальше от бандитской *дау*. Я объяснил ему, что для камышовой конструкции нет ничего опаснее буксировки в открытом море, буксирный трос хуже всякого урагана способен раздергать по частям бунты, и он обещал идти на самых малых оборотах. Мы с Норманом, единственные оставшиеся на борту ветераны, несколько раз хватались за ножи, готовые обрубить трос, чтобы спасти носовые связки. Но всякий раз тревога оказывалась напрасной, и мы решили лечь, разделив между оставшейся девяткой ночные вахты.

Очень уж странно было слышать, как волны с грохотом разбиваются о нос камышового судна.

Глава V. В страну Ноя — Дильмун

Мы шли через воды Ноя. А началось наше плавание в Садах Эдема. Адам с его садами и Ной с его ковчегом стоят в одном ряду: это от них мы все произошли, согласно древним верованиям, которые принесли с собой из Ура иудеи. Мы находились в тех самых водах, где родилось предание о ковчеге. За тысячу лет до того, как Авраам услышал его в Уре, шумеры в том же портовом городе рассказывали это предание своим детям. В этих водах, говорили они, прародитель всего человечества некогда построил большой корабль, исполняя волю милосердного бога, который пожелал спасти род людской от полного уничтожения страшным потопом.

Дома и поля исчезли под водой, но скользящий по волнам корабль устоял против ярости беснующихся стихий. В иудейской версии строитель корабля потом возблагодарил всевышнего, который озарил небо радугой в знак своего союза с уцелевшими. В шумерском варианте он простерся ниц перед Солнцем, когда оно вновь явило свой лик.

Море волновалось в меру, когда все то же древнее шумерское солнце вошло над бывшими шумерскими водами, и первые лучи, просочившись сквозь щели в плетеной стене, пощекотали мои сомкнутые веки. Я проснулся со смешанным чувством и посмотрел через дверной проем на лучезарный диск, который величаво, не спеша поднимался в небо после морского купания. Изумительно! Великолепно!

Чистый, девственный свет нового дня. Я жадно впитывал восхитительное зрелище, чувствуя, как солнечные лучи пробуждают новую надежду в сумраке моей души. Как-никак мы в безопасности, и мы свободны. Свободны начинать все сначала, и наше судно в полном порядке.

Ночь выдалась неприятная, беспокойная. Буксирный трос немилосердно дергал «Тигрису». Когда рывки становились слишком уж грубыми, мне чудилось во сне, что меня больно дергают за волосы. Я вылезал на палубу проверить, цел ли нос. И каждый раз со

смешанным чувством безопасности, тревоги и разочарования смотрел на безмятежные огни идущего впереди корабля. Добрый «Славск» уверенно бороздил море, и капитан Игорь, Юрий и Карло, надо полагать, крепко спали в каютах железного великана, не ощущая жестоких рывков соединяющего нас буксира.

Перегрузки, которым подвергался «Тигрис», порой принимали угрожающий характер. Скрип, скрежет и треск веревок, дерева, бамбука и *берди* терзали мой слух. Огромные веретена рулевых весел болтались и бились в деревянных уключинах так сильно, что все судно содрогалось и толчки отдавались через ящики под нами. В конце концов мы с Детлефом выбрались из рубки и в темноте туго-натуго закрепили весла. После этого жуткий стук прекратился.

А еще мы с Норманом выходили ночью на палубу, чтобы, стоя на носу, бросать в воду светлые кусочки *берди* и провожать их лучом фонарика до отметки «10 метров» сбоку на бунте. Таким способом мы проверяли, как механик «Славска» выдерживает обещанную капитаном Игорем скорость не больше двух узлов — именно с такой скоростью шли мы сами под парусом к Файлаке. Вид огней «Славска» неизменно внушал мне смешанное чувство облегчения и разочарования. Облегчения, потому что я освободился от тяжелого бремени ответственности за людей, которое так угнетало меня на отмелях Файлаки. С каждой минутой проходимцы на *дау* и коварные рифы уходили все дальше в ночной мрак. Но ведь нас буксируют! Мы не смогли обойтись своими силами, не сумели выбраться под парусом из опасной зоны. И не будь таящихся во тьме стервятников в человеческом облике, может быть для нашей серповидной скирды было бы лучше уткнуться носом в илистую банку. Лучше, чем идти на буксире против ветра, каждые пять секунд врезаясь носом в скат встречной волны.

Солнечный диск поднялся весь над горизонтом. Кто-то весело насвистывал на камбузе. Сквозь тысячи щелей в тростниковой стене различалось какое-то движение и доносился вкусный запах то ли лепешек, то ли блинов. Очевидно, Эйч Пи занялся стряпней. Его спальный мешок был пуст. Остальные, не считая вахтенных на мостике, все еще спали. Небось только рады, что нас ведут на буксире. Хотя Норман вряд ли радуется. Все его помыслы направлены на то, чтобы научиться управлять камышовым судном.

На этот раз вся суть нашего эксперимента заключалась не в том, чтобы просто держаться на воде и дрейфовать, а в том, чтобы судно слушалось нас. В этом смысле начало плавания обернулось полным провалом, что мы и отмечали со смехом, садясь завтракать. Начали с того, что пахали ил на реке рулевыми веслами, потом застряли в приливно-отливной зоне. Не успели выйти в залив, как потеряли оба якоря, и «Тигрис» понес, точно взбесившийся конь, пока не застрял на отмелях Файлаки. Анекдот да и только.

По-прежнему дул встречный южный ветер, поначалу умеренный, потом все сильнее. Нам пришлось даже надеть штормовки, чтобы не продрогнуть за столом на открытой палубе.

— А ты уверен, что древние лучше нас справлялись с ладьей? — допытывался Эйч Пи. — Может быть, они в таких случаях стояли на одном месте и дожидались более благоприятного ветра.

— В конце концов и мы ведь можем идти любым курсом в пределах ста восьмидесяти градусов, — заметил Асбьёрн.

Что верно, то верно: мы вполне могли идти под углом 90° к ветру.

Внезапно мы заметили, что толчки и рывки участились. Нос ладьи окутался каскадом брызг. Скорость явно возросла. Мигом взобравшись на крышу рубки, мы отчаянно замахали руками, чтобы «Славск» сбавил ход. Это же безумие какое-то! Но на корабле то ли не видели, то ли не понимали наши сигналы. Пустая шлюпка между нами и кораблем прыгала еще почище «Тигриса» — ведь тросы дергали ее и вперед и назад.

Не успел я решить, что вернее: то ли обрубить буксир ножом, то ли попытаться вызвать «Славск» по радио, как трос от мощного рывка лопнул сам. «Тигрис» тотчас пошел медленнее, а «Славск» продолжал движение, увлекая за собой шлюпку.

Асбьёрн осмотрел нос снаружи и доложил, что дюймовый трос оборвался у самого корпуса ладьи. Но больше всего потрясло нас то, что он увидел огромную дыру в носовой скуле. Да мы и сами уже заметили проплывающие мимо куски камыша. Скрепляющая всю конструкцию веревка свободно болталась над зияющей полостью величиной с собачью конуру. Неприятное открытие! Мы подергали пальцами витки в носовой части палубы, проверяя, не ослабла ли вязка над поврежденным местом. Но веревка все так же плотно прилегала к камышу, словно приклеенная. На наше счастье, набухшие от воды

бунты крепко-накрепко сжали веревку. Даже такая ямина в носовой скуле не грозила нам катастрофой. И все же надо было чем-то заделать брешь, пока не разрослась еще больше. А то ведь так и будут стебли отделяться один за другим, пока бунты совсем не развалятся.

«Славск» описал широкую дугу и вернулся к нам. Появился капитан Игорь с электромегафоном в руках и сообщил, что не может нас отпустить. Он уже связался со своим мореходством в Одессе и получил «добро». Больше того, он передал радиogramму в Москву, в Министерство морского флота, и министр Гуженко лично разрешил «Славску» отбуксировать камышовое судно «Тигрис» в безопасную зону.

«Безопасная зона», по словам капитана Игоря, начиналась где-то у самого Бахрейна. И его ребята стали забрасывать нам новый буксир сверху, с палубы корабля. Но, сколько ни бросали, трос с привязанным к нему спасательным кругом засасывало под корму могучими винтами. Засасывало и нас. А останавливать винты нельзя: железный великан стал бы таким же неуправляемым, как мы без паруса. Даже при работающей машине «Славск» мотало из стороны в сторону, и его высоченный борт нависал над пляшущей на волнах ладьей. Пытаясь выудить буксир из водоворота, мы каждый раз рисковали, что корабль прихлопнет нашу мачту и торчащие вверх нос и корму.

Два часа трудились мы без толку, наконец нам удалось забросить линь на палубу «Славска» и подтянуть привязанный к нему трос. Капитан Игорь объяснил, что механик, к сожалению, вынужден был прибавить обороты, потому что, идя при такой волне самым малым ходом, можно повредить гребной вал. Тем не менее они будут держаться в пределах двух узлов. Мы условились, что поставим парус и пойдем своим ходом, как только подует нормальный ветер, позволяя нам взять курс на Бахрейн.

Команде «Тигриса» не терпелось посмотреть наше место относительно Файлаки и Бахрейна, и Норман развернул живописную карту, полученную нами от Национального географического общества. Карта была скорее историческая, озаглавленная «Библейские страны сегодня». Обозначен путь, которым следовал Авраам, выйдя из Ура; нанесены другие данные, почерпнутые из библейских текстов и археологических исследований. Красиво смотрелся голубой «Персидский залив» с желтыми островами. Норман указал наше

примерное местонахождение. И прочитал вслух напечатанный рядом текст:

— «Древнейшие шумерские источники упоминают судостроителей и мореходов. Морские предприятия человека в Персидском заливе относятся к самым древним в мире».

Эти слова разожгли любопытство ребят. Что за источники? Я их читал? Читал. Не все, разумеется, но из переведенных на европейские языки, наверно, все, в которых говорится о мореходстве. Похоже, я недооценил интерес моих спутников к вопросам, лежащим в основе экспедиции. Теперь, когда «Славск» вел нас со скоростью свободного хода мимо судов и нефтяных вышек, выдался самый подходящий случай для спокойной беседы. Я нырнул в рубку и вынес оттуда полную сумку маленьких блокнотов, испещренных сведениями, которые я собирал в ходе собственных исследований. Описания музейных экспонатов и предметов, хранящихся в запасниках, выписки из научных трудов и периодики, в том числе сделанные в библиотеке Багдадского музея. Я листал блокноты, останавливаясь на строках, подчеркнутых красным.

Вот выписка из статьи «Купцы-мореплаватели Ура», опубликованной в научном журнале видным авторитетом по вопросам шумерской культуры А. Л. Оппенгеймом. По его мнению, наиболее интересная информация на некоторых плитках Ура «касается роли города Ур как «порта ввоза», через который во времена династии Ларсы в Двуречье поступала медь. Ее ввозили на судах из страны Тельмун (т. е. Дильмун), ныне — остров Бахрейн в Персидском заливе. Заведовала «Тельмунской торговлей» группа купцов-мореплавателей, называемая *алик Тельмун*. Они сотрудничали с дельцами Ура, получая от них предметы одежды, за которые на острове щедро платили медью. Поскольку Бахрейн вряд ли располагал какими-либо рудами, но говоря уже о топливе, необходимом для выплавки металла, перед нами ситуация, типичная для международной торговли на примитивном уровне: Тельмун играл роль «ярмарки», нейтральной территории, где представители разных областей, примыкающих к заливу, встречались, чтобы обменять или продать продукты своей страны».

И дальше: «Поскольку Тельмун выступал только в роли торжища, представляются две возможности: приобретаемая здесь купцами из Ура слоновая кость поступала либо из Египта по каким-то неведомым

коммерческим каналам, либо из Индии на парусных судах, пересекавших Индийский океан с муссоном. В пользу второго варианта говорят хорошо налаженные связи между Южной Месопотамией, особенно самим Уром, с одной стороны, и цивилизацией Индской долины — с другой. Найденные при раскопках Месопотамии индские печати... и специально обработанные сердоликовые бусины... убедительно свидетельствуют о наличии торговых сношений. К перечню свидетельств вполне можно добавить слоновую кость, поскольку месопотамские источники только упоминают ее, тогда как в Мохенджо-Даро найдены гребни из этого материала...»

Дешифровка записей на плитках позволила ученым, в том числе и Оппенгейму, нарисовать нам яркую картину жизни портовых городов Двуречья во времена шумеров. В хозяйстве древнего Ура судостроение, мореходство и морская торговля занимали второе место после земледелия. Они были великолепно организованы и служили базисом экономики Ура. Из этого порта товары перевозились дальше на север вверх по двум рекам, вплоть до нынешней Турции, Сирии и Ливана. Гавани и сеть транспортных каналов постоянно расчищались и содержались в надлежащем состоянии под наблюдением сановников, непосредственно подчиненных царю. Портовые власти взимали пошлину за ввоз; при капитанах были документы с печатью, содержащие сведения о судне и грузе. Оппенгейм цитирует документ, запечатленный клинописью на плитке из Ура, в котором говорится об ответственности капитана: «...он возвратит корабль и все его оборудование в полной сохранности владельцу в гавани Ура...»^[11]

Корабли играли в повседневной жизни шумеров такую видную роль, что это отразилось даже в пословицах. «Корабль, что вышел в плавание с достойной целью, Уту <бог Солнца> приведет в достойный порт. Корабль, что вышел с дурной целью, он выбросит на берег»^[12].

Герман шутливо заметил, что по шумерским канонам мы были близки к тому, чтобы стяжать себе дурную славу и на Шатт-эль-Арабе, и у Файлаки. Детлефу хотелось побольше услышать о шумерских судах и перевозимых ими грузах. Я взял другой блокнот, с выписками из публикации Армаса Салонена, больше всех занимавшегося этими вопросами. Я восхищался светлым умом этого исследователя, хотя мы приготовились опровергнуть его суждения о плавучести *берди*. По

тому, каким языком Салонен излагал свои выводы, можно было уверенно сказать, что ему не суждено завоевать сердца широких читательских масс. В предельно академичном и весьма сложном для понимания труде, предназначенном только для коллег, читающих «Студия Ориенталиа Эдидит Социетас Ориенталис Фенника», эрудированный финский ученый на двухстах с лишним страницах, напичканных немецкими, греческими, древнееврейскими, латинскими, арабскими, французскими, английскими, шумерскими, вавилонскими и аккадскими словами, свел воедино все отрывочные указания о судах и грузах Древней Месопотамии, накопленные ученым миром со времен Александра Великого. Среди использованных им источников преобладают драгоценные глиняные плитки с шумерской и аккадской клинописью.

Салонен подчеркивает, что сначала в Двуречье появились камышовые суда, а уже после по их образцу были созданы первые деревянные корабли. Он начинает с указания на то, что в этом смысле в Двуречье происходила та же эволюция, какая нам известна по Древнему Египту, где папирусные суда послужили прототипом для деревянных кораблей. Вплоть до исторических времен, говорит Салонен, в Месопотамии в том или ином виде продолжали существовать бок о бок все исконные типы судов: камышовая лодка, плот из наполненных воздухом козьих шкур, обтянутая кожей плетеная лодка и деревянная конструкция с дощатой обшивкой.

Обзор начинается сводом упоминаний о судне *ма-гур*, которое исследователь характеризует как «морское судно», «божье судно», «судно с высоким носом и высокой кормой». Именно этот тип, по словам Салонена, отображен в знаке «корабль» древнейших идеограмм, предшествовавших клинописи. И он же традиционно изображался на первых шумерских цилиндрических печатях. На таких судах (не деревянных, а связанных из камыша) плавали полубоги и божественные предки будущих основателей Ура.

Салонен особо отмечает, что материалом для египетских судов служил папирус; однако он обходит молчанием вопрос о том, из какого конкретно материала строились первые морские *ма-гур* в Двуречье. Вавилонское название *элеп урбати*, обозначающее камышовое судно, он переводит на немецкий язык как «папирусная лодка», хотя мы не располагаем никакими данными о том, чтобы в Двуречье когда-либо

рос папирус. Судя по местной флоре, шумерские морские суда вязали из того же *берди*, который преобладает на здешних болотах и в наши дни. Теперь нам предстояло выяснить, будет ли заготовленный в августе *берди* держаться на воде так же хорошо, как папирус

Национальные герои шумеров — бог-прародитель Энки и его современники — приплыли в Ур из далекого Дильмуна на камышовых *ма-гур*. Впоследствии словом *ма-гур* шумеры обозначали также самые большие корабли, ходившие по торговым путям в заливе, в том числе и такие, которые, сохраняя форму камышовых судов, строились из дерева. Лесоматериалы наряду с медью стали одним из основных грузов, доставляемых в Месопотамию на крупнейших в этой области парусниках.

Салонен показывает, что у шумеров были наименования для четырех других видов деревянных судов. Два вида предназначались только для плавания по рекам, один мог ходить и по реке, и по морю, а четвертый представлял собой попросту грузовую баржу или паром. Однако для всех религиозных процедур неизменно использовался «божий корабль», исконный *ма-гур*.

Водоизмещение *ма-гур* обычно определяется цифрой 120 *гур*. К сожалению, мера *гур* не однозначная. В одних случаях ее приравнивают к 320 литрам, в других — к 121 литру. Эти цифры достаточно близки к размерам современных *дау*. Уже после исследований Салонена Оппенгейм встретил данные о кораблях из Ура водоизмещением в 300 *гур*. Он справедливо называет такие суда чрезвычайно большими: рядом с ними обе «Ра» и «Тигрис» показались бы малютками.

Салонен цитирует плитки, в которых говорится о пассажирских судах, паромах, рыболовных судах, военных кораблях, транспортах для перевозки войск, а также о торговых судах, как собственных, так и зафрахтованных. Упоминаются и спасательные лодки; очевидно, ими оснащались на случай бедствия крупные суда. Кораблям, как и в наши дни, давали имена в честь городов, стран, царей и героев. Были и более романтические названия, например «Утро», «Хранительница жизни», «Услада души». Часто названия были связаны с перевозимым грузом. Судя по ним, торговля отнюдь не ограничивалась лесом, медью, слоновой костью и тканями; суда перевозили также шерсть, тростник, камышовые циновки, сапожную кожу, кирпич, строительный камень,

асфальт, крупный и мелкий скот, сено, зерно, муку, хлеб, финики, молочные продукты, лук, кухонные травы, лен, солод, рыбу, рыбий жир, растительное масло, вино. Одна плитка рассказывает, как шестнадцать человек потратили два дня на то, чтобы ввести свое судно в гавань и разгрузить его, да еще день потребовался, чтобы разместить привезенный товар в складском помещении^[13].

Исходя из классификации, приводимой Салоненом, «Тигрис» явно принадлежал к разряду *ма-гур*, «божьих кораблей» древнейшего типа. Мои товарищи по плаванию нисколько не возражали против такого толкования, особенно когда я подчеркнул, что мы вышли на поиски начала всех начал и что шумерская история начинается с божественных мореплавателей, а не с моряков торгового флота.

Мои слова вовсе не были шуткой. Те из нас, кто унаследовал монотеистическую религию Авраама, легко забывают, что слово «бог» понималось иначе людьми, которые обожествляли своих предков. Семитские племена рано смешались с шумерскими пришельцами на территории нынешнего Южного Ирака; очевидно, при этом произошло также смешение древних религий. Подобно Аврааму, шумеры вели счет своим царям от судостроителя, спасшего человечество от полного уничтожения потопом, но если у древних иудеев и цари, и простые люди происходили от Адама, то шумеры четко различали царей и простолудинов. Подобно египтянам и представителям древних культур Мексики и Перу, они считали своих правителей божественными потомками Солнца. Культ Солнца сочетался у них с культом предков. Царя обожествляли при его жизни, причем его ранг в ряду богов определялся количеством царственных предков. Естественно, что писцы доавраамовой поры, запечатлевшие на глиняных плитках события древних времен, полагали богами священных царей, которые высадились на шумерских берегах и потомки которых основали первую династию Ура. Если мы отнесем шумерских богов исключительно в разряд мифических существ, нам придется так же поступить и со всеми династиями Шумера, от первой до последней. Задача заключается в том, чтобы проследить шумерскую историю до ее мифических истоков, где обожествленные земляне сочетаются с птичеловеками и небесными телами.

В моем багаже была также небольшая книжечка «Шумеры», написанная другим видным авторитетом, профессором Ч. Л. Вулли. В

первой же главе, названной им «Начала», этот известный археолог обращается к сути вопроса:

«Шумерские легенды, объясняющие начало цивилизации в Месопотамии, явно предполагают приход людей с моря, причем люди эти, судя по всему, есть сами шумеры, а тот факт, что исторически известные шумеры населяли южные области и что город Эриду, слывший у них древнейшим во всей стране, расположен южнее других городов, говорит в пользу такого предположения».

Завершая книгу, Вулли подчеркивает, сколь трудно оценить все то, чем современный мир обязан шумерам, доле человечества, лишь недавно спасенной от полного забвения. Шумеры, говорит он, заслуживают высокого почета за их достижения, но еще больше за воздействие на историю человечества. Шумерская цивилизация была ярким факелом в мире варварства. Этап, когда начала всех искусств связывали с Древней Грецией и Зевсом-олимпийцем, продолжает Вулли, пройден нами, «теперь нам известно, что этот цветник гениев питался соками Лидии и страны хеттов, Финикии и Крита, Вавилонии и Египта. Но корни уходят еще глубже: за всем этим стоит Шумер. Военные завоевания шумеров, высокоразвитые искусства и ремесла, общественная организация, морально-этические и даже религиозные представления — не изолированный феномен, не археологический курьез, мы обязаны изучать их как частицу нашего собственного существа, и, восхищаясь ими, мы воздаем должное нашим духовным предтечам»^[14].

Воздавая должное шумерам как нашим духовным предтечам, мы воздаем должное народу неизвестного происхождения. Народу, пришедшему с моря на судах типа *ма-гур*.

Обобщая данные раскопок, Вулли отмечал, что за весь период от первой до последней династии Ура шумерская цивилизация не прогрессировала. Напротив, археологические данные свидетельствуют о том, что она достигла своего зенита еще до основания первой династии. «Начиная с первой династии Ура если и наблюдаются какие-то перемены, то в сторону упадка, и позднейшие века не произвели ничего равного сокровищам древнейших гробниц».

Бесподобные произведения искусства, созданные нашими духовными предтечами в додинастические времена, свидетельствуют не только о непревзойденном мастерстве и тончайшем вкусе. Самый

материал, выбранный художниками, говорит нам кое-что об их бывшей родине и о связях с другими странами. Связях не поверхностных и не случайных. Ведь в стране, которую они заселили, — в Южном Ираке, — не было металлов и драгоценных камней. Не было даже обыкновенного строительного камня. Богатство этого края составляли плодородная почва и пригодные для судоходства воды. Обширные аллювиальные равнины, где эти люди могли выращивать сельскохозяйственные культуры и пасти скот. Идеальное расположение для коммерческой активности на морских и речных путях. Тогдашний Шумер обладал куда более пышной растительностью, как это видно из плитки, описывающей прибытие в Ур первого божественного правителя из Дильмуна:

«Он прибыл в Ур, Энки, властитель бездны, по велению рока. О город обильный, щедро омываемый водами... зеленый, словно гора, Хашур-лес, тени пространные...»^[15]

Так описывали шумеры край, где ныне царствуют пески, где нет ни капли воды, ни одного зеленого листика, ни клочка тени. Однако первозданный чудный ландшафт не располагал тем, что требовалось ювелиру и золотых дел мастеру, чтобы задумать и создать изумительные сокровища, преданные земле вместе с первыми правителями. Как тут не призадуматься над ярким описанием гробниц в книге профессора Вулли:

«В Уре обнаружен некрополь, где древнейшие захоронения датируются примерно 3500 годом до н. э., а самые последние относятся к началу первой династии; есть здесь могилы местных правителей, не упоминаемых в списках царей... Поражает, что уже в этот ранний период шумеры знали и широко применяли в строительстве не только колонны, но и арки, своды... купола — элементы, освоенные западным миром лишь тысячи лет спустя.

Богатство захоронений свидетельствует, что высокому развитию архитектуры отвечал общий уровень цивилизации. В изобилии встречаются золотые и серебряные изделия, причем из драгоценных металлов делали не только украшения, но и сосуды, оружие, даже инструмент; медь была в повседневном обиходе. Многочисленны каменные вазы, излюбленным материалом был белый кальцит (алебастр), но широко использовались также мыльный камень, диорит и известняк; более редки кубки и чаши из обсидиана и лазурита; по

сердолику и лазуриту больше работали ювелиры. Обильно представлена в гробницах Ура техника инкрустации раковинами, перламутром и лазуритом, известная нам по декоративным стенам Киша.

Сколь богатой была эта цивилизация, видно из перечня предметов, найденных в могиле правителя Мескаламдуга, относящейся к позднему периоду описываемого некрополя. Сама могила ничем не примечательна — простая земляная яма, на дне которой стоял деревянный гроб с покойником и с отсеком для даров. Голова правителя была облачена в чеканный золотой убор, или шлем, в виде парика; гравированные штрихи обозначали волосы и плетеную повязку. Шлем с объемным изображением ушей и рельефными бакенбардами закрывал весь затылок и скулы. Точно такой головной убор показан на Стеле коршунов Эанатума. Отдельно лежали две гладкие чаши и выполненный в виде раковины золотой светильник с выгравированным на них именем правителя; на серебряном поясе висел золотой кинжал с украшенной золотой зернью рукояткой, а рядом с телом лежали два топора из электрона; личные украшения правителя включали браслет из треугольных золотых и лазуритовых бусин, сотни других бусин из того же материала, золотые и серебряные серьги и браслеты, золотой талисман, изображающий сидящего тельца, два серебряных светильника в форме раковин, золотую булавку с шляпкой из лазурита. Еще больше даров помещалось рядом с гробом. Особенно прекрасна золотая чаша с рифлением и гравировкой, с маленькими ручками из лазурита; рядом с ней лежали серебряный кувшин для возлияний и подставка; насчитывалось около полусотни кубков и чаш из серебра и меди, большое количество оружия, копье с золотым наконечником, кинжалы с золотом и серебром на рукоятках, медные копья, топоры и тесла, набор стрел с треугольными наконечниками из кремня.

Царские захоронения в каменных склепах были еще богаче, и мы встречаем здесь то, чего не было в простых, земляных могилах. Погребение царей сопровождалось чудовищными человеческими жертвоприношениями. На дне могилы видим останки мужчин и женщин, явно подвергнутых закланию тут же, на месте. В одном захоронении стражники с копьями, в медных шлемах лежат в начале наклонного хода, ведущего вниз, к склепу; в дальнем конце гробницы

найжены останки девяти придворных дам в искусно выполненных золотых головных уборах. У входа в склеп стояли две тяжелые четырехколесные повозки, в которые было впряжено по три вола; в повозках — скелеты возничих, а у голов животных — скелеты конюхов. В другом захоронении, где была погребена царица Шуб-ад, останки придворных дам лежали в два ряда, и каждый ряд заканчивался арфистом с инкрустированной арфой, украшенной головой быка из золота и лазурита, причем руки музыканта покоились на сломанном инструменте. Даже в самом склепе лежали два скорченных скелета — один в изголовье, другой в изножье деревянных носилок, на которых лежала царица. В известных нам текстах нет упоминаний о такого рода человеческих жертвоприношениях, и в более поздних захоронениях археологами не обнаружено никаких следов или пережитков такого обычая. Если, как я предположил выше, он находит свое объяснение в обожествлении древнейших царей, следует заметить, что в исторические времена даже самые значительные боги не удостоивались такого ритуала...»^[16]

Стоит обратить внимание на один момент, который подчеркивает тот же автор: природные богатства Нижней Месопотамии ограничивались областью сельского хозяйства: «здесь нет металлов, нет и камня, и едва ли не самое интересное в сокровищах, раскопанных в Уре, то обстоятельство, что почти все они изготовлены из привозного сырья». Но если древнейшая известная нам цивилизация, предшественница первых династий Шумера и Египта, во всем зависела от привозного сырья, выходит, что еще до известных нам начал так или иначе совершались не отраженные в текстах дальние странствия.

Чтобы понять происхождение столь богатых захоронений, мы должны признать, что описанные и изображенные на древнейших шумерских плитках и печатях полубоги были такими же людьми, как те, что погребены в древнейших царских захоронениях Ура. Образ «бога» Энки, который пришел из Дильмуна и застал Ур щедро омываемым водами и осененным тенью *лесов хашур*, отражает воспоминание об одном из могущественных правителей, чьи *ма-гур* еще до того возили искусных ремесленников и торговцев во многие дальние страны. А иначе как могли они ознакомиться с великим разнообразием драгоценных металлов и камней, потребных для

изготовления царских сокровищ? По соседству с их собственным царством нигде не было ни золота, ни серебра, ни электрона, ни меди, ни лазурита, ни сердолика, ни алебастра, ни диорита, ни мыльного камня, ни кремня. Опытные посланцы правителя еще до прихода в Ур должны были тщательно исследовать не одну далекую страну, чтобы в совершенстве изучить все эти чужеземные материалы, знать, где их найти и как обрабатывать. И, наверно, судостроители и моряки древнейших божественных правителей, погребенных в Уре, были такими же знатоками своего дела, как ювелиры и золотых дел мастера.

Немудрено, что иные наши современники, наслышанные о космических кораблях, но ничего не знающие о *ма-гур*, готовы поверить, что внезапно появившиеся в Двуречье полубоги — пришельцы из космоса. Да ведь и у нас, когда мы тащились на тресе за кормой «Славска», были все причины скромно судить о возможностях землян.

Советские моряки продолжали буксировать ладью в сторону Бахрейна со скоростью нашего свободного хода. Над заливом по-прежнему господствовал необычный для зимних месяцев ветер. Весь день он дул с переменной силой с юга. Под вечер Норман извлек из-под матраца радиостанцию. Он условился с Би-би-си сообщать данные о нашем местонахождении, однако береговые станции не отзывались. Тогда он включил свою любительскую аппаратуру, и тотчас со всех концов света откликнулись взволнованные голоса любителей. Мы сохранили те же позывные, какими я пользовался на «Кон-Тики» и на обеих «Ра» — L12B, и они представляли особый интерес для радиолюбителей, коллекционирующих двусторонние связи. Стоило Норману выйти в эфир, не адресуясь к кому-либо в отдельности, и от множества нетерпеливых голосов его наушники начинали гудеть, словно пчелиный улей. Но как только он кому-то отвечал, остальные замолкали до следующего случая. Сам страстный радиолюбитель, Норман весь вечер связывался с. коллегами на востоке и западе, севере и юге, обмениваясь позывными и кодовыми данными о местонахождении, слышимости и разборчивости.

Только он собрался ответить очередному корреспонденту, как включился кто-то другой и заявил: «Этому не отвечай, только кучу неприятностей наживешь!» Первый поспешил возразить: «Это же хобби, а не политика!» Норман немедленно согласился с ним:

радиолюбители вправе заниматься своим хобби в любой стране, мы за международную дружбу через все границы, и нечего смешивать хобби с политикой. Выяснилось, что на связь с нами вышел радиолюбитель из Израиля. Остальные отключились, чтобы не мешать обмену обычными данными. Так Норман одержал бескровную победу.

Подошло время ужинать, и Норман с Рашадом сели за один стол. Норман происходил из еврейской семьи, Рашад был араб из Ирака, который враждует с Израилем. Возможно, их предки некогда плыли вместе на одном судне. Арабы и евреи ведут свою родословную от Сима — сына родившегося в Уре Авраама.

Пятое декабря. На безоблачном небосводе мерцали первые вечерние звезды, когда я поднялся на мостик, чтобы сменить рулевых. Вахтенные Рашад и Асбьёрн шутливо спросили, заметил ли я, как похожа молодая луна на наш корабль. Ничего не скажешь, и впрямь похожа... Как обычно в южных широтах, лунный серп висел в небе гамаком, а не опирался на рог, каким его привыкли видеть северяне. Как раз сейчас он к тому же опирался нижней кромкой на черные воды у горизонта — ни дать ни взять золотистое серповидное камышовое судно. Параллельно ладье шел по волнам самый настоящий божий корабль, поразительно схожий с нашей собственной *ма-гур*. Мы продолжали любоваться нашим лучезарным товарищем, пока он не оторвался от воды и не поплыл среди искристого звездного планктона в черных небесах.

Символическая картина произвела на меня глубокое впечатление. Луна как важнейший мотив доисторического искусства много лет занимала меня. И теперь я мысленно перенесся в те дни, когда великие строители камышовых судов в Шумере, в доинкском Перу и на уединенном острове Пасхи отождествляли лунный серп с божьим кораблем, на котором бог Солнца и предки древнейших царей странствовали в ночном небе. Это верование отразилось и в преданиях, и в изобразительном искусстве древних шумеров и перуанцев. Пасхальцы ко времени прихода на остров европейцев забыли первоначальный смысл символа, однако грудь их обожествленных правителей неизменно украшала традиционная эмблема власти — деревянная серповидная пектораль, известная под двумя названиями: *реи-миро*, что означает «корабельная пектораль», и *реи-марама*, что означает «лунная пектораль».

Ночью над Ираном возникли полыхающие зарницами черные облака. На другой день нас несколько раз настигали ливни, но ветер упорно дул с юго-востока, и капитан Игорь не соглашался отпускать «Тигрису». Без якорей, с большой дырой в носу, мы нуждались в попутном ветре — или в помощи друзей, чтобы дойти до надежной гавани и заняться ремонтом. Днем юго-восточный ветер опять сменился южным, причем он дул с такой силой, что гребни волн обдавали нас соленым душем, разбиваясь о нос ладьи. Рация, полученная от Би-би-си, тянула только на связь с «Славском» на другом конце буксирного троса. Капитан Игорь посоветовал нам укрываться от ветра за корпусом парохода, но разделявший нас просвет был слишком велик, чтобы «Славск» мог защитить собой пострадавший нос «Тигрису».

На четвертый день пополудни мы подошли к Бахрейну. Точнее, подошли к бую, обозначающему начало фарватера среди окружающих остров известняковых отмелей. По радио с Бахрейна «Славску» было предложено остановиться здесь. Просьбу капитана Игоря, чтобы ему разрешили следовать до острова, отклонили. Сказали, что за «Тигрисом» вышлют судно. «Славск» отдал якорь, и началось ожидание.

Легендарный остров все еще скрывался за горизонтом; в бинокль можно было различить только лес высоких труб нефтеочистительных установок.

Вскоре примчался новенький сторожевой катер, а следом за ним появился вертолет. Нас снимали с воздуха, но пограничники на сторожевике только приветственно помахали руками, после чего стали кружить поодаль, наподобие *дау* у Файлаки. Потом вертолет ушел, однако катер не стал приближаться. «Славск» спустил на воду шлюпку, и Юрий с Карло вернулись на ладью вместе с капитаном Игорем.

Судя по радужному настроению ребят, они отлично провели время на пароходе. Пограничники все так же ходили по кругу, и мы не торопились отдать буксир, чтобы нас не отнесло на мели.

Шли часы, но, сколько мы ни всматривались в горизонт, больше никто не показывался. Пограничники терпеливо описывали круги возле нас и «Славска». Под вечер капитан Игорь попрощался с нами и возвратился к себе на корабль, провожаемый словами самой искренней благодарности и добрыми пожеланиями. Печально было расставаться с

добрым товарищем, который, еще не зная нас, проявил такую смелость и бескорыстную человечность.

Начался закат, и мы приготовились ночевать на привязи у «Славска». Неожиданно пограничники подошли к нам вплотную и предложили отвести ладью к Бахрейну. Мы сказали «спасибо», однако я спросил, не ждем ли мы кого-нибудь еще. Нет, это их прислали за нами. Просто они ждали, когда русские отдадут буксир: им казалось, что нас вроде бы держат в плену. Ничего подобного, ответил я, напротив — русские выручили нас. Не дали «Тигрису» сесть на рифы и довели нас до Бахрейна. Мое объяснение ничего не изменило. Воды Бахрейнского эмирата были закрыты для советских судов. Пограничники услужливо подхватили трос, как только наши русские друзья отдали буксир.

Ничего не поделаешь... С тяжелым сердцем еще раз помахали мы руками капитану Игорю. Сторожевик повел «Тигрису» навстречу огням современного порта, а «Славск», снявшись с якоря, пошел обратно к судам, терпеливо ожидающим в устье Шатт-эль-Араба своей очереди подняться вверх по реке.

Нам предстояло знакомство с крохотным независимым государством, пожинаящим плоды бурного технического прогресса и безмерного, по видимости, богатства. Великое богатство Бахрейна связано не столько с его собственными, быстро убывающими запасами нефти, сколько с географическим положением: сюда, к защищенным глубоким гаваням, где швартуются танкеры со всех концов света, протянулся нефтепровод из Саудовской Аравии. Во все века Бахрейн благодаря своему местоположению служил перекрестком для мореплавателей и торговцев. А в наши дни и местный аэропорт служит узловой станцией для воздушных лайнеров самых различных авиакомпаний. На Бахрейне садятся даже «Конкорды».

Поздно ночью, ослепленные прожекторами и огнями новейших портовых сооружений, прошли мы на буксире мимо стоящих на рейде танкеров и бетонных волноломов к огромному пирсу только что построенной Арабской строительной-ремонтной верфи с крупнейшим в мире сухим доком, рассчитанным на супертанкеры водоизмещением до 450 тысяч тонн. Надо же было случиться так, что крохотный «Тигрис», чья стенга едва выступала над самой низкой платформой причала, первым пришвартовался к сооружению, до официального

открытия которого оставалось два дня. Опустив камышовые кранцы, чтобы боковые связки не терлись о бетон, мы поднялись по длинному железному трапу на пристань, где нас ожидали официальные представители и любопытствующий люд, пропущенный через полицейские кордоны.

Впереди в ярких лучах прожекторов стоял сановник в длинном белоснежном арабском одеянии. Сердечно и просто поприветствовав нас, он справился, какого мы мнения о своей камышовой ладье. Это был министр информации, его превосходительство Тарик эль-Моайед. Я ответил, что мы чрезвычайно довольны корпусом нашего судна. Сколько ему пришлось испытать со времени неудачного спуска на воду, а он все такой же крепкий и прочный, и осадка совсем небольшая. Но проблему паруса нам пока не удалось решить. Вот и зашли на Бахрейн, надеясь найти здесь парусного мастера, а также арабскую или индийскую парусную *дау*, которая могла бы сопровождать нас дальше.

— С этим вам поможет Халифа, — ответил министр и представил нам молодого человека в таком же белом одеянии. — А что вам хотелось бы посмотреть, пока вы будете находиться у нас на острове?

Я поднял взгляд на вздымающиеся к ночному небу железные пирамиды и бетонные обелиски и сказал, что нам хотелось бы увидеть следы пребывания на Бахрейне древнейших мореплавателей. Словно я потерял волшебную лампу Аладдина: министр повернул голову, и из темноты возникло знакомое улыбающееся лицо. Приветственно поднялась рука, вынув изо рта увесистую трубку с изогнутым черенком. Это был известный археолог Джеффри Бибби. Тот самый, который вместе со своими датскими коллегами, и в первую очередь крупным ученым П. В. Глобом, поколебал былые представления о началах цивилизации, раскопав в бахрейнских песках храмы и могильники и обнаружив свидетельства того, что более пяти тысяч лет назад остров участвовал в морской торговле с дальними странами^[17].

Бибби прилетел из Дании, услышав, что «Тигрис» идет к Бахрейну. Свыше двадцати лет он руководил полевыми работами на острове и теперь захотел лично ознакомиться с судном, построенным по древнейшим известным нам образцам в области залива. Смеясь, он напомнил мне, что я последовал его совету. Несколько лет назад, рецензируя в газете «Нью-Йорк таймс» мою книгу об экспедициях

«Ра», он предложил мне в следующий раз испытать месопотамское камышовое судно.

Спустившись на палубу «Тигриса», он, совсем как капитан Игорь, принялся с восторгом осматривать необычное судно. Интерес Бибби к «Тигрису» естественно вытекал из его собственных исследований. Открытия на Бахрейне показали, что уже на заре цивилизации мореплавание играло фундаментальную роль в человеческом обществе. Бибби принадлежит главная заслуга в доказательстве того, что Бахрейн и есть далекий торговый центр Дильмун, о котором говорится в древних месопотамских текстах. За возможность посетить наш *ма-гур* он отблагодарил тем, что прочел команде лекцию о древнейшей истории острова. И потом на протяжении двух недель возил нас по главным объектам своих раскопок.

Когда на другой день Джеффри Бибби, с живописной чалмой на голове, приехал за нами, мы из Манама с ее огромной верфью перенеслись на двух машинах со скоростью космического корабля на пять тысяч лет назад в истории человечества. Самые большие в мире корабли и самолеты и самые роскошные отели быстро сменились незатейливыми арабскими лачугами из пальмовых листьев и сырцового кирпича, ожидавшими, когда их снесет бульдозер. Дальше последовала также обреченная плантация финиковых пальм, похожая на кладбище телеграфных столбов. Лишенные величественных крон, обезглавленные пальмы с обнаженными корнями как бы напоминали пронесившимся мимо торопыгам: нефтяные скважины могут качать свой сок из земли несколько десятилетий, но тысячи лет со времен Дильмуна не они, а корни финиковых пальм извлекали соки, кормившие эту страну. Добыча и переработка нефти доходнее, чем земледелие, и жители Бахрейна потеряли интерес к пахоте и сбору фиников. На деньги, щедрым потоком поступающие из развитых стран, они могли купить сколько угодно фиников, фруктов и овощей. Городские базары и витрины магазинов изобиловали чудесными, свежими плодами земли, доставленными по воздуху с трех континентов. И по мере того, как скромные лачуги и высокие пальмы падали ниц под напором механической лопаты, современные жилые комплексы и промышленные предприятия наступали на зеленые поля, подбираясь все ближе к голой пустыне, распространившейся в наши

дни на большую часть острова. Мы быстро доехали до бесплодных песков.

— Вот и Дильмун, — сказал Бибби, указывая черенком трубки на уходящую за горизонт сплошную череду холмов и холмиков, похожих на окаменевшие морские волны. — Теперь вы видите, почему нам с Петером Глобом захотелось копать здесь.

Доисторические погребения. Могильные холмы. Считается, что на Бахрейне около ста тысяч таких курганов. Величайшее в мире доисторическое кладбище. В одиночку Бибби мало что мог бы сделать. Более восьмидесяти археологов, представляющих полдюжины национальностей, главным образом датчане, да еще несколько сот рабочих чуть ли не из всех арабских стран работали вместе с ним. Первые результаты были далеко не вдохновляющими. Древние грабители не обошли вниманием ни один курган из тех, что раскопали археологи. Судя по всему, все сто тысяч захоронений были ограблены в незапамятные времена; выложенные камнем склепы явно содержали в прошлом не одни лишь скелеты. Археологам остались кости, скорлупа страусового яйца, черепки, два-три копейных наконечника из меди, осколки медного зеркала. Покойников явно хоронили люди, которые верили в загробную жизнь, а потому снабжали их личными драгоценностями и прочими предметами, могущими пригодиться в потустороннем мире.

Могильные холмы заметно различались по величине. Мы начали осмотр с района, называемого Али; здесь группировались курганы, числом превосходящие египетские пирамиды, а размерами приблизительно равные среднему месопотамскому зиккурату. Приютившиеся в промежутках между ними одно-, двух- и трехэтажные арабские дома выглядели карликами рядом с этими великанами. Нынешние обитатели Али добывали в толще рукотворных холмов сырье для выжигания извести. В итоге усилиями древних грабителей могил и современных добытчиков извести Алийские курганы стали подобны вздымающимся над равниной вулканическим кратерам. С вершины такого кратера открывался великолепный вид на нескончаемую россыпь малых курганов — как будто многочисленное потомство разбежалось от гигантских черепашек Али. Разделенные широкими просветами величавые исполины привольно расположились ближе к морю, тогда как приземистые купола уходящего вглубь

острова некрополя жались друг к другу, оставляя совсем узкие проходы. Напрашивалась мысль, что большие курганы старше толпящейся за ними мелюзги. Наверно, их соорудили в те времена, когда места было вдоволь, а уже потом к ним начали лепиться рои малых гробниц.

Принято представлять себе развитие как восхождение от малого к большому. Однако путь цивилизаций не всегда таков. Это можно объяснить двояко. В большинстве известных нам случаев развитие той или иной культуры сменялось застоем и упадком. Причины могли быть разные: пагубное изобилие, война, эпидемия, стихийное бедствие. Добавим, что в пору высшего расцвета древние цивилизации, как правило, обладали кораблями и осваивали мореходство. Это позволяло внезапно сниматься с места, чтобы уйти от захватчиков или отправиться на поиски лучших земель. Отдельные семьи, даже большие организованные группы с высоким уровнем развития могли селиться в новых областях, либо вовсе необитаемых, либо занятых примитивными общинами. Не следует удивляться тому, что многие древнейшие цивилизации словно бы возникали вдруг, без каких-либо следов местного развития, а потом так же бесследно исчезали. Мы доискиваемся корней, полагая, что каждая цивилизация выросла, подобно дереву, там, где ее обнаружили. Но когда древо цивилизации выросло и начало цвести, оно дает семена, разносимые ветром и течениями. Вот почему неверно считать, что Бахрейн первоначально мог быть заселен только примитивными дикарями и великие курганы Али — венчающий местную эволюцию плод векового опыта, а начиналось все с малых погребений. Египетские пирамиды не росли со временем. Самые большие воздвигнуты при первых фараонах, потом пошли пирамиды поменьше. То же видим в Двуречье. И в Перу. Во всех этих трех странах наибольший размах отличает деятельность первых династий. Далее последовал не рост, а в лучшем случае имитация, в худшем — упадок. В Перу знаменитая культура инков никогда не поднималась до высот, достигнутых в искусстве и в монументальности сооружений их предшественниками, создателями культур Тиауанако и Мочика. И теперь, глядя на могильники Али, я склонялся к мысли, что передо мной аналогичный пример.

Мне доводилось видеть группы гробниц и доисторические некрополи в разных частях света, но такого я еще никогда не встречал.

В мире просто нет ничего подобного. Так что Бибби не надо было тратить много слов, чтобы убедить меня, что Бахрейн и есть Дильмун.

Одна из его посылок заключалась в том, что Дильмун был для шумеров священной страной. Страной, освященной богами, которые даровали ее человечеству после потопа. Страной, где человеку — в лице Зиусудры, он же Ной иудеев — было даровано бессмертие. Зиусудра здесь явно олицетворяет все человечество. В древнейшем известном нам эпосе правитель Урука (библейский Эрек) Гильгамеш отправляется в Дильмун, чтобы в священном краю своих предков искать цветок бессмертия. Шумерская поэма говорит:

Священна страна Дильмун, беспорочна страна Дильмун,
Чиста страна Дильмун, священна страна Дильмун^[18].

При таком отношении к Дильмуну для людей, исповедующих культ предков, было вполне естественно перевозить для погребения останки сколько-нибудь знатных лиц — хотя бы и на кораблях — в Дильмун, где душу покойника ожидала встреча со старейшими богами.

Не только Бибби — многие считают, что во времена шумеров земля Бахрейна должна была играть совершенно особую роль в представлениях жителей соседних областей, коль скоро на этом маленьком острове разместился самый большой некрополь в мире.

В уже цитированной шумерской поэме есть еще одно важное упоминание Дильмуна. Странствующий по морям бог Энки повелел верховному богу неба благодетельствовать Дильмун пресной водой.

Пусть Уту <бог Солнца>, пребывающий в небесах, даст
тебе пресную воду из недр земли, из подземных источников,
пусть наполнит водой твои обширные вместилища <?>,
пусть твой город черпает в них воду обильную,
пусть Дильмун черпает в них воду обильную,
пусть горькая вода твоих колодцев станет пресной,
пусть пашни твои и поля приносят тебе свое зерно,
пусть город твой станет «домом кораблей» в этом краю.

Вода здесь была божественным даром для любого народа. На островах и в приморье преобладают засушливые земли и пустыни.

Бахрейн — поразительное исключение. Здесь из сухого грунта бьют родники, вода нескончаемыми потоками устремляется к морю. Вдоль побережья есть даже подводные ключи; нырнул в море — можешь напиться сам и наполнить взятый с собой сосуд.

Поразительная щедрость, с какой природа наделила водой низкий известняковый остров в заливе, вполне может показаться чудом всякому, кто пьет из его источников. По пути к могильникам Бибби свернул в сторону, чтобы мы посмотрели настоящий оазис с пальмами и зеленой травой. Древняя каменная кладка окружала дивной красоты глубокий круглый бассейн с чистой водой. В бассейне плескались юные арабы; один мальчуган старательно намыливался, сидя в воде; три женщины стирали белье. Тем не менее непрестанно обновляемая вода оставалась чистой, как утренняя роса. Гладкие камни на дне виделись так отчетливо, словно бассейн был пуст. Поверхность воды посередине бугрилась под напором поднимающихся снизу струй, и мыльная пена устремлялась в канаву, прежде служившую для полива финиковых пальм.

Мы слышали от Бибби, что на острове много таких источников и бассейнов. Нет ничего удивительного в том, что их возникновение приписывали вмешательству небожителей. Вода поступает на остров с далеких гор Аравийского полуострова. Там осадки впитываются в скальный грунт, не принося никакой пользы обитателям материка, но по капризу природы часть влаги, просачиваясь через подземные трещины, совершает путешествие под дном залива и выходит вновь на поверхность в виде ключей на Бахрейне.

От возвышенностей в центре острова глубоко под песками пролегли на много километров облицованные камнем водоводы. Созданные древними строителями, они заканчивались у некогда возделывавшихся полей. Через каждые пятьдесят-шестьдесят шагов на глубину шести и более метров уходили круглые каменные колодцы, вероятно служившие для надзора и очистки водоводов. Без них никто бы и не подозревал о существовании доисторических подземных магистралей. Бибби и его коллеги основательно поломали голову, пытаясь представить себе, как создавались эти замечательные образцы строительного искусства. Может быть, каменные акведуки сооружали на поверхности земли, а затем, по мере того как их заносило песком, наращивали смотровые колодцы? Или же их с самого начала заложили

глубоко в толще песков? Я тоже тщетно искал разгадку, пока несколько недель спустя случай не подсказал мне и моим товарищам по плаванию ответ в другой легендарной стране, упоминаемой шумерами.

Осмотрев бассейны и источники «Энки» и ознакомившись с россыпью курганов, мы уяснили себе, что среди прилегающих к заливу стран Бахрейн убедительнее всего отождествляется с Дильмуном. Однако у Бибби был еще припасен главный козырь: Дильмун был не только ареной деятельности богов и стоявших ниже рангом священных правителей вроде Ноя. После некрополя Бибби отвез нас в погребенный песками город, где некогда простые люди занимались совсем мирскими делами — торговлей и мореходством. Археолог еще раз напомнил нам, что Дильмун со времен потопа оставался вполне реальной страной не только для бороздивших моря шумеров, но и для унаследовавших их культуру вавилонян и ассирийцев.

На стеле и на глиняной плитке, датированных примерно 2450 годом до нашей эры, царь Урнанше, основатель могущественной династии Лагаша, записал, что корабли из Дильмуна привозили ему лес. Затем живший около 2300 года до нашей эры великий семитский царь Саргон Древний, который покорил все государства от залива до Средиземного моря, воздвигнул в Ниппуре статуи и мемориальные стелы с надписями, где хвастливо возвещал, что к причалам его столицы Аккад швартуются суда из Дильмуна, Макана и Мелуххи. Дильмун и далее фигурирует в аккадских текстах. В титуле ассирийского правителя Тукульти-Нинурты значилось: «царь Дильмуна и Мелуххи». Ассирийский царь Саргон II получал дань от дильмунского правителя Упери, а при Синаххерибе воины из Дильмуна участвовали в разрушении Вавилона.

Когда археологи в начале пятидесятых годов обратили свой взор на Бахрейн, они не увидели там древних поселений, которые могли бы объяснить, откуда на острове сто тысяч гробниц; развалины арабских мечетей и португальских крепостей — вот и все зримые памятники прошлого. Можно было подумать, что остров служил лишь некрополем для прилегающих к заливу стран. В ограбленных могилах Глобу, Бибби и его товарищам встретились, по сути дела, одни только черепки неизвестной прежде керамики. Тогда они принялись искать по всему острову отщепы кремня, черепки и другие признаки бывших

поселений. В итоге им удалось обнаружить сперва засыпанный песками храм, а затем и неизвестный город; в него-то Бибби и повез нас теперь.

Есть что-то интригующее в городах, погребенных временем. Спускаясь с нынешнего уровня в выемку, нависающую краями над бывшими крышами, словно бы проникаешь через люк в неведомое прошлое, чтобы пройти по улицам, по которым, быть может, тысячи лет не ступала нога человека. Такие улицы ждали нас на северном берегу Бахрейна. С песчаных дюн у подножия португальской крепости шестнадцатого века мы спустились в город, кипевший жизнью во времена шумеров. Крепость на господствующем над морем утесе, от которой ныне остались только живописные развалины, была сооружена португальцами вскоре после того, как они в 1521 году захватили арабский Бахрейн. Точнее говоря, португальцы восстановили крепость, первоначально выстроенную арабами, пришедшими на остров вскоре после смерти Мухаммеда в седьмом веке. Арабы, в свою очередь, использовали камни из еще более древних построек неизвестного происхождения, вероятно торчавших из песка.

Участок рядом с крепостью показался заманчивым Бибби и его коллегам. Возвышающийся над морем песчаный холм явно что-то скрывал. И по мере того, как лопаты разгребали белый песок, глазам археологов открылся целый город, а под ним — другой, еще глубже — третий. Окаймленные домами улицы строго выдерживали направление восток-запад и север-юг. За время своего существования город познал и процветание, и беды. Около 1200 года до нашей эры он был опустошен пожаром. Ниже пожарища залегали степы домов, датированных 2300 годом до нашей эры. К этой же поре относят сооружение могильников и плавания шумеров в Дильмун; Бибби так и назвал ее — «периодом Дильмуна». Спустившись вместе в древнейший город, мы остановились у массивной городской стены с обращенными к морю воротами. Широкая площадь в окружении высоких стен примыкала к упирающейся в ворота главной улице; другие улицы расходились от площади под прямым углом.

Бибби показал на высокие ворота. Нанесенные ветром дюны закрывали вид, но в те далекие времена, когда строилась городская

стена, путь к морю был свободен. Оно и сейчас плескалось сразу за воротами.

— Четыре-пять тысяч лет назад, в период Дильмуна, здесь причаливали корабли с товаром, — говорил Бибби. Повернулся и показал на землю. — А вот тут, на площади, мы нашли вещественные доказательства заморской торговли. Сюда поступал привезенный груз. Здесь и на городских улицах мы подобрали множество крупинок необработанной меди. Нашли также медные рыболовные крючки, кусочки слоновой кости, стеатитовые печати, сердоликовую бусину — всё чужеродные для Бахрейна предметы.

Ближайшим источником меди он считал Оман. Слоновая кость могла попасть сюда только из Индии или из Африки. Сердоликовая бусина и пять специфического вида кремневых разновесов, найденные среди развалин, несомненно, принадлежали древней Индской цивилизации. Кстати, разновесы позволили сделать неожиданное открытие: бахрейнцы периода Дильмуна пользовались не шумерскими, а индскими мерами веса.

Разговаривая, я обратил внимание на то, что ветер несет через городскую стену мелкий песок с береговых дюн. Вот так со временем и засыпало песком древний порт. Порт на северном берегу Бахрейна... Внезапно меня осенило, что ветер переменялся. Наконец-то он подул со стороны Ирака!

Бибби поправил чалму и рассмеялся.

— Да, не повезло вам. Зимой здесь всегда дует с севера. Как ты думаешь, за сколько дней вы дошли бы сюда с попутным ветром?

— Думаю, уложились бы в три с половиной или четыре дня, — ответил я. — Нас буксировали с той же скоростью, с какой мы сами шли до Файлаки. Но там мы шли перпендикулярно к ветру. Будь у нас попутный ветер до самого Бахрейна, наверно, дело пошло бы быстрее.

— Вполне возможно. В одном из шумерских текстов говорится, что до Дильмуна тридцать двойных часов. Они измеряли расстояние путевым временем.

— Уж, во всяком случае, они прошли бы дистанцию быстрее, чем новички вроде нас, — признал я. — Файлака был для них все равно что родным портом, и в гонках от Файлаки до Бахрейна профессиональная шумерская команда, несомненно, опередила бы нас

на несколько часов. Нам при хорошем северном ветре понадобилось бы, наверно, тридцать пять двойных часов.

— Интересное днище у вашей ладьи, — заметил Бибби. — Эти два бунта, и малая осадка...

Следуя за ним, мы поднялись на стену, с которой открывался вид на приливно-отливную отмель, начинающуюся прямо от дюн перед воротами. В прилив морские волны, наверно, подступали к самой городской стене.

— Вполне могу себе представить, как плоскодонное камышовое судно во время прилива подходило сюда, — продолжал археолог. — И не опрокидывалось, когда наступал отлив, благодаря двойному корпусу. Ляжет перед воротами на обсохший известняковый грунт — пожалуйста, занимайтесь разгрузкой-погрузкой.

Мы уже обратили внимание на то, что окаймляющее остров известняковое ложе, особенно около порта, обуславливало как раз такой маневр, какой описал Бибби: с приливом подходить к берегу и ложиться на грунт во время отлива. А Бибби смог теперь своими глазами убедиться, что судно из *берди* вполне могло нести двадцать тонн груза — столько, сколько привозили в Шумер некоторые суда из Дильмуна, как сообщают плитки с клинописью^[19].

— Но торговое судно должно возвращаться в порт, откуда вышло, — рассуждал Бибби. — По-твоему, они ждали полгода, когда переменится ветер?

Возможно. А может быть, они намеренно приходили незадолго до смены ветра, чтобы сократить ожидание. Но лично я так не считал. Мне представлялось, что все дело в нас самих — не сумели еще освоить управление древней ладьей.

Ведь не знаем же мы сезонных ветров, которые могли бы благоприятствовать плаваниям в порты Индской цивилизации, как они благоприятствовали рейсам в заливе. И тем загадочнее выглядит факт, на который впервые указал много лет назад Бибби: почему на Бахрейне были в ходу индские меры веса? Шумеры и вавилоняне пользовались совсем другими мерами. И делились эти меры иначе — на трети, десятые и шестидесятые части. Бибби представлял себе два объяснения. Либо зарождение дильмунской торговли было связано не с Двуречьем, а с Индией, либо Индия была намного более важным партнером, чем Двуречье.

Одно было ясно для нас обоих. Роль Бахрейна на торговых путях определялась удобным расположением этого уникального пункта набора воды. На всем пути через залив пет другого места, где древние мореплаватели могли бы запастись пресной водой в неограниченном количестве.

По-своему красноречивы заполняющие существенный пробел в мозаике крупинки необработанной меди. Медь была, пожалуй, наиболее важным видом сырья, ввозимого в Двуречье во времена Дильмуна. Как подчеркивает Бибби в своей книге о поисках Дильмуна, письменность играла первостепенную роль в жизни древнего Шумера; обнаруженные в жилых и торговых помещениях глиняные плитки выполняли самые разные функции — от школьных тетрадей до счетоводных книг ростовщика^[20]. В числе других документов найдена деловая переписка проживавшего в Уре посредника в торговле медью. В переписке его называют «дильмунским купцом», но из одной плитки явствует, что руда добывалась в другом месте, а Дильмун служил как бы ярмаркой, где происходила купля-продажа металла. Бибби отмечает, что перевозившиеся в заливе во времена шумеров грузы меди были довольно значительными. В одном случае, по его подсчетам, из Дильмуна поступило восемнадцать с половиной тонн; «в ценах шестидесятых годов нашего столетия он <груз> стоил бы около двадцати тысяч долларов».

Переписка посредника включает также плитку от недовольного клиента: «Ты сказал: «Гимил-Син получит от меня хорошие слитки». Это твои слова, но ты поступил иначе, ты предложил моему посланцу скверные слитки, говоря: «Хочешь — бери, не хочешь — не бери». Кто я такой, чтобы обращаться со мной так высокомерно? Разве мы оба не благородные люди?.. Разве найдется среди дильмунских купцов хоть один, который обошелся бы со мной таким образом?»

Совершенно очевидно, что Дильмун был для наших духовных предтеч вполне реальной страной. И, конечно, среди торговых кораблей, которые швартовались у городских ворот погребенного ныне песками бахрейнского порта, были шумерские суда, поскольку вершина его активности приходится на времена Шумера. Возможно, именно здесь помещался «дом кораблей», упоминаемый Энки в поэме о Дильмуне, если только где-нибудь еще на Бахрейне не скрывается другой, столь же крупный приморский город. Но это маловероятно.

Раскопанный датскими археологами торговый порт достаточно велик для небольшого острова.

Среди судов, заходивших сюда, чтобы, как свидетельствуют плитки, в обмен на месопотамские ткани и шерсть получить медь, наверно, были *ма-гур* из Ура. Без оживленной торговли не мог бы процветать такой большой островной город. Внутри обращенной к морю стены на обширной площади простираются разделенные улицами руины дворцов и других строений.

С первого взгляда очевидно, что город подверглся реконструкции. И не менее очевидно, что лучшие каменщики жили здесь в наиболее древнем периоде. Другими словами, в период первоначального Дильмуна, когда сооружались могильные холмы. Поверх каменных плит старейшего города затем воздвигли новые стены, часть которых относят к ассирийскому периоду. Обращает на себя внимание внушительная конструкция из тщательно подогнанных тесаных плит, именуемая археологами «ассирийским порталом». Порогом служит монолит, превосходящий шириной двуспальную кровать, с круглой лункой в углу для дверного шарнира.

Ассирийцы прославились как мастера работы по камню. Однако на Бахрейне они уступали в мастерстве своим дильмунским предшественникам. Так, может быть, жители Дильмуна были выходцами из области, где камнерезное искусство достигло более высокого уровня или опиралось на более давнюю традицию, чем в Ассирии? Такие области известны в древнем мире. Их было не так уж и много. Археологи прекрасно разбираются в керамике, с замечательной точностью определяют культурные связи по гончарным изделиям, даже по черепкам. Однако я сомневаюсь, чтобы хоть один археолог когда-либо пытался вытесать каменный блок вроде тех, что сохранились на Бахрейне со времен раннего Дильмуна. А попытаются — убедятся, как убедился я, что это им не под силу. Даже с железным инструментом. Но у дильмунцев не было железа. Вот и получается, что стены, сооруженные первыми градостроителями Бахрейна, могут нам кое-что поведать. Среди основателей порта были каменщики, обучавшиеся своему делу в одном из немногих районов мира, где хорошо знали секреты этого труднейшего искусства.

Казалось бы, что общего между камышовыми судами и тесаным камнем и что моряку до каменных стен? Но в древности связь

существовала. Многолетние исследования убеждают меня в том, что строители тростниковых, папирусных, камышовых лодок частенько имели отношение к каменным стенам как раз такого рода. Обычно они же их сооружали.

Бибби не без удивления смотрел, как я, опустившись на колени, штудирую гладкую поверхность раскопанных им дильмунских плит и способ их соединения. Камни разной величины были все обтесаны под прямым углом и плотно, без малейших просветов, прилегали друг к другу, даже если грани были неправильной формы. Мои товарищи по плаванию глядели на меня, как на какого-нибудь Шерлока Холмса, пытающегося обнаружить отпечатки пальцев или следы инструмента, чтобы выйти на след исполнителей. Изумительно обработанные и подогнанные блоки воплощали специфическую технику, с которой я уже не раз встречался. И я объяснил своим озадаченным спутникам, как эти каменные стены увязываются с нашим плаванием и с плаванием людей, которые воздвигли их на Бахрейне.

Любому ясно, что не практическая потребность, а некая эстетическая или магико-религиозная традиция породила такую сложную и своеобразную технику кладки. Ни в Европе, ни в странах Дальнего Востока таких стен не сооружали. Тем не менее она перебросила мост через два океана, и не как-нибудь, а именно в те места, где поселились народы, строившие папирусные и камышовые суда.

Впервые я по-настоящему обратил внимание на подобные стены, попав к строителям камышовых лодок на самом уединенном в мире обитаемом клочке земли — острове Пасхи. Неведомые древние мастера применили здесь специфическую технику, сооружая мегалитические культовые террасы под могучие статуи^[21]. С такой же кладкой я встретился в Южной Америке, там, где нанимал специалистов по камышовым лодкам, которые помогли мне построить «Ра II» и «Тигрис». Она является отличительным признаком мегалитических стен в святынях Перу доинкского и инкского периода — той самой области, откуда мне с попутным ветром удалось доплыть на «Кон-Тики» до собственно Полинезии, минуя остров Пасхи.

Следующая встреча была неожиданной. Оказалось, что эта же своеобразная кладка отличает могучие степы храмов Ликса на

атлантическом берегу Марокко. Я приехал в Ликс перед началом плавания на «Ра» в Америку, чтобы познакомиться с местными строителями камышовых судов. До этого времени я никогда не слышал про местные развалины. Принято считать их остатками поселения финикийцев, которые выходили в дальние плаванья из родной Малой Азии и оседали на берегах Атлантики. Если эта гипотеза верна, нет ничего удивительного в том, что основатели Ликса знали такой способ обработки камня. Они могли освоить его на Ближнем Востоке — единственной, наряду с островом Пасхи и страной инков, территорией, где он применялся. Лучшие образцы мегалитической кладки по соседству с великими пирамидами Египта принадлежат к тому же типу. Но подлинным центром своеобразной техники явно была страна хеттов, где она достигла высшего совершенства. Хетты — исчезнувшие, забытые и недавно открытые вновь предшественники финикийцев — некогда населяли всю область между Верхним Двуречьем и Средиземным морем.

И тут возникает загадка. В обычаях и верованиях, в искусстве и ремеслах хетты многое, если не все, унаследовали от шумеров. По шумеры не строили каменных стен, и на территории, известной нам под именем Шумера, нет никаких следов подобной кладки.

Откуда же она попала на древний Бахрейн? Может быть, каменщики именно этого острова были как-то связаны с хеттами или египтянами? Дильмун поддерживал связи с Шумером, однако в Шумере явно разрывается сплошная полоса распространения специфической кладки. Правда, для этого есть основательные причины. В Нижнем Двуречье попросту не было камня. Был только плодородный ил и была пригодная для лепки кирпичей глина. Но ведь речные контакты Ура и других шумерских портов, судя по текстам на глиняных плитках, были не менее развиты, чем морские. И в верхнем течении двух рек, где встречается камень, месопотамцы заготавливали его, обрабатывали и, в ранний период хетто-шумерских связей, применяли ту же своеобразную кладку, с какой встретились археологи, углубившись в пески Бахрейна.

Отсутствие камня в большей части Двуречья вынуждало шумеров и их преемников сооружать свои зиккураты — ступенчатые пирамиды — из миллионов штук сырцового кирпича. Для Египта кирпичная пирамида — редкое исключение, там почти все пирамиды, даже самая

древняя из них, Саккарская, которая тоже была ступенчатой, сложены из тесаного камня. Многие усматривают здесь фундаментальное различие, исключаящее общность происхождения. Однако такой вывод представляется поспешным. Огромные ниневийские плиты с рельефным изображением прекрасных камышовых судов относятся к лучшим виденным мной образцам камнерезного искусства. По соседству с Ниневией находится библейский Нимрод с исполинским рукотворным холмом — эродированными остатками бывшей пирамиды, засыпанной обломками ассирийского кирпича. Никто не предполагал, что в этом сооружении мог быть использован тесаный камень. Тем не менее археологи, разбирая битый кирпич, недавно расчистили большой участок древней стены из бутового камня. По подсчетам специалистов, ориентированная по солнцу сорокаметровая пирамида первоначально была почти на двадцать метров выше. Внутри пирамиды обнаружено пустое сводчатое помещение длиной тридцать метров, шириной около двух и высотой три с половиной метра. В прошлом Тигр протекал вдоль западного основания пирамиды, которое смыкалось с пристанью шестиметровой высоты, сложенной из тщательно обтесанных и пригнанных известняковых блоков^[22].

Итак, пирамида Нимрода, подобно египетским, была первоначально сооружена из камня. С одним различием. В Египте для упрощения работы всем блокам придавались одинаковые размеры. Этого нет в Нимроде, к тому же, осматривая блоки, я и тут обнаружил интересующий меня способ подгонки камней друг к другу. Тот самый, который теперь привлек мое внимание, как только мы спустились в раскопанный датчанами дильмунский порт.

Видя мой интерес к каменной кладке, Бибби снова отвез нас к одному из холмов Али, пожалуй самому большому в этой группе и мало чем уступающему нимродской пирамиде. Ничего не скажешь, изрядная высота... Следуя за Бибби, мы обогнули холм и подошли к участку, где был расчищен кусок засыпанной битым известняком сплошной каменной стены. Судя по всему, блоки были одинаковой величины, как в Египте. Бибби объяснил, что большие бахрейские могильники представляли собой нечто вроде ступенчатых пирамид округлой формы.

Никто не сомневался, что могильные холмы Али играли роль мавзолеев для усопших правителей. Возведение столь огромных сооружений требовало большой организованной рабочей силы; стало быть, речь шла о весьма могущественных монархах. Ограниченное число грандиозных холмов вполне может соответствовать чередовавшимся поколениям царей, а прилегающий к великанам обширный некрополь мог предназначаться для менее крупных вождей и иных лиц, достойных покоиться по соседству с монархами.

Глядя на крыши арабских домиков внизу и выжженный солнцем край с уходящими вдаль курганами, сплошной массив которых лишь в одной стороне нарушался скопищем обезглавленных пальм, я уже по-другому воспринимал эту безобразную картину. Выходит, перед нами Дильмун. Другими словами, страна, которую шумеры называли обителью своих пращуров. Местопребывание Зиусудры, священного правителя, восхваляемого за то, что он со своим кораблем даровал бессмертие человечеству. Культурный герой, которого затем под именем Ут-напиштима присвоили себе вавилоняне, ассирийцы и, возможно, хетты. Выдающаяся личность, впоследствии занявшая видное место в верованиях иудеев, христиан и мусульман, называющих его Ноем.

Поразительно. Неужели я, сидя на вершине искусственной горы, обозреваю родину Ноя?

Может быть, в этом самом могильном холме был погребен Зиусудра. Ведь холм-то самый высокий! Согласно шумерским текстам, Зиусудра до конца своих дней оставался в Дильмуне, то есть на Бахрейне. В Шумер пришли уже его потомки. Если он и впрямь существовал, вполне вероятно, что его захоронили в одном из этих великих курганов. Как знать, возможно, я и впрямь сижу на гробнице Ноя.

Что за вздор! Ной никогда не существовал на свете. Ной — прелестный сказочный персонаж, странствовавший с плавучим зверинцем, включающим самых различных животных, которые никак не могли быть найдены в одном месте. Сказочный персонаж... но ведь за этим образом стоит Зиусудра! А Зиусудра, говорит предание, взял с собой только то, что уцелело из его стад. Крупный рогатый скот и овец вроде тех, чьи высохшие кости найдены перед четырехколесными повозками в царских могилах Ура или в мусорных кучах Шумера. Для

шумеров Зиусудра был совершенно реальной личностью. Правитель из Шуруппака на Евфрате, чьи предки и потомки перечислены в шумерских генеалогиях, он со своими приближенными, включая кормчего Пузур-Амурри, спасся на корабле, когда поля и города на материке были уничтожены катастрофическим наводнением. Потомки спасшихся вернулись из Дильмуна и вновь заселили опустошенную страну предков.

Было бы нелепо недооценивать древних шумеров только потому, что они жили за пять тысяч лет до нас, когда мир в основном населяли дикари. Шумеры не были неграмотными. Это у них мы научились писать. Они не были глупыми. От них мы получили колесо, умение ковать металл, сооружать арки, ткать, ходить под парусом, засеять поля и выпекать хлеб. От них у нас домашний скот. Они придумали единицы длины и площади, веса и объема и приспособления, чтобы все это измерять. Они заложили основы математики, производили точные астрономические наблюдения, следили за временем, изобрели свой календарь, вели счет династиям. Говоря о Дильмуне, Макане и Мелуххе, они точно представляли себе, где находятся эти страны, и вообще великолепно разбирались в географии. Иначе откуда бы им знать, куда отправляться за медью, золотом, лазуритом, сердоликом, алебастром и множеством других ценимых ими материалов, которых не было в недрах Шумера, но которые тем не менее прочно вошли в их материальную культуру? Важнейшее значение придавали они истории. Исповедовали культ предков, дорожили памятью о событиях и героях прошлого. Списки правителей были священными текстами для подрастающего поколения, обучающегося у жрецов и мудрецов. Ной для нас — миф, но Зиусудра был для них исторической личностью. Дильмун представляется нам продуктом фантазии, для шумеров это был торговый центр в тридцати двойных часах пути от их страны.

Пронзительный сигнал одной из ожидавших нас внизу машин вернул меня из Дильмуна на Бахрейн. Пора возвращаться. Спускаясь по крутой осыпи, скрывающей замечательные каменные стены, я не отрывал восхищенного взгляда от величественных рукотворных холмов Али. Этот остров вместил некрополь предтеч шумеров. В более широком смысле — некрополь наших духовных предтеч. Приблизят ли нас его памятники на один шаг к нашим забытым началам?

С чувством, похожим на благоговение, я ступил на землю у подножия холма и направился к машинам, мысленно представляя себе проходившие в этих местах необычные процессии. Быть может, здесь двигался траурный кортеж с прахом могущественного властелина, чьи подвиги на морях во все более приукрашенных версиях пережили века и дошли даже до классных комнат моего детства.

Судно, ставшее «ковчегом», вероятно, было приставшим к этим берегам *ма-гур*. Мифическая процессия спустившихся с него животных на самом деле состояла из нескольких коров, быка, небольшого гурта овец. После дней, проведенных на борту широкого, массивного камышового корабля, скотинка, мыча и блея, зашагала по мелководью к берегу, где сразу же принялась искать ближайший водопой. Люди и животные выжили на острове, так как бог священного правителя позаботился о том, чтобы из здешней земли били ключи холодной чистой воды с далеких гор на материке.

С ужасом смотрел я, как местные добытчики извести врубаются в самые величественные курганы. Все арабы островного княжества посещают мечеть, читают в священном Коране о своем пращуре Ное, и эти же мусульмане разрушают киркой и лопатой древнейший мавзолей, к которому, быть может, приходили Сим, Хам и Иафет, чтобы почтить память своего отца.

Древние бахрейнцы были люди религиозные. Из безымянного морского порта Бибби повез нас вдоль берега на запад, в местность, получившую название Барбар. Здесь его отряд сделал свое первое серьезное открытие — был обнаружен храм, притом совершенно особенной конструкции. Археологи вышли на него, заложив разведочную траншею на самом низком из цепочки песчаных холмов, превосходящих размерами великие курганы Али. Выбранный для разведки холм заинтересовал их после того, как коллега Бибби, профессор Петер Глоб, заметил торчащие на склонах два огромных блока тесаного известняка. Каждый из блоков весил более трех тонн и опирался на постамент из известняковых плит. Квадратные выемки на верхней грани блоков позволяли предположить, что они, возможно, служили пьедесталами для больших статуй. Углубляясь над постаментом в холм, археологи наткнулись на стену второй террасы, а выстилающие эту террасу плиты, в свою очередь, подвели к следующей ступени, и наконец последняя стена окаймляла

центральную, вершинную часть всего сооружения. С удивлением отметили ученые, что за стенами не было никаких помещений. Сплошная прямоугольная ступенчатая конструкция возвышалась над окружающей местностью наподобие шумерской храмовой пирамиды. Облицовкой стен служили уложенные в три ряда без цементирующего раствора, тщательно подогнанные друг к другу блоки превосходного мелкозернистого известняка. Камни верхней площадки выглядели иначе — они сужались кверху наподобие снежных блоков эскимосского иглу, образуя круглую ограду диаметром менее двух метров.

Раскопки показали, что четыре тысячи лет назад окружающий сооружение участок был на два с половиной-три метра ниже. Надо думать, культовая площадка, венчающая отвесные, ориентированные по солнцу ступени, тогда выглядела еще внушительнее. А когда рабочие расчистили ведущие к вершине лестницы и пандусы, Бибби понял, что перед ним религиозное сооружение, подобное зиккуратам — храмовым пирамидам Двуречья.

Памятуя шумерское предание о потопе, Бибби посчитал весьма знаменательным, что на Бахрейне обнаружен храм, родственник шумерским^[23]. За пределами Двуречья в области залива прежде не находили сооружений, похожих на ступенчатый зиккурат. Продолжая раскопки, археологи нашли множество черепков, лазуритовые бусины, алебастровые вазы, медные обручи и листовую медь, птицу из меди, литую голову быка с глазницами под инкрустацию и — окончательное подтверждение связей с Шумером — медную статуэтку, изображающую обнаженного человека с большими круглыми глазами и бритой головой. Он стоял в молитвенной позе, типичной для месопотамского искусства в период между 2500 и 1800 годами до нашей эры. Одна из алебастровых ваз в точности напоминала вазы, распространенные в Двуречье в конце третьего тысячелетия до нашей эры.

С волнением осматривал я древний храм, слушая, как Бибби связывает его с дальними плаваниями шумеров и дильмунской торговлей. Никто не назвал бы эту островную цивилизацию изолированной. К тому же находки археологов не исчерпывались вышесказанным. На южной грани ориентированного по солнцу сооружения ступени спускались к глубокой выемке, а в ней, ниже

уровня земли, помещался облицованный камнем бассейн, и едва мы начали спускаться в него, как у меня вырвалось:

— Пальцевый отпечаток!

Снова она, притом в еще более совершенном исполнении: каменная кладка, за которой я охочусь! Блоки неравной величины словно обрезаны лазерным лучом. Некоторые — с намеренно оставленными выступами; все обтесаны и отшлифованы почти до блеска и пригнаны друг к другу без цемента настолько плотно, что вряд ли просунешь лезвие ножа. Мне снова отчетливо вспомнились стены Винапу на острове Пасхи и другие такие же стены — от доинкских сооружений Винаке и Тиауанако до Ликса и хеттских стен Богазкёя.

Выемка, судя по всему, служила резервуаром для освященной воды, необходимой для совершаемых на верхней площадке ритуалов. Вряд ли строители случайно нашли воду, углубившись в грунт у подножия лестницы; скорее, именно наличие источника определило выбор места для строительства. Но из этого следует, что великолепная кладка резервуара относится к начальной стадии сооружения храма. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что храм строился в несколько этапов, причем, как и в погребенном портовом городе, повторно употреблялись некоторые наиболее искусно обтесанные камни раннего периода. Однако при виде этой кладки напрашивались еще и другие выводы. Люди, которые заготавливали камень, несомненно, были мореплавателями. Каменщики знали, какой материал подойдет им лучше всего и где его взять.

— Отличный известняк пошел на эту кладку, — заметил я, обращаясь к Бибби.

— Верно, — согласился он. — Причем на Бахрейне такого камня нет. Вероятно, они ходили за ним на Джиду^[24].

— На Джиду?

Похоже, мы выходим на еще одно, не учтенное ранее свидетельство мореходной активности!

— Джиды — маленький островок километрах в пяти от северо-западной оконечности Бахрейна

— Вы искали там каменоломни?

— Нет. Говорят, что-то в этом роде есть, но на Джиду не попадешь — там лагерь для заключенных.

Интересный остров, туда непременно надо попасть!

Я решил обратиться к столь дружески встретившему нас на пристани министру информации и не сдаваться, пока не одолею этот бастион. Но сперва нас ожидали более срочные дела.

Мы пришли на Бахрейн с огромной дырой в носовой части судна. Выше ватерлинии еще не так заметно, но наш дюжий аквалангист Герман, уйдя под воду, вынырнул с испуганным лицом и доложил, что мог бы весь поместиться в этой полости. Веревки уцелели, но витки свободно болтались, и обнажились внутренние связки. Нужно было ремонтироваться, иначе мы рисковали, что ладья в конце концов развалится на части.

На борту был небольшой запас камыша для мелкого ремонта; мы могли также использовать кранцы, связанные из *берди*. Но ведь этого все равно мало! Как быть? Если набьем в полость деревянные бруски или еще какой-нибудь твердый материал, эта начинка будет царапать камыш и вывалится при сильном волнении. Надо было подыскивать что-нибудь подходящее среди уцелевшей на острове скудной растительности.

Мне пришла в голову одна идея, и я стал перелистывать книгу Бибби из библиотечки «Тигриса». Автор привел рисунок парусной лодки из связок, напоминающей фаялаксские с двойным рулевым веслом на корме. Я прочел подпись: «Такие лодки длиной около пяти метров, связанные из бунтов камыша, применяются рыбаками на Бахрейне. Они обладают хорошей плавучестью, но, естественно, пропускают воду (почему их, строго говоря, следует называть плотами). Сходные лодки из папируса использовались в Египте более 4000 лет назад».

Я бросился к Бибби. Все остальные, с кем бы я ни говорил, видели на Бахрейне только танкеры, яхты и моторные суда. Бибби хорошо помнил, где ему встретилась упомянутая в книге конструкция. Проехав через весь остров, мимо десятков тысяч еще не виденных мной гробниц, мы добрались до крохотной — в несколько цементных домиков — рыбацкой деревушки Малакия на юго-западном берегу. Обвешанные драгоценностями женщины и дети с золотыми зубами показали нам ведущую к морю тропку. Бибби заметил, что несколько лет назад тут стояли куда более красивые и здоровые жилища из черешков пальмовых листьев. Валяющаяся кругом пластиковая тара и

прочие современные отбросы, а также горы объедков, над которыми вились мушинные рои, выразительно говорили о быстром обогащении. Арабский шофер заверил нас, что у этих людей теперь уйма денег и главной проблемой стало, как их истратить. Оставив машину на превосходном шоссе, не ведаящем, что такое копыто коня или осла, мы пересекли некогда орошаемую и тщательно возделываемую тенистую пальмовую рощу и очутились под лучами жгучего солнца на протянувшемся далеко в обе стороны великолепном песчаном пляже. В море стояли на якоре небольшие *дау* без мачты. А на белом песке лежала маленькая лодка столь хорошо знакомого мне типа. Ее только что вытащили на берег, она даже не успела обсохнуть. Какой-то старик в чалме и в халате горчичного цвета, со связкой серебристых рыб в руке как раз подходил к пальмам. Мы окликнули его, он с готовностью подошел и ответил на все наши вопросы. Лодка — его, он сам ее связал, называется она *фартех*, и на всем острове осталось лишь четыре человека, умеющих вязать такие лодки.

Работа мастера. Безупречная симметрия, точность во всех деталях. Материалом послужил не камыш, а черешки листьев финиковой пальмы, совсем как на Файлаке, где тоже — во всяком случае, теперь — нет камыша. Помимо скрепляющих всю конструкцию витков, каждый черешок был аккуратно сшит с соседом; общий результат был поразительно похож на камышовые лодки, которые я видел у индейцев сери в Мексике. Вероятно, стебли этого камыша и пальмовые черешки слишком твердые, недостаточно губчатые, чтобы ограничиваться только наружными витками. И они вряд ли сохраняют плавучесть так же долго, как камыш. Я спросил об этом старика. Он не смог ничего сказать по этому поводу, заметил только, что прежде местные жители ходили на *фартех* в Саудовскую Аравию — это два дня пути, — после чего лодку вытаскивали на берег для просушки. Он сомневался, чтобы *фартех* могла продержаться на воде больше недели: черешки не устоят против действия морской воды. Старик выходил в море на веслах, однако он нарисовал на песке контуры паруса, каким пользовались прежде, и сказал его название — *шера*. Такими трапециевидными парусами раньше оснащались *дау*; в наши дни их увидишь лишь на таре для фиников. Но сути дела, это тот же древнеегипетский парус, только поставленный косо. Теоретически,

достаточно наклонить прямой парус, чтобы лодка из бунтов могла лавировать против ветра.

Идя вдоль пляжа, мы увидели на берегу под пальмами еще две лодки точно такого же вида. Одна — совсем новая, связанная подлинным умельцем. У таких лодок-плотов есть одно важное преимущество: они свободно проходят над известняковыми отмелями, после чего их можно вытащить на сушу, тогда как другие лодки становятся на якорь вдали от берега.

Волны выбросили на пляж черешок, который привлек мое внимание своей красотой. Тонкий конец черешка густо оброс белоснежными коническими ракушками и стал похож на чудесный белый цветок. Показывая Бибби эту диковину, я вдруг сообразил: передо мной было немое свидетельство того, что черешки пальмовых листьев не так уж быстро разъедаются морской водой. Ведь не один месяц провел в море, судя по размерам моллюсков, а совершенно целый и тугой, как новенький!

Мы догнали бегом старого рыбака, и он обещал в следующую пятницу доставить к нам на пристань две сотни черешков, если мы придем за ним машину. Обещал также лично отремонтировать нашу большую *фартех*.

Настала пятница, и наш шофер привез черешки. Но рыбака не привез: его жена объявила, что они больше не вяжут лодки для чужеземцев. Несколько лет назад один вот такой приезжий заказал ее супругу *фартех*. Снимал кинокамерой весь ход работы. Когда же лодка была готова, попрощался и уехал, сказав, что они могут оставить ее себе.

Ладно, хоть получили за наличные две сотни черешков. Что нам, строго говоря, и требовалось. Дальше справимся сами.

Карло трудился над водой, Тору и Герман — под водой. Сначала в зияющую дыру затолкали все излишки запасенного в Ираке *берди*. Затем просунули под веревочные витки длинные и тугие, но достаточно гибкие черешки и сшили их на дильмунский лад; получилось что-то вроде защитной пластины кирасира. По виду пальмовые черешки удивительно напоминали стебли папируса, но они были и тверже, и тяжелее. Когда провисшие веревочные витки натянулись до предела, так, что нельзя было просунуть больше ни одного черешка, их для верности обвязали сверху бечевкой крест-

накрест. И «Тигрис» опять стал таким же красавцем, каким был в первые дни, когда ветер гнал нас к Файлаке.

Нам предстояло решить еще одну проблему. Халифа, молодой симпатичный араб, которого министр в первый же день выделил нам в помощь, пришел на другое утро с неутешительными известиями. Джентльменские манеры и ослепительно белое одеяние при блестящих черных полуботинках придавали ему сходство со звездами арабского кино; да он и в самом деле снимался на студии Уолта Диснея. Отец Халифы, обаятельный старик, был одним из последних ловцов жемчуга на Бахрейне; этот промысел, как установил Бибби, существовал здесь еще во времена Дильмуна. И вот Халифа передал нам слова отца: на всем острове нет никого, кто мог бы сшить парус. Последние из тех, кто ходил на парусных *дау*, достигли такого преклонного возраста, что уступили море более молодому поколению. Может быть, нам больше повезет в Пакистане, если мы пойдем туда.

Но как плыть дальше, если наш грот распорот на куски? К тому же мы убедились, что нужен парус гораздо большей площади, чтобы развивать скорость, необходимую для лавировки. Отрицательный ответ Халифы подтолкнул меня на отчаянный ход. Я полез в ящик под моим матрасом и подсчитал скудеющий запас наличных денег. Как раз хватит на то, чтобы отправить Детлефа с распоротым гротом в ФРГ. Гамбургский мастер выручит нас. Он сшил парус, он его и починит. А заодно сделает то, чего мне не удалось организовать в Ираке: сошьет нам парус побольше, по образцу тех, какими оснащались *дау*. Норман, наш главный специалист по этим делам, просил изготовить парус, соответствующий расчетам Саутгемптонского университета. Только в этом случае, говорил он, сможет наш «Тигрис» показать все, на что способен. И, отправляясь с Бибби в экскурсию по археологическим объектам Дильмуна, я предоставил Норману разрабатывать чертежи по своему усмотрению. Ему помогали Детлеф и два ветерана жемчужного промысла, бывшие кормчие *дау*, которых разыскал Халифа.

Более трех недель провели мы на Бахрейне, пока Детлеф летал в Гамбург. Вместе с приливом и отливом «Тигрис» то поднимался, то опускался на волнах у стенки бетонного причала. Его основательно покачивало, поскольку танкерная гавань не была защищена.

При нас состоялось торжественное открытие самого большого в мире сухого дока с участием эмира и знатных представителей других

арабских стран. В нескольких метрах от «Тигриса» открылся шлюз, и в док вошел настоящий гигант, супертанкер «Тексако Джапан» водоизмещением 325 тысяч тонн. Глядя на нас с его палубы, матросы качали головой: вздумали тоже, идти в Индийский океан на копне сена... А у меня сосало под ложечкой, когда я поднимался по бесконечному трапу вдоль высоченной железной стены этого плавучего острова.

На Бахрейне нам оказывали такой же теплый прием, как и в Ираке, хотя руководители этих двух арабских стран представляли разные политические системы и не ладили между собой. С того самого дня, как Бибби сказал мне про остров с редкостным известняком и с лагерем для заключенных, я не забывал напомнить о своем желании посетить его. Герман заметил, что обычно трудность заключается не в том, как попасть в такое место, а в том, как унести оттуда ноги. И тут же предложил на выбор кучу способов угодить в лагерь, смотря по тому, какой срок мне желателен.

Тем временем министр просвещения, шейх Абдулазиз эль-Халифа, устроил роскошный арабский обед в честь экспедиции. А сын бахрейнского эмира, наследник престола шейх Хаммад, пригласил нас с Бибби во дворец и преподнес мне трость из слоновой кости с золотым набалдашником. Бибби усмотрел в этой трости мирную современную замену меча, которым арабские правители в прошлом одаривали почетных гостей.

А за день до возвращения Детлефа я услышал радостную новость: завтра на рассвете комендант лагеря на Джиде, майор Смит, будет лично ожидать меня на полицейском катере в селении Будаия на северо-западном побережье. Халифа вызвался сопровождать меня. К сожалению, Бибби к этому времени уже улетел домой, в Европу. Мне было разрешено взять с собой двух человек, только чтобы среди них не было русского. Кандидатуры американского кинооператора Норриса и итальянского фотографа Карло не встретили возражений.

Майор Смит, могучего сложения полицейский офицер, в прошлом — профессиональный английский военный с большим стажем службы в колониальных войсках, встретил нас точно в назначенное время. Его катер стоял у маленькой пристани вместе с пластиковыми лодками и старыми *дау*, среди которых было несколько совершенных развалин. Тепло поздоровавшись, англичанин извинился, что пришлось поднять

нас так рано, и объяснил это необходимостью поспеть к Джиде до начала отлива.

Первые четверть часа мы видели только море, затем показался прелестный островок с единственным, зато весьма импозантным зданием в окружении пальм. Остров Умм-эль-Сабан, сказал майор Смит, принадлежит сыну эмира, шейху Хаммаду. Есть источник вроде бахрейнских.

Наконец на горизонте возник Джида. Высокие утесы, белые, как под Дувром. Маленький домик — жилище коменданта. Пройдя над широкой отмелью, мы причалили к длинной пристани, сложенной из грубого камня. Справа от пристани простиралась возвышенная часть острова, слева зеленели финиковые пальмы, перед которыми громоздились здоровенные глыбы, — судя по всему, остатки взорванного людьми утеса.

Я направился к этим глыбам, чтобы осмотреть поверхность сколов. Точно, люди руки приложили. Сколы были старые. Но не настолько, чтобы связывать их с бронзовым веком. На защищенной карнизом скальной полочке я увидел высеченную в камне арабскую вязь. Подозвал Халифу, и он перевел:

«В месяц шах'бан лета 978 камни резал достопочтенный Махмуд Сар Али для обновления башен Бахрейнской крепости».

По христианскому календарю это соответствовало 1556 году. Тридцать пять лет после того, как Бахрейн захватили португальцы. Очевидно, достопочтенный араб работал на завоевателей, восстанавливая арабскую крепость, сооруженную поверх погребенного дильмунского города. К счастью, ни он, ни его заказчики не подозревали, что в песке под их ногами таятся многочисленные здания из тесаного камня.

Глыбы на берегу не сулили больше ничего интересного, но майор Смит пообещал показать нам кое-что еще. И он выполнил свое обещание. Я искренне жалел, что нет вместе с нами Бибби.

Следуя за майором вглубь острова по битой тропе, мы встречали учтиво здоровающихся заключенных. Похоже было, что их сторожат только акулы, курсирующие вдоль кромки широкой отмели. Миновав безмолвную обитель коменданта, мы поднялись на известняковое плато, составляющее большую часть Джиды. Полтора километра в

длину и много меньше того в ширину — вот и весь остров. И похоже было, что изрядный кусок его увезли древние каменотесы.

Размах добычи камня здесь превосходит всякое воображение. В нескольких местах явно потрудились португальцы или работавшие на них арабы, как мы это видели около пристани. Однако эти карьеры заметно отличаются от других, которых подавляющее большинство. В карьерах португальской поры огромные желтовато-серые плоскости и четверста с лишним лет спустя высветляют склоны, и кое-где видно следы шпуров, куда закладывался порох. Но эти выработки окружены другими каменоломнями; чуть ли не каждый холм, каждый береговой утес источен каменотесами. Куда ни глянешь — террасы, крутости, ниши, ступени такой древности, что поверхность их потемнела, став неотличимой от нетронутых участков, а выветривание сгладило все углы и грани. Не ведавшие пороха труженики отделяли блоки от породы, оконтуривая их глубокими бороздами. Причем все блоки были разной величины. Большинство выламывались с таким расчетом, чтобы четыре человека могли донести их до берега на шестах. Но были и настоящие исполины, судя по зияющим брешам в месте добычи и по оставшимся в карьерах не обтесанным до конца экземплярам. Кое-где сохранились непонятные, причудливые образования, напоминая то ли окаменевшие глинобитные хижины, то ли кубистские монументы. В северо-западной части плато все скалы срублены, и на расчищенной площадке расположились обнесенные оградой маленькие бараки для заключенных. Повсеместно громоздятся груды эродированного щебня, порой такие большие, что их можно принять за могильные курганы. Посередине сплошь засыпанного старым щебнем участка торчит одинокий прямоугольный выступ, словно каменный дом. Можно подумать, его оставили намеренно, чтобы люди могли представить себе, какие огромные количества камня выломаны кругом.

Древние каменоломни не были для меня новинкой. Не один месяц прожил я по соседству с карьерами на острове Пасхи. Изучал каменоломни замечательных доинкских строителей в Перу и Боливии; места, где добывались огромные монолиты для мегалитических сооружений египтян, финикийцев, хеттов. Твердейшие известняковые утесы Джида были стесаны не какими-нибудь дилетантами, а членами великого древнего клана подлинных мастеров-камнерезов. Всюду

видны следы поразительно искусной работы. И ни одной постройки. Добытый камень не просто выносили из карьеров — его куда-то увозили с расчлененного острова. Увозили в количествах, намного превосходящих число тесаных блоков в раскопанных археологами зданиях на Бахрейне. Напрашивается догадка, что в песках Дильмуна ждут открывателя еще многие постройки. Для такого пророчества есть и еще один повод. До сих пор в дильмунских дворцах и храмах не обнаружены колонны, хотя колоннады из круглых каменных столбов в древности были широко распространены от Египта до Двуречья. Между тем в карьерах Джиды на некоторых нишах можно видеть круглые выемки, где были высечены широкие — только-только обхватить руками одному человеку — цилиндрические блоки, явно служившие сегментами для колонн. В известных науке зданиях на Бахрейне таких блоков не найдено.

Большинство встречавшихся нам заключенных бродили поодаль, не обращая на нас внимания, но некоторые подходили ближе; судя по их лицам, они были рады видеть гостей на острове. Кое-кто даже улыбался нам. Майор объяснил, что в лагере много опасных преступников, фанатических противников господствующего режима. Но им-то вряд ли позволяли свободно разгуливать кругом. Когда мы присели на камнях в окружении ниш, чтобы позавтракать захваченными припасами, один заключенный не замедлил принести кувшин забеленного молоком чая.

Мы совсем не видели домашних животных на Джиде, если не считать одного белого мула. Зато кругом среди скал бродило невероятное множество одичавших кошек. Майор уверял, что их на острове не менее четырехсот. И никогда еще я не встречал такого количества бакланов. Взмывая тучами над морем, они буквально затмевали солнце.

Южная часть Джиды настолько отличалась от остального острова, что я подумал — не приложили ли и тут руку древние каменотесы. Здесь плато резко спускается почти до уровня пляжа и известняк покрыт слоем тучного чернозема. Среди финиковых пальм и декоративных деревьев зеленеют прекрасные огороды, такие аккуратные и ухоженные, словно правители Бахрейна почему-то не взлюбили садоводов и самых лучших из них отправили в лагерь. Огороды окружают бассейн, питаемый чистой ледяной водой из

мощного родника. Пройдя весь путь под морским дном до острова, вода бьет из-под земли с такой силой, что мы бросились врассыпную от брызг, когда гордый своими владениями майор ухитрился затолкать в устье родника садовый шланг.

Не удивительно, что посещавшие Дильмун шумеры говорили о двух морях — горьком вверху, пресном внизу. Кстати, слово «бахрейн» означает как раз «два моря». Остров Джиды и крохотный Умм-эль-Сабан вполне можно назвать придатками Бахрейна, который едва различается на горизонте с вершины здешних скал. Рай для Ноя и древних шумеров — ад для современных бахрейнцев, ютящихся на клочке изрезанного каменотесами известняка. На месте эмира я поселился бы на Джиде, а заключенных отправил бы на Бахрейн, поближе к нефти. Карло и Норрис явно разделяли мое мнение.

Майору Смиту заметно льстило наше восхищение тем, что он нам показал. Но когда он признался, что ему как-то одиноко в этом маленьком зеленом уголке, мы поняли, что не стоит ему завидовать. Много лет только нарядный мундир отличал его бытие от жизни вверенных ему заключенных. Плюс одиночество: заключенные хоть общались друг с другом. Когда время вынудило майора вести гостей обратно к пристани, он огорчился столько же за себя, сколько за нас. Что поделаешь, только в прилив полицейский катер мог подойти к пристани, чтобы увезти нас в свободный мир, прежде чем горькое море снова отступит от Джиды.

Пока берег не скрылся вдали, мы видели одинокую фигуру майора Смита, который стоял на пристани, будто статуя. Казалось, окружающая его пустота измеряется не только пространством, но и временем. За спиной майора высилась скала с последним посланием от араба, покинувшего этот мир четыре столетия назад. Л еще дальше зияли бреши, оставленные дильмунскими тружениками четыре тысячи лет назад.

Несомненно, они грузили свои многотонные ноши на крепкие, массивные, мелкосидящие суда — *фартех*, как их называют сегодня арабы, или *ма-гур*, как называли шумеры в ту далекую пору. И уж, конечно, камень выгружали не на ближайшем берегу Бахрейна, где нас высадил полицейский катер. Какой смысл волочить здоровенные блоки по суше, когда на веслах, или под парусом, или отталкиваясь шестами можно было доставить их прямо туда, где ждали строительный

материал! Приливно-отливные течения на отмелях были словно дар бога вод, предусмотревшего именно такой случай. В прилив судно легко подходило к Джиде; с отливом садилось на дно. Прочно сидящую на скальном грунте широкую камышовую ладью было так же удобно загружать, как четырехколесную повозку на берегу. К началу следующего прилива она была готова выйти в путь с полным грузом, могла даже до конца полной воды поспеть к Бахрейну, чтобы разгрузиться, когда вода отступит. Не удивительно, что тогдашние люди воздвигали храмы в честь богов природы.

Только мы возвратились с Джиды, как и Детлеф вернулся из Гамбурга. Мы расстелили оба паруса на пристани, чтобы Рашад намалевал эмблему — солнце, всходящее из-за ступенчатой пирамиды. Символ этот казался нам еще более уместным теперь, когда мы увидели, что дильмунские солнцепоклонники и мореплаватели тоже воздвигли такое сооружение. Душа радовалась оттого, что наш грот опять цел — небольшой, удобный в обращении. Что же до нового, огромного паруса, то я с первого взгляда ощутил к нему инстинктивную неприязнь. Норман и Детлеф тоже смотрели на него, почесывая затылок, пока Рашад старательно изображал на исполинском полотнище здоровенную пирамидищу.

Находясь в мусульманском мире, мы не забыли про рождество и — независимо от убеждений одиннадцати членов команды — достойно отметили праздник на берегу. А рано утром 26 декабря начали загружать ладью, готовясь покинуть Дильмун и, если повезет, шумерский залив. До прибытия паруса-великана мы с Норманом как раз успели решить еще одну важную проблему: надо было приготовить для него длинную рею. Халифа предложил нам выбирать среди сотен рей и спиленных мачт на бахрейнских пристанях и лесоскладах. Но шли дни, а осмотренные нами мачты и рей оказывались либо слишком короткими, либо кривыми, либо источенным червями гнильем. В последнюю минуту Халифа свел нас со старым плотником, который помог нам срастить два более или менее прочных гика в 12,5-метровую рею для нашего нового паруса.

Рашад доложил, что краска высохла, и мы укрепили великана на новой рее. Оставалось затащить эту махину на борт, и можно трогаться в путь. Чтобы оторвать от земли рангоутное дерево с привязанным к нему полотнищем, понадобились совместные усилия всех

одиннадцати членов команды. Моя неприязнь готова была перерасти в отвращение. Это же не парус, а слон какой-то! Да, похоже, мы приобрели себе хомут на шею.

— Черт-те что! — крикнул я Норману. — Он сломает нашу мачту.

Норман вытер потный лоб. Бедняга, вот уже пятый день его опять трепала непонятная лихорадка. Норман согласился, что парус и впрямь тяжеловат. Прося Детлефа заказать у гамбургских парусных мастеров самый толстый брезент, каким они располагали, он не подозревал, что полотнища окажутся такими толстыми. С тяжелой ношей мы кое-как доковыляли до края пристани; внизу качался на волнах «Тигрис».

— Как же мы все-таки затащим его на борт?

— Попробуем с помощью фала.

— Но ведь эта чертова штуковина зацепится за бакштаги!

Смотрю на Нормана — вот-те на, даже он растерялся. Поистине, хомут на шею, да еще какой! Норман, такой предусмотрительный и дотошный в планировании, спроектировал парус, который вызвал бы горячее одобрение Саутгемптонского университета. Однако теперь ни он, ни я не представляли себе, как занести эту конструкцию на борт. Стоя на месте, мы обменивались предложениями; зрители тоже не скупилась на советы. Бакштаги можно обойти, если подавать рею и парус с кормы. Нет, с носа. Да нет же, надо ослабить штаги левого борта, а кто-нибудь пока подержит мачту. Можно спустить рею на борт перед всеми оттяжками.

Словом, решений хоть отбавляй. Да только в итоге мы будем связаны нерасторжимыми узами с неуправляемым чудовищем.

Я с трудом сдерживал себя. Дурацкая ситуация. Еще немного, и моя ярость выплеснулась бы через край, но тут вдруг лица моих товарищей приняли самое постное выражение и голоса зазвучали на полтона ниже. Внезапно явился эмир? Нет, это Норрис, переложив на плечи Халифы часть общей ноши, потихоньку сходил за своим младенцем и включил рекордер.

Пришлось рубить сплеча.

— Бросайте этот хомут! — распорядился я. — Обойдемся без него. Даже если мы втащим парус на борт здесь в порту, разве управишься с ним на море в шторм? Да мачта переломится раньше, чем мы найдем для него место на палубе. Все на борт! Отчаливаем!

Глава VI. «Тигрис» начинает слушаться

Подняв наш добрый старый грот в легендарных водах Дильмуна, мы почувствовали себя так, точно расправили крылья и взмыли в воздушный простор. Нос ладьи снова тугой, словно птичья грудь, перышко к перышку. Наполненный ветром парус развивал осязаемую подъемную силу — волнующее чувство, знакомое только планеристам, парусникам и пернатым. Идя от Файлаки на буксире, мы как будто тряслись на грузовике с проколотыми шинами. Теперь же легко скользили по мягким волнам, готовые взлететь подобно тому, как на наших глазах оторвался от волн лунный корабль шумеров.

Здорово! Совсем другое дело! Забыв про лихорадку, Норман сиял от удовольствия. Стоя каждый на своем крыле мостика, мы поворачивали румпелем длинное веретено, переходящее в широкую лопасть, и с удовлетворением отмечали, что судно замечательно слушается руля.

Одиннадцать вольных людей — насколько может быть свободен человек! Свободны, как летящие с нами чайки. У нас, как и у них, нет заданного наперед маршрута. Нас нигде не ожидают. Нам не предписан порт захода, и нет у нас адресованного кому-то груза. Свободны, если не считать одного маленького «но». В отличие от чаек, не признающих никаких границ, наша свобода кончалась там, где начиналась суша. Чтоб обрести неограниченную волю на просторах океана, нам надо было выйти из залива. А выход из залива подобен игольному ушку. Не промахнемся?

Зимний ветер давно вернулся к норме и дул в полную силу от севера. Идеальный ветер для плаваний на камышовой ладье от Ирака до Бахрейна! Но после Бахрейна залив изгибается под прямым углом, и, чтобы проскочить в игольное ушко, мы должны были следовать курсом вест-норд-вест. Вряд ли попутный ветер повернет вместе с нами к выходу из залива... В наши дни, как и во времена шумеров, на этом отрезке требовалось не просто плыть по воле стихий, а активно управлять судном.

Если смотреть на глобус, а не на искажающую пропорции плоскую карту мира, залив сопоставим по площади с Англией и Шотландией вместе взятыми. А очертаниями он напоминает желудок: спустившись по Шатт-эль-Арабу, мы как бы прошли через глотку, теперь же направлялись к единственному выходу — расположенному в противоположном конце Ормузскому проливу. Здесь Аравийский полуостров словно нацелил с юга на север длинный кинжал, который вонзился бы в набитое брюхо Азии, не изгибайся иранское побережье как раз напротив острия, образуя весьма извилистый и коварный проход между замкнутым со всех сторон заливом и вольными просторами океана.

Лихо скользя по волнам, мы были озабочены не только тем, как в споре с господствующими ветрами протиснуться через узкий рукав, испещренный островами и окаймленный скалами. Ормузский пролив известен невероятно интенсивным движением, сухогрузы и танкеры со всего света мчатся сквозь него в обоих направлениях, так что трудно представить себе более опасное место для малых парусных судов. Верно ли, нет ли, но нас предупреждали, что здесь проходит самая загруженная в мире морская трасса. На нашей путевой карте пролив напоминал двухполосную автостраду: одна полоса размечена для судов, направляющихся в залив, другая — для выходящих из него. Отменная организация для гигантов, несущихся полным ходом с непрерывно работающим радаром, но малые суда из дерева или камыша явно не могли рассчитывать на такую же безопасность. Капитан одного норвежского супертанкера рассказывал мне, как вахтенный офицер во время утреннего обхода палубы обнаружил прилипший к носу корабля парус от *дау*. Саму *дау* никто не видел, и судьба ее команды осталась неизвестной.

В Манаме мы с Норманом несколько раз навещали пристани для малых судов и с помощью Халифы беседовали с владельцами многочисленных моторных *дау*. Из Омана на Бахрейн довольно часто ходят *дау* за пресной водой и другим грузом, и один из кормчих рассказал нам про отгороженный скалами от главной трассы узкий коридор, которым они пользуются, обходя оживленную магистраль больших кораблей. Он согласился провести нас по этому пути, если мы будем за ним поспевать.

Опрометчивость ни к чему, когда налицо все основания быть осмотрительным. И когда мы подняли парус за танкерным рейдом у Бахрейна, рядом с нами следовала старая, потрепанная ветрами *дау* без мачты. Темнокожий кормчий Саид Абдулла смахивал скорее на африканца, чем на араба, хотя был родом из султаната Оман. Три члена команды, словно предчувствуя, что их ожидает, в последнюю минуту покинули *дау*. Четверо остались, чтобы идти в Оман; один — африканец, представитель народа суахили, двое — уроженцы Северного Йемена, четвертый — земляк кормчего. Рашад охотно присоединился к этой пестрой компании, чтобы исполнять обязанности переводчика и связного между двумя суденышками, примерно одинаковой величины.

Саид не располагал картой, но компас у него был. Он не пошел прямо к нашей цели — Ормузскому проливу, а предпочел путь, которым, как мы поняли, традиционно следуют все *дау*. Как только мы миновали белый песчаный островок с левого борта и Бахрейн со всеми его парходами ушел за горизонт, Саид взял курс на оконечность полуострова Катар — еще одного, правда тупого, кинжала, нацеленного на север с аравийской стороны. Мы потратили довольно много времени на то, чтобы выбраться из гавани, и теперь Рашад крикнул нам, что Саид предлагает прибавить скорости, чтобы миновать Катар до ночи. Норман заглянул в лоцию Персидского залива, и нам стало понятно стремление Саида идти побыстрее. Вот что говорила лоция:

«В 1951 году отмечено, что все селения на северо-западном берегу Эль-Катара разрушены и покинуты после повторных набегов в предшествующие годы. Иногда среди развалин временно располагаются рыбаки».

К северо-западному побережью Катара мы подошли как раз в ту минуту, когда солнце скрылось и наступила ночь. Полуостров не произвел на нас впечатления покинутого. Мы видели огни на берегу справа по борту, и сразу вспомнились наши файлакские приключения. Саид шел со скоростью четыре узла, мы же, держа восточный курс при северном ветре, могли развить от силы два узла, и он решил взять нас на буксир. К счастью, трос вскоре лопнул, и когда Саид вернулся, чтобы снова подать нам конец, я отказался. Буксировка нетерпеливым капитаном грозила нам большими неприятностями, чем достаточно

далекий берег Катара. Мой отказ возмутил Саида, и Рашаду было далеко не просто играть роль посредника в развернувшихся бурных прениях. В разгар переговоров на палубе «Тигриси» приземлилась огромная морская птица с длинным крючковатым клювом. Пернатая гостья повела себя очень развязно, и Карло с трудом усмирил ее. Потом она снялась с ладьи и опустилась на воду, а на смену ей из ночного мрака на свет кормового фонаря явился крупный сокол. Он парил так низко над головами рулевых, что мы различали ноздри на его загнутом клюве, пока и этот гость не удалился. В чистом небе сияла полная луна, мы шли под парусом в полном ладу с ветром и естественным ритмом волн и наслаждались самостоятельностью. Однако северный ветер пронизывал до костей, и мы с удовольствием нырнули под одеяла, как только *дау*, прибавив ходу, покинула нас.

Саид предупредил, что от северной оконечности Катара — мыса Ракан надо править на высокий остров Халул с маяком. Только я погрузился в крепкий сон, как меня разбудили рулевые. Огни Катара пропали, зато по соседству снова качалась *дау*, и Рашад крикнул с нее, что Саид настаивает на буксировке. Зная от рулевых, что мы идем точно предписанным курсом, я не мог понять его настойчивости и ответил решительным отказом. После чего выяснилось, что дело не в нас. Волны разгулялись, и дряхлая *дау* грозила рассыпаться: уже есть течь, они вынуждены непрерывно откачивать воду. Моторное суденышко не может идти так медленно, как мы идем под парусом, а если им кружить около ладьи, волны раздолбают корпус вдребезги. А с нами на буксире *дау* пойдет тише без ущерба для устойчивости и для мотора. Иначе Саид отказывается продолжать путь.

Вот так номер! Теперь, когда ладья наконец-то слушается нас, наш проводник кипятится, потому что мы против буксировки. Саид нехотя согласился, и *дау* скрылась из виду. Напоследок Рашад крикнул, что у пего есть предложение: отослать *дау* обратно на Бахрейн и дальше идти одним. Кое-кто из ребят поддержал его, но Карло и Юрий считали, как и я, что все-таки безопаснее не разлучаться с провожатыми, пока мы не выйдем из этого мудреного залива со всеми его препятствиями и встречными кораблями, да при таких непостоянных ветрах и течениях.

Час спустя *дау* опять подошла к ладье, и теперь капитан Саид был сама любезность. Он целиком к нашим услугам, готов делать все, что

мы скажем. Одна лишь просьба — сообщить ему нашу позицию и расчетное время подхода к острову Халул, поскольку он из-за бесконечного кружения совершенно сбился с пеленга. В лунном свете было видно, что *дау* изрядно качает; Рашад подтвердил, что «Тигрис» выглядит капитальной пристанью рядом с хрупкой люлькой Сайда. Помпа работала непрерывно. Но хотя спасательная шлюпка *дау* производила еще более ненадежное впечатление, чем сама старая посудина, Рашад твердо настроился до конца выполнять миссию связного. Конечно, Саиду было бы спокойнее видеть за кормой нашу добротную ладью, но он предпочел оставить все по-прежнему, чем возвращаться в одиночку на Бахрейн. И мы продолжали путь самостоятельно, очень гордые собой.

Море было неожиданно чистым, если не считать изредка встречавшиеся нам деревянные ящики и другие плавающие предметы. Я ожидал гораздо худшего. Время перевалило за полдень, *дау* давно не показывалась, когда Эйч Пи внезапно крикнул с мостика, что прямо по носу на воде лежит какая-то непонятная белая коробка. Мгновением позже сильный толчок сотряс всю ладью. Перестав слушаться руля, «Тигрис» развернулся кругом, и парус вместе с провисшими длинными шкотами начал нещадно лупить и хлестать все и вся. Несколько секунд продолжался полный сумбур, после чего наш корабль замер на месте, словно пойманный огромной сетью среди моря. Так оно и оказалось. Белая коробка, приплясывая, скрылась под водой; одновременно нас не хуже какого-нибудь морского змея обвинил красный нейлоновый трос. Одним прыжком Детлеф очутился на боковой связке, закрепил за штаг страховочный леер, свесился за борт и обрубил рыбацким ножом толстый канат, грозивший распороть камышовые бунты, единственный способ спасти рулевые весла и само судно. Красный змей разжал свои зловещие объятия и бессильно закачался на гребнях, пропуская «Тигриса», снова послушного руке Эйч Пи. Надев маску, Детлеф проверил бунты и сообщил, что они не пострадали.

А еще через несколько часов «Тигрис» оказался в окружении настоящих морских змей, в том числе таких же красных, как нейлоновый трос. Змеи сопровождали нас дня два. Жуткие твари, длиной с обыкновенную гадюку и окрашенные природой в самые яркие цвета. Сонно качаясь на волнах у наших бортов, они смахивали

на куски каната. Но были и такие, что активно плавали, извиваясь по-змеиному. И яд у них есть, притом очень сильный. В районе, через который мы шли, и в Оманском заливе водится двадцать заметно отличающихся друг от друга по окраске и узорам видов морских змей; укус девятнадцати из них смертелен. Правда, они довольно вялы от природы и сами, как правило, на человека не нападают.

Я заранее знал, что мы можем встретить змей, но первая, которую я обнаружил, возникла у самого борта как раз в ту минуту, когда Детлеф, решив принять душ, зачерпнул воды брезентовым ведром на веревке. Змея скользнула в сторону, но Детлеф, услышав мой предостерегающий возглас, решил, что она в ведре, и чуть не свалился за борт к рептилии, однако вовремя узрел ее. У этой змеи была коричневая спина и желтое брюхо, бока украшены черным зигзагом. Следующая была вся желтая в черную крапинку. Некоторые толщиной и окраской в точности напоминали куски красного троса, из мощных объятий которого нас вызволил нож Детлефа. Несколько дней мы не отваживались ни купаться, ни окатываться из ведра, не убедившись предварительно, что вода около «Тигриса» свободна от облюбовавших этот район рептилий.

Выбравшись в ту ночь из рубки, чтобы заступить на рулевую вахту, я увидел, что «Тигрис» окружен огнями, словно в порту. С одной стороны мигал маяк; ночное небо за ним в трех местах было озарено темно-красным отсветом далекого пламени. С другой стороны, совсем близко, пылал газовый факел, освещая наш парус и правую стену рубок. Сверкая огнями, прошел за кормой большой пароход, а впереди виднелся топовый огонь нашей *дау*. Стало вдруг заметно теплее. Редкие звезды и почти полная луна лихо плясали над парусом, мелькая то слева, то справа от стеньги. Мы достигли острова Халул и теперь пробирались сквозь скопище нефтяных вышек. По расчетам Детлефа, скорость ладьи на пройденном отрезке превышала три узла.

На другое утро мы едва не столкнулись с *дау*, когда две шипящие волны сбросили нас в одну и ту же ложбину. Саид вернулся известить нас, что помпа капризничает и он намерен править несколько севернее, чтобы зайти для ремонта на остров Сирри. Отыскав Сирри на карте, мы с радостью убедились, что снос не должен помешать и нам подойти к нему. Но если капитан Саид, исходя из нашей нынешней скорости, полагал, что мы будем там до заката, то наши штурманы

считали, что «Тигрис» в лучшем случае достигнет Сирри во второй половине следующего дня. Несмотря на столь резкое расхождение во мнениях, мы шли более или менее вместе; *дау* то забежала далеко вперед, то так же далеко отставала.

Через некоторое время Саид опять подошел к нам и, качаясь на волнах в опасной близости от «Тигриса», передал через Рашада, что мы правим слишком круто к северному ветру. Так мы на Сирри не выйдем, надо спуститься под ветер, потому что остров лежит гораздо восточнее нашего курса. Профессиональная гордость Детлефа и Нормана, прокладывавших курс ладьи, была задета. Они заявили, что капитан Саид явно допетлялся до того, что потерял всякое представление о направлениях.

Вот уже и закат, а острова все не видно. Не было его и на другое утро, когда солнце взошло. Саид больше не препирался с нами, а кротко следовал за ладьей на почтительном расстоянии. Ночью мы, как и предсказывали наши штурманы, снова миновали несколько нефтяных вышек. Бортовая качка достигла такой силы, что пришлось закрыть брезентом левую дверь рубки для защиты от брызг. Утром *дау* решила приблизиться к нам, и Рашад крикнул, что теперь у них и руль барахлит. Мы предложили ему вернуться на «Тигрис», но он твердо решил оставаться на своем посту.

В полдень, когда солнце кульминировало, Норман и Детлеф объявили, что скоро покажется остров Сирри. Норман влез по перекадинам до самой стеньги, и тут же раздался его торжествующий голос: справа по носу видно Сирри! Теперь, сколько бы нас ни сносило, не промахнемся.

За Норманом и остальные увидели невысокий холмистый остров. Триумф наших штурманов и камышовой ладьи, сдавшей первый серьезный экзамен в активном плавании. Под вечер остров вырос в целую громадину. Его окаймляли штурмуемые белыми каскадами скалы, похожие на развалины старинного замка. А за скалами мы рассмотрели низины с большими деревьями. Гораздо меньше порадовал нас вид огромных построек и нефтяных установок на берегу.

В это время *дау* догнала нас, чтобы сообщить, что мы дошли до цели. Пошел дождь. Мы приготовили новый якорь и условились войти в гавань и ждать там, пока *дау* не отремонтируется. Саид снова взял на

себя инициативу и вырвался далеко вперед, однако тут же примчался обратно, и мы слышали голос Рашада:

— Это не Сир! Это персидский остров Сурри! Саид все время говорил вам, что вы чересчур отклонились на север!

Полнейшее замешательство. Под проливным дождем мы снова изучаем карту. Кричим по буквам названия на арабский, английский и немецкий лад. Остров Сурри? Такого вообще нет. Остров Сирри есть, этот самый, и он действительно принадлежит Ирану. Мы заставили Саида и Рашада несколько раз повторить название, и стало ясно, что капитан Саид все-таки подразумевал Сир, а не Сирри. На карте и впрямь значился остров Сир Абу Ну'аир, но совсем в другой стороне, у берегов Омана. Услышав полное название, Саид подтвердил, что это тот самый остров, который ему нужен.

Ничего страшного. Для нас только лучше: отсюда мы можем идти прямо на Ормузский пролив, ветер вполне это позволяет. Но сперва вместе зайдем на Сирри, чтобы капитан *дау* мог устранить все неисправности.

Нет, спасибо! Саид был в ужасе при одной мысли о том, что очутился в иранских территориальных водах. У него нет иранского флага. Нет бумаг, позволяющих ему находиться здесь.

У нас есть иранский флаг, можем одолжить. Однако спорить было бесполезно, на сей раз капитан Саид не хотел даже выслушать нас. Сказал, что мотор тоже барахлит и водяная цистерна протекает. И это не аравийские воды, можно нарваться на большие неприятности. И не успели мы толком договориться, что будем делать дальше, как *дау* с неисправной помпой, с худым корпусом, с поврежденным рулем полным ходом устремилась по ветру на юго-восток, в сторону от Ормузского пролива. Мы крикнули вдогонку, что предпочли бы теперь идти на пролив, никуда не отклоняясь. Сквозь гул моря нам показалось, что Рашад назначает встречу у аравийского берега где-то к северу от Дубай. Название места мы не разобрали, не поняли даже, идет ли речь о бухте или прибрежном островке, и оставалось только руководствоваться курсом, который избрал Саид. Вскоре маленькая *дау* исчезла за горизонтом и больше уже не возвращалась.

Нам незачем было заходить на Сирри, к тому же остров утратил в наших глазах всякую привлекательность, как только мы увидели нефтяные установки и ангароподобные постройки. Но и задавать

стрекача по примеру Саида у нас не было причин. Правда, виз нет, по кому придет в голову искать шпионов или контрабандистов на борту камышовой ладьи! И мы, была не была, вошли в защищенные от ветра воды с южной стороны острова и поплыли вдоль самого берега. Внезапная тишина и покой после немилосердной качки создали благодное ощущение какой-то театральной нереальности, и мы невольно старались говорить потише, занимая места вокруг дощатого стола, когда Карло позвал нас ужинать. Обжаренная икра, печенье, горячий компот — мы отдали им должное, не снимая непромокаемых курток. Тем временем дождь перестал, и мы любовались эффектными декорациями. Смирное море, парящие облака, слева по борту — длинный ряд фонарей, как будто мы неторопливо спускались по реке, справа — чуть ли не сплошь буйное красное зарево, словно мир вдоль всего горизонта был охвачен пожаром. Особенно ярко он полыхал в той стороне, куда нам предстояло идти. Несколько раз нам чудился вдали топовый огонь *дау*, увозящей Рашада, но рано утром он окончательно пропал из виду.

Мирная жизнь под прикрытием Сирри длилась недолго. Ветер вырвался из-за гор с удвоенной силой, и волны вздыбились пуще и злее прежнего, словно решили отомстить нам за попытку избежать их хватки. Веревки ослабли, многочисленные деревянные части начали вихляться в местах соединения друг с другом и с камышом, и рулевой мостик заходил у нас под ногами. От гула разбивающихся волн и жуткого концерта скрипучих надстроек закладывало уши. Брусок твердого дерева, служивший упором для левого рулевого весла, треснул. Сперва он норовил защемить наши босые ступни, потом и вовсе стал разваливаться, грозя дать волю толстеному веретену, способному раздолбать вдребезги всю корму. Тотчас явился Карло с веревкой наготове, словно какой-нибудь ковбой с лассо, и вместе с Юрием укротил брусок крепкими путами. Одну за другой корчащиеся части мятежной кормовой надстройки облекали в смиренные рубашки. В поединке с волнами за последние дни не был поврежден ни один стебель камыша, ни один пальмовый черешок, зато две широкие доски из твердой древесины, которые мы попробовали опустить с борта, чтобы умерить снос, сломались посередине, будто шоколадные плитки. С растущей тревогой думали мы об исчезнувшей с Рашадом *дау*. Тугие бунты «Тигрису» даровали нам чувство полной

безопасности при любом волнении. Но каково-то сейчас приходится дряхлой дау?

Однако больше всего заботил нас пламенный частокол на пути ладьи. Чем ближе, тем ярче и грознее он выглядел; казалось, мы направляемся к полю битвы. На исходе ночи черное небо побледнело, побледнело и зарево, но мы-то знали, что пламя никуда не делось. На карте был обозначен обширный район, закрытый для плавания из-за нефтяных вышек. Нам предстояло огибать его с севера, после чего нас ожидал узкий проход между другим скопищем вышек и островом в оторочке из рифов. Еще севернее пролежала главная судовая трасса, от которой следовало держаться подальше во что бы то ни стало.

В опасный район мы вошли вскоре после полуночи. Сперва увидели проблески маяков, потом справа от нас, совсем близко, возникли контуры освещенного беспокойным заревом острова. Ладья развила небывалую скорость, и далеко впереди мы различали топовый и красный ходовой огни какого-то суденышка — возможно, наших проводников. С барахлящим мотором дау вряд ли могла идти намного быстрее «Тигриса», которого все сильнее подгонял попутный ветер.

Поднимаясь на вахту в два часа ночи, я с удивлением обнаружил, что койка Нормана пуста. По графику он сменял меня, а между тем с мостика доносился его голос. Детлеф спокойно спал, убежденный, как и я, что при благоприятном ветре и видимых издалека маяках рулевой может уверенно управлять ладьей, не опасаясь столкновений. Однако, выбравшись из рубки, я тотчас понял, что либо карта нас подвела, либо мы неверно определяли свое место. Слева, где полагалось мигать маякам, черное небо и огни пароходов внизу. Справа — постоянные огни и зарево. Неужели нас вынесло течением к северу от частокола вышек, вплотную к морской трассе?

На мостике Норман и еще трое ребят горячо переговаривались, склонясь над картой. Что-то неладно, в чем-то мы просчитались...

— Что случилось, Норман?

— Пришлось изменить курс, мы не на тот маяк ориентировались!

Лежа без сна в щелеватой рубке, Норман слышал возбужденные голоса на мостике. Тору, Асбьёрн и Норрис

недоумевали, почему видно больше огней, чем должно быть согласно карте. Мигом поднявшись на мостик, Норман обнаружил, что

«Тигрис» идет прямо на риф. Островной маяк не работал, а тот, по которому мы ориентировались, давал неверный сигнал.

— Самое безопасное, что нам оставалось, — свернуть круто на север, — объяснил Норман. — Мимо рифа проскочили всего в какой-нибудь миле!

Среди наблюдаемых нами факелов только один отвечал позиции, указанной на карте, остальные либо пылали в других местах, либо вовсе не были обозначены. Мы миновали их один за другим, и хотя никто толком не понимал, что произошло, было очевидно, что бдительность и быстрая реакция Нормана спасли нас от столкновения с рифом. Уяснив, что мы каким-то чудом обошли все препятствия, все рифы и вышки с правого борта, мы повернули вправо и курсом 80° двинулись прямо на Ормузский пролив.

Перед самым восходом ветер словно взбесился. Мощные порывы налетали с западных румбов, на море возникла толчея, обычно связанная с наличием рифов или встречных течений. Приметив вдали, слева по носу, какие-то непонятные образования, мы вооружились биноклем, чтобы выяснить, что это такое. В сумеречном освещении там возвышалось нечто вроде причудливых замков из арабских сказок со штурмующими башни и бастионы белыми каскадами. А у самого горизонта мелькала крохотная точка — возможно, наша *дау* с Рашадом. Однако бинокль пришлось отложить и сосредоточить все внимание на своем собственном судне. Внезапный коварный шквал вместе с крученой волной развернул ладью боком к ветру, и не успели мы сманеврировать парусом и рулевыми веслами, как на нас словно обрушились все дьяволы вселенной. Вместо курса 80° нос ладьи через 0° переметнулся на 340°, и вся команда высыпала на палубу, чтобы совладать с вышедшим из повиновения судном. Ветер давил на снасти и на бамбуковые стены с остервенением, какого мы еще не испытывали в этом плавании. Толстый парус хлопал и бился, норовя сорвать людей с палубы; концы и петли шкотов, брасов и горденей хлестали почем зря палево и направо. Мы облепили парус и спасти, точно муравьи, и в самый разгар отчаянного поединка со стихиями лопнул деревянный брус, за который крепился левый топенант, и рея вместе с парусом наклонилась влево. Надо было живо убрать беснующийся парус, пока он не разорил все спасти. Обмотанные вокруг перил мостика фалы всегда легко отдавались, по теперь их

натянуло с такой силой, что мы никак не могли с ними справиться. И атакуемый ветром парус так и остался висеть на покосившейся рее. Я благодарил судьбу за то, что это был наш старый верный грот, а не забракованный мной новый гигант.

Пока на палубе, на мостике и крышах рубок продолжалась битва, я улучил минуту, чтобы еще раз взглянуть на причудливые образования впереди. Вот они, никуда не делись. Но *day* пропала и больше не показывалась. Призрачные замки в голубой мгле заметно приблизились, озаренные первыми лучами восходящего солнца. В одном месте какая-то огромная платформа покоилась на высоченных и толстых, что твоя башня, столбах — получилось нечто вроде опрокинутой крепости. Два других сооружения напоминали не то мечети, не то восточные дворцы со шпилями в окружении домов. И не поймешь — то ли они опираются на рифы или отмели, то ли вынесены в море и стоят на якоре. Волны, курчавясь барашками, бешено штурмовали колонны и бастионы загадочных громад. По всему было видно, что нас пронесет южнее этих махин, даже если все наши старания укротить грот и заставить ладью слушаться руля окажутся тщетными. На карте рукотворные громады не были показаны, стало быть, они появились недавно. А что подстерегает нас дальше? В это время путь нам пересекли два огромных танкера, а третий промчался параллельно «Тигрису». Что им качка! Они шутя рассекали волны носом, идя среди белых гейзеров. Попади ладья под такие каскады, они смыли бы с палубы все подчистую. Но «Тигрис» уткой переваливал через гребни, не давая волнам ворваться на борт. Волны нас не пугали — только суша или встречные суда.

Понадобились закаленные в горах, железные пальцы Карло, чтобы раскрепить упрямый фал, пока пять или шесть членов команды изо всех сил подтягивали парус, ослабляя натяжение узла, который буквально врезался в деревянные перила мостика. Но вот фал отдай, парус спущен на палубу, Норман заменяет треснувший брусок. Эйч Пи привязался к качающейся стенге, чтобы тянуть снасти сверху. Парус подняли, повернув под нужным углом, и «Тигрис», подчиняясь рулевым, лег на нужный курс.

Завтракать пришлось стоя, поскольку частые волны так и норовили разбавить нам овсянку брызгами. А одна, особенно резвая

поперечная, волна ухитрилась прорваться в просвет между рубками, смыла всю посуду со стола и намочила нас до пояса.

Если замеченная нами рано утром точка впереди и впрямь была *дау* капитана Саида, то он явно нацелился не на Ормузский пролив, а на аравийский берег южнее пролива. Учитывая западный ветер, мы сейчас находились в идеальной позиции для выхода на пролив. Но нельзя же оставлять Рашада без денег среди незнакомых людей! И мы повернули на юго-восток, в ту сторону, куда ушла *дау*.

Обстановка была предельно напряженная. Волны так разгулялись, что рулевым надо было в оба глаза следить за каждым гребнем, за каждым порывом переменчивого ветра, чтобы ладья опять не вышла из повиновения. На случай, если кого-нибудь смочет с палубы, за кормой волочился красный спасбуй; не говоря уже о том, что у каждого вокруг пояса был обвязан страховочный леер, и я строго-настрого велел ребятам за пределами плетеных стен наших рубок непременно закреплять его за снасти или надстройки. Откуда-то явилась двухметровая акула и затеяла игру с пляшущим на волнах спасбуем. Первая крупная рыба, встреченная нами в этом районе, если не считать промелькнувшие несколько раз высокие острые плавники, напоминающие плавник меч-рыбы.

В полдень мы впервые после Шатт-эль-Араба вошли в зону ужасающего загрязнения. Скопище тряпок и черных шматков мазута красноречиво говорило о том, что здесь недавно промывал свое чрево танкер. Сверх того, в смолистой жиже плавали и бултыхались банки, бутылки и прочий хлам, а также невероятное количество вымазанных нефтью крепких лесоматериалов: бревна, доски, ящики, решетки, листы фанеры, на одном из которых примостилась желтая ядовитая змея. Мы никогда еще не наблюдали ничего подобного вдали от суши. Уж не случилась ли тут какая-нибудь морская катастрофа? Ни одна из здешних *дау* по доброй воле не рассталась бы с драгоценными лесоматериалами. С другой стороны, вряд ли *дау* могла бы взять на борт столько сырой нефти.

С великим трудом избегали мы столкновений с качающимися на волнах, словно торпеды, бревнами и балками. Обломки поменьше нам не удавалось обойти. Впервые я шел на лодке-плоту с такой скоростью. Детлеф определил, что мы развиваем больше четырех узлов.

Ладья то и дело выходила из подчинения, но каждый раз нам удавалось вернуться на прежний курс. Когда парус грозил заполаскаться, от рулевого на подветренной стороне мостика требовалось одной рукой поворачивать румпель, а другой выбирать шкоты и брасы, ловя ветер. Руки членов команды были сплошь в пузырях и ссадинах от веревок. Карло и Юрий, на плечи которых ложилась основная тяжесть в борьбе со снастями, с трудом разгибали пальцы.

Мы шли полным ходом вперед, все внимание — снастям и поискам *дау*; внезапно с рулевого мостика донесся спокойный голос Асбьёрна:

— Поглядите-ка, что это такое? Облако, что ли?

Над нами простиралось голубое небо, но вдоль всего горизонта впереди залегли белые облака. Облака-то облака, по что за чертовщина торчит там выше облаков? Я схватил бинокль, и моему взору отчетливо предстало то, что вызвало недоумение Асбьёрна. В первую минуту я не поверил своим глазам: над облаками парила суша, какой-то призрачный, особый мир. Далеко-далеко, так что нижние склоны казались прозрачными, обрываясь выше облачной пелены, повисла в воздухе скальная гряда. Собственно, мы видели только верхнюю кромку синеватой полосой на фоне голубого неба, притом так высоко, что это казалось фантастикой. Гималаи не входят в наш маршрут. Что это? Оптический обман, мираж?

Навигационная карта не подготовила нас к такому зрелищу, на ней была обозначена только береговая линия, а в остальном вся суша показана сплошь белым цветом. Наше зрение было настроено на равнины Ирака, низменности приливно-отливной зоны, известняковые отмели, и столь великолепная картина психологически застигла нас врасплох. Обратившись к физической карте Омана, мы установили, что упирающийся в Ормузский пролив аравийский кинжал в самом конце круто вздымается на высоту до двух тысяч метров над уровнем моря. Вот эти самые горы мы и увидели теперь прямо по нашему курсу.

Оказалось, что весь мыс — сплошная горная гряда, почти отвесно спадающая к берегу, на которой мы правили.

Детлеф только что определил, что мы идем с рекордной скоростью — около пяти узлов. Однако, видя, что нас ожидает впереди, мы поспешили повернуть рулевые весла, пока не поздно: к

такому берегу лучше не приближаться... В своем старании поспевать за *дау* мы явно забрались на юг дальше, чем нам положено. У Саида мотор, он-то может идти еще южнее в поисках подходящей гавани.

Произведя расчеты с поправкой на ветровой снос, наши штурманы пришли к выводу, что мы слишком отклонились к югу, прямо на Ормузский пролив теперь править уже не сможем, придется все-таки идти к берегу. Но в какой точке можно к нему подходить? И — главная загадка — где тут могла укрыться *дау*! Машина позволяет ей проникнуть даже в самую хитрую бухточку. Однако на нашей карте не обозначено никаких портов, никаких селений, даже маяков. Ни одного пляжа, ни одной пристани, просто якорь отдать и то негде: высокие скалы обрываются прямо в бурлящую пучину.

По карте единственная зарубочка в береговой линии, где капитан Саид со своими людьми и Рашадом мог найти укрытие и стать на ремонт среди крутых утесов, помещалась у мыса Шаих. Контур гор в той стороне подсказывали, что моряка там ждет зажатая между скальных стен, отнюдь не гостеприимная бухта. Нам еще предстояло убедиться в верности этой догадки, поскольку надо было миновать Шаих на пути к мысу, обозначающему вход в Ормузский пролив.

До гор еще было далеко, но все же достаточно близко, чтобы мы начали различать грани каменной твердыни, которая, вынырнув из моря, пронизывала облачную пелену. По доброй воле мы не стали бы подходить к таким берегам. Мы уже не обращали внимания на плавающие тут и там обломки и не задумывались над загрязнением — все помыслы направили на то, как спасти свою шкуру. Не в пример любому другому судну, лодка-плот вроде «Тигрису», оседлав волну, ляжет невредимой на пляж или отмель, даже камни и рифы ей не так уж страшны, но отвесные скалы — погибель для всякой конструкции.

По расписанию Норману было пора выходить на связь с береговыми радиостанциями. Мы приготовились доложить о пропаже *дау* с Рашадом на борту и сообщить наше примерное место перед голыми скалами северо-западного Омана. Нас вызывало Бахрейнское радио, но в хоре заполонивших эфир на этой частоте мощных голосов никто не слышал Нормана. Наше местонахождение осталось для внешнего мира такой же загадкой, как позиция *дау* для нас и позиция «Тигрису» для капитана Саида.

Мы шли с боковым ветром параллельно берегу, но нас все ближе прижимало правым бортом к тем самым утесам, которых мы упорно сторонились. В жизни не видел более нелюдимого края! На суровых стенах вонзившихся в небосвод вершин — ни кустика, ни клочка зеленой травы. Вздрыбленная торчком окаменевшая пустыня. Штормовой ветер с лета упирался в скалы; буйные волны, штурмуя многокилометровую твердыню, встречали отпор и беспорядочно откатывались, образуя коварную толчею, какой никогда не бывает в открытом море. До чего же далеки от реальности кабинетные исследователи, которые сами верят и учат других, будто до европейцев мореплаватели ходили только вдоль берегов и лишь с появлением испанских каравелл начались трансокеанские плавания! Самый трудный фарватер, самые сложные проблемы там, где из воды торчат скалы, где течения и волны наталкиваются на отмели и берега. Идти вдоль берега — сложнейшая задача для пользующегося примитивными плавучими средствами. Должно быть, древние мореплаватели в подобных обстоятельствах испытывали те же чувства, что и мы, разве что они были подготовлены намного лучше нашего. В плаваниях на простейших судах главной трудностью для меня и моих товарищей всегда было благополучно миновать последние мысы на пути в открытый океан и подойти к берегу на другой стороне. Близость Аравийского полуострова отнюдь не внушала нам чувство безопасности. Напротив, это был подлинный кошмар, и мы только мечтали: вот бы сейчас очнуться на безопасных просторах Индийского океана!

Умеренный снос подтверждал мрачное пророчество, которое высказали наши штурманы, как только увидели сушу: мы уткнемся в утесы раньше, чем успеем снова выйти на широту Ормузского пролива, — очень уж сильно ветер опять отклонился к северу. Конические волны, рожденные сумбурным откатом, то и дело подхватывали ладью, разворачивали ее на сорок — пятьдесят градусов и сбрасывали в ложбину, и приходилось всей командой отчаянно воевать с парусом и снастями, чтобы вернуть «Тигрису» на нужный курс. Ничто не сплачивает людей всех возрастов и взглядов так, как совместная борьба перед лицом смертельной опасности. Национальность, социальное происхождение — в такие минуты об этом не думаешь. Одиночка уподобился бы барабанщику,

вознамерившемся исполнить симфонию без дирижера и товарищей по оркестру. Тут не выгадаешь за счет другого и никого не поразишь безрассудной удалей. Только при согласованных коллективных усилиях можно рассчитывать на победный исход.

Воодушевление и решимость команды потягаться со стихиями, которые упорно толкали нас на скалы, отчетливо выразились в торжествующем крике Нормана:

— Ур-ра, мы идем острым курсом!

Красный спасбуй за нашей кормой, позволяющий определить угол сноса и истинное направление хода, подтверждал его слова. Нам бы рулевые весла пошире да побольше шверцов, тогда дело пошло бы еще лучше, но и то мы выиграли у ветра несколько важных градусов. Маленькая победа заметно прибавила всем бодрости. Однако суша продолжала надвигаться. И никак не развести ее с пляшущим на волнах носом ладьи — разве что повернуть кругом и взять курс на Объединенные арабские эмираты. Длинная шеренга скал справа по борту заканчивалась прямо по носу пупырышком мыса. Попытайся мы повернуть еще круче к ветру, чтобы этот мыс не маячил у нас перед глазами, — парус заполощет. Все мои надежды были на то, что ближе к берегу обстановка как-нибудь сама собой изменится. Столкновение с высокими утесами не может не сказаться на поведении стихий, течение должно повернуть параллельно берегу, прибавив скорость за счет сжатия, повернет и ветер, уткнувшись в каменную преграду. Единственный просвет в этой сплошной стене — Ормузский пролив за острым выступом полуострова. Если стихии в поисках выхода устремятся туда, они и нас за собой увлекут.

И мы продолжали следовать навязанным нам курсом, уповая на то, что ближе к суше окажемся в состоянии изменить его в свою пользу. С нетерпением ждали мы минуты, когда поведение ладьи оправдает наши расчеты, когда природа, не доходя скал, развернет нос «Тигра» в нужную нам сторону. Уже различалось штурмуемое прибоем подножие обрывов, а между нами и сушей все еще не было ничего похожего на *дау* капитана Саида. В одном месте у самой воды, словно нарисованные на скале, белели два домика. Но людей не было, — если эти постройки вообще предназначались для жилья. Никаких признаков жизни... Я записал в дневнике:

«Берег придвинулся устрашающе близко. Из-за огромных волн рулевые с трудом держат курс. Из моего угла в рубке через дверной проем в бамбуковой оправе видно теперь не пылающее зарево, не суда и гоняющиеся друг за другом волны, а сплошную высокую скальную стену. Предзакатное боковое освещение отчетливо выявляет вертикальные складки и борозды, образующие в угрюмом чередовании теней узор, похожий на поверхность вечернего моря, с его отсвечивающими гребнями и кружевами пены. Как будто мы скользим через бесплодные отвалы высокогорного плато, над которым вздымаются голые склоны непокоренных вершин. Но рулевые изо всех сил работают веслами, чтобы лечь на курс 52° и избежать крушения на Шаихе — первом из мысов, преграждающих нам путь к Ормузскому проливу. Если повезет, западный ветер и течение, которое должно идти вдоль берега на север, позволят нам проскочить рядом с ним. Ин ша'алла!»

Вскоре, без пятнадцати пять судового времени, я записал, что солнце только что скрылось. Двигаясь в общем и целом на восток, мы вошли в другой часовой пояс, хоть переставляй стрелки на час вперед. Мористее появились огни пароходов. Угрюмые скалы окутались еще более густыми тенями; в небе над ними мерцала одинокая звездочка. Ночь накрыла нас плотным черным покрывалом в то время, когда мы шли в северном направлении очень уж близко от гигантских каменных штор перед мысом Шаих. По нашим понятиям, только здесь где-то могли искать убежища Саид с Рашадом. Мы пристально всматривались в мрак — не покажутся ли очертания дома или судна, какой-нибудь огонек. Стоя на крыше рубки, размахивали керосиновыми фонарями, сигналили электрическими фонариками. Тщетно.

Никакого маяка на мысу. Никаких огней. Стало быть, и нет там никого. Смутные тени на черных отвесах лишь подтверждали недоброе впечатление, производимое мысом издали при дневном свете. Искать тесное убежище в обозначенной на карте извилистой расселине за мрачными каменными шторами было бы самоубийством. Если *дау* и отважилась сюда зайти, уж, наверно, капитан Саид распорядился бы выставить на скале фонарь, чтобы обозначить свое укрытие. Со скоростью два узла мы миновали темную щель и проскочили мыс Шаих.

Забравшись обратно в рубку, я сделал новую запись в дневнике. На часах всего половина шестого, а уже воцарился кромешный мрак. Мы совершенно не представляли себе, куда могли подеваться наши товарищи. Видно, Саид избрал совсем не тот курс, какой мы думали. Теперь вплоть до Ормузского пролива и искать-то больше негде. Мы по-прежнему шли острым курсом, и на прибрежной волне ладью качало так, что подвешенный к потолку маленький керосиновый фонарь не столько светил, сколько гонял тени по дневнику, норовя стукнуть меня по голове. Я записал, что сижу широко расставив ноги для упора и все равно приходится держаться за стену одной рукой, чтобы не опрокинуться. Все предметы на борту грозили сорваться с места и исчезнуть. Висящий на стене бинокль с маху врезал мне по челюсти. Подвешенные на бамбуковых жердях куртки, рубахи и брюки дергались в лад, словно группа роботов с точностью часового механизма согласованно делала утреннюю зарядку. Все участвовало в этом синхронном спектакле. Полотенца и трусы, сумки и ведра, фонари и часы вместе отрывались от стены, вместе качались вправо-влево, вперед-назад, чтобы дружно хлопнуться опять о стену.

Видя, что в рубке невозможно ни сидеть, ни стоять на коленях, я выбрался наружу, пристегнулся страховочным леером и с восхищением стал наблюдать акробатические трюки, которые выделывал взобравшийся на мачту Норман. Тут он крикнул, что видит впереди световые вспышки. С одинаковыми промежутками в небе пробегало отражение вращающихся лучей маяка, скрытого за горизонтом слева по носу. Детлеф прокомментировал с мостика, что это, скорее всего, маяк на другой стороне Ормузского пролива. Чтобы обогнуть незримый в ночи крайний мыс Аравийского полуострова, нам следовало держать маяк справа по носу, а затем повернуть под острым углом в пролив, оставляя маяк слева.

К этому времени, во исполнение наших самых смелых надежд, ветер заметно отклонился к западу. Несомненно, и водный поток под нами, встретив неодолимый барьер, повернул и направился вдоль берега в нужную нам сторону. Нагрузка на рулевые весла была так велика, что левая уключина опять разошлась и грозила совсем порвать узлы Карло. Во избежание беды мы вызвали на корму всю команду и подняли тяжеленное весло так, что лопасть высунулась над водой на четверть длины. Правда, теперь с мостика уже нельзя было дотянуться

до румпеля, и пришлось в самую качку, в темноте осваивать новый вид морской акробатики. Ведущую роль играл правый рулевой; когда же требовалось маневрировать и неудобным левым веслом, он подавал команду своему напарнику. Старшим рулевым стал Карло, а я, чтобы дотянуться до своего румпеля, влез на перила мостика. Разболтанные суставы деревянной конструкции рвались с кошачьим визгом из креплений, норовя защемить тебе палец руки или ноги. Стоя одной ногой на крыше рубки, другой — на привязанной к перилам снаружи узкой доске, служащей опорой для весла, я видел только пляшущую сферу света от фонаря, подвешенного Асбьёрном на качающемся топе. Да будь там хоть какой светильник, все равно подо мной смотреть особенно не на что: черная вода и больше ничего. И не за что ухватиться, кроме высокого веретена, которое устойчивым никак нельзя было назвать, поскольку я сам же крутил его румпелем. Поднятое вверх весло все время заедало, и всякий раз, когда Карло кричал, чтобы я живее поворачивал руль, приходилось толкать или тянуть мою единственную опору двумя руками, всецело уповая на привязанный к скользкому веретену страховочный леер.

Наверно, это потешно — такая лихая ночная пляска на канате, но нам в те минуты было не до смеха. Шумер изобразил бы себя стоящим с завязанными глазами на спине скачущей газели.

Но вот впереди за краем паруса замелькала яркая искорка долгожданного маяка, о чем известил меня торжествующим криком Карло. Вскоре она сместилась вправо настолько, что даже я, стоя у левого борта, увидел ее. Нам удалось отвернуть ладью от берега настолько, что теперь вся суша оказалась справа. При свете высыпавших звезд мы различали подпирающие небо зубцы и пирамиды и смогли убедиться, что они уже не приближаются к «Тигрису». Это была победа. Нас перестало сносить.

С этой минуты я прекратил думать о собственном равновесии, сосредоточил все внимание на том, чтобы удерживать пляшущую искру маяка возможно правее паруса. Остаток двухчасовой вахты я чувствовал себя так, словно мчался по звездному небу на послушном узде крылатом Пегасе. На смену нам на мостик вскарабкались Герман и Эйч Пи; им тоже пришлось осваивать не совсем обычный способ управления ладьей. Со всех сторон возникали судовые огни, а вот настало ли кто-нибудь мог обнаружить. При таком ветре дешевое

местное горючее в наших керосиновых фонарях давало больше копоти, чем света. Хорошего мало, и Норман попытался исправить положение, достав из своего рундука и подвесив на мачте проблесковый фонарь, работающий от батарей. Нам эти проблески казались вполне профессиональными, во всяком случае более впечатляющими, чем тусклый керосиновый фонарь, для тех, кто подойдет достаточно близко, чтобы их заметить. Правда, Детлеф объявил, что эти проблески ничего не скажут настоящему моряку, но именно поэтому, добавил он, фонарь Нормана может сыграть роль пугала, заставляя других сторониться нас.

Справа совсем близко возникли неподвижные огни, словно от освещенных окон на берегу. Яркие лучи маяка писали круги в небе прямо перед ладьей. Детлеф был занят прокладкой курса. Норман только что укрепил блестящие ленты фольги на штагах и наружных стенах рубок. Фольга не камыш, не бамбук и не дерево, говорили мы себе, она покажет себя на экране локатора. Полным ходом, при ограниченной управляемости мы шли по самому оживленному фарватеру в мире. И не было с нами *дау*, чтобы провести ладью через не столь известный проход среди сбившихся в кучу островков возле мыса.

Никогда еще не доводилось нам одновременно наблюдать в движении столько ярко освещенных пароходов, сколько появилось вокруг нас, как только Детлеф отдал команду повернуть на 90° вправо и рулевые вывели ладью на главную судовую магистраль в Ормузском проливе. Сразу нас подхватила с кормы сильная воздушная струя: мы очутились в ветровой воронке между двумя противостоящими мысами своего рода азиатского Гибралтара. И в ту же сторону стремилось выходящее из залива течение, напрашиваясь на сравнение с рекой. Мы неслись мимо кончика аравийского кинжала с небывалой для наших экспедиций скоростью, и черные силуэты гор менялись каждую минуту. При таком ходе «Тигрис» отзывался на малейшее прикосновение к румпелю, и мы ворвались в строй супертанкеров, которые с грохотом проносились мимо, словно признав нас своей ровней.

Все шло на диво благополучно. Двое вахтенных на руле, оба штурмана начеку на крыше рубки. Мы с Карло могли позволить себе немного вздремнуть перед тем, как заступать на вахту с двух часов

ночи. Достаточно было нырнуть в рубку через квадратную дверь, и возникало ощущение, будто мы находимся в лесной хижине далеко от всех морей. Бамбук и тростник — что в них морского? А вот для отдыха лучшей обстановки не придумаешь. Ветер и волны — забота тех, кто остался на палубе, а в рубке — нейтральная зона покоя и мира, хотя бы гребни валов скользили перед дверью чуть ли не на расстоянии вытянутой руки. Эта ночь была какая-то особенная. Вытягиваясь на матрасе у дверного проема, я пребывал в счастливом состоянии, какое испытывает мальчишка, впервые в жизни забравшийся на верхнюю полку в ночном поезде. Лежа на боку, я смотрел на проплывающие мимо освещенные корабли и темные горы. Крушения, столкновения — эти угрозы остались позади, мы шли словно по двухколейной железной дороге в Альпах.

Проснулся я оттого, что Детлеф карабкался через мои ноги на свое место.

— Порядок, — сказал он. — Мы вышли из залива. Половина первого ночи, тьма тьмущая, ночь в разгаре. Вышли из залива? Я подполз к правой двери и поднял брезент, опущенный кем-то, чтобы не мешали спать пароходные огни. Совершенно другая картина! Прекрасная. Изумительная. Качка прекратилась, небо над слабо высвеченными луной скалами и утесами усеяно мириадами звезд. Выше скал поднимались могучие гряды и острые пики. Волшебный ландшафт! Я повернулся в другую сторону, к меня едва не ослепили вращающиеся лучи маяка, которые озаряли и остров под башней, и небо, и море. И никаких барашков на волнах. Море примолкло, и мы слышали идущие слева и справа корабли. Ни рева ветра, ни скрипа деревянных частей. Идиллическая тишина. Судовые огни романтично отражались в гладкой воде, совсем как в защищенном горами норвежском фьорде. Сам «Тигрис» словно весь, от паруса до рулевого мостика, отдыхал после рекордного пробега.

Наша скорость упала до двух узлов, потом до одного. В Ормузском проливе, по подсчетам Нормана, мы развивали почти пять узлов, да еще надо добавить скорость течения. Да, мы в самом деле вышли из залива. Скалы Омана защитили нас от ветра, но вскоре выяснилось, что мощное течение не отпустило своей хватки и увлекает нас прочь от Аравийского полуострова. Мы еще повернули влево и, снизив скорость до пол-узла, пошли на юг под прикрытием того

самого арабского кинжала, который несколькими часами раньше готов был изрезать нас на куски, когда мы пробивались на север вдоль наветренной стороны.

— Ребята, мы научились управлять! — радостно воскликнул Норман, когда мы при свете карманного фонаря расстелили путевую карту на крыше рубки, чтобы решить, как действовать дальше.

Выбор неограниченный. И только одна заковыка, зато весьма существенная. Путь вперед, в Индийский океан, открыт, по позади, где-то в заливе, мы потеряли Рашада. Никакого понятия, куда могла подеваться злополучная *дау*. Скорее всего, Саид взял курс на какой-нибудь из крохотных арабских эмиратов.

Ветер слабый, однако вполне подходящий, чтобы, окончательно простившись с сушей, выходить из разверстой пасти Оманского залива в Аравийское море и Индийский океан. Но мы не можем бросать Рашада, самого молодого и наименее опытного члена нашей команды. Его родители будут в отчаянии, если мы сообщим, что «потеряли» его и даже не представляем себе, где искать.

Дау — оманская, и, чтобы попасть в родной порт, Маскат, ей надо пройти Ормузский пролив. Сторонясь пароходной трассы, она будет прижиматься к скалам оманского побережья. Стало быть, выход один: ждать здесь, в защищенных водах, не слишком близко к суше, чтобы нас не выбросило на камни, если ветер переменится, но и не слишком далеко, чтобы видеть идущие вдоль берега суда.

Мы опустили на место левое рулевое весло и затянули ослабевшие узлы. Держать нужный курс не составляло никакого труда. До утра был еще не один час, и остальные легли спать, а мы с Карло поднялись на мостик. Наша вахта была с двух до четырех, и мы сошлись с ним в том, что это лучшие часы, какие нам когда-либо доводилось испытать в море. Задник, образованный зубчатыми силуэтами прикрывших нас от ветра могучих гор, поражал своим величием. С южной стороны эти горы выглядели еще живописнее. Казалось, их грани намеренно изваяны так, чтобы радовать душу человека. И они перехватывали ветер, умиряя волны, которые так бесновались на северной стороне. Дежурить на мостике в чудесно преобразившейся обстановке было все равно что увидеть приятный сон после дикого кошмара. Нам удалось вырваться на волю через дыру в ограде, стены залива остались позади. Мы очутились в другом мире,

с другими волнами, другими ветрами. Где-то еще дальше к югу простиралась полоса муссонов. Муссоны дуют над Индийским океаном с регулярностью часового механизма, каждые полгода ветровой маятник поворачивает в обратную сторону. Зимний муссон дует от северо-востока, из Азии в Африку; летний муссон — от юго-запада, из Африки в Азию. Идеальные условия для примитивных судов.

Даже большие современные корабли, наводившие на нас такой страх в заливе, здесь казались куда дружелюбнее. Ярко освещенный пассажирский лайнер с гирляндами цветных лампочек на всех палубах, пройдя мимо «Тигрису», заставил и нас почувствовать себя участниками увеселительного плавания. Надо думать, судовые бары и в этот поздний час не пустовали. Но мы никому не завидовали, мы отлично чувствовали себя на борту шумерского *ма-гур*.

После завтрака Асбьёрн накачал резиновую шлюпчонку, и Тору с Норрисом отошли на ней от ладьи, чтобы поснимать. Проверка показала, что черешки пальмовых листьев, которыми мы залатали нос «Тигрису», такие же тугие и крепкие, как перед нашим выходом с Бахрейна. Большинство ребят попрыгали в воду у борта, чтобы поплавать, держась рукой за веревки на бунтах.

Около полудня кто-то крикнул с мостика, что из-за скал, а точнее, из-за островков, принятых нами за скалы, показалось какое-то суденышко. Изменив курс, оно направилось в нашу сторону, и стало очевидно, что это *дау*! Потянулись напряженные минуты, наконец Норрис, вооруженный биноклем, крикнул, что вроде бы узнает Рашада. Бинокль переходил из рук в руки. В самом деле, Рашад! И капитан Саид рядом с ним, и вся команда. Наша шлюпчонка еще качалась на волнах, и Эйч Пи не замедлил подойти к *дау*, чтобы забрать потерявшегося товарища домой, на камышовую ладью. Взбираясь на борт «Тигрису», Рашад был готов буквально целовать бунты. Объятия, рукопожатия... Мы не могли нарадоваться на Рашада, и нам не терпелось услышать подробности его приключений. Он как раз подоспел к столу. Карло подал дымящийся рисовый пудинг и салями. Герман открыл бутылку текилы, Юрий — водку, я — норвежский аквавит. У нас был тройной повод для празднества, и первый тост мы провозгласили за возвращение Рашада, который был

рад-радешенек столь праздничной встрече, увенчавшей благополучное окончание его невольного плена.

Шестерка на *дау* потеряла контакт с нами после острова Сирри, когда Саид, очутившись в запретных для него иранских водах, бросился наутек. Боясь за свою хлипкую *дау*, он уже не стал возвращаться к нам против ветра и разгулявшихся волн. Мало того, что корпус дал течь, — один за другим летели болты на единственной помпе, и она только разбрызгивала воду. От жестокой качки под ударами изнутри разошлись швы квадратной цистерны с питьевой водой, и четыре пятых запаса вылилось в трюм. Вода плескалась взад-вперед, и амплитуда качки возросла настолько, что винт половину времени вращался вхолостую над волнами, отчего поршни принимались сердито стучать и вся машина барахлила. В довершение всего лопнула металлическая обшивка баллера и начала вихляться деревянная сердцевина. Все эти беды постигли капитана Саида, когда мы еще шли вместе. В тот вечер у Сирри Саид не собирался вовсе уходить от нас, но на другой день волны разбушевались пуще прежнего, и у него не оставалось выбора. Сколько ни убеждал Рашад Саида и его товарищей ориентироваться на нас, им приходилось думать прежде всего о том, чтобы спасти свои шкуры. К тому времени, когда *дау* поравнялись с нефтяными вышками, команда совершенно выбилась из сил, и они без всяких карт направились полным ходом к мысу Шаих. Капитан Саид говорил при этом, что правит «по памяти». Сперва они вроде нас подошли к гористому берегу. Следуя вдоль него, отыскивали расщелину в стене, свернули туда и оказались в зажатом скалами рукаве, где дул такой ветрище, что «Тигрис» был бы там совершенно неуправляем. Еще один поворот — и они очутились в бухточке, которая показалась Рашаду настоящей сказкой. В небольшой выемке на подгорном берегу примостилась на террасах оваянная ароматом древности обитаемая деревушка. Здесь тоже дул неистовый ветер, однако они отдали якорь рядом с рыбацкими суденышками. Естественно, в таком убежище *дау* была совершенно скрыта от наших глаз, когда мы высматривали огни, идя к Шаиху. С помощью проволоки и деревянных брусков команда починила руль и произвела еще кое-какой ремонт, но сварить разошедшиеся швы можно было только в Маскате. Сегодня в шесть утра *дау* отправилась на поиски «Тигриса». Не увидев нас, капитан

Саид взял курс на север и вышел из залива по более короткой дуге, чем та, которую образует пароходная трасса. Увидев наконец нашу ладью, они подивились тому, какой ход мы сумели развить. Ели на *дау* рыбу и рис с острым соусом, и ребята все были славные, только очень уж вымотались, откачивая воду и мучаясь с ремонтом.

Вернуться на борт камышового крепыша было для Рашада все равно что из плавучей ванны перебраться на не подвластный качке роскошный лайнер. А когда солнце скрылось за горами Омана, начался небывалый по своему великолепию пир: Юрий извлек из своего рундука советское шампанское и икру, космический хлеб, орбитальную индейку, лунный сыр и тубики «Спутник», из которых мы прямо в рот выдавливали паштеты, кремы, джемы, соки и прочие лакомства. Все эти концентраты входят в меню соотечественников Юрия, когда они отправляются в плавание вокруг планеты Земля. Юрий Александрович Сенкевич — научный работник, занимается вопросами жизнедеятельности космических экипажей, когда не плавает вместе с нами по морю на древних лодках-плотах. А впрочем, что *ма-гур*, что космический корабль — в эту ночь никто из нас не стал бы отрицать, что есть еще чему радоваться на родной планете. Любуясь узким серпом шумерской луны, мы прикладывались к космическим тубикам и произносили тосты за три выдающихся события, которые обязывали нас как следует отметить этот вечер:

Рашад снова с нами.

Мы благополучно выбрались из залива.

И мы провожали последний день уходящего года!

Глава VII. Ищем пирамиду и находим Макан

Если бы в мою комнату во время завтрака въехал паровоз, я был бы удивлен. Однако еще больше удивился я, когда, лежа в постели, увидел вторгшийся в мою обитель нос судна.

Это был не сон. Я не спал. Меня разбудил звук приближающегося в ночи мотора и чей-то хриплый, неприязненный голос. Чужой голос. В ответ с мостика знакомые голоса Норриса и Рашада отчаянно закричали:

— Назад!! Не подходите!

Часы показывали 2.30, сквозь правый дверной проем на меня смотрели мерцающие звезды, пока в стену не уперся чей-то наглый прожектор. И сразу сна как не бывало.

Мы находились где-то у берегов Омана. Нам наговорили всякие страсти про эти места. Дескать, в этом районе Аравийского моря современные пираты грабят и захватывают малые суда. Совсем недавно газеты писали про плававшую на яхте датскую чету, которую начисто обокрали, оставив только самую малость питьевой воды, чтобы бедняги выжили.

Перехватившие среди ночи «Тигрису» люди не могли знать, что нас одиннадцать человек и у бамбуковой рубки выход на обе стороны. Я приготовился растолкать ребят и потихоньку выбраться через левую дверь, чтобы устроить засаду, но остановился, слушая приблизившиеся вплотную недобрые голоса.

— Что это такое?! — сердито крикнул кто-то по-английски с арабским акцентом.

— Судно, — почти так же сердито ответил Рашад.

— А что это за здоровенные ящики у вас на борту? — Снова по нашим рубкам заскользил луч прожектора.

— Это рубки! Не подходите! В рубках спят одиннадцать человек из разных стран!

Однако предупреждение Рашада не подействовало. Звездное небо затмил вторгшийся в правую дверь острый нос чужого судна, и в ту же

секунду все обитатели рубки проснулись от сильного толчка.

— Назад! Вы покалечите наше судно!! — вопил с мостика Рашад, и мы поддерживали его лихим воинственным кличем.

Ноги Юрия были вытянуты у самого проема, и спросонок он яростно крикнул Рашаду сквозь тростниковую стенку:

— Скажи им, пусть уматывают, это международные воды!

— В том-то и дело, что нет, — сердито отозвался Рашад. — Мы находимся у берегов Омана. К тому же «уматывайте» — не самое подходящее слово, когда в тебя целятся из автомата!

Тем временем мы уразумели что к чему. Мы, но не наши незваные гости. В жизни не видел таких испуганных и озадаченных глаз, какими воззрился на нас смуглый оманский рулевой в полицейской форме, когда он включил полный назад и мы высыпали из рубки на палубу, точно злые псы из конуры.

«Тигрису» перехватил сторожевой катер с тремя представителями береговой охраны Омана. Бестолковые вспышки на стеннге, призванные отпугивать посторонних, явно произвели обратное действие. Пограничники подошли, чтобы обследовать ладью, а когда рассмотрели золотистые бунты шумерского *ма-гур*, то от растерянности не сообразили ни свернуть, ни остановиться. Больше тысячи лет в здешних водах не плавало ничего подобного нашему судну. Ошарашенные зрелищем, которое явилось их взору в луче прожектора, они забыли про руль и наскочили на ладью, основательно встряхнув камышовые бунты и бамбуковые рубки. А тут еще из «ящичков» на палубе вырвались крики на вавилонской смеси языков и на палубу высыпали разъяренные бородатые дикари. Не мудрено, что потрясенная троица поспешила отступить.

В самом деле, когда еще они увидят, как из двух маленьких рубок с такой быстротой вылезает на карачках столько негодующих мужчин! Полусонные, вне себя от ярости и тревоги, мы бросились к правому борту, ожидая увидеть вконец искалеченные связки. Двадцать два грозящих кулака и яростные возгласы на разных языках, в том числе на понятных им арабском и английском, повергли пограничников в такое смятение, что они, не говоря ни слова, продолжали отступать, пока не скрылись в темноте за сопровождающей нас *day*.

Внезапно до нас донесся новый взрыв арабских восклицаний: поравнявшись с судном с опознавательными знаками Омана,

стражники обрели дар речи. Нам слышалось, что они сыпят проклятиями, но Рашад внес ясность:

— Они обвиняют своих соотечественников в том, что те стыковались с судном, которое кишит *шайтанами*.

Последнее слово не нуждалось в переводе.

Будь стебли *берди* такими же сухими и ломкими, как при начале строительства ладьи в Ираке, столь пристальное внимание пограничников положило бы конец нашей экспедиции в тихих водах Омана, к югу от Ормузского пролива. Но для *берди* справедливо то же, что для папируса: если его сперва просушить на солнце, а потом намочить, волокна обретают невероятную крепость. К счастью для нас, за последние дни буйные волны залива основательно увлажнили камыш и тростник, так что бунты стали тугими, как резиновые кранцы, а плетеные стены рубок эластичностью уподобились кожаной обуви. Даже при дневном свете мы не смогли обнаружить никаких повреждений выше или ниже ватерлинии, если не считать нескольких сдвинутых с места палубных досок и каркасных реек, а их ничего не стоило подвинуть обратно.

Вторжение в рубку полицейского катера заставило нас всерьез призадуматься над возможностью столь же неожиданного свидания с носом куда более крупного судна. Вроде тех, что сорок восемь часов с рокотом проносились мимо нас на рубеже нового года. В самом деле, после двух суток, когда мы чувствовали себя улитками среди туфель в бойком танцзале, это была первая ночь, которую «Тигрис» провел в тихих водах в стороне от пароходных трасс. Когда на смену первому дню нового года снова наступила ночь, весь простор от горизонта до горизонта был свободен от судовых огней, и море вдоль побережья расстелило такую гладь, что звезды смотрелись в него, как в зеркало. С легким сердцем, чувствуя себя в полной безопасности, укладывались мы спать — и были разбужены столкновением...

Решение идти на юг вдоль восточных берегов Омана было принято не сразу. Редко доводилось мне так явственно представлять себе чувства древних путешественников, как после выхода из тесного Ормузского пролива, когда перед нами встал выбор: куда дальше следовать? У нас не было заданного маршрута. Открывшийся нам Оманский залив напоминал воронку, поскольку берега его расходятся от пролива под углом на восток и на юг. После всех переживаний от

грозной близости скал и утесов соблазнительнее всего было, используя попутный ветер, править прямо на просторы Индийского океана. Но вряд ли так поступали команды первых *ма-гур*, выходя из залива на разведку. Всякого, кто вроде нас никогда не бывал здесь прежде, наверно, манило исследовать какой-то из открывшихся его взгляду расходящихся в разные стороны берегов. Так было и с нами, хотя мы-то хорошо знали, что один берег направляется к Индии и дальше на восток, другой — к Красному морю и Африке.

Только Карло был против неприятного соседства скалистых берегов и за то, чтобы поскорее выходить в открытый океан. Ему не терпелось проплыть побольше, пока ветер в нашу пользу. Норрис призывал нас идти вдоль побережья Аравийского полуострова — очень уж живописно смотрелись с моря дикие скалы и острые пики Омана. Причудливые формации сулили ему отменные кадры для фильма об экспедиции. Норман поддержал его, сказав, что этот маршрут позволит нам зайти в Маскатский порт, чтобы как следует подготовить снасти и рулевое устройство для плавания в океане. Других, и меня в том числе, соблазняло побережье Азиатского материка. По ту сторону Ормузского пролива отчетливо просматривался берег Ирана, бывшей Персидской империи. В глубине страны, за ласкающими глаз приморскими холмами, теряясь вдалеке между небом и морем, голубели волнистые горные гряды, которые словно звали нас последовать за ними на восток, в сторону Пакистана. Днем горы сливались с небесной синевой, но на рассвете, на фоне багрянца, зажженного скрытым за горизонтом светилом, ясно рисовались очертания параллельных гряд. На пределе видимости иранский берег нырял в океан, оканчиваясь причудливыми формациями, глядя на которые мы гадали, то ли там какие-то диковинные скалистые острова, то ли облака поднимаются над водой. Словом, восточный берег, конечно же, выглядел крайне заманчиво для древнего исследователя.

Что уж тут говорить обо мне, который знал, что вдоль холмистого приморья мы дойдем до берегов Пакистана и Индии, где расцвела Индская цивилизация, одна из трех ведущих цивилизаций древности, не уступающая по возрасту и значению культурам Двуречья и Египта. Среди великого разнообразия судов, тысячи лет ходивших вдоль континентального побережья от Ормузского пролива и обратно,

наверно, было предостаточно *ма-гур*. Археология установила, что порты Двуречья, такие, как Ур и Урук, и могущественные города-государства Мохенджо-Даро и Хараппа в долине Инда поддерживали обширные связи друг с другом, причем остров Бахрейн служил промежуточным торговым центром. Именно этот путь предлагал мне проверить на месопотамском судне Джеффри Бибби, и соблазн был исключительно велик.

Тем не менее нос камышовой ладьи развернулся на юг, и мы пошли вдоль Аравийского полуострова. Сомневаюсь, чтобы древние мореплаватели начали свои исследования с этого маршрута. Дикие голые склоны Оманских гор с обрывающимися в море нелюдимыми скалами могли приютить только птиц. Правда, дальше к югу ландшафт становился приветливее, горы сменялись волнистыми холмами. Насколько известно науке, на территории Омана в древности не было цивилизации, сравнимой с Индской. И все же у меня была совершенно особая причина присоединиться к тем, кто голосовал за то, чтобы следовать вдоль этих берегов в сторону Африки. Во-первых, если верить метеорологам, зимой в этой области ветры дуют от Азии к Африке и только весной меняют направление на обратное. Во-вторых, мои мысли упорно вращались вокруг дошедших до меня накануне старта на «Тигресе» неподтвержденных слухов о сделанном в Омане интересном археологическом открытии. Эту потрясающую новость передал мне, сославшись на директора Багдадского музея, видного археолога Фуада Сафара, немецкий репортер с усами, похожими на велосипедный руль. Будто бы из достоверных источников в Багдаде стало известно, что где-то в Омане, за Ормузским проливом, в районе Маската, обнаружен в песках шумерский зиккурат — ступенчатая пирамида, каких до сих пор не встречали за пределами Двуречья.

Я отказался поверить — очень уж это смахивало на розыгрыш, придуманный журналистом, увидевшим намалеванный на нагнем парусе зиккурат! Однако немец клялся, что он лишь выполняет роль передатчика чужих слов. Дескать, Фуад Сафар был очень взволнован и просил нас непременно попытаться зайти в Оман, подчеркивая, что впервые за пределами Ирака найдено шумерское сооружение.

Я поделился с ребятами удивительной новостью. «Слишком хорошо, чтобы в это поверить», — сказал Норман. Я и сам так считал. Пирамид на земле не так уж много, и они разделены большими

расстояниями. Не из тех они предметов, на которые можно нечаянно набрести в песках. Черепки — пожалуйста, но не пирамиды. В Старом Свете они найдены только в Египте и в Двуречье. И слишком это невероятное совпадение, чтобы первый шумерский зиккурат в далекой стране у рубежей Индийского океана был обнаружен как раз тогда, когда мы подняли парус на шумерской ладье, надеясь достичь этих самых рубежей. Скрепя сердце мы решили отнести эту версию к разряду анекдотов и постараться о ней забыть.

Тем не менее, когда мы с Норманом оказывались вдвоем на рулевом мостике, он порой произносил с мечтательным выражением:

— А все-таки здорово было бы встретить шумерский зиккурат в стране на берегу Индийского океана!

Эта тема обрела новую актуальность на Бахрейне, когда Джеффри Бибби отвез нас к развалинам дильмунской храмовой пирамиды, наделенной, по его словам, всеми основными чертами месопотамского зиккурата. Сплошная, ориентированная по солнцу ступенчатая конструкция с лестницами на гранях и святилищем наверху. За пределами Двуречья такие сооружения неизвестны. Если не считать древние Мексику и Перу. Бибби так и называл свою пирамиду — «мини-зиккуратом». Он даже нашел в святилище месопотамские изделия. Бахрейн находится примерно на полпути между Ираком и Оманом. И я отважился спросить Бибби, доходил ли до него слух о том, что в Омане недавно обнаружен шумерский зиккурат?

Нет, он не слышал ничего подобного.

Если Бибби, виднейший знаток археологии этого района, ничего не слышал, стало быть это выдумка. И мы твердо решили выкинуть ее из головы.

Однако Оман продолжал неудержимо манить нас с Норманом. И когда Норман после Ормузского пролива предложил идти вдоль берега на юг, чтобы подремонтировать снасти в Омане, я заподозрил, что он не совсем забыл про таинственный зиккурат. Да и сам я в основном по этой же причине после долгих колебаний поставил крест на уникальной возможности посетить долину Инда.

Вообще-то мысль о том, чтобы хорошо подремонтироваться, прежде чем продолжать плавание к дальним странам, не была лишена оснований. Два дня трепки на толчее от супертанкеров дались нашим надстройкам тяжелее, чем штормовая волна в заливе. Оманские горы

прикрыли ладью от шторма, как только мы обогнули мыс на выходе из Ормузского пролива. И не будь сумасшедшего движения на трассе, море вело бы себя так же смирно, как и воздух. Утро застало нас посреди магистрали, в гуще кораблей, преимущественно танкеров. Уйдя от рифов и утесов и закрывшись горами от ветра, мы облегченно вздохнули и не сразу уразумели, что трудно было придумать худшее место для плавания на камышовом судне при слабых ветрах, сводящих до минимума нашу способность маневрировать. В таком вот опасном месте встретили мы Новый год. На другую ночь наш парус и вовсе поник. Главным двигителем было сильное течение, увлекавшее «Тигрису» вдоль оманских берегов в сторону Маската. Наши керосиновые фонари и слабенькая мигалка на стенке выглядели светлячками рядом с яркими огнями следовавших мимо исполинов. А потому ночью один из рулевых каждые три-четыре минуты бегал на нос — наблюдать за приближающимися огнями и светить самым сильным из наших электрических фонариков на парус «Тигрису», чтобы вперёдсмотрящие встречных судов, еще не перешедших на электронику, вовремя нас обнаружили.

Во время моей вахты мимо «Тигрису» в залив медленно провели на буксире огромную, ярко освещенную плавучую нефтяную вышку. По огням я насчитывал до двенадцати кораблей одновременно. Они проносились с такой скоростью, что на поднятой ими волне ладью раскачивало, как на гамаке, и в таком бешеном ритме, какого мы еще никогда не испытывали в океане. На океанских валах крепкое камышовое суденышко колышется с приятной плавностью, успокаивая самую нервную натуру. И даже частые порывистые волны в бурном заливе оставляли достаточно широкие ложбины, качка была вполне сносной, не то что выматывающая душу тряска на волнах, вызванных творением человеческих рук — супертанкерами. Мы чувствовали себя так, будто угодили в сосуд для смешивания коктейля или на спину скачущего быка. Казалось, нам растрясет все внутренности. Мы ходили злые и раздраженные оттого, что трудно было устоять на палубе, а в постели нас катало, словно бочки. Скоротечные спокойные промежутки между внезапными волнами, поперечными волнами, откатом от встречных кильватерных струй и новыми сериями волн еще больше усугубляли беспорядочную качку.

Притороченные к кницам стойки мостика и колена мачты затевали пляску на ходулях, и лишенный ветровой опоры тяжелый парус колыхался вместе с мачтой, помогая ей растягивать штаги и прочие оттяжки, а также найтовы, крепящие к камышу рубки и мостик. Всякий раз, когда мимо ладьи со скоростью двадцать узлов проносился огромный танкер, нас так резко швыряло из стороны в сторону, что мы опасались за целостность палубных найтовок. Тяжеленные рулевые весла снова принялись брыкаться в уключинах, да так, что толстые бруски раскалывались пополам и приходилось заново скреплять их веревками и клиньями. Кратковременная встреча со сторожевым катером не пошла на пользу нашим расшатанным деревянным конструкциям, но при тихой погоде двуногая мачта и мостик сохраняли стойку не хуже опытного моряка.

На другой день после столкновения дикие горы Северного Омана ушли из нашего поля зрения, но под вечер мы приблизились к берегу настолько, что увидели приморскую равнину с редкими высокими деревьями. Равнина была совершенно плоской, и можно было наперед сказать: незримая береговая линия представляет собой длинный пляж, на отмели перед которым мы вполне можем отдать якорь. Но пока мы взвешивали этот вариант, Норман из своего уголка в главной рубке крикнул, что установил двустороннюю связь с береговой радиостанцией. Маскатские власти предупреждали, чтобы «Тигрис» без соответствующего разрешения не приставал к оманским берегам. Заодно нам передали радиограмму Би-би-си: консорциум запрещал Норману использовать любительскую рацию для передачи каких-либо сведений. Он не должен сообщать радиолюбителям наше местонахождение. Не сумеет, как это было до сих пор, наладить связь на фиксированной частоте передатчика, предоставленного консорциумом, все равно — в работе с любителями передавать только «все в порядке» и больше ничего.

Этот запрет возмутил Нормана.

— А если мы потерпим крушение? — спросил он и сорвал с головы наушники.

Было еще совсем светло, когда *дау* остановилась возле поплавков большой рыбацкой сети, которую мы на сей раз постарались обойти. А ребята Саида, к нашему удивлению, преспокойно начали вытаскивать сеть и выбирать из ячеи трепещущую рыбу. Покончив с этим делом,

привязали к поплавку полиэтиленовый мешочек и бросили сеть обратно в море. После чего знаками дали понять Рашаду, чтобы подошел на шлюпке за нашей долей; выяснилось, что они положили в мешочек три динара в уплату владельцу сети.

И вот уже мы вылавливаем из большой кастрюли Карло дымящуюся вареную рыбу, а Тору подает японское блюдо: нарезанную кубиками сырую рыбу в соевом соусе. Для тех из команды, кто еще не пробовал сырой рыбы, это блюдо оказалось приятнейшим сюрпризом. Сам Тору, весь в ожогах и волдырях, выглядел так, словно побывал на раскаленной сковороде. Перед обедом он долго сидел и нервно поглаживал обессиленно приземлившегося на ладье крупного хохлатого зимородка, больше в утешение самому себе, чем птице. В этот день Тору первым прыгнул за борт искупаться и угодил прямо в скопище медуз. Маленькие прозрачные кишечнорастворимые в несметном количестве окружили ладью, кокетливо помахивая фиолетовыми юбочками и длинными жгучими нитями. У них была в разгаре брачная пора, и они явно вознамерились весь мировой океан наполнить своими отпрысками.

Человек тоже оставил свидетельства своего стремления безраздельно властвовать на суше и на море. На выходе из залива поверхность воды была затянута радужной нефтяной пленкой. Мы приготовились увидеть комья мазута, но мазут попадался редко и лишь маленькими комочками. Не то, что сделанное нами десятью годами раньше неожиданное открытие, когда мы, идя на «Ра I» и «Ра II», радировали в Организацию Объединенных Наций, что Атлантическому океану угрожает сильное загрязнение. С того времени заметно сократились случаи намеренного выброса танкерами нефтяных отходов в море. Тем не менее на наших глазах огромные танкеры, прежде чем входить в Ормузский пролив, беззастенчиво промывали цистерны. Видимо, этот район их устраивал: в заливе нарушать действующие правила более рискованно.

Нефтяная пленка не мешала примерно сотне дельфинов резвиться и прыгать вокруг ладьи. И вода кишела планктоном, невидимым до захода солнца, как невидимо днем звездное небо. Зато едва показывались звезды, вокруг рассекающих воду рулевых весел вспыхивал планктонный фейерверк. Время от времени в глубине мелькали огоньки, точно кто-то сигнализировал фонариком или чиркал

спичкой. Ночи здесь были такие теплые, что мы несли рулевую вахту без курток. Снова, как тридцать дней назад, над притихшим морем шумерской ладьей плыл молодой месяц. «Тигрис» перестал скрипеть суставами, дав Эйч Пи возможность заметить, что Тур, Герман и Юрий храпят во сне.

Ядовитые морские змеи попадались редко, хотя здешние воды считаются одним из главных мест их размножения. Зато по утрам мы находили на палубе летучих рыбок.

Хотя патрульный катер больше не возвращался, было очевидно, что оманские власти извещены о нашем появлении. Капитан Саид был заметно озабочен, как будто пограничники назначили его нашим сторожем. Страх, как бы мы не подошли чересчур близко к берегам его родины, был по меньшей мере равен тому, что он испытал, очутившись в иранских территориальных водах. Кончилось тем, что на подходе к прибрежным островам Сувади он настоял на том, чтобы взять нас на буксир, словно пленников. И не отпускал от себя, пока мы не стали перед скалами на якорь рядышком друг с другом.

Суша неудержимо манила нас, однако с Бахрейна передали повторное предупреждение: без разрешения властей не сходить на берег. Перед Сувади мы всю вторую половину дня следовали мимо чудесного белого пляжа с редкой цепочкой пальм и других деревьев. Тихое море омывало песок; вдали голубели горы, судя по всему, те самые дикие крутые гряды, вдоль которых мы прошли противоположным курсом по ту сторону полуострова. В этой части Омана горы будто сдвинуты чьей-то могучей рукой к внутреннему заливу, лицом к заходящему солнцу, а на восход, где открывается путь в океан, смотрят просторные равнины. Оказавшись здесь, древний исследователь, конечно же, направил бы свою камышовую лодку-плот к приветливым, просторным берегам. И мы бы непременно это сделали, не будь строгого радиопредписания сперва оформить паспорта и получить разрешение на высадку в лежащем дальше на юго-восток Маскате.

В бинокль было видно множество лодчонок, вытасненных на белый пляж за островами. Расстояние не позволяло различить детали, поэтому я не подозревал, что потерял бы, запрети нам султан Омана посетить его тщательно охраняемые владения. Те немногие лодки,

которые проходили сравнительно близко от нас, ничем примечательным не выделялись.

С приближением вечера уходящий в обе стороны пляж ожил, полчища моторок муравьями устремились в море. Несколько валких весельных лодок, похожих на каноэ, обогнули ближайший от нас островок, чтобы проверить сети. В одной из них сидели два старика и юноша, который греб суком с привязанным к нему подобием лопасти. Симпатичный седобородый плут с орлиным носом предложил нам купить у него рыбы по сходной цене. У нас не было оманских денег, но мы показали ему две крупные ассигнации — одну бахрейнскую, другую катарскую. Старик схватил обе и сказал Рашаду, что должен выяснить на *дау*, сколько это будет в оманских деньгах, чтобы выбрать какую-нибудь одну бумажку и отсчитать сдачу. Однако стоило рыбакам зайти за *дау*, как все трое дружно взялись за весла и умчались за остров с такой скоростью, что никакие чемпионы не угнались бы за ними.

Больше в тот вечер нас никто не навещал, если не считать окружавших ладью рыб и морских птиц. Две черепахи подняли над гладкой водой головы-перископы, изучая нас. Несколько раз кто-то очень большой, вероятно кит, поднимался к поверхности и, сделав шумный вдох, тут же снова погружался. Мы его так и не рассмотрели, видели только разбегающуюся по воде рябь.

Восхитительный уголок... Сбившиеся в кучу островки разделены тихими проливами в обрамлении мягких склонов и светлых пляжей, но в море смотрят бастионы стометровых утесов. Как же нам хотелось сплавать на берег! Однако капитан Саид умолял нас ради его блага не выходить на сушу. После того как пограничники видели нас вместе в оманских водах, спрашивать будут с него...

Норман снова связался по радио с Бахрейном, и, пользуясь неожиданно хорошей слышимостью, мы передали адресованную морскому агентству в Маскате официальную просьбу разрешить нам высадку на берег. В ответ нам передали, что резолюция портовых властей будет получена завтра, но так или иначе высадка может быть разрешена лишь в столице Омана, Маскате.

У островов Сувади вода была свободна от нефтяной пленки, мы наблюдали только шарики мазута да клочья полиэтилена. Однако, вызвавшись на другое утро снова нырнуть на дно — на сей раз, чтобы

снять подъем якоря, — Тору вернулся и доложил, что на глубине семи метров не видно ни якоря, ни троса, в воде полно каких-то мелких белых частиц. Вся команда надела маски, чтобы взглянуть на такую диковину. Это было все равно что ветреным зимним днем смотреть в окно на снегопад. Миллиарды непонятных по своей малости частиц, похожих то ли на размокшие хлебные крошки, то ли на размолотое папье-маше, сделали видимым неторопливо скользившую мимо якорного троса водную толщу. Нам оставалось только гадать, откуда они взялись; вообще же течение, как и мы, пришло со стороны Ормузского пролива.

В восемь утра мы поставили паруса и покинули острова. Саид не возражал против того, чтобы мы плыли своим ходом, однако шел все время так, чтобы видеть нас. Слабый юго-западный ветер толкал ладью в открытое море, по благоприятное местное течение вкупе с новым топселем, который Норман сконструировал и поднял на бамбуковой рее, помогали нам уверенно выдерживать курс параллельно берегу. Изредка с моря катили группами по два, по три высоких вала — своего рода привет от больших танкеров, проходящих за восточным горизонтом.

Идя вдоль низменного побережья с чуть видимой в глубине голубой цепочкой гор, мы поравнялись с городом Барка. В это время Норман принял через радио Бахрейна новое послание Маската: высадка пока не разрешена, вопрос обсуждается «на высшем уровне».

В 15.15 нас нагнало сторожевое судно «Харас II» с крупной надписью «Полиция». Офицер приветливо помахал нам рукой и осведомился:

— Все в порядке?

— В порядке, спасибо! — крикнул я и помахал ему в ответ с мостика.

Однако мой приветственный жест сменился лихорадочной жестикуляцией, когда я увидел, что судно разворачивается и идет прямо на нас, точно атакующий носорог. Я подумал было, что это шутка, юмористический намек на поведение встреченного нами раньше сторожевого катера, но тотчас убедился, что шуткой тут и не пахнет. Мидель ладьи с гостеприимно открытым дверным проемом главной рубки явно оказывал магическое притягательное действие на полицейских инспекторов. А может быть, связанные веревкой бунты

смотрелись как небывалой прочности кранец и здесь было заведено для таможенного досмотра подходить в упор к грузовым баржам и плавучим платформам. Так или иначе, вторично в рубку к нам вторгся чужак. Сколько ни метались мы на палубе и на крышах рубок, крича и размахивая руками, «Харас II», как нарочно, с ходу таранил «Тигрису» в той самой точке, куда врезался предыдущий гость. От толчка в живот Эйч Пи кувырнулся на спину. Вместе с Юрием он сидел в дверях, и обоих нос катера затолкал внутрь рубки, где Норман, сидя с наушниками на голове, озадаченно смотрел на закупоренный посторонним судном дверной проем. К счастью, планшир «Хараса II» был выше боковых связок «Тигрису», так что он уперся в шестерку крепких бакштагов и веревочно-бамбуковую ограду — изобретение Карло, призванное охранять нас от риска свалиться за борт во время сильного волнения. Мачта и рубка вздрогнули от удара под протестующий треск и скрип снастей, бамбука и тростника.

Придя в себя от неожиданности и убедившись, что ладья не рассыпалась, мы с удивлением обнаружили, что гостей уже и след простыл — сторожевое судно полным ходом удалялось в сторону Маската. Славные люди, которые подошли поприветствовать нас, явно были шокированы нашей невоспитанностью. Ладья уже доказала свою прочность при подобном испытании, почему же мы их встретили так неприязненно?

Берег передал по радио новое послание: вопрос о высадке еще не решен, нам предлагается ждать в международных водах у Маската до следующего дня.

— Объясни им, что наша ладья все равно что плот, — сказал я Норману. — За ночь нас снесет. Глубина не позволяет нам отдать якорь в открытом море. И спроси, почему нам нельзя войти в порт.

Норман передал мои слова и добавил, что мы идем под флагом ООН. Потом снял наушники и сообщил:

— Хочешь верь, хочешь нет, они говорят, все дело в том, что у нас на борту есть русский.

Вместе с *дау* мы подошли совсем близко к берегу, точно Саид решил, что теперь мы уже никуда не денемся. Мы почти не видели жилья, но в одном месте возвышалось нечто вроде средневековой крепостной стены с башнями и брустверами, за которой стояли

великолепные здания в арабском стиле. Это был один из приморских дворцов султана; главная резиденция находилась в Маскате.

Вскоре затем на место низменностей опять пришли подступающие к самой воде причудливые горные формации. Отсюда оставалось совсем немного до Маската, мы уже видели суда на рейде и другие, направляющиеся и порт. Учитывая опасность столкновений, мы охотно приняли предложенный капитаном Саидом буксир, и немного спустя нашему взору открылась россыпь огней города, расположившегося на приморском плато и в лощинах. Прямо по курсу мерцали сигнально-отличительные огни кораблей. Их было так много, что нам стало малость не по себе. Сразу видно: Маскат — оживленный современный порт. Еще одно напоминание, что мы живем в изменяющемся мире...

Оманский султанат находится на юго-востоке Аравийского полуострова, по площади он почти в пятнадцать раз больше Кувейта, однако до недавних пор оставался одной из наименее изученных стран земного шара и был закрыт для иностранцев, пока нынешний самодержец, султан Кабус, заточив в тюрьму собственного родителя, не приступил к модернизации страны. Для начала он велел проложить дороги и разрешил импорт автомашин. Правда, мы смогли убедиться в том, что, несмотря на все признаки экономического бума и строительной активности в непосредственной близости от Маската, туристам по-прежнему не было доступа в Оман. Вообще в страну впускали только тех иностранцев, кандидатуры которых были одобрены лично самим султаном.

Вечером мы подошли к большому скалистому острову с маяком. Перед островом помещалась якорная стоянка грузовых судов, ожидающих своей очереди войти в гавань Маската или слишком больших для здешней гавани. Мы запросили по радио разрешения отдать якорь хотя бы на этой стоянке, объяснив, что иначе течение отнесет нас слишком далеко и утром мы уже не сможем вернуться в Маскат. Такое разрешение было получено, однако наши якоря не доставали дна, и с той же проблемой столкнулся капитан Саид, а потому, когда он направился к входу в гавань, мы кротко последовали за ним на буксире и в конечном счете бросили якорь в окружении живописнейших *дау* из всех сопредельных стран; при свете звезд они вполне могли сойти за флотилию варяжских ладей.

Трудно сказать, кто был больше удивлен, когда на рассвете мы и наши соседи по гавани проснулись и увидели друг друга. Черные, смуглые, белолицые моряки из Африки, с Аравийского полуострова, из Пакистана и Индии воззрились на нас, а мы на них, выбираясь из спальных отсеков на подвешенные за кормой балкончики с круглым отверстием в полу, позволяющие присесть и обозреть окрестности, высунув голову сверху. Балкончики *дау* напоминали расписанные яркими красками бочки, и так же ярко были расписаны деревянные корпуса суденышек вплоть до декоративной резьбы на высоком носу. Наши галюны представляли собой всего-навсего круглые ширмы из золотистого камыша под цвет всей ладье. Зато у нас их было два, по обе стороны кормы, во избежание очередей. В море они являли идеальный приют для желающего побыть наедине с собой, но в порту нам пришлось привыкать к любопытствующим зрителям, которые беззастенчиво созерцали вас и ваши сугубо личные отходы, отправляя свои шлаки в воду с изрядной высоты.

Некоторые *дау* пришли уже после нас, так что мы оказались в сплошном кольце, тогда как Саид стоял где-то поодаль. Но главную прелесть составляли не окружающие нас экзотические афро-азиатские суда, а общий вид, грандиозная картина местной гавани с ее поразительной смесью старого и нового. Обширный новый порт, названный Порт-Кабус в честь султана, вмещал и *дау*, и большие корабли. Мало портов могли бы сравниться с ним в живописности. Над современными молами, причалами и пакгаузами, венчая темные лавовые скалы, гордо возвышалась средневековая португальская крепость. За частоколом мачт к девственно чистому голубому небу вздымались изрезанные эрозией черные голые гряды. Под горой вытянулись в ряд высокие белые арабские строения, и оттуда несло ветром сладковатый аромат благовоний и южных пряностей.

Первые лучи солнца только-только начали красить темный утес над нами в горчичный цвет, когда моторная лодка, промчавшись между *дау*, пристала к «Тигрису». Первым к нам на палубу ступил приветливый швед, представитель морского агентства. От него мы узнали, что все инстанции дали согласие на то, чтобы мы сошли на берег, осталось получить резолюцию султана. Потом подошел катер, навстречу которому мы, оберегая бунты, выставили полдюжины бамбуковых шестов. Катер доставил чрезвычайно учтливую

полицейского офицера, прибывшего с кратким визитом вежливости. Еще через несколько часов нас почтил своим посещением необычайно радушный таможенный чиновник-шотландец. Посидев за столом и весело поболтав с нами, он удалился с нашей «судовой ролью», чтобы снять ксерокопии для чиновников иммиграционной службы.

Когда Карло готовил на камбузе второй завтрак, в гавань вошел большой полицейский катер. Чины в мундирах высмотрели нас в гуще *дау*, и мы опять приготовили бамбуковые шесты, но очередные гости — три полицейских офицера — спустились с катера в маленькую моторку и подошли к «Тигрису», соблюдая великую осторожность. Двое из них, оба в широких чалмах, оказались индийцами, причем старший по званию был родом из Дели. Такие же приветливые и радушные, как их шотландский коллега из таможни, новые гости тоже посидели и побеседовали с нами, после чего отбыли, подтвердив на прощание, что разрешение на высадку лежит наготове на рабочем столе султана и будет подписано, как только он придет в канцелярию.

Во второй половине дня к нам подошел катерок консульства ФРГ, и консул обещал Детлефу связаться с представителем ООН в Омане и с американским посольством. После консула явился еще один полицейский и потребовал судовую роль. Я объяснил, что ее уже увез на берег его коллега, однако новый гость заявил, что это его не касается, тот офицер был из другого ведомства, вероятно из сыскной полиции. Я отпечатал на машинке новый список в пяти экземплярах. Почему-то это расположило к нам полицейского до такой степени, что он согласился отбуксировать нас к причалу, чтобы мы могли пользоваться туалетом, который помещался в далеко не новом зеленом металлическом сарайчике.

Затаив дыхание, мы стояли с шестами наготове, пока катер вел нас зигзагами между *дау*. Только подошли к бетонному пирсу и приготовились швартоваться, как появился швед из агентства, крикнул, что мы не туда заехали, и показал на другой пирс, расположенный под прямым углом к первому. Катер развернулся на сто восемьдесят градусов, и мы перебежали с шестами к другому борту, чтобы уберечь от поломки торчащие на носу и на корме поперечные балки. Лихой маневр завершился удачно, но не успел Рашад выскочить со швартовом на пирс, как возникший неведь откуда портовый инспектор-англичанин остановил его и велел нам причаливать за

трехмачтовым учебным судном у первого пирса. В тесном пространстве между двумя пирсами взаимодействие «Тигрися» и катера нарушилось, и корма ладьи, где я один стоял с бамбуковым шестом, стала стремительно приближаться к стенке. Отталкиваясь от бетона изо всех сил, я вдруг смекнул, что рискую проткнуть другим концом шеста тростниковую стенку рубки. Рывком отклонил в сторону шест — и проиграл сражение. Выступающее с обеих сторон толстое бревно, на которое опирались рулевые весла, с нехорошим треском стукнулось о бетон, так что все деревянные конструкции на корме сдвинулись вправо.

В это время на борт «Тигрися» прибыли чиновники иммиграционной службы и, не подозревая о случившейся драме, учтиво попросили «одолжить» им на несколько минут наши одиннадцать паспортов. С другой стороны того же пирса разгружался норвежский сухогруз «Тир», капитан которого пригласил нас на дивный обед, и мы без каких-либо возражений со стороны местных чинов пересекли разделявшую нас полосу оманской территории.

Следующий день была пятница, и вся жизнь в порту замерла. Мы вытащили на пирс рулевые весла и принялись выправлять покосившиеся конструкции. Как и накануне, над нами то и дело совсем низко кружил вертолет. Представитель морского агентства передал, что султан еще не подписал разрешение, но, как только он придет в канцелярию, все будет сделано в тот же миг. А пока мы должны оставаться на борту «Тигрися».

В субботу к нам на борт явились четыре деятеля, которые вежливо попросили разрешить им осмотреть судно. Явно удовлетворенные увиденным, они подошли ко мне и, приветливо улыбаясь, осведомились, нельзя ли также спуститься в трюм. Я с не менее приветливой улыбкой попытался разъяснить им, что у нас нет трюма, вообще под палубой ничего нет, всё на виду, и стал описывать устройство «Тигрися». Корпус из бунтов... По образцу шумерского *ма-гур*... Инспекторы нахмурились, дружелюбия как не бывало, и двое из них с нескрываемой подозрительностью начали заглядывать под матрасы и палубные доски, а остальные двое подвергли меня перекрестному допросу. За каждым ответом следовал новый вопрос. Для меня стало очевидно, что это сотрудники сыскной или тайной полиции, которым поручили произвести заключительную проверку,

прежде чем впускать нас в султанат, и я принес камышовую модель, связанную индейцами с Титикаки, а также вырезки из газет других арабских стран и письмо норвежского Министерства иностранных дел. Тем не менее инспекторы покидали ладью отнюдь не убежденные в том, что у нас нет трюма. Так или иначе, следом за ними в охраняемую зону порта была допущена молодая англичанка, которая взяла интервью для «Оман таймс», после чего явился с доброй вестью морской агент: султан Кабус подписал разрешение, мы можем, «находясь под наблюдением», посетить Маскат и снимать все, кроме нового дворца султана.

Современный Порт-Кабус выстроен в бухте на месте старого селения Эль-Матрах; от столицы и султанской резиденции его отделяют лишь иссеченные вертикальными складками утесы, окаймленные петлей дороги. Рыбный рынок на берегу и фруктовый базар среди старых домов Эль-Матраха не менее и не более живописны, чем такие же базары в других арабских селениях, куда еще не проторили путь туристы, но лица здесь удивительные. Собери Голливуд для библейского фильма столько длиннородых мужей с изумительным профилем, я сказал бы, что продюсер хватил через край, но султан-то уж вряд ли старался специально для нас. Особенно внушительно смотрелись старцы с орлиным носом, гордо носившие на поясе кривой серебряный кинжал мастерской работы. Возможно, из-за длинного халата, чалмы и бороды они казались старше своего истинного возраста. Вообще-то седые бороды преобладали над черными, нередко они раздваивались, и у многих достигали пояса, как у Деда-Мороза или Мафусаила. Что ни лицо, то картина, и Карло лихорадочно щелкал затворами своих фотоаппаратов.

На базарах, на узких улочках, да и везде, где нам довелось побывать, чувствовалось, что Оман — древний тигель, в котором сплавлялись семитские, персидские, пакистанские, индийские и африканские типы. В облике людей я видел подтверждение того, что нам известно об истории этого края. Задолго до дней пророка Оман был центром мореплавания, привлекавшим парусники из Азии и Африки. Используя муссон, летом африканские купцы шли на север — в Оман, Пакистан, Индию, а зимой возвращались в Африку вместе с торговцам из Аравии и с Азиатского материка. И португальские завоеватели не замедлили оценить стратегическое положение Омана в

центре ближневосточных морских путей, как только Васко да Гама позаимствовал у арабов плоды их вековых наблюдений над муссонами.

Маскат стал столицей Омана прежде всего благодаря современному порту, а раньше главным городом был Эс-Сохар, лежащий севернее на открытом берегу, мимо которого мы прошли. Там парусники могли становиться на якорь на мелководье, и оттуда было несложно дойти до входа в залив, где пролегали пути к Бахрейну, Персии, Месопотамии. Но в Эс-Сохаре нет защищенной гавани, а потому он был забыт внешним миром, когда султан Кабус приступил к модернизации Омана и начал с новой столицы. На горе над старой гаванью Маската появился роскошный дворец, а центром морских перевозок стал расположенный рядом Порт-Кабус. В это же время в процветающей столице и около нее были построены большой международный аэропорт, шоссейные дороги, административные и правительственные здания.

Тем интереснее было для меня услышать упоминание Эс-Сохара уже в первый наш вечер на берегу, во время обеда, данного в честь членов экспедиции генеральным директором порта англичанином Бэрри Меткалфом и его супругой Кэт. Кто-то сказал, что в районе Эс-Сохара можно увидеть маленькие лодки, похожие на нашу ладью. Мы как раз пришли с базара распаренные и усталые и не отреагировали на эти слова, ибо Меткалфы и двое их соседей предложили нам воспользоваться ванной. Исполнив танец радости и благодарности под чистыми струями душа, мы словно заново родились на свет и блаженно погрузились в мягкие кресла, вооруженные тарелками с цыплячьим рагу и огромными кружками, в которых пенилось холодное пиво. Только тут до меня постепенно дошло, что человек, говоривший о лодках под Эс-Сохаром, не кто иной, как видный итальянский археолог Паоло Коста, генеральный инспектор Управления древностей в Оманском султанате. Несмотря на пышный титул, Коста оказался очень простым и добродушным человеком, мы быстро перешли на «ты» и углубились в далекие тысячелетия, когда мусульманская вера и архитектура еще не распространились до Омана.

Паоло рассказал, что на севере страны находятся древние медные копи. Там же найдены подземные акведуки, а на холмах стоит множество каменных башен, представляющих собой могильники

примерно того же периода, что и многочисленные бахрейнские курганы.

Интересные древние развалины, продолжал он, обнаружены на юге, в приморье у границы Южного Йемена. Правда, туда мы не сможем попасть, потому что йеменские власти враждуют с султаном и в пограничной зоне идут непрерывные стычки.

Слухи о зиккурате не шли у меня из головы, и я спросил Паоло, верно ли, что в Омане найдена шумерская храмовая пирамида. Тотчас Норман придвинулся поближе к нам со своим креслом.

— Что-то найдено, — последовал неожиданный ответ. — Не хочу утверждать, что пирамида шумерская, но конструкция во всем похожа на шумерские зиккураты.

Мы не стали терять времени. На другой день рано утром за воротами гавани нас уже ждал предоставленный портовыми властями автобус. Коста вызвался быть нашим экскурсоводом, и мы отправились в путешествие по краю, закрытому для туристов. Миновав сверхсовременную застройку в пригородах Маската, мы затем с каждой сотней километров словно углублялись на тысячу лет в прошлое, проехали древний город Низва и в горах, примерно в 250 километрах от Маската, достигли еще более древнего городка Эль-Хамра. Новое шоссе султана недавно дотянулось сюда, но электричество и водопровод еще не подоспели. Ни тебе транзисторных приемников, ни пепси-колы, ни полиэтиленовых мешочков...

И если не считать того, что все мужчины моложе сорока пяти лет использовали шоссе, чтобы перебраться на заработки в Маскат, жизнь этого привлекательного уголка мало в чем изменилась со времен возникновения древних ближневосточных цивилизаций. Мы снова окунулись в библейскую атмосферу, — впрочем, тут не Библию следует вспоминать, а Коран.

Из прилепившихся гроздьями к голому камню высоких глинобитных строений горчичного цвета появлялись босые женщины в ярких одеяниях и с царственной осанкой шествовали с кувшинами на голове к старым акведукам в тени фиговых пальм. Позвякивающие браслеты на их руках, как и серебряные кинжалы мужчин, украсили бы собрание самого взыскательного коллекционера. С отведенной для посадок влажной земли женщины возвращались на отшлифованные до блеска множеством ног и копыт узкие каменистые улочки, которые от

вечнозеленых пальм между светло-коричневыми домами круто поднимались прямо в голубое небо. В прохладной тени аркад сидели и стояли люди в халатах, размышляя или беседуя и заботясь о времени не больше, чем присоседившиеся к ним выючные ослики и безмятежно жующие жвачку козы. Нигде не видел я столько мужчин, напоминающих известное изображение «дяди Сэма» с роскошной бородой и орлиным носом. Нигде, если не считать доколумбовые каменные рельефы с изображением загадочных ольмеков, которые принесли цивилизацию на берега Мексиканского залива задолго до прибытия сюда европейцев. Величавая осанка и спокойные лица старцев придавали им сходство с древними мудрецами. Снисходительные взгляды, провожавшие вторгшихся в их мир чужаков, заставляли нас чувствовать себя школярами, затеявшими возню перед коллегией профессоров, обдумывающих тайны бытия. Возможно, здешние жители не умеют писать, но ведь это их двойники первыми изобрели письменность! Их предки пустили и передали нам беспокойные часы цивилизации; мы заставили эти часы тикать в тысячу раз быстрее и, не осознав еще толком своих заблуждений, спешим распространить их всюду, куда дотянулись наши дороги.

Эль-Хамра выстроен на скальном грунте, и его внушительные здания еще долго будут стоять на радость туристам, когда те устремятся в Оман. Но дома станут подобны пустым раковинам на морском берегу, ибо даже всемогущий султан не повернет вспять поток молодежи, устремляющейся по новым дорогам в Маскат.

Живое прошлое, с которым мы соприкоснулись в еще обитаемых городах и селениях горного Омана, согревало своим теплом и наделяло смыслом соседствующие с ними древние развалины. Особо знаменательными были для нас с «Тигрису» следы давней деятельности человека у Тави-Арджа, на сухих равнинах Вади эль-Джитти в северной части страны. Мы проникли туда на вездеходе Паоло Косты через приморскую низменность Эль-Батина, которую наблюдали с моря, когда шли на юг. Теперь, по пути на север, мы рассмотрели нашу якорную стоянку у островов Сувади, а часах в трех от Маската хорошая дорога привела нас к скромным пригородам бывшей столицы. От Эс-Сохара другое шоссе вело внутрь страны, к диким горам; мы уже видели их с другой стороны, когда пробирались к выходу из залива. На смену плоской равнине пришли сперва отлогие

холмы, и мы с волнением заметили, что все они венчаются рядами древних каменных башен, удивительно похожих на бахрейнские. Коста рассказал, что многие башни уже раскопаны и оказались могильниками третьего тысячелетия до нашей эры, то есть периода шумеров, как и на Бахрейне. Сходство с бахрейнскими склепами выражается и в том, что здесь внутренняя камера тоже крестовидная.

Я смотрел на древние башни по обе стороны *вади*, и они представлялись мне каменными турами, указывающими путь к храмовой пирамиде, к которой мы направлялись.

Вскоре Коста круто свернул с дороги, и машина запрыгала по дну каньона, где одни лишь верблюжьи тропы вились через потаенный мир пересохших русел и бывших пойм, всю растительность которых составляли редкие корявые деревца с несъедобными ягодами в обрамлении колючек. И кругом ни одного дома, хотя кое-где нам попадались живущие в своего рода симбиозе с деревьями полукочевые семьи. Их примитивное жилье представляло собой огороженную ветками платформу, примостившуюся среди кривых сучьев наподобие гнезда, и похоже было, что приносимая жильцами дань идет на пользу дереву. Скучная одежда и утварь висели на сучьях вне пределов досягаемости для коз; как нам рассказали, когда кочевников переселяют в настоящие дома, они по привычке пол ничем не занимают, все имущество развешивают под потолком и на стенах.

Вади эль-Джитти — самое большое сухое русло в этом бесплодном краю. Словно вымощенная галькой широкая автомагистраль, петляет оно на окаймленной покатыми и крутыми холмами песчаной равнине с разрозненными колючими деревцами. Обработанные обломки яшмы да выложенный в древности круг из камней — вот и все подмеченные нами здесь следы человека. В глубине страны линию горизонта вычертили зубчатые горы западного побережья; череда высоких гряд стала на пути в Саудовскую Аравию и к заливу. В другую сторону, вплоть до Эс-Сохара и открытого морского берега, откуда мы ехали, простерлась плоскость широкого *вади*. Без дороги, прямо по гальке мы доехали до конической черной вершинки, служившей для Косты ориентиром, обогнули ее и на равнине перед собой увидели то, ради чего была устроена поездка.

Я еще из машины обратил внимание на большие камни шоколадного цвета, слагающие террасированную стену засыпанного

песком сооружения. Меня так и подмывало выскочить на ходу; наконец мы остановились, и я смог воочию убедиться: перед нами было то самое, что я надеялся увидеть, отнюдь не уверенный, что надежда сбудется. Никаких сомнений!

Коста подвел меня и Нормана вплотную, и Норрис поспешил занять удобную позицию со своей камерой, чтобы запечатлеть первую за много столетий встречу «камышовых» мореплавателей из Двуречья с остатками святилища, возможно принадлежавшего шумерам. Мы стояли у подножия рукотворного холма, пострадавшего от времени, но достаточно сохранного, чтобы судить о его форме. Разглядывая огромные коричневые камни кладки, мы слушали обстоятельное объяснение Косты:

— Пока не произведены серьезные раскопки, нет оснований датировать это сооружение третьим тысячелетием до нашей эры. Несомненно одно: перед нами капитальное сооружение уникального типа, квадратное в плане, ступенчатое, весьма умело сложенное без подбора камней. Поскольку оно стоит посреди равнины, окруженной холмами, речь явно идет не о фортификационном сооружении, и мы вправе утверждать, что это храм.

Продолжая жадно рассматривать высокий курган, мы подошли следом за Костой к той грани, вдоль которой до верхней террасы поднимался узкий пандус. Герман с трудом сдерживал свое возбуждение — ведь перед нами была ступенчатая пирамида вроде тех, которые нам с ним не раз встречались среди развалин доколумбовой поры в Мексике! И в то же время она обладала типичными чертами месопотамского зиккурата. Как подчеркнул Коста, ничего подобного не находили до сих пор не только в Омане, но и на всем Аравийском полуострове. Над поверхностью земли четырьмя ступенями возвышались облицованные крупным диким камнем террасы. Углы квадратного сооружения ориентированы по сторонам света; посередине одной из граней — хорошо сохранившийся мощеный пандус, совсем как у храмовых пирамид солнцепоклонников Двуречья и доколумбовой Мексики. Воздвигшие эту пирамиду люди руководствовались немусульманскими канонами, зато бросалось в глаза принципиальное сходство с дильмунским храмом на Бахрейне, который Джеффри Бибби назвал «мини-зиккуратом».

На глаз нельзя было сказать, скрыта ли часть сооружения под землей или оно все на виду, но с одной стороны к террасированному кургану примыкала чуть выступающая над плотным грунтом верхняя часть булыжной ограды прямоугольного храмового двора. Раскопок здесь совсем не производили. Всюду кругом были видны остатки других стен и сложной системы водоводов. Следы каменной кладки уцелели и на бугре, возвышающемся над храмовой пирамидой. В самом деле, почему не начаты раскопки?

Коста пожал плечами: некогда было. Вместе со своими помощниками (двое из них сопровождали нас в этой экскурсии и впервые увидели загадочный курган) он занимался обследованием археологических объектов по всему Оману. Пирамида открыта совсем недавно, по чистой случайности, в связи с тем, что султан разрешил производить в стране общую археологическую и геологическую съемку. Четыре года назад в этот *вади* приехали на «лендроверах» геологи Оманской геологоразведочной компании. Они занимались поиском полезных ископаемых по программе, разработанной Ч. Хастоном и одобренной его величеством султаном Кабусом. Геологи представили оманскому правительству отчет обо всем, что было обнаружено, но, поскольку главный интерес для властей представляли экономические данные, весть о храмовой пирамиде лишь недавно стала достоянием более широких кругов. Экспедиция Гарвардского университета во главе с Дж. Хемфрисом посетила этот объект и указала в своей публикации, что в районе горных выработок есть «зиккурат месопотамского типа»^[25]. Арабы в свое время не обошли вниманием древние копи, но и в наши дни возрождение выработок сулило немалую отдачу.

Копи... В уме возникло смутное воспоминание. В двух-трех десятках метров от пирамиды пестрели на солнце причудливые груды то ли битого камня, то ли шлака. Красивые цвета: красный, бурый, фиолетовый, желтый, зеленый... Конечно, шлак.

— Я говорил тебе про древние медные копи. Вот они, перед тобой! — сказал Коста.

Куски давно разрозненной мозаики начали складываться в логическую картину, и на миг у меня перехватило дыхание, а Коста уже показывал на странную гору за бугром со следами кладки. Будто огромный ржаво-красный гнилой зуб с почти сквозной дырой

посередине. Сразу видно, что это не эродированный кратер, вообще не природное образование, — тут поработал человек.

— Одна из старинных выработок, — объяснил Коста. — Здесь ты на каждом шагу увидишь следы деятельности древних рудокопов.

Но тогда понятно, почему именно здесь появился зиккурат шумерского типа. Вспомнились тексты древних шумерских плиток, с которыми я знакомился в Ираке и о которых говорил с Джеффри Бибби на Бахрейне. Прикидывая в уме итог, я с трудом удержался от того, чтобы высказать вслух напрашивающуюся догадку.

По словам Косты, только у подножия причудливой горы лежало в кучах около сорока тысяч тонн шлака. Всего же геологи обнаружили в Северном Омани сорок шесть древних выработок. Нашему экскурсоводу не терпелось показать нам другую копь, где накопилось до ста тысяч тонн шлака. Древние рудокопы начисто срыли целую гору, и мелкая лощина на ее месте, засыпанная разноцветным шлаком из множества маленьких плавильных печей, напоминает исполинскую палитру живописца.

Трясаясь по каньонам и пересохшим руслам, мы достигли самого впечатляющего, по мнению Косты, из всех археологических объектов Омани. В самом деле, нельзя было не поразиться размаху древних тружеников, преобразивших местность в подобие огромной арены или живописного театра под открытым небом. От бывшей тут горы рудокопы оставили только отливающий металлическим блеском монументальный выступ, этакую триумфальную арку, примостившуюся на приподнятом краю пестреющего обломками поля битвы. Не исключено, что величественная арка была сохранена намеренно в память о первой штольне, с которой рудокопы начали штурм медной горы, обреченной на полное исчезновение.

Я не мог больше терпеть, должен был поделиться своими догадками.

— Макан! — вырвалось у меня, когда Коста завел нас под могучую арку, чтобы мы оттуда полюбовались эффектным зрелищем.

— Верно, — подтвердил он. — Вполне возможно, что это и есть Макан, легендарные Медные горы древних шумеров. Здесь самое близкое к Двуречью месторождение меди.

Я вспомнил, как Джеффри Бибби, показывая развалины древнего портового города на Бахрейне, привел нас на площадь у обращенных к

морю городских ворот, где были найдены куски необработанной меди. Бибби считал эту находку свидетельством того, что во времена шумеров местные купцы выходили из залива, чтобы добыть столь необходимый для культур бронзового века металл. Ввоз меди играл важнейшую роль для создателей цивилизации Двуречья — ведь ни в самой этой стране, ни у ее соседей по заливу не было своих месторождений!

Самый вдумчивый, пожалуй, исследователь вопроса о происхождении и путях доставки меди в Двуречье, Бибби обращает внимание на данные древних плиток о том, что металл привозили по морю из страны, которую шумеры называли Макан или Маган. Две найденные в Уре плитки четырехтысячелетней давности представляют собой расписки шумерского купца за товары, полученные им от главного храма. В одной расписке говорится о шестидесяти талантах шерсти, семидесяти кусках ткани, ста восьмидесяти шкурах и шести *кур* (около двух тысяч литров) доброго кунжутного масла, предназначенных для «обмена на медь». Вторая расписка уточняет, что ткани и шерсть выданы для «обмена на медь из Макана».

Бибби нашел упоминания Макана в месопотамских текстах времен Саргона Аккадского, около 2300 года до нашей эры: царь горделиво сообщает, что корабли из Макана швартуются у его причалов вместе с судами из Дильмуна и Мелуххи. Внук Саргона утверждал, что он «выступил в поход на Макан и лично пленил Маннуданну, царя Макана». А Гудеа, правивший в Лагаше около 2130 года до нашей эры, ввозил из Макана диорит для многочисленных каменных статуй, иные из которых уцелели до наших дней и донесли до нас надписи, в которых сказано о происхождении камня. Но, отмечает Бибби, около 1800 года до нашей эры ссылки на «медь из Макана» и на товары «для обмена на медь, погруженные на корабль, идущий в Макан» прекращаются. Видимо, с той поры больше не было прямых плаваний в Макан, вся торговля медью шла через Дильмун. Однако Макан по-прежнему значился как первичный источник металла. В текстах можно прочесть: «диорит из Макана», «медь из Макана», «пальмовое дерево из Дильмуна, из Макана, из Мелуххи»^[26]. Если в древних преданиях верховные боги Двуречья и спасшийся от потопа Зиусудра тесно связаны с дильмунским торговым центром, то Макан совсем не упоминается в мифологических текстах. Шумерские

боги там не бывали. Все ссылки на Макан носят чисто деловой, коммерческий характер.

К тому времени, когда раскопки Бибби на Бахрейне начали поставлять убедительные доводы в пользу гипотезы о тождестве Бахрейна и Дильмуна, уже было выдвинуто немало предположений о местонахождении Макана. В частности, некоторые ученые были склонны помещать Макан в Африке. Авторитетный исследователь С. Крамер допускал, что Макан — Египет; кое-кто отдавал предпочтение Судану или Эфиопии. Основанием для этих предположений служил один намек в поздних ассирийских анналах. Около 700—650 годов до нашей эры воинственные ассирийские цари вышли по суше к Нижнему Египту со стороны Средиземноморья и оставили надписи, в которых помещали Макан и Мелухху южнее страны египтян. Однако вряд ли ассирийцы могли верно судить, как далеко на юг от Египта находились эти легендарные области, поскольку прямая торговля между Двуречьем и Маканом прекратилась за тысячу лет до того.

Другим исследователям Макан виделся ближе к шумерским портам. Так, Вулли писал, что «диорит доставлялся морем из Магана, расположенного где-то на берегах Персидского залива». Насчет меди он уточняет, что она «поступала из Омана, как показывает анализ руды...»^[27]. Бибби поддерживает эту точку зрения. Во-первых, потому, что Макан, по его прикидкам, был вполне достижим для парусных судов из Дильмуна, во-вторых, потому, что анализ многих медных изделий из Двуречья, датируемых III—II тысячелетиями до нашей эры, показал наличие в металле малых примесей никеля^[28]. Никель в медной руде встречается довольно редко, но точно такую же примесь обнаружили в образце руды с закрытой при отце Кабуса территории Омана. Образец «из древних выработок» был найден в долине, уходящей вглубь страны от порта Эс-Сохар.

Из полученного мной впоследствии письма от мистера Дж. Джеффса из Канадской геологоразведочной компании я узнал, что именно упоминание оманского образца в книге Бибби «В поисках Дильмуна» побудило руководителей компании организовать с разрешения султана Кабуса разведку забытых копей в Северном Омани, и тогда был открыт храм, к которому нас привез Паоло Коста.

Уже после экспедиции «Тигрис», когда Паоло Коста с супругой неожиданно навестили меня в моем доме в Италии, я услышал, что

начаты раскопки храмовой пирамиды у Тави-Арджи. Ветры и водяные потоки не давали копиться гумусу на гладкой твердой поверхности *вади*, где стоит источенный зубом времени курган, поэтому пока все находки, включая черепки, датировались не старше мусульманского периода. Но на вершине Коста откопал сильно эродированную кладку из квадратного сырцового кирпича того самого типа, какой применялся в Двуречье. Судя по всему, пирамиду венчала некая надстройка.

Осторожность ученого удерживала Паоло Косту от каких-либо выводов за отсутствием убедительных свидетельств. Он не нашел еще ни плиток с письменами, ни угольков, поддающихся датировке. Пока что на всем Аравийском полуострове не обнаружено ничего подобного внушительному сооружению немусульманского типа, возвышающемуся в окружении сорока шести заброшенных древних выработок единственного месторождения меди, которое было вполне достижимо для купцов-мореплавателей из Ура и их торговых партнеров на Бахрейне.

Но даже если на бесплодной земле *вади* и в горных выработках этого края не будет найдено ни одного шумерского сосуда, все равно география и геология весьма убедительно говорят за то, что страна меди Макан древних шумеров — Северный Оман. В области залива нет другого претендента на эту роль. Всяк волен по-своему гадать о принадлежности заблудшего, но видимости, мини-зиккурата в Тави-Ардже. В его строительство вложен колоссальный труд. Это не форт и не арабская мечеть, зато мы видим все черты ритуальных сооружений, подобные которым в Старом Свете известны лишь в Двуречье да еще на Бахрейне, где недавно раскопан дильмунский мини-зиккурат. Мы прошли на шумерской ладье от Бахрейна до океанских берегов Омана. Пользуясь шумерской терминологией, можно сказать, что мы проплыли на *ма-гур* от Дильмуна до Макана. И нам наиболее правдоподобной представляется гипотеза, предполагающая, что обнаруженное геологами в Тави-Ардже неопознанное сооружение было воздвигнуто по воле исповедовавших культ Солнца купцов-мореплавателей, представителей великой цивилизации Двуречья, которые прибывали сюда в большом количестве, потому что здесь находился ближайший источник меди.

Из виденных в Омани следов изобретательности древних самое сильное впечатление произвели на нас подземные *фалай*. Среди

безбрежной песчано-галечной равнины мы остановились перед ямой, которая в первую минуту показалась нам бездонной, мы даже попятились от ее края. Каменный колодец уходил далеко в глубину, и дно терялось в кромешном мраке. Наверху отверстие окаймлял невысокий вал из выкопанной земли и гравия. В обе стороны уходила вдаль череда подобных ям. Мы услышали, что колодцы соединены с многокилометровым подземным водоводом, проложенным с такой точностью, что вода все время течет под уклон независимо от неровностей рельефа. Некоторые *фалай* начинаются на поверхности земли для создания нужного напора, и мы с немым восхищением смотрели на открытый водовод на склоне холма, ныряющий под русло реки и выходящий наверх с другой стороны! Уйдя перед руслом в нечто вроде врытой в землю каменной башни, вода вновь появлялась в несколько более низкой башенке за рекой. Дальше акведуки протянулись вдоль склона другого холма до опаленной солнцем равнины, где воду ожидало долгое путешествие в прохладном подземелье. Арабы и сейчас поддерживают в рабочем состоянии некоторые *фалай*; есть акведуки, построенные, вероятно, ими самими, но корни этих поразительных творений инженерного искусства и коллективного труда теряются в далекой древности.

Кто бы ни создал первые оманские *фалай*, они подсказывают логический ответ на загадку, связанную с древними водопроводящими галереями, открытыми Бибби и его товарищами на Бахрейне. Дильмунские водоводы тоже скрыты глубоко в толще песков, и такие же каменные колодцы соединяют их с поверхностью. Думается, они, как и маканские акведуки, были намеренно проложены под землей, а не погребены впоследствии песчаными бурями.

Еще более наглядное, притом мобильное, звено, соединяющее Дильмун с Маканом, мы наблюдали, спускаясь на машине Косты по широкому плоскому *вади* от храмовой пирамиды и окружающих ее копей к открытому берегу моря у Эс-Сохара. Этот старинный город расположен в устье бывшей реки, которая несла свои воды в море много тысяч лет назад, пока рудокопы не свели все леса внутри страны. Выплавка меди, как это видно по грудам шлака, велась в огромных масштабах и требовала колоссального количества заготавливаемых на месте дров. Здесь, как и во многих странах, и не

только на Ближнем Востоке, хищническое обращение человека с природной средой превращало леса в пустыни, а реки в *вади*.

Ложе кончающегося у Эс-Сохара *вади* выстлано гладкой речной галькой. Надо думать, бывшая столица Омана потому и возникла здесь, что широкая водная артерия соединяла город с важнейшим горнопромышленным районом.

На полтораста с лишним километров протянулся в этих местах широкий пляж, омываемый океанскими волнами. Чистый белый песок отделяет от воды незатейливые глинобитные и камышовые лачуги в предместьях Эс-Сохара. Дружелюбные арабские рыбаки сидели на солнце, чиня сети, когда мы приехали сюда. Старые женщины и юные девушки в ярких платьях, с черной полумаской на лице не прятались от нас, как в селениях внутри страны, а спокойно стояли у входа в свои жилища. Подгоняемая длинными веслами, с моря приближалась к пляжу лодка. Прибойная волна подхватила ее и вынесла почти на самый берег. Гребец вытащил лодку на песок. Маленькое суденышко, полное серебристой рыбы, было связано из пальмовых черешков, совсем как на Бахрейне. Рядом лежали на берегу еще три лодки такого же рода. Их местное название — *шаша*. Теперь таких суденышек становится все меньше. Нам рассказали, что ими пользуются для доставки грузов с *дау*, бросающих якорь на более глубокой воде.

Я пристально рассматривал *шаша*. Конструкция точь-в-точь такая, как у бахрейнских *фартех*, до малейших деталей, только и разницы что в названии. Два арабских народа по обе стороны Ормузского пролива унаследовали один и тот же тип судна, притом так давно, что называют его по-разному.

Не вынуди нас современные постановления идти до самого Маската, мы стали бы на якорь у здешних берегов, как это делают нынешние *дау* и делали прежние *ма-гур* из Ура и Дильмуна, слишком большие, чтобы приставать прямо к пляжу. Я живо представлял себе, как «Тигрис» стоит, покачиваясь на голубых волнах, а местные *шаша* подходят к нам для связи с берегом, как во времена шумеров они обслуживали купцов, которые приходили за многотонным грузом меди.

На самом деле «Тигрис» уже целую неделю праздно стоял в грязной воде Порт-Кабуса. Камышовая ладья, обреченная, по мнению авторитетов, насквозь пропитаться водой еще до выхода из реки,

успела обрасти водорослями длиною с бороду Нептуна, на бунтах развелись крабы и аплизии. И мы никуда не спешили: скоро ли еще представится редкостная возможность посетить Макан!

Уже после возвращения в Европу я обратился к написанной ровно девятнадцать столетий назад «Естественной истории» Плиния Старшего, чтобы проверить, было ли известно древним римлянам что-нибудь об Омане и его жителях. Можете представить себе мое удивление, когда я обнаружил упоминание арабского народа «мака» (*gentem Arabiae macas*), в земли которого, знаменитые медными копиями, можно попасть через пролив восьмикилометровой ширины, отделяющий эту страну от восточных пределов области, подвластной персидским царям^[29]. Безусловно, речь идет об Ормузском проливе, и мака, таким образом; жители Северного Омана. Вполне логично, что мака обитали в стране, известной им и древним шумерам под названием Макан.

Глава VIII. «Тигрис» и супертанкеры. Путь в Пакистан

— Левая гребни, правая суши!.. Обе стороны гребни!.. И-и... раз!.. И-и... раз!..

Я стоял на высоком мостике, словно какой-нибудь капитан невольничьей галеры, а мои друзья, обливаясь потом, дружно налегали на длинные весла, которые согласно погружались в воду, придавая ладье сходство с огромной многоножкой.

Увлекательное испытание! Я давно о нем мечтал, но раньше не было случая его провести. Мы задумали выйти из порта на веслах, и поскольку Тору и Карло втиснулись в резиновую шлюпку, чтобы снимать это событие, на веслах сидело только восемь человек, по четыре с каждого борта. Я рулил и, чтобы видеть ребят, стоял на перилах, держась за верхний из двух румпелей, которыми были оснащены рулевые весла.

— И-и... раз!.. И-и... раз!..

Ребята полностью выкладывались, чтобы заставить тяжелую ладью двигаться вперед. Общий вес намокшего *берди*, надстроек и груза, наверно, приближался к пятидесяти тоннам, так что каждому гребцу надо было перемещать по воде вес одного слона. Не справимся с экспериментом — дело может обернуться скверно. Если ладья выйдет из подчинения, малейший порыв ветра или каприз приливно-отливного течения в гавани может привести к нежелательному контакту с корпусами, швартовыми и якорными цепями окружающих нас со всех сторон больших и малых судов. Устремленные на нас с берега и кораблей взгляды многочисленных зрителей еще больше подстегивали ребят.

Мы поднялись до восхода, чтобы попробовать своими силами выбраться из обширной гавани прежде, чем разгуляется ветер и проснутся местные жители. Но пока мы прощались со своими оманскими друзьями, весть об отплытии «Тигриса» каким-то образом распространилась по городу. Кому не удалось проникнуть на охраняемую территорию порта, те выстроились на берегу вдоль

главной улицы. Команды стоявших в гавани судов тоже приготовились созерцать, что у нас получится. Выбирая якорный трос, мы отвернули нос ладьи от пирса, затем оттолкнулись от стенки и начали грести.

— И-и... раз!..

Минуту-другую ладья оставалась неподвижной. Потом медленно пошла. Очень медленно. Скорость меньше одного узла, однако достаточная, чтобы судно слушалось руля. Со спущенными парусами «Тигрис», будто длинноногое морское чудище, отполз от пирса и двинулся через лабиринт, образованный бетонными пирсами и стальными корпусами. Потревоженный веслами, уходил за корму засоряющий гавань хлам. Судовые сирены провожали нас тремя гудками: приветствие современных океанских богатырей незатейливому древнейшему предку, упорно пробивающемуся в открытое море. Два вертолета кружили над нами, как бы проверяя, взаправду ли мы уходим. В сопровождении эскорта его величество султан промчался на машине по магистрали до Порт-Кабуса, развернулся и ринулся обратно в свой дворец в Маскате. Вся эта шумиха прибавляла гребцам задора, и когда остался позади последний корабль и открылся свободный путь до крайнего мола, внезапная тишина показалась нам даже гнетущей.

Отчалив в восемь утра, мы к девяти часам успели вполне постичь размеры огромной современной гавани: нам еще надо было обойти внешний волнолом, а уже принялся мешать слабый бриз. Непривычные к гребле, ребята здорово устали. Команда «Тигриса» была явно недоукомплектована. На древних петроглифах у средних размеров камышовой ладьи, как правило, не меньше двадцати гребных весел, у судов побольше — до сорока, у нас же работало всего восемь. С двадцатью веслами мы запросто развили бы втрое большую скорость.

На подступах к выходу из гавани слабый бриз стал для нас подлинной проблемой. Казалось, «Тигрис» не трогается с места и расстояние до волнолома неизменно. Мало того, что ветер тормозил ладью. Поскольку мы принимали его чуть справа от высокого носа, он теснил нас влево, грозя столкнуть с оконечностью дамбы. Рулевые весла вместе с носовым и кормовым швертами не могли противоборствовать сносу, поэтому я командовал правой четверке

гребцов «суши!», а левая четверка гребла с удвоенной силой; время от времени ребята менялись местами.

Гребцы выматывали из себя все жилы; я же мог только следить за рулем и покрикивать все громче и настойчивее на своих «невольников». И подбадривать их, конечно. Волнолом упорно приближался. Осталось одолеть каких-нибудь сто метров, после чего мы, сравнявшись с длинной стенкой, обогнем ее штурмуемый волной конец, вырвемся на простор и поднимем квадратный парус. Минуты казались нескончаемыми. Кое-кто из ребят, выбившись из сил, шлепал веслами как попало.

В целом полтора часа ушло у нас на то, чтобы добраться до ворот рукотворной баррикады. Левый борт ладьи смотрел на звездообразные бетонные массивы, принимающие на себя натиск океанского наката. Отчаянными усилиями мы заставили камышового тяжеловеса протиснуться мимо дамбы. Просвет между ладьей и волноломом был так мал, что не давал четверым гребцам на левом борту толком грести. И едва мы вышли за волнолом, как ветер взял верх над мускулами. Вместе с волнами он навалился на ладью с такой силой, что нас стало сносить кормой вперед прямо на зубчатые многогранные глыбы. Лишь секунды отделяли нас от катастрофы.

— Поднять парус!

Строго говоря, время для такой команды еще не наступило, но у нас не было выбора — ребята совершенно выдохлись. Положение было отчаянное. С верхушки волнолома и с полудюжины наблюдавших паше отплытие катеров до нас донеслись тревожные крики. Ладью прижало почти вплотную к торчащим бетонным пальцам; с перил мостика я видел, как разбегаются крабики, спасаясь от рулевого весла, которое проплывало в нескольких сантиметрах от них. Угрожающая картина. Над «Тигрисом» нависла серьезная опасность. Поданный с одного из катеров буксир помог нам продержаться, пока ребята во главе с Норманом бросились ставить парус. В рекордно короткий срок парус занял свое место и наполнился ветром. Минута-другая, и бетонные клешни остались позади. Мы вышли в открытое море.

Как не позавидовать древним шумерским мореплавателям! Насколько все было бы проще, если бы мы, подобно им, могли подойти к Эс-Сохару и отдать якорь у пляжа. Там хватило бы

нескольких весел, чтобы на стоянке развернуть ладью кормой к ветру и продолжать плавание.

Слабый ветер дул от зюйд-зюйд-оста — ничего похожего на мощный северо-восточный муссон, обычно господствующий здесь в середине января. Малая скорость при недостаточной площади паруса не позволяла нам лавировать, и мы, принимая ветер с правого борта, вынуждены были идти на север, в обход высокого черного мыса, выдающегося в море к северу от Порт-Кабуса. В шутку я сказал ребятам, что после Макана нам теперь не мешало бы, повернув назад, все-таки посетить долину Инда. На самом деле мы рассчитывали идти с муссоном на юг, в сторону Африки.

До самого вечера перед глазами у нас маячили высокие горы и скалистые острова Омана. С приходом темноты в той стороне было видно лишь несколько ярких огней, да и те вскоре канули в море, и ночью только тусклое зарево обозначало местонахождение Маската и Матраха. Но еще засветло нам явилась знакомая картина — непрерывная череда мачт и судовых надстроек вдоль восточного горизонта. Белые надстройки поднимались все выше, и вот уже целиком видны следующие друг за другом корабли. Мы снова вышли наперерез пароходной трассе, снова началась мерзкая беспорядочная качка в созданной супертанкерами толчее, и раздраженная камышовая ладья опять отзывалась режущим ухо кошачьим концертом на яростные удары волн. Во время нашей с Детлефом полуночной вахты мы с трудом избежали столкновения, в последнюю минуту отвернув в сторону от небольшого сухогруза, который шел прямо на нас.

На другой день перед восходом зюйд-зюйд-ост сменился норд-норд-вестом, парус наполнился, и мы с хорошей скоростью пошли курсом 130°. Во второй половине дня еще подправили курс, чтобы обойти мыс Эль-Хадд, крайнюю восточную точку Омана, после которой берег Аравийского полуострова, изогнувшись под прямым углом, направляется к Аденскому заливу.

И тут внезапно обнаружилось, что на борту «Тигриси» назревает серьезная проблема. Норрис, всегда такой веселый и радостный, вдруг ударился в мрачность и стал огрызаться. Причина была всем нам известна. В последний день в Омани, когда Паоло Коста возил нас к древним копям, мы сбились с пути в лабиринте *вади* и каньонов и допрыгались в машине по гравию и гальке до того, что в специальной

кинокамере Норриса что-то поломалось. Забыв о сне и еде, он манипулировал со своими запасными частями, пока не убедился, что неисправность можно устранить только в мастерской. Перед отплытием из Омана Норрис отправил экстренную депешу консорциуму. Мы пытались утешить его, предлагая занять камеру у Тору или Германа — ничего, что они не рассчитаны на синхронную звукозапись. Однако наша недооценка профессиональных запросов Норриса лишь усугубила его хандру. Национальное географическое общество и телевизионная компания для того включили его в экспедицию, чтобы он снял документальный фильм с синхронным звуком. С обычной 16-миллиметровой камерой он задания не выполнит.

Лишенный своего орудия производства, Норрис в числе восьмерки гребцов прилежно налегал на весла, когда мы выходили из Маската. Тем не менее когда и в море камера продолжала бастовать, ему загорелось вернуться на берег и отправить аппаратуру в ремонт самолетом. Я был даже рад, что на борту нет рекордера, так как разговор пошел на повышенных тонах. Норрис настаивал на том, чтобы его высадили на берег. Нам же в это время было плевать на фильм. Главное, пока ветер благоприятный, уйти от всех волноломов и скал. Что мы и сделали, увозя с собой зародыш осложнений. Норман злился, потому что Норрис засыпал его срочными депешами для передачи через Бахрейнское радио с требованием прислать самолетом в Маскат из Англии или США запасные части или новую аппаратуру и чтобы какое-нибудь судно доставило нам посылку в Оманском заливе. Я поддержал Нормана: на передачу этих депеш уйдет не один час, а нам важно отплыть подальше от берегов Аравийского полуострова. Рисковать экспедицией из-за какой-то кинокамеры было бы безрассудством.

В итоге долговязый весельчак Норрис замкнулся в себе. Он смотрел в ту сторону, где скрылась за горизонтом земля, так, словно, потеряв возможность выполнять свое специальное задание, был готов покинуть нас и вплавь добираться до берега. Глядя на убитое лицо Норриса, я понял, что дело плохо. Норман сумел передать через Бахрейн его отчаянные призывы.

К этому времени бахрейнский радист Фрэнк де Суза стал как бы двенадцатым членом нашей группы. Только он ухитрялся принимать

сигналы передатчика, которым нас осчастливил консорциум, и передавать нам ответы. Оставалось уповать на то, что случай поможет Норрису до того, как мы, миновав мыс, окончательно простимся с Оманом.

Мы благополучно пересекли пароходную трассу, однако, взяв курс на Эль-Хадд, снова сблизились с ней. Ночью было такое ощущение, словно мы странствовали в прериях, видя редкие огни разбросанных в темноте домов. Однако иллюзия сразу пропадала, когда огни придвигались к нам. Во время вахты Юрия и Германа один танкер промчался так близко от «Тигриса», что Юрий пулей выскочил из забортного туалета, а Герман принялся лихорадочно размахивать сигнальным фонарем.

На третий день после выхода из Маската благоприятный северный ветер кончился. Его сменили слабые порывы от оста и зюйд-оста, которые замедлили наше продвижение к мысу, зато пробудили надежду в душе Норриса. После Порт-Кабуса мы одно время шли в зоне умеренного загрязнения, теперь же кругом простерлась нефтяная пленка с комьями мазута. Не зная, что Бахрейнское радио предупредило все суда этого района о нашем присутствии в Оманском заливе, мы решили уйти с трассы поближе к берегу. Перед тем нас крепко напугал роскошный лайнер, который неожиданно изменил курс и пошел прямо на нас, видимо, чтобы пассажиры могли лучше рассмотреть необычное суденышко. Вскоре после того небольшой сухогруз вдруг застопорил машину и лег в дрейф, как будто вознамерился загородить нам путь. Обнаружив, что мы-то не можем остановиться, капитан в последнюю минуту скомандовал «полный вперед!». Затем еще один сухогруз направился к нам, словно собираясь таранить «Тигриса». Это был норвежский «Брюнетте». Описав два круга около ладьи и трижды посигналив сиреной, он двинулся дальше. После него такой же маневр, наподобие танца вокруг рождественской елки, выполнил большой советский корабль «Академик Стечкин». С корабля окликнули в электромегафон Юрия Александровича и спросили, нуждаемся ли мы в чем-нибудь. Мы ни в чем не нуждались и со всей доступной нам скоростью направились к берегу, спеша освободить оживленную магистраль.

Эйч Пи поймал на свою любимую блесну огромную рыбину. Такую огромную, что она оборвала лесу и скрылась прежде, чем кто-

либо смог удостоверить, что добыча и впрямь, как он утверждал, была около метра в длину. А через несколько часов Асбьёрн, обвязавшись страховочным концом, взял острогу, прыгнул в воду и вернулся на борт с большущей корифеной, в пасти которой застряла драгоценная блесна Эйч Пи с куском лески! Только Асбьёрн вышел из воды, как появилась двухметровая акула. Покружив около ладьи, направилась к красному спасбую, который постоянно волочился у нас за кормой, отдубасила его и исчезла.

На четвертый день справа показались возвышающиеся над мгlistым берегом дикие горные гряды. Все корабли проходили мористее — нам удалось на какое-то время уйти с трассы. А ветер, заходя с востока, продолжал, к великой радости Норриса, теснить нас к гористому берегу. Вечером Фрэнк передал с Бахрейна невероятную новость: для Норриса приготовлена новая камера, ее отправят самолетом в Маскат, если мы готовы подождать. А что еще нам оставалось при виде сияющей небритой физиономии нашего кинооператора! К тому же и ветер был за него. Мы повернули на сто восемьдесят градусов и пошли параллельно берегу обратно на север. Сплошная череда суровых отвесных скал, вынырнувшая из тумана, производила куда более грозное впечатление, чем разбросанные вдоль паровой трассы стальные корпуса, и когда с приближением ночи неприступный гористый берег вырос еще выше, мы постарались повернуть камышовый нос «Тигрису» возможно дальше навстречу восточному ветру, который дул теперь в правый борт.

Последующие дни и ночи вряд ли кто-нибудь из нас забудет. Наш знакомый морской агент нанял рыболовное судно, и была назначена встреча в 12 милях от берега, в районе рыбацкого поселка Сур, уединившегося между скалами западнее мыса Эль-Хадд. Однако рыбаки не сумели отыскать нас в море, а высокие утесы и горные гряды не давали Норману связаться по радио с берегом или другими судами. Даже Фрэнк на Бахрейне за всеми горами не слышал нас. Мы решили пробиваться на север к Маскату, где нас было бы легче найти. Однако сообщить кому-либо об этом решении мы не могли, и рыбаки продолжали тщетно разыскивать «Тигрису».

Иной раз наименование места неверно изображает его. Так было с мысом Рас Эль-Дауд. Для норвежского уха это название звучит как «смертельный обвал», по Рашад объяснил, что по-арабски оно

означает всего-навсего «мыс Давида». Мы увидели этот угрюмый мыс ночью, в тусклом звездном освещении, в призрачной пелене морского тумана. Проходя мимо него, я невольно подумал, что никогда не видел места, более заслуживающего эпитета «смертельный», чем этот мрачный, омертвелый утес, который огромным могильным камнем возвышался в полуночной мгле над склепом пустынной узкой долины слева, теряющейся во мраке под шлейфом бледных облаков. Никаких признаков жизни. Никакого движения, если не считать ползущих прядей тумана. Вероятно, в устье долины был маленький пляж, и я взвесил возможность пристать к берегу между крутыми скалами, но вблизи он выглядел так зловеще, что наши штурманы согласились со мной: лучше вовремя отойти от этих скал подальше.

Между тем мыс надвинулся вплотную, и мы отдали плавучий якорь, чтобы затормозить ладью. Но из-за слабого ветрового сноса якорь не сработал, а ушел мешком под воду. Нас выручил сконструированный Норманом топсель на бамбуковой рее. С этим парусом ладья лучше слушалась руля, мы отразили попытки восточного ветра выбросить ладью на камни и за неимением иного выбора взяли курс на пароходную магистраль, которой перед тем так упорно сторонились. Только мы, заведя суда, прицелились пересечь трассу, как ветер совсем пропал. Слабенькие порывы с разных направлений не позволяли осмысленно управлять ладьей. Затесавшись в самую гущу интенсивного движения, мы без усталости маневрировали рулевыми веслами и парусами, чтобы не оказаться на пути у быстроходных лайнеров и танкеров, которые с рокотом проносились мимо, раскачивая ладью так неистово, что мы опасались, как бы мостик у нас под ногами не сорвался с палубы в море вместе с рубками и мачтой. Пока Юрий и Карло крепили узлы в разных концах ладьи, остальные всячески старались увести «Тигрису» с сумасшедшей трассы, отнюдь не рассчитанной на старинную камышовую ладью.

Хуже всего было ночью. Судовые огни мы замечали издалека, но, не видя самого парохода, не могли определить, пройдет ли он на безопасном расстоянии или надо остерегаться столкновения. Вот вынырнуло из-за горизонта созвездие огней — ближе, ближе, наконец можно среди них различить зеленый или красный фонарь. Если видно оба сразу, корабль идет прямо на вас: согласно правилам, красным

огнем обозначается левый, зеленым — правый борт морского судна. На «Тигресе» тоже вывешивались такие «ходовые огни» по обе стороны носовой рубки, но из-за ветра стекло быстро покрывалось копотью, а подчас пламя и вовсе задувало. Да и на каком современном большом корабле наблюдатель станет высматривать керосиновые фонари! А если б и заметили нас с мостика какого-нибудь супертанкера, все равно не успели бы ни остановиться, ни свернуть. И оставалось нам самим вести непрерывное наблюдение, внимательно следить за каждым вновь появившимся огнем, пока судно не приблизится настолько, что можно различить сигнальные фонари. По взаимному расположению зеленого и красного огней, а также двух белых — одного высоко на корме, другого низко на носу — мы узнавали, находимся ли прямо на пути корабля или он пройдет мимо. Обычно на таком расстоянии мы уже различали черные контуры корпуса на фоне ночного неба, и при капризном ветре у нас оставалось очень мало времени, чтобы уйти с дороги. Поэтому ночью на мостике вахту несли двое, и они пристально наблюдали за огнями, чтобы определить, в какую сторону нужно отклониться — влево или вправо. Постепенно мы втянулись в такой режим, однако ночи были длинные, и мы нетерпеливо ждали рассвета. Утомительно было всматриваться в темноту, утомительно без конца воевать с парусом и снастями, утомительно рукам ворочать рулевые весла толщиной с бревно, утомительно ногам пружинить на прыгающей не хуже дельфина ладье.

С приходом утра огни исчезали — огни, но не корабли, и мы следили, как они возникают на горизонте, пища по-комариному, как приближаются, жужжа по-шмелиному, и, наконец, с грохотом проносятся мимо — будто слон ломится через лес.

Под вечер пятого дня погода переменилась. Над горизонтом возникли тяжелые тучи; глухо раскатывался гром. На западе вспышки молний озаряли силуэты приморских гор. Только спустилась ночь, как впереди, медленно пересекая наш курс, показалось странное сочетание огней. Недоумевая, мы спрашивали друг друга, что это еще за рождественская елка; в это время позади первого судна возникли не менее необычные огни второго, идущего так же неторопливо и тоже наперерез нам. При таком тихом ходе было похоже, что мы запросто успеем проскочить между ними. Мы с Германом так и решили сделать, но тут на мостик поднялся Детлеф, и я показал ему диковинную елку.

Он тотчас разобрался в ней, мы живо повернули оба румпеля круто вправо и проскользнули у самой кормы второго судна — тяжело нагруженной баржи без экипажа. По комбинации вертикальных огней на мачте первого судна Детлеф, капитан торгового флота, определил, что это буксир ведет баржу на двухсотметровом тросе.

Я залез в главную рубку, чтобы немного подремать перед вахтой. У меня уже выработался навык спокойно лежать с закрытыми глазами, не вскакивая каждый раз, когда приближался какой-нибудь корабль. Слух машинально регистрировал медленно нарастающий и так же медленно убывающий гул проходящих мимо судов. Внезапно с мостика над моей головой раздался тревожный крик; вслед за тем я услышал тяжелый рокот поршней стремительно надвигающегося на нас корабля. Ребята высыпали на палубу, словно испуганные мыши. Высунув голову из левой двери, я увидел, что наш коричневатый парус залит ярким светом, огромный рокочущий источник которого находился по другую сторону рубки. Взявшись за штаг, я встал — и в глазах у меня зарябило. Было такое чувство, будто я еду ночью по городской улице мимо высокой черной стены с ослепительной иллюминацией. Сверкающий огнями сухогруз вынырнул из тьмы так близко, что на какую-то секунду черная стена и две бамбуковые рубки будто слились воедино перед моим взором. Тут же они разъединились, и мы, не успев даже толком осмыслить, в чем дело, отчаянно уцепились за снасти, чтобы не сорваться с подброшенных пенными каскадами бунтов.

Едва отзвучали возгласы тревоги и облегчения, как с мостика опять донесся крик Юрия:

— Черт! Еще один!

Его голос потонул в рокоте поршней другого стального гиганта, который мчался следом за первым. Возникнув рядом с «Тигрисом», корабль небрежно отбросил нас в сторону, словно мощный плуг какого-нибудь червяка.

— Контейнеровоз, — сухо отметил Детлеф. — Они развивают скорость до тридцати узлов.

Мы стояли на палубе, обсуждая плохую видимость. Ни луны, ни звезд, погода не сулила ничего хорошего. Решили убрать новый топсель. Начало моросить. Подошло время нам с Тору заступать на вахту. Остальные неохотно полезли обратно в щелеватые рубки,

накрыв тростниковые стены брезентом. Дождь прибавил. Потом полило как из ведра. Мы ничего не видели, даже собственного такелажа. Наши с Тору непромокаемые куртки не боялись дождя и брызг, но они не были рассчитаны на подводное плавание. Холодные капли просачивались за воротник, и мы промокли с головы до ног; в кедах хлюпала вода. Потеха... Хотя нас разделяло меньше метра, я с трудом различал лицо Тору при свете фонарика.

Внезапно я уловил какой-то посторонний звук. Посветил на Тору — слышит? Он кивнул. Поршни. Сквозь гул дождя мы еле слышали собственные голоса, но быстро приближающийся басовитый перестук мощной машины сразу опознали. Карло, которому полагалось спать в главной рубке, тоже различил его сквозь топкий слой тростника и брезента и крикнул, чтобы мы были начеку. А мы и без того насторожились. Что-то надо было предпринять, но что именно? В наших руках рулевые весла, можно отвернуть влево или вправо. В какую сторону уходить от опасности? Не угадаем — окажемся на пути корабля и он врежется носом в ладью.

Окоченев от холода и напряжения, мы цеплялись каждый за свой румпель. Ветер с кормы нес нарастающий грозный рокот. Уже все проснулись. В кромешном мраке мы даже собственного паруса не видели, знали только, что он наполнен ветром и дождем. Повернуть голову, чтобы посмотреть назад, и то невозможно: дождь нещадно хлестал по лицу и глазам.

— Слышите машину?! — снова донесся из рубки отчаянный голос Карло.

Дальше все прочие звуки потонули в реве настигшего нас корабля. На меня вдруг накатило бесшабашное веселье.

— Слышу! — крикнул я в ответ. — Не только звук, но и запах!

И добавил:

— Даже тепло ощущаю!

Громящий поршнями исполин прошел так близко, что мы и впрямь ощутили запах машинного масла, и скользящая вдоль связок правого борта едва различимая сквозь завесу дождя стальная машина на миг обдала мое лицо теплом. За стеной падающей с неба воды глаза уловили что-то вроде огней, промелькнувших на уровне стеньги.

А люди на этом гиганте, вооруженные радаром и прочей электроникой, и вовсе не могли нас заметить. Основываясь на

собственном опыте, Детлеф рассказывал нам, что в сильный дождь радар не берет предметы на расстоянии меньше мили. В такую погоду даже от лент из фольги не было никакого проку.

Внезапно дождь прекратился, мы рассмотрели сквозь ночную мглу нос нашей ладьи и тут же прямо по курсу вдруг увидели две группы огней. Еще два корабля... Словно две галактики проплывали перед нами справа налево. Похоже было, что мы сможем пройти между ними, хотя плохая видимость не позволяла точно определить, на каком расстоянии. Внезапно нас осенило, что корабли идут очень уж близко друг за другом, сохраняя неизменный интервал, несмотря на высокую скорость. Никакой буксир с баржей не может развивать такой ход! После секундного замешательства мы с Тору дружно налегли на румпели, отворачивая «Тигрису» до предела вправо. В поле зрения возник неосвещенный борт, соединяющий обе галактики в один большой корабль. Перед нами быстро скользил по волнам огромный супертанкер с полным грузом, с огнями только на носу и на корме; невероятно длинная средняя часть судна, несущая минимум сто тысяч тонн нефти, едва выступала над водой.

Хороший попутный ветер позволил «Тигрису» быстро развернуться и пропустить черный танкер мимо левого борта. С рулевого мостика мы отчетливо видели переборки кают за иллюминаторами. Яркое электрическое освещение позволило бы даже различить черты лиц, если бы кто-нибудь из команды бодрствовал.

Мы решили, что с нас довольно. Предоставив супертанкерам носиться по их магистрали у берегов Омана, мы воспользовались свежим юго-восточным ветром, чтобы уйти подальше в море, курсом на северо-восток. В редко посещаемых водах, в обществе птиц и рыб, мы снова почувствовали себя людьми, а не лилипутами в мире железных роботов, где живому человеку на борту неповоротливого *магур* отказано в праве на безопасное существование.

До самого утра тучи кругом громыхали. Потом ветер подул от норд-оста, вынудив нас повернуть парус и изменить курс. Да только зря мы старались: едва подстроишься к ветру, как он, будто нарочно, меняет направление и дует совсем с другой стороны. Снова и снова налетали шквалы с дождем, и рулевые весла стало заедать в набухших от сырости веревочных креплениях и кожаных прокладках на палубе и мостике. В десять утра между густыми облаками проглянуло тусклое

солнце, и Детлеф определил паше примерное место. Возвращаясь на север, мы находились теперь в 15 милях от Маската, на пеленге 226°. Как назло, рация консорциума опять подвела. Ни Маскат, ни Бахрейн, ни один корабль не слышали нас. Пренебрегая риском, мы вернулись в район маскатского порта, но об этом никто не знал. Морской агент с кинокамерой для Норриса, скорее всего, продолжал разыскивать нас в районе Сура.

Скорее бы уже заполучить эту окаянную камеру! Три часа Норман лазил на качающуюся мачту, подвешивая антенны разной длины и формы. Наконец нам отозвался Фрэнк с Бахрейна. Мы сообщили ему наше место и услышали, что представитель морского агентства и впрямь на моторном катере ищет нас у мыса Эль-Дауд, от которого мы ушли. Фрэнк обещал передать, чтобы посылку для Норриса вернули машиной из Сура в Маскат, лишь бы мы теперь никуда не уходили. Около полудня мы развернули ладью носом к северу, чтобы противостоять сильному прибрежному течению. Нам совсем не хотелось, приближаясь к Оману, снова очутиться на пароходной трассе.

В полдень мы неожиданно связались с судном, стоявшим в маскатской гавани. Радист созвонился по телефону с береговой радиостанцией ВМС, и оттуда сообщили наши координаты морскому агенту. Он потерял надежду отыскать нас в районе Сура и привез кинокамеру в Маскат. Тем лучше! Особенно для Норриса, который уже почти неделю чувствовал себя как дровосек без топора. Начальник морского агентства Лейф Турнвалль вызвался лично доставить нам камеру, если мы подойдем поближе к Маскату. По-прежнему налетали шквалы с дождем, но ветер дул по большей части от зюйд-зюйд-оста, и мы пошли на сближение с грозящей неприятностями трассой. До самой ночи никто так и не явился к нам на свидание. И опять нарушилась связь с Маскатом и Бахрейном. Зато Норман вдруг услышал голос американского диспетчера, руководившего посадкой самолета на острове Гавайи в Тихом океане. Он прибавил громкости, и мы все услышали:

— ...скорость двести узлов, не теряй связи!

Вместе с Норманом мы громко посмеялись над этим трагикомическим эпизодом.

Когда я ложился спать, в ночном небе четко отражалось зарево огней Маската. Ветер на время притих. Очутившись в неприятной близости от пароходной трассы, мы снова повернули и отошли подальше. События прошлой ночи были слишком свежи в нашей памяти. Под морозящим дождем мы провели новую ночь на безопасном расстоянии от трассы. Изредка проплывали вдалеке судовые огни; над Ираном сверкали молнии, сопровождаемые раскатами грома. Забираясь в спальные мешки или кутаясь в одеяла, мы говорили друг другу, как хорошо быть вне пределов досягаемости для бесноватых волн, создаваемых супертанкерами. Детлеф признался, что в последние дни его несколько раз укладывала на матрас морская болезнь, да и мой желудок, обычно нечувствительный к качке, болезненно отзывался на жестокую тряску.

На другой день в десять утра Норман сумел связаться с Бахрейном, и нам передали, что накануне из Маската выходил на поиск буксир, отмерил восемнадцать миль, но сильное волнение вынудило его возвратиться в порт. Улучшения погоды не предвидится, так что сегодня поисков не будет.

День выдался такой темный, что Эйч Пи пришлось зажечь керосиновый фонарь, когда он захотел почитать в рубке. По примеру шумеров мы промазали сводчатую крышу рубки асфальтом, но дождь просачивался внутрь через тростниковые стены. Всю вторую половину дня за нами неотступно следовали четыре акулы. В такую погоду море, наверно, являло грозное зрелище наблюдателям в порту, мы же радовались плавным, как колыбельная песня, длинным валам. Ливень расплющил острые гребни, и «Тигрис» скользил по воде легко, как тень от кошки. Набухшие веревки прочно схватили дерево и бамбук. Ночью стояла редкостная тишина, и я, просыпаясь, мог подтвердить слова Эйч Пи о том, что Карло и Герман храпят. Слышно было даже уютное бульканье воды, рассекаемой рулевыми веслами. Во время моей ночной вахты тучи на короткое время разошлись, и я увидел, что правлю прямо на Южный Крест. Перед полуднем небо снова расчистилось, Норман определил наше примерное место и сумел сообщить его на бахрейнскую радиостанцию. Фрэнк передал, что портовый буксир «Маскат» чуть свет вышел из Порт-Кабуса со скоростью десять узлов и попытается, отойдя подальше от берега, связаться с нами по радио.

В три часа дня мы встретились с «Маскатом», что называется, нос к носу. У руля стоял портовый инспектор-англичанин, а на палубе вместе с оманской командой нам радостно махал швед Туривалль. С борта на борт были переданы два ящика с запасными частями и новехонькой синхронной камерой взамен испорченной. Боясь, как бы долгожданная посылка не очутилась в море, Норрис принимал ее сам и не хотел, чтобы ему помогали.

От радости и облегчения, что мы наконец нашлись, наш шведский друг откупорил шампанское и выпил всю бутылку, поднимая тосты за море и за небо. Тем временем «Маскат» развернулся и развил предельную скорость, спеша вернуться в порт до темноты.

Отвернув нос «Тигрису» от материка, мы поставили топсель над гротом и направились в море. Мы не нуждались в шампанском, чтобы разделить ликование старины Норриса, который сидел на матрасе в передней рубке, нянча своего нового «младенца». Из рубки доносилось знакомое икание, означающее, что «младенец» слышит каждое наше слово.

На закате мы отметили, что ладья идет в открытый океан с отменной скоростью — 3,5—4 узла. Макан остался позади. «Тигрис» шел к неведомой цели.

Неведомой, поскольку в моей душе зрело тайное желание изменить наши планы. В стремлении помочь Норрису заполучить новую кинокамеру мы забрались на север дальше, чем я считал это возможным в зимний сезон, когда обычно преобладает северо-восточный ветер. Топсель Нормана прибавил нам скорости и тем самым расширил возможности для маневрирования. Похоже было, что мы можем по своему выбору взять курс на любую из стран на берегах Индийского океана. Скажем, дойти до Пакистана и посетить долину Инда. Соблазн был настолько велик, что два дня я шутя говорил ребятам: «Следующий заход будет в один из портов на берегах, где процветала великая Индская цивилизация».

На третий день я уже не шутя предложил рулевым вместо Африки править на Пакистан. У меня было больше оснований, чем когда-либо, стремиться в эту часть Азии: я хотел увидеть Мелухху. До сих пор Мелухха была для меня лишь нерасшифрованным названием на шумерских глиняных плитках. Снова обратившись к книге Бибби, я

прочел: «Дильмун и Макан сплошь и рядом упоминаются вместе, и зачастую к ним присоединяется третья страна — Мелухха»^[30].

Мы побывали в Дильмуне и в Макане. А где находится Мелухха? Прежде я не строил на этот счет никаких догадок, хотя имя страны напоминало названия, сохранившиеся в малайской области, например полуостров Малакка, Молуккские острова. Теперь же, не сомневаясь, что Дильмун и Макан опознаны верно, я по методу простого исключения склонялся к тому, что Мелухха — область Индской долины. Здесь помещалась ближайшая к древнему Двуречью развитая приморская цивилизация, и до нас дошло много свидетельств общения между Двуречьем и долиной Инда во времена Шумера. Так много, что в шумерских источниках просто не может не быть упоминаний о столь важном торговом партнере. Если наименование «Мелухха» сохранить в ряду неопознанных, то как еще называли шумеры страну в долине Инда? Не могли же они оставить безымянной единственную близлежащую цивилизацию, с которой поддерживали тесные контакты!

Обитавшие на Инде современники шумеров разделили их судьбу: культура погибла, города были покинуты, само существование этих людей забыто пережившими их народами, пока уже в наши дни археологи не открыли развалины неведомой цивилизации и не откопали изделия древних художников и ремесленников. Шумеры, прежде чем исчезнуть, сменили свою первичную иероглифическую письменность на клинопись, которую ученым удалось дешифровать. Так дошло до нас слово «Мелухха», обозначающее одного из торговых партнеров Шумера. А вот письма Индской цивилизации, хорошо известные по начертанию и легко опознаваемые исследователями, до сих пор не поддаются расшифровке, и потому мы ничего не знаем о бытовавших в этом языке географических названиях, не знаем даже, как эти люди называли себя и свою страну. Подобно отпечаткам пальцев, индские письма не читаются, хотя изображившую их руку повсеместно узнают без труда.

Индские печати с индскими письменами и характерными индскими рисунками найдены археологами не только в долине Инда, но и в далеком от нее Двуречье. Очень много печатей обнаружено при раскопках в Ираке — от стоявших прежде на берегу залива Ура, Урука, Лагаша и Сусы до Киша и Тель Асмара, даже Брака, расположенного в

пределах нынешней Сирии. Надо думать, связи были достаточно обширными, если «отпечатки пальцев» сохранились так далеко от источника вплоть до наших дней. Лично мне особенно красивой кажется найденная археологами в Тель Асмаре индская печать с вереницей индийских слонов и носорогов, которую я видел в Багдадском музее.

Некоторые исследователи помещали Мелухху, как и Макан, в Африку. Все по той же причине, что ассирийские цари после походов в страны Средиземноморья указывали в надписях, будто Макан и Мелухха находятся где-то южнее Египта. Упомянутый ранее Крамер, поместивший Макан в Верхнем Египте, склонен был отождествлять Мелухху с Эфиопией^[31]. Однако Бибби, чьи раскопки выявили развитые связи Шумера с Бахрейном, писал:

«...Очень уж трудно увязать Африку с текстами на урских плитках и данными археологии. Да взять хотя бы расстояние. Я никогда не был консерватором, оценивая возможности древних торговых судов, и все же не мог пренебрегать тем фактом, что путь от Бахрейна до Африки вдвое больше пути от Бахрейна до Индии. Слоновая кость и золото, поставляемые Мелуххой, могли быть и африканского, и индийского происхождения, но вот мелуххский сердолик мог быть вывезен только из Раджпутапы в Индии»^[32].

Показывая нам раскопанный им древний порт на Бахрейне, равный по площади половине могучего Ура, Бибби подчеркивал, что нашел индскую печать у самых городских ворот. Он обнаружил также индский кремневый разновес и заключил, что между Бахрейном и Индской долиной существовали более тесные торговые связи, чем между тем же островом и находящимся в три раза ближе Двуречьем. Еще до того, как Бибби в современной гавани Бахрейна убедился в крепости и плавучести нашей камышовой ладьи, он высоко отзывался о древних мореплавателях Дильмуна:

«Купцы, добывающие капитал и комплекующие груз для плаваний в Дильмун, занимались не какими-то там поисками мифической страны бессмертия, а своим повседневным делом, которое их кормило».

Заметим, что торговлю эту вели не одни только месопотамцы. Среди тех, кто приносил дары храму Нингал, двое обозначены как уроженцы Дильмуна. Видимо, дильмунские купцы поселялись в

Месопотамии, а месопотамские — в Дильмуне и в перевозках были заняты корабли обеих стран.

Но и другие страны в начале II тысячелетия до нашей эры направляли к берегам Дильмуна свои суда, которые швартовались у стен его городов. Корабли из Макана несли тяжелый груз меди; суда из городов Индской цивилизации доставляли, как и в наши дни, лес (возможно, также хлопок) наряду с более легкими и более ценными товарами: слоновой костью, лазуритом, сердоликом»^[33].

И Бибби выдвинул дерзкую, по интересную гипотезу. Напомнив, что говорившие на санскрите арии, которые вторглись в Индию с севера и, вероятно, сокрушили Индскую цивилизацию, обозначали заимствованным, несанскритским словом «млехха» неариев, людей, не поклонявшихся арийским богам, он спрашивает: «Так, может быть, именем «Млехха» люди Индской долины называли себя и свою страну?»

Долина Инда, до недавних пор принадлежавшая Индии, теперь составляет сердце Пакистана. Никто из команды «Тигрису» не возражал против того, чтобы повернуть кругом и снова выходить на альтернативный маршрут, от которого мы отказались, пройдя Ормузский пролив.

Десять дней мы шли на северо-восток, видя только патрулирующих акул, верный эскорт корифен да изредка навещавших нас игривых дельфинов и более крупных представителей китообразных. На палубу садились отдохнуть яркие тропические птицы; привлеченные широкой тенью «Тигрису», за нами целым стадом, словно домашние животные, следовали разноцветные рыбы — таких скоплений я не наблюдал со времен дрейфа на «Кон-Тики» через Тихий океан. Ежедневно Эйч Пи, Асбьёрн и Карло для собственного развлечения и для общего стола ловили на удочку и били острогами представителей двух самых лакомых видов: во-первых, красавицу корифену, которая в родной стихии переливалась зелеными, ржаво-красными и золотистыми бликами, а вытащишь на палубу — нечто сплющенное и непропорциональное, словно отштамповали из серебра рыбий хвост и прилепили к нему бульдожьей голову; во-вторых, стройного, напоминающего торпеду элагата — он же «радужный бегун», — одинаково красочного по обе стороны морской поверхности. Спинорогов, лоцманов, прилипал и прочих из той же

братии мы старались не трогать; если же они с ходу заглатывали крючок прежде, чем рыбак успевал отдернуть приманку в виде летучей рыбы, мы тотчас возвращали их в океан.

А однажды Карло заявил, будто во время ночной вахты слышал кузнечика. Мы отказывались ему верить, пока я сам не обнаружил в своей постели желто-зеленого кузнечика длиной с палец, а заступив на вахту, услышал, как перекликались сразу двое — один на корме возле меня, другой на носу. Дальше — больше, стрекот звучал со всех сторон; на глазах у нас кузнечики прыгали и ползали по камышу и бамбуку, даже взлетали и описывали небольшие круги над морем, всякий раз возвращаясь на плавучую скирду. Особенно привлекали их камышовые метелки на конце высокой кормы и носа. Видимо, эти безбилетники вместе с несколькими крабами, обосновавшимися на днище «Тигриса», прокрались к нам на борт в Омане. В засушливой Аравии им, конечно, не приходилось видеть столь пышной растительности.

Ветер временами достигал такой силы, что грот лопнул, и пришлось убирать его среди ночи. Надувшись, словно парашют, он так неистово рвался из рук, что я со страхом ждал, как бы кто-нибудь из ребят не оступился в темноте и не очутился за бортом. Отдав плавучий якорь, мы тридцать два часа беспомощно дрейфовали во власти сильного течения и северо-западного ветра. К этому времени был пройден шестидесятый градус восточной долготы — меридиан мыса Эль-Хадд, и как только Тору, Эйч Пи и Асбьёрн доложили, что парус отремонтирован, можно ставить, мы повернули круто к ветру, насколько позволяло вооружение ладьи, включая топсель.

Мы снова вошли в загрязненную полосу. Купаться разрешалось только со страховочным концом. И мы впервые обнаружили, что боковые связки, кроме скользких водорослей и белых морских уток с длинными розовыми жабрами, обросли еще и большими колониями конических морских желудей, твердых и острых, как акул зуб. Заденешь невзначай — оцарапают до крови. Тоже безбилетники, ухитрившиеся зацепиться за камыш в порту в личиночной стадии, — ведь «Тигрис», в отличие от «Ра», не один день простоял в гавани сначала на Бахрейне, потом в Маскате.

И телу приятно, и душе отрадно было погрузиться в воду рядом с нашим плавучим домом и полюбоваться, как прекрасно сохраняют

форму бунты и как высок по-прежнему надводный борт. В тихую погоду проплыв вокруг «Тигриса» на семьдесят третий день после спуска на воду, мы увидели, что бунты погрузились чуть больше чем наполовину. По прогнозу в тот день в Оманском заливе и Аравийском море предполагался северо-восточный ветер скоростью до 10—20 узлов, а на самом деле выдался мертвый штиль. Норман так и сказал Фрэнку на Бахрейне, что передаваемые им прогнозы упорно врут. Но удивительнее всего то, что знаменитый муссон ни одного дня не наполнял наши паруса. Чаще всего ветер дул со стороны Ирана, однако он перемежался ветрами с разных направлений, от зюйд-оста до зюйд-веста. В любом случае мы старались идти курсом ост-норд-ост, в пределах 60—90 градусов по компасу.

Наши старания увенчались успехом. На другой день после штиля Норман и Детлеф взяли полуденную высоту солнца и определили наше место: 23°50' с.ш. и 62°05' в.д., примерно в 70 милях от горной области, известной под названием «Макрана». Начинаясь в Иране, суровое, нелюдимое Макранское приморье окаймляет с севера Оманский залив и простирается в Пакистан до самой долины Инда. Глядя на карту, я подумал о том, как близок Макран и фонетически, и географически к Макану. Одна лишь буква да узкий Ормузский пролив отделяют их друг от друга. Может быть, легендарная страна Макан располагалась по обе стороны Оманского залива, контролируя важные морские ворота? Район медных копей составлял ее южную часть, а область, прилегающая к Инду, — северную?.. Вполне возможный случай, говорил я себе, меж тем как ладья шла на восток, к долине Инда, на почтительном расстоянии от пустынных берегов Макрана.

Еще через день всего 55 миль отделяло нас от берегов Пакистана. Теперь только сильный и ровный норд-ост мог помешать нам достигнуть цели. Тот самый ветер, которому положено преобладать в это время года. Но его не было и в помине. Преобладали южные ветры, и нас заботил не столько вопрос о том, как подойти к Макранскому берегу, сколько риск, как бы нас не прибило к нему раньше, чем мы найдем безопасную гавань. Эта часть побережья сплошь состоит из скал и непроходимых мангровых болот.

Двадцать две мили до Пакистана, вот-вот покажется земля... Норман открыл «Лоцию западного побережья Индии», изданную в 1975 году, и на первой же странице прочел, что карты для прибрежного

плавания вполне надежны, «исключая часть Макранского приморья». Карты этого участка, прочли мы дальше, основаны на съемках, произведенных в прошлом столетии с применением ручного лота, и «охватывают районы с внезапно возникающими и кочующими мелями, а у берегов Макрана... мелкомасштабные измерения глубины ныне малонадежны, поскольку впоследствии (1945 год) вулканические извержения изменяли рельеф морского дна». И еще: «В 1945 году в трех милях к юго-западу от Джазират Шахардама наблюдался небольшой вулканический остров, однако в 1947 году он ушел под воду».

Словом, увлекательный район, сулящий всевозможные сюрпризы. Море здесь буквально кишело рыбой. И полчищами крохотных белых червей. Карло, завзятый альпинист, превратился в страстного любителя океанской рыбной ловли и одну за другим выудил шесть больших корифен, прежде чем мне удалось его остановить. Юрия осенила мысль развесить для вяления несколько рыбин на бамбуковом шесте. Уписывая корифену с полентой, мы заметили впереди на горизонте белый парус *дау*. Мы шли на сближение со скоростью три с лишним узла, однако едва команда рассмотрела нас, как *дау* описала широкий полукруг и скрылась. Что ж, хоть увидели наконец парусник, и то утешение!

Двадцать четвертого января возникли осложнения. Прямо по курсу, над районом Карачи, копились густые облака; сильные порывы ветра с разных направлений нагнали крутую волну. Решили, пока не поздно, убрать топсель, но топенанты заело, и парус не желал спускаться. С приходом сумерек мы увидели, что черные тучи над Карачи непрерывно озаряются молниями. Эйч Пи привязал нож к бамбуковому шесту, и после ужина, когда буйный ветер не оставил нам другого выбора, Норман и Детлеф вскарабкались на верхнюю перекадину двуногой мачты и, придерживая друг друга, перерезали топенанты, после чего бешено хлопающий парус лег на палубу. Через редкие просветы в штормующих небо облаках на нас поглядывала полная луна, потом она совсем пропала, и рокошующие стихии затеяли фейерверк над нами и над незримым берегом Макрана. Мы шли навстречу буре.

Я прилег перед ночной вахтой, а когда, захватив фонарик и страховочный леер, выбрался из рубки, чтобы вместе с Тору подняться

на мостик, то увидел голые мачты. Сдавая нам чреватую неприятностями вахту, основательно продрогшие Норрис и Асбьёрн доложили, что всякий раз, когда над «Тигрисом» проходила особенно черная грозовая туча, ветер начинал метаться в разные стороны. Они физически не поспевали отдавать и выбирать шкоты и брасы, к тому же качка достигла такой амплитуды, что они боялись, как бы пляшущая рея не сломалась и не разорвала грот в клочья. С помощью Нормана они убрали парус, и теперь ладья снова дрейфовала с плавучим якорем. Берег подступил совсем близко, и где-то во тьме притаился остров, так что нам следовало быть начеку.

Из «Лоции западного побережья Индии» с предельной ясностью следовало, что в таких коварных водах пассивный дрейф не сулит добра, и когда со стороны Ормузского пролива подул слабый попутный ветер, я, выждав для верности полчаса, поднял людей, чтобы поставить грот. В темноте поблизости от ладьи громко сопели три кита, и при скудном свете фонарей мы заметили на высоких оконечностях ладьи двух крупных белых птиц. Не успели мы поставить парус, как ветер переменился и подул от северо-востока, как положено муссону. Но если это и впрямь проснулся муссон, налицо опасность, что нам вовсе не видать Пакистана. И нам сильнее прежнего захотелось ступить на берега Макрана.

Мы снова обратились к карте. Согласно счислимому месту, мы находились на уровне рыбацкого селения Пасни. Земля — где-то сразу за горизонтом. Правда, земли Макрана еще не долина Инда, но Индская цивилизация простерла свое влияние и на это побережье. Археологи обнаружили развалины сооруженных ее основателями древних крепостей, которые прикрывали вход в обе долины, уходящие вглубь здешнего края. Одна крепость — Суткаген-Дор, у самой границы Ирана, — уже осталось позади нас. Вторая — Сутка-Кух — в устье долины как раз у Пасни. В своем сообщении о недавних раскопках этих двух приморских крепостей археолог Дж. Ф. Дейлс указывает, что там найдено множество черепков индской керамики, привязываемых к раннему периоду Индской цивилизации. По мнению Дейлса, эта керамика попала в Макран из области нижнего течения Инда и вообще археологические свидетельства говорят о том, что могущественные города-государства Мохенджо-Даро и расположенный выше в бассейне той же реки Хараппа уделяли

большое внимание мореплаванию и воздвигли крепости в единственных доступных для высадки местах Макранского побережья для защиты от вторжений с моря. Наличие индских форпостов в приморье утвердило Дейлса в его убеждении, что «ни одна из великих цивилизаций мира не возникала и не развивалась в культурном и экономическом вакууме»^[34].

Эти слова производили особенно весомое впечатление теперь, когда я среди уютных тростниковых стен перечитывал свои старые записи в нескольких милях от Сутка-Куха.

— Вижу Пакистан!

Донесшийся сверху голос вернул меня к действительности. Норман, примостившись на конце мачты, чуть не пел от радости. Я захлопнул свои блокноты, сунул их обратно в ящик под матрасом, выбрался из рубки и полез к нему по перекладинам. Одиннадцатый день как мы вышли из Маската. На мачте было тесновато, всем не терпелось увидеть незнакомую землю. Двадцать шестое января, 9.05 утра, великая минута для меня. Земля, которую Норман увидел слева по носу, представляла собой плосковершинный остров — поначалу голубой, затем, когда мы проходили мимо, ярко-желтый в солнечных лучах. Юрий, зимовавший в Антарктике, заметил, что он напоминает плоский айсберг.

Это был остров Астола. Из-за мглы мы не могли рассмотреть материковый берег Макрана. А остров нас нисколько не манил: он известен лишь заброшенным индусским святилищем да полчищами мелких ядовитых змей. Некоторые авторы отождествляют его с островом Карнин, или Насола, на который заходил Неарх, командующий флотом Александра Великого. Однако римский историк Плиний в 77 году нашей эры называл его островом Солнца или Обителью Нимф, «где все животные без исключения погибают от неведомых причин»^[35]. Возможно, до римлян не дошли сведения о змеях...

Мы плыли в исторических водах. Биограф Александра, Арриан, располагавший записями Неарха, сообщает, что греки, достигнув Индии после утомительных переходов через дикие гористые пустыни Персии, построили флот на реке Инд и зимой 326/25 года до нашей эры возвратились в Месопотамию морем вдоль персидских берегов. И хотя плавание Неарха состоялось более шестнадцати веков назад, мы,

идя по следам людей, которые побудили правителей Индской долины соорудить крепости в приморье за двадцать с лишним столетий до дней Александра, воспринимали его чуть ли не как факт современной истории.

Небо над нами прояснилось, но на горизонте клубились новые облака, и оттуда доносились громовые раскаты. «Тигрис» шел вдоль самых нелюдимых берегов Пакистана, не располагавших мореплавателей к высадке ни в прошлом, ни в настоящем. Здесь не было нужды в крепостях, лочия кратко извещала, что природа воздвигла отвесные известняковые стены, перемежающиеся непроходимыми мангровыми зарослями. Пожалуй, это был наименее изученный участок азиатского побережья на всем нашем пути. Нам предстояло где-то причалить, но мы могли только гадать, где именно. После того как змеиный остров Астола канул в море за кормой «Тигриса», мы больше не видели суши до самого заката, когда солнце скрылось за мятущимися облаками.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы забрались в свои рубки. Хотя мы не подозревали, что предстоящая ночь принесет нам обилие сильных впечатлений и острых ощущений, все были несколько взвинчены. И не только от сознания того, что слева по борту простирался неведомый мир. Что-то было не так, нас будоражили смутные предчувствия. Царила необычная атмосфера, я не мог припомнить ничего похожего за все наши плавания. Море притихло, кругом — ни звука, если не считать мирного похрапывания, стрекота кузнечиков да иногда коротких всплесков прыгающей рыбы. Как будто мы очутились на горном озере. Как будто сердце планеты перестало биться. Затишье перед бурей?.. Белые птицы на носу и на корме сидели неподвижно, словно ожидая чего-то, похожие на чучела.

Раз за разом тревога выгоняла меня на палубу — не видно ли суши? И я неизменно наталкивался на Карло, снедаемого тем же беспокойством. Такое совпадение еще больше встревожило меня. Карло предложил промерять глубину ручным лотом и был очень недоволен, когда я отклонил его предложение.

— Зачем? Мы ведь далеко от берега, — сказал я. — Полночь. Иди лучше спать.

— Да ты погляди на воду, — возразил Карло, наклонясь над бортом с фонариком в руке.

Гладкое море было скорее белым, чем голубым.

— Должно быть, река муть вынесла, — предположил я. — Где ты возьмешь длинный тросик, чтобы достать дно в этом месте?

Мой ответ чем-то задел Карло, и он с угрюмым видом полез обратно в рубку. Я остался сидеть на длинной узкой лавке у левой двери. Именно с этой стороны следовало ожидать появления земли, и некоторое время я пристально всматривался в мрак в надежде увидеть далекий берег. Ничего... Вообще, по нашим расчетам, до суши еще было слишком далеко. И я вернулся в рубку.

В 01.30 меня разбудили громкие голоса Норриса и Асбьёрна, доносившиеся с мостика над головой. Вахтенные толковали о суше, и, выбравшись через левую дверь наружу, я тоже ее увидел. Выше стелющейся над морем белой мглы в ночи на фоне звездного неба отчетливо проступали волнистые очертания горной гряды. Светила чуть урезанная с края луна. Насколько мы могли судить, горы были очень высокие, и нас отделяло от них изрядное расстояние. Вершины и седла оставались на одном месте, хотя мы шли на восток с приличной скоростью, принимая справа южный ветер. Наши карты этого района показывали только береговую линию, а логия ограничивалась упоминанием о ровной череде известняковых утесов, так что столь внушительная картина явилась для нас полной неожиданностью. Вода кругом по-прежнему была молочного цвета. Я посидел, любуясь Азией и слушая всплески прыгающей рыбы, потом снова прилег, а в 02.00 заступил на рулевую вахту вместе с Тору.

Вид далекого берега почти не изменился, и это подтверждало, что расстояние до него достаточно велико. Мы с Тору без труда сохраняли курс 85—90°, рассчитанный на то, чтобы с запасом миновать расположенный на курсовом углу 76° мыс Ормара — единственный мыс, выступающий в океан достаточно далеко, чтобы затруднять нам подход к Карачи.

Во время нашей вахты облик берега вдруг стал меняться. Борозды ущелий и долин сгладились, и волнистая гряда сменилась плоским плато. Одновременно темный массив стал призрачно-серым и придвинулся совсем близко, покричи — отзовется эхом. Но эха не было. Пожалуй, и суши тоже, потому что призрачная стена местами свертывалась и растворялась в поднебесье наподобие облаков. Что за чертовщина! Похоже, природа надула нас...

Подошло время Карло сменять меня, но еще раньше на палубу вышел по нужде Детлеф. Молочная гряда облаков оставила его безучастным, зато он обратил внимание на молочную окраску воды.

— Какая-нибудь река выносит глину! — крикнул он мне, почти дословно повторив мое заключение, которое вызвало такую досаду Карло.

Сам Карло только что вылез из рубки, держа в руках тросик, чтобы измерить глубину, прежде чем заступать на вахту. Ничего не говоря, он швырнул тросик обратно в рубку, поднялся на мостик и выхватил румпель у меня из рук.

— Курсовой угол восемьдесят пять градусов, не меньше. Не то врежемся в мыс, — предупредил я.

Подстегнутый его странной раздражительностью, я добавил:

— Да не трусь ты! Это всего-навсего облака, — и небрежно показал на таинственную пелену с левой стороны.

Тут же я пожалел о вырвавшемся у меня обидном слове, так как сам сомневался. Настолько, что вместе с Детлефом сел на лавку у левого борта и уставился на пелену тумана, неожиданно закрывшую вид на далекие горы, которые я так явственно наблюдал вместе с Норрисом и Асбьёрном. Прислонясь спиной к пружинистой тростниковой стене, я едва не уснул, но тут с проплывающей мимо нас мглистой пеленой что-то стало происходить. Молочная окраска сменилась желтоватой, и появились отчетливые вертикальные трещины — как будто изломанные края гренландского ледника медленно сбрасывали тонкий шлейф ночного тумана. Мгла рассеялась, облака исчезли, и перед нами в лунном свете обнажились бледные утесы, сложенные то ли известняками, то ли затвердевшей глиной. Гладкие, как стекло, они поднимались на 200—250 метров к звездному небу, теряясь вдалеке. Закрытый туманом, окаймленный мутной водой, берег Макрана уже не один час как подступил к нам совсем близко. То ли усиленный ветровой снос, то ли направленное к северу течение увели нас с взятого курса после острова Астола. Но утесы остановили снос, и ладья пошла прямо. Те самые стихии, что прижимали нас к берегу, сами повернули, напоровшись на твердыню. Дальше воздушные и морские течения следовали вдоль стены — и мы вместе с ними. Вдали от берега было раздолье ветру и воде. Здесь же командовали утесы. И они поработали на нас, даже волны усмирили.

Вершины, замеченные Норрисом во время его вахты, принадлежали расположенным в глубине материка горам Белуджистана. Вздвигающиеся на тысячу метров пики и гребни на фоне звезд было видно, пока мы шли достаточно далеко от берега и отороченная двухсотметровыми утесами приморская пустыня не могла их заслонить. Когда же мы приблизились к берегу, нависшие высоко над нашей головой, одетые в мглу утесы закрыли обзор.

В хлопотах с парусом, думая лишь о том, как отойти подальше от призрачных скал, мы забыли про тросик Карло, и хотя его инстинктивная тревога была вполне оправданна, нам так и не пришлось узнать, чем была вызвана молочная окраска воды — эрозией меловых утесов или близостью дна. Одно несомненно: когда мы любовались высокими хребтами далекого Белуджистана, нас в каких-нибудь сотнях метров подстерегал Макран.

Нам довольно легко удалось нейтрализовать снос и увеличить дистанцию, отделяющую «Тигрису» от длинной скальной стены, и я снова улегся на свой матрас. Но уже часа через два проснулся оттого, что Детлеф немилосердно дергал меня за ногу.

— Видно мыс Ормара, и что-то непохоже, чтобы нам удалось его обойти!

Я весь похолодел. Раннее утро 27 января, солнце еще не показывалось, мы шли с хорошей скоростью мимо озаренных луной белых утесов, по впереди они обрывались, открывая вход в широкую бухту. А за бухтой в море выступал гористый мыс, вдвое выше приморских утесов, с острыми шпильями и обрывами, при виде которых у наших рулевых сразу отпала охота следовать дальше вдоль берега. К тому же, как только кончились белые утесы, изменилось направление ветра. Стихии, диктуя свою волю, явно хотели, чтобы мы вместе с утесами и плавающим мусором вошли в незнакомую бухту. Высокий мыс Ормара был точно регулировщик, указывающий левый поворот.

На фоне багряной зари он напомнил мне норвежский мыс Нордкап, крутые склоны которого точно так же обрываются в черные волны в зимний полдень перед началом поры полуночного солнца. А может быть, вернее сравнить Ормару с азиатским драконом, пришедшим к морю на водопой. Крутая спина дракона вздымалась к окропленному кровью небу, зубчатый хвост уходил в глубину бухты.

Надо было незамедлительно что-то решать. Я разбудил Нормана, он в два прыжка очутился на мостике и определил направление по компасу.

— Обойти не удастся! — крикнул он. — Нас несет прямо на скалы!

— Тогда войдем в бухту и отдадим якорь! — крикнул я в ответ.

Не теряя времени, мы вызвали на палубу всю команду. Убрали топсель. Повернули грот. Курсом фордевинд вошли в широкую бухту, оставляя мыс справа. И залюбовались великолепным зрелищем — очень впечатляюще выглядел черный дракон. Пурпурное небо за ним светлело на глазах, и вот уже первые серебристые лучи, протянувшись над его головой и над «Тигрисом», озарили слоновую кость утесов по другую сторону залива. В глубине бухты возникли три белых паруса. Когда они приблизились, мы подняли пакистанский флаг — звезда и полумесяц на зеленом поле с белым краем. Однако рыбацкие лодки миновали нас на почтительном расстоянии. Внутренний берег бухты терялся вдали.

Тору и Асбьёрн сели на резиновую шлюпку, чтобы поснимать восход и промерять ручным лотом глубину перед нами.

— Пять саженей! Четыре сажени! — кричали они.

Только вошли в бухту, а уже так мелко! Вода и здесь была молочного цвета.

Норман попробовал вызвать по радио Ормару, Карачи, Бахрейн, потом послал вызов «всем, всем» — надо же было как-то запросить разрешение на высадку. Но нас никто не слышал. Оставалось готовить якоря и подходить к берегу незнакомого залива без разрешения. И без карты, продолжая измерять глубину. Впрочем, она больше не менялась. Посреди бухты мы убрали грот и на глубине четыре сажени отдали оба якоря. Они поползли по песчаному дну, и мы отметили, что ветер с моря усиливается. Над океаном громоздились низкие облака; по берегам залива крутились в воздухе песчаные вихри. Надвигался шторм, и хотя мыс частично прикрывал нас от ветра, «Тигрис» заплясал на высоких волнах, продолжая волочить якоря.

Непуганые птицы бесстрашно садились на палубу рядом с нами. Крупная олуша опустила на воду около качающейся шлюпки и оставила свою визитную карточку на Детлефе, когда он отказал ей в удовольствии спокойно посидеть на весле. В этих местах явно не было

заведено охотиться на птиц, зато, когда три лодки проходили мимо нас, мы почти за километр уловили явственный запах рыбы.

В полдень мы все так же волочили оба якоря, и ветер напирал немилосердно. Погода не располагала к тому, чтобы, подняв якоря, маневрировать по соседству с незнакомыми скалами в поисках более крепкого грунта. Я решил послать Нормана и Рашада на разведку — пусть поищут людей и либо на английском, либо на арабском языке выяснят, где нам лучше отстаиваться. Асбьёрн сел на весла, все трое надели спасательные жилеты, и нагруженная до предела резиновая шлюпочка тронулась в путь, ныряя в ложбины между волнами.

Шли часы. Вернулся Асбьёрн, доложил, что прибой зверский, но они отыскиали в крайней правой части пляжа защищенный уголок под скалами. Встретили человека, который кое-как объяснялся на арабском языке, и Норман с Рашадом пошли с ним. Отчитавшись, Асбьёрн отправился ждать наших посланцев. И надолго пропал.

Было ясно, что найденный разведчиками защищенный уголок недоступен для ладьи. Ветер неистово ворошил песок на берегах, якоря продолжали волочиться по дну, и за скалами показался широкий ровный участок, — очевидно, перешеек, соединяющий мыс с материком. В правом конце перешейка, о котором говорил Асбьёрн, мы рассмотрели вытащенные на песок черные лодки, однако нашей шлюпки не было видно. Зафиксировав направление на одинокие пальмы у кончика драконьего хвоста, мы убедились, что нас по-прежнему сносит, и отдали плавучий якорь в надежде, что он зароется в дно и остановит нас, как это было у Файлаки. Однако глубина была еще слишком велика. Ветер упорно теснил ладью к берегу, и промеры давали уже не четыре, а три, две с половиной, две сажени. Когда счет пошел на метры, мы подняли рулевые весла вровень с днищем и закрепили их в этом положении.

Для нас, оставшихся на борту дергающего якорные канаты «Тигрису», потянулись волнующие и тревожные часы. Мы не опасались за свою жизнь — разве что прибой смоет нас и выбросит на камни. Нас беспокоила судьба палубного груза, и мы боялись, что уже не сможем продолжать плавание, если «Тигриса» прибьет к этим пустынным берегам. Со всех сторон доносился ритмичный грохот вздыбленной череды разбивающихся валов, которые вторгались в

бухту с моря. Только по грохоту и можно было судить о высоте прибойных волн, поскольку мы видели их пологий задний скат.

Наши страхи и волнения не помешали нам по достоинству оценить окружающую экзотику. Эффектной декорации — обрамленная с одного края каменным занавесом плоская песчаная сцена под открытым небом — вполне отвечали не менее картинные персонажи. Представление началось с того, что из-за хвоста дракона появился верблюжий караван и прошествовал через всю сцену, протянувшуюся на шесть или семь километров. Погонщики в чалмах, мешковатых шароварах и пестрых халатах вели своих длинноногих трудяг вдоль самого края, по уплотненному влагой песку. Не успевал один караван скрыться за скалами слева, как справа показывался другой. От двенадцати до четырнадцати верблюдов степенным шагом пересекали сцепу от края до края. В обратном направлении шли погонщики с одним-двумя верблюдами, которые несли огромные охапки сушняка. Рядом с погонщиками или следом за ними семенили женщины с большими связками хвороста на голове, облаченные в длинные одеяния зеленого, красного и других ярких цветов. Вскоре разделяющее нас расстояние сократилось до каких-нибудь четырехсот метров, и, отделенные от них барабанами прибоя, мы чувствовали себя так, будто и впрямь сидели в партере театрального зала, тем более что люди на берегу совершенно не обращали на нас внимания. Хоть бы один остановился или повернул голову, чтобы взглянуть на пришельца из чужого мира — камышовую ладью, которая медленно ползла по воде кормой вперед, дергая якорные тросы.

Даже трусившие рядом с голенастыми верблюдами собаки и козы не смотрели в нашу сторону. Между тем мы приблизились к берегу настолько, что видели выброшенные на песок пучки водорослей. Озабоченные спасением судна и нашего имущества, мы в то же время жадно созерцали необычные картины. Вряд ли можно было бы в наш век найти другую обстановку, в которую так хорошо вписывалась бы камышовая ладья. Казалось, весь этот спектакль поставлен специально для нас, моделирующих историю.

Где-то за дюнами справа, куда люди и верблюды спешили с вязанками хвороста, явно находилось селение. По эту сторону дюн лишь несколько глинобитных лачуг приютились под пальмами у драконьего хвоста, выше извлеченных на берег лодок. Вдалеке над

песками торчала макушка мечети. Видимо, кочующие в пустыне мусульмане по случаю пятницы побывали в селении, а теперь возвращались к себе. А те, что собирали хворост, торопились домой, пока солнце не ушло за горизонт на западе.

Полной неожиданностью для нас было увидеть круживших над ладьей фламинго. Вытянув шеи и ноги, они летели клином, словно стрелы, пущенные тетивой. Немного спустя пошел дождь, загремел гром. В открытом море явно бушевал шторм, от которого нас частично прикрывал мыс Ормара. Шлюпка с нашими ребятами не возвращалась. Тишина на борту «Тигрису» оттенялась ритмичным гулом прибоя и раскатами грома. На открытом камбузе Тору молча жарил корифену с луком. Эйч Пи промерил глубину своим страховочным леером и доложил: «Два метра», Я проверил, получилось два метра двадцать сантиметров. В тихую погоду это означало бы полметра глубины под днищем. Но погода была отнюдь не тихая. Прибой давно подбирался к нам, и теперь могучие валы, вырастая за ладьей, с маху обрушивались на камышовые бунты. Поскольку якорные тросы держали нос, корма смотрела на берег, и тут оправдала себя изящная серповидная конструкция. *Ма-гур* был создан не для речного судоходства. Высокие дуги помогают отстояться на якоре в шторм; нос и корма возвышаются над гребнями частых волн, словно шея и хвост лебедя. Взмывая вверх, широкая крутая грудь «Тигрису» рассекала валы, потом скатывалась в ложбины, отбрасывая брызги в стороны, так что на палубу почти ничего и не попадало. Дождь мочил нас сильнее.

Вооружившись топором, Карло попытался с помощью Детлефа вколотить дубовое гребное весло в дно рядом с ладьей. Но песчаный грунт был слишком рыхлым, и весло тут же всплыло.

Солнце опустилось совсем низко. На берегу больше никто не показывался. Начался отлив, вода отступала из бухты, и мы с ужасом смотрели, как пляж, разрастаясь, придвигается к нам. Глубина под бунтами становилась все меньше; ладья еще была на плаву, и обращенный к морю нос лихо взлетал на гребне, но в ложбинах между волнами корма явно касалась грунта. Кстати, это обстоятельство, вкупе с действием отлива, помогало двум маленьким якорям и зарывшемуся в песок плавучему якорю удерживать нас на одном месте, совсем близко от полосы, где проходили верблюды. Вся моя надежда теперь была на то, что нагрузка на якоря уменьшится, как только корма сядет

на грунт. Отстоимся таким способом, качаясь на волнах, а когда уймется шторм, подтянемся за тросы обратно, туда, где поглубже.

В такой вот напряженной обстановке, чувствуя себя словно пассажиры на мчащемся в неведомое глиссере, мы сели за наш длинный стол, где ждал горячий ужин.

Без двадцати шесть по судовому времени солнце зашло, и Эйч Пи зажег керосиновый фонарь. В одной из глинобитных лачуг на краю бухты тоже затеплился огонек. Дождь прекратился. В шесть вечера нас окликнули с моря, и мы стали махать фонарями, взобравшись на рубку. Прибой вынес к «Тигрису» надувную шлюпку; в ней сидел один Асбьёрн. Несколько рук подхватили его и помогли вскарабкаться на борт. Он не встретил Нормана и Рашада. Углубился в дюны, набрел на маленькое строение с башней, заглянул внутрь и увидел богомольцев, которые объяснили ему, что это — мечеть, а селение находится далеко, по ту сторону песчаного перешейка. Тогда он вернулся к шлюпке, оставленной под прикрытием большой лодки, написал на песке большими буквами «Тигрис» и короткое послание ребятам: дескать, пусть посигналят, и он придет за ними.

Однако никто не сигналил. В дальнем конце пляжа мелькнул тусклый огонек, но тут же пропал и больше не появлялся.

В семь вечера мы вскочили со скамеек, услышав чьи-то крики с моря. Теперь уже там мелькали огни. Я готов был поклясться, что узнал голос Нормана. Мы дружно кричали в ответ, но прибой и ветер заглушали нас. Затем до нашего слуха донеслось сразу несколько голосов и шум мотора. Вооружившись всеми наличными фонарями и облепив крыши рубок и мачту, мы махали руками и кричали изо всех сил, чтобы вновь прибывшие не угодили на мель. Наконец в свете наших фонарей показалась маленькая, мелко сидящая *дау* с пакистанской командой и с Норманом и Рашадом на носу. *Дау* подошла так близко, что наши ребята прямо с нее перескочили на борт «Тигриса». Пакистанцы не сразу сообразили, что мы наполовину сидим на мели. Еще минута, и *дау* могла либо опрокинуться, либо тоже сесть на мель, но опытные моряки мигом сориентировались, лихо развернулись в каскаде брызг, развили полный ход, и вскоре огни и рокот мотора пропали в ночи.

...Снова вся команда в сборе, готова разделить судьбу «Тигриса». Норман и Рашад рассказали, что им пришлось отшагать не один

километр по низкому перешейку, прежде чем они достигли приморского селения по ту сторону мыса Ормара. С жаром описывал Рашад виденные по пути сводчатые дома из циновок — совсем такие, как у болотных арабов. В самом селении есть и каменные постройки, принадлежащие директору школы и полиции. Местные жители встретили гостей приветливо и очень беспокоились за нас, застрявших к западу от мыса, поскольку в океане бушевал сильный шторм. В конце концов решили послать на выручку судно в обход мыса. Спасателей здорово потрепало на этом отрезке. Доставив на «Тигриса» наших товарищей, они канули во тьму и уже не вернулись; мы так и не узнали, что с ними было потом. Норман и Рашад уверяли, что *дау* подвергалась большей опасности, чем «Тигрис», так что, наверно, рыбакам пришлось несладко, когда они повторно огибали мыс, спеша укрыться в своем заливе, пока шторм совсем не рассвирепел. Во всяком случае, эти самоотверженные люди убедились, что мы живы, невредимы и не падаем духом, качаясь возле берега на камышовых бунтах. Капитан *дау* напоследок крикнул Рашаду, что нам здесь ничего не грозит, но для них эта стоянка не годится.

Судя по всему, капитан был прав, хотя нам еще не доводилось слышать, чтобы кто-то вот так отстаивался на якоре посреди бушующего прибоя, уткнувшись кормой чуть ли не в самый берег. Как бы то ни было, мы явно перестали смещаться, и шторм вроде бы не собирался прибавлять; оставалось только сбросить внутреннее напряжение и утешать себя мыслью, что трое из команды побывали на берегу в Пакистане. Расписав ночные вахты, мы забрались в тростниковые шалаши, и камышовая люлька принялась грубовато укачивать нас под сатанинскую колыбельную макранского прибоя.

Глава IX. В долине Инда в поисках Мелуххи

В понедельник 30 января небо над Пакистаном радовало глаз голубизной, и волны давно перестали яриться, когда норвежский океанский спасательный буксир «Язон», обогнув мыс Ормара, вошел в широкую западную бухту.

Шторм, обрушившийся тремя днями раньше на побережье Индийского океана, унялся, и капитан Хансен из Бергена, стоя на мостике, высматривал в бинокль разбитое судно. Такового не оказалось. Он поискал взглядом обломки среди каменных глыб и коварных песчаных баров у подножия высоких утесов. Обломков тоже не было.

Зато посреди бухты мирно покачивалась на якорь серповидная ладья — самое диковинное судно, какое когда-либо доводилось встречать капитану и его двенадцати товарищам-норвежцам. Не арабская *дау*. Не китайская джонка. И отнюдь не пакистанская лодка. Какая-то вязанка камыша, на корме даже название не написано.

Малым ходом 1200-тонный спасатель подошел к странному недомерку и отдал якорь. Ладья была покинута командой, но якорные тросы удерживали ее на месте. На палубе и в плетеных рубках — ни души. Но на столе между рубками стояли тарелки, кружки, пустая сковорода; на тростниковых стенах сушились трусы и акульи хвосты. На штагах висела вяленая рыба; в крохотных забортных гальюнах на корме белели рулоны туалетной бумаги.

Внимательно изучая длинный песчаный перешеек на краю залива, капитан и его товарищи заметили на пляже кучку людей, которые что-то разглядывали, сбившись в плотное кольцо, а из-за дюн к ним торопились другие желающие посмотреть на их находку.

Что тут подумал капитан Хансен, может ответить только он сам. Так или иначе, он приказал спустить на воду десантную баржу и, отобрав несколько человек, поспешил к берегу. Ведь он пришел в эту глухую бухту, выполняя инструкции норвежской аварийно-спасательной компании «Сальватор» в Бергене, которой передали

сообщение Бахрейнского радио, что судно «Тигрис», приписанное к норвежскому порту Ларвик, потерпело аварию западнее мыса Ормара в Пакистане.

Мелкосидящая баржа ткнулась в грунт, не дойдя до берега. Поручив матросам удерживать ее на месте, капитан и его старший помощник дошли вброд до пляжа, подбежали к толпе, осторожно протиснулись через нее и неожиданно для себя очутились в первом ряду зрителей, наблюдающих фольклорное выступление. Барабаны, восточные пляски, народная борьба... Внутри кольца стояли почетные гости — бородатые иностранцы, представляющие самые различные этнические типы; вместе с хозяевами они так веселились, что не сразу заметили пополнение.

Я в это время отсутствовал и ничего не знал об ожидавшем меня сюрпризе. Мы с Германом ходили в селение и возвращались оттуда почти бегом, чтобы застать представление на пляже, которое директор школы устроил для нашей команды. Перевалив через дюны, мы сразу заметили не совсем обычное судно по соседству с «Тигрисом», там, где он стал на якорь два дня назад, как только утихомирился ветер. Навстречу нам, приветственно махая рукой, шел Юрий, чтобы представить сопровождавших его двух светловолосых европейцев, и один из них, в котором я угадал капитана, широко улыбаясь, крепко стиснул мою руку.

— Вы говорите по-английски? — спросил я, представляясь.

Уголком глаза я заметил, что Юрий с трудом удерживается от смеха.

— Капитан Хансен, — в свою очередь, представился незнакомец на норвежском языке и добавил, что может говорить по-английски, но предпочел бы родной язык, если я не возражаю.

Под дробь барабанов, обтянутых акульей кожей, звучали над пляжем пакистанские песни, плясали танцоры, возились на песке борцы. Импровизированный концерт продолжался. Придя в себя от удивления, я спросил капитана Хансена, какой бес забросил его с норвежским спасательным судном в такой глухой уголок, как Ормарская бухта? Рассказал ему, что приветственный концерт концертом, но симпатичный деревенский полицейский сознался мне, что вообще-то иностранцев в Ормару не пускают. До нас, по словам

местных жителей, их посетил только один зарубежный гость, а он прибыл по суше, чтобы собирать камни.

Капитан Хансен ответил, что пришел сюда с разрешения пограничных властей в Карачи. Его спасательный буксир работает по всему свету. Теперь они заняты тем, что выручают суда, застревающие в дельте Инда на илистых отмелях в лабиринте мангровых болот. Только что вернулись на базу в Карачи, как пришлось спасти загоревшийся у входа в гавань старый греческий пароход, и тут получили по радио команду идти в западную бухту Ормара — выручать «Тигриса».

— Приходим сюда — твоя ладья стоит на якоре посреди бухты, а на берегу народ пляшет! — заключил он, недоумевая.

После чего охотно принял приглашение вместе со своими людьми досмотреть до конца представление.

Но что же все-таки произошло? Ведь мы, входя в Ормарскую бухту, ни к кому не обращались по радио. Правда, Норман вместе с Рашадом отправились на берег, но когда они вечером вернулись на обузданный якорями «Тигрис» в прибойной полосе, мы в помощи не нуждались, а если бы и нуждались, все равно никто не поспел бы вовремя. Может быть, наше молчание в эфире, когда вся область от Аравийского полуострова до Пакистана была охвачена песчаной бурей, породило тревожные догадки, что «Тигрис» потерпел аварию? Вот что гласила моя последняя запись в экспедиционном журнале в ту ночь:

«Жестокий ветер с моря подвывает, обтекая мачту; прибой награждает звонкими шлепками пляшущую ладью. Ложимся спать одетые, буйные волны бросают нас вверх и вниз, в небе полыхают молнии, ветер и море расшумелись так, что еле слышно кузнечика на камбузе. Капитан *дау* сказал напоследок, что для нас стоянка безопасная, но им не годится. И что они вернутся завтра или попытаются прислать кого-нибудь еще. Ин ша'алла. Да, не сладко сейчас нам на «Тигрисе». Ух как воет штормовой ветер! Выдержат ли якоря? Ин ша'алла».

А проснувшись наутро, мы увидели совсем другую картину. В бухте было тихо, мыс надежно прикрыл нас, дул береговой ветер. В море волны курчавились белыми барашками. Ощутив сквозь сон резкую перемену, я уже в четыре часа выходил на палубу и подивился

странной тишине. Как будто мы вернулись на реки Ирака: никакого прибоя, никакой тряски, во всю ширь бухты катили неторопливые валы. Лишь откуда-то издалека доносился гул, как от могучего водопада. Я поглядел на берег. Все ясно: теперь сильный прибой дубасил узкий перешеек с другой стороны. Погода резко изменилась. Шторм переключался в восточную бухту, где расположилось селение. Пожалуй, для навестившей нас *дау* было бы лучше отстаиваться вместе с нами.

Скалы, прикрывшие ладью от шторма, напоминали готовые сорваться в море айсберги. Вода была мутнее прежнего, но с приливом уровень ее поднялся, и от пляжа осталась совсем узкая полоска метрах в двухстах от нас. Хлопотавший на камбузе Тору предложил мне чашку горячего кофе. Да, сплошные чудеса... Вернувшись в рубку, я долго не мог уснуть. С прояснившегося неба на меня смотрела луна, мерцал знакомый ковш и Полярная звезда.

И после восхода солнца небо осталось таким же ясным, по-прежнему дул береговой ветер. Редкий случай: все одиннадцать человек одновременно сели за стол. Герман подал овсянку и яйца, которые оставались свежими благодаря тому, что перед стартом он смазал их растительным маслом. Карло побывал на берегу и вернулся с говорящими на урду дружелюбными рыбаками, которые вызвались помочь нам отвести ладью на хорошую стоянку посреди бухты. Если якорные тросы выдержали шторм, теперь на них и подавно можно было положиться, и поскольку Норман с Рашадом накануне уже побывали в селении, их оставили нести вахту, а вся остальная команда получила увольнение на берег. На резиновой шлюпке мы по двое переправились на великолепный длинный пляж, проходя вброд последний кусок. На много километров протянулся чистый белый песок — и ни души, только наша девятка. Ступая по раковинам и губкам, загоняя в подводные норки пугливых крабов, мы выходили на сушу и обувались.

Душа радовалась смотреть, как «Тигрис» спокойно стоит на якоре, покачиваясь на ленивых валах, и сознавать, что у нас под ногами земля Пакистана. Ныне это пустынное побережье известно под названием «Макран»; возможно, что в древности его называли «Макан». А может быть, здешняя область составляла восточные владения Мелуххи — ведь оборонительные рубежи Индской цивилизации включали горные

проходы вблизи от нынешних границ Ирана. Да, скорее всего, мы уже миновали земли Макана и достигли Мелуххи, поскольку сфера военных и торговых интересов индских городов-государств в шумерские времена простиралась намного дальше Ормары.

За пределами досягаемости волн в песке лежало множество черепков. Однако вряд ли на этом низком перешейке можно найти какие-либо следы древности — ведь во времена шумеров уровень моря здесь, как и в Двуречье, был намного выше. Очевидно, на месте перешейка был песчаный перекат, а нынешний гористый мыс был островом. Очень интересно геологическое строение этого участка. Асбьёрн обнаружил, что известняковые утесы нашпигованы идеальной формы шарами из мягкой меловой породы величиной с апельсин. Разломав один такой шар, он увидел внутри удивительно красивые окаменелости затейливых раковин, моллюсков и червей. Ребята набрали целую кучу таких шаров в качестве сувениров. Твердые пласты песка, слагающие низкий перешеек, создавали рельеф, резко отличный от известняковых утесов. Параллельно пляжу тянулись кривые террасы, возникавшие по мере того, как отступал океан. Важный признак, подтверждающий мнение Дейлса, что древние крепости Суткаген Дор и Сутка-Кух были выстроены в приморье.

На гребне перешейка черепков было столько, словно местные жители дружно разбили все старые горшки, как только купцы из Карачи снабдили их современной жестяной посудой. В самом деле, первыми нам встретились женщины в длинных одеяниях, которые убегали от чужеземцев, неся на голове жестяные кувшины. Недалеко от нашего пляжа был вырыт колодец, и к нему отовсюду сходились хозяйки за драгоценной водой.

Дома на нашем пути и впрямь, как говорил Рашад, были до того похожи на характерные камышовые постройки болотных арабов, что это сходство естественнее всего было бы объяснить общим для обитателей пустынь и жителей болот наследием. В селении Ормара дома из циновки, как и более поздние каменные постройки, прямоугольные, с остроконечной или плоской крышей. А в целом нашим глазам предстала община, замечательно сочетающая глубокие местные корни и скудные заимствования извне. Природная среда — море, утесы и пустыня. Вглубь края уходят голые пески; дюны белыми сугробами подступают к самому поселку. Никаких сухопутных трасс в

сторону Карачи; только на запад, к древней крепости Сутка-Кух под горным перевалом выше Пасни, протянулись верблюжьи тропы и подобие автомобильной дороги. Если большая часть Пакистана ощущает шумное влияние современной столицы, которое распространяется по автомагистралям и авиалиниям, то окружающие Ормару пустыни, как и болота в дельте Инда, служат естественной преградой для продвижения культурной революции. Ормара терпеливо ждала, когда настанет ее черед совершать длинный прыжок в двадцатое столетие. А пока жизнь тут приближалась к моему представлению о цивилизованной самостоятельной общине третьего тысячелетия до нашей эры больше, чем где-либо, если не считать плавающие острова достопочтенных болотных арабов в Ираке и непокоренные временем горные селения Омана. Здесь, как и прежде при посещении изолированных общин, я лишний раз ощутил, что столь подвластный теперь взаимным связям внешний мир с его нефтяными проблемами и военным престижем весьма зыбок, но если он рухнет, как рухнули империи Шумера и Индской долины, верблюжьи караваны Ормары по-прежнему будут доставлять пальмовые листья и тростник для домов, рыбу, финики и овощи для пропитания. Гордые женщины по-прежнему будут в ярких одеяниях скользить через дюны за водой и молоком; мужчины будут ловить сетями рыбу и обрабатывать клочки земли между финиковыми пальмами.

Впрочем, вездесущие торговцы не жалеют сил, чтобы преобразить натуральное хозяйство здешних рыбаков в денежное. Ормара сбывает свои товары купцам, приходящим на *дау* из расположенного восточнее на том же побережье Карачи и из Коломбо на острове Шри Ланка, что к югу от Индии. Главный предмет местного промысла — акулы. Правда, до сих пор он, похоже, приносит ормарским беднякам больше мух, чем денег. Мы в жизни не видели такого скопища этих двукрылых. Непрерывно отмахиваясь от них, мы знакомились с очаровательным селением, располагающим тремя крохотными мечетями и базаром, словно заимствованным из «Тысячи и одной ночи». Сопровождаемые стайкой ребятишек, пробились сквозь живой барьер из верблюдов, ослов, собак, кошек и кур, и нашим глазам предстал базарный люд — пакистанцы и арабы в чалмах, среди которых выделялась одна роскошная серебряная феска. Снова я увидел

мощные крючковатые носы, а рядом — более плоские лица негроидного типа: та же примечательная смесь, какую мы наблюдали в Омани, на другой стороне пройденного нами широкого залива. Мы пробовали заговорить с местными жителями на арабском и английском языках, но они отрицательно качали головой: здесь понимали только урду.

Нас встречали улыбками и приветственными жестами, однако нашелся один буян с нечесаной бородой, который, выхватив из ножен кривую саблю, приставил острие к собственному животу, потом угрожающе взмахнул клинком над нашими головами. После чего с высоко поднятой саблей нырнул в толпу. Остальные спокойно восприняли его выходку и постарались дать нам понять, что это религиозный фанатик. Показывая на себя и на мечеть, они несколько раз произнесли: «Аллах! Аллах! Аллах! Аллах!» — потом указали вслед буяну и, раскачиваясь всем телом и закрыв глаза, точно в трансе, презрительно добавили: «Алли-алло, алли-алло».

Выслушав это маловразумительное объяснение местных религиозных обычаев, мы прошли вдоль торгового ряда, длина которого немногим превышала длину нашего «Тигрису». Пять или шесть лавчонок величиной с кукольный домик возвышались на сваях на метр над песком. Передняя сторона открыта, и внутри, занимая почти всю площадь, сидит со скрещенными ногами сам лавочник с разложенным перед ним товаром. Я переписал наличность в самой маленькой лавчонке: семь морковок и пять картофелин. Большинство торговцев предлагали покупателям зеленые, серые, белые зерна или семена в блюдцах и мисочках. Только один выделялся из всех — его ассортимент включал печенье, арабские сигареты, сласти и кусочки серого мыла. Самое роскошное гнездышко принадлежало длинноробородому портному. Каждый раз, когда он взмахивал рукой, казалось, что его игла сейчас проткнет плетеный потолок или стену. Проходя мимо портного, мы едва не споткнулись о человека, который устроился прямо на земле, предлагая желающим чай, кипятившийся на древесных углях. Женщины были представлены в этой экзотической толпе шести-семилетними девчушками и древними старухами с кольцом в носу, украшенным зеленым камнем.

И всюду мухи, невероятное множество мух. Правда, невероятным оно казалось нам, пока мы не вышли на край поселка, обращенный к

морю. Сплетенные из пальмовых листьев циновки в рост человека ограждали участки песчаного берега, и, заглянув через одну ограду, я увидел жутковатую картину. Стоя по колено в грязной яме, молодой парень плясал на рыбьих тушах величиной с него самого, а кругом, скаля острые зубы и тараща безумные глаза, валялись огромные акульи головы. Стоявший в окружении голов старик время от времени подливал воды в яму, где напарник усердно топтал обезглавленных акул в бурой жиже. Наплясавшись всласть, парень стал вылавливать туши из песочного супа и бросать их на землю рядом с горами вымазанных в песке плавников, филе и голов. Вместе с акулами казни подверглись здоровенные скаты. Отовсюду на меня глядели оскаленные челюсти и маленькие злобные глаза. Босоногий мальчуган орудовал граблями, сгребая в ряды и кучки тушки более мелкой рыбы, словно сено. Тут же стоял длинноногий верблюд, навьюченный двумя громадными корзинами. Двое — очевидно, продавец и покупатель — наполняли корзины сушеной рыбой.

В моих плаваниях я не раз предлагал своим спутникам отведать акульего мяса. Акула вполне съедобна, если нарезать ее кусками и на ночь положить в воду, чтобы удалить привкус аммиака. Прimitивный организм акулы устроен так, что моча поступает в кровь. И эти люди были как раз заняты тем, что выжимали и вымывали аммиак из акульих туш, перед тем как сушить их для далеких потребителей. Владелец верблюда отвезет лакомство в свое племя где-нибудь в пустынях Макрана или еще дальше в глубине страны, а на стоянке перед пляжем ждали свою партию товара две *дау*. «Коломбо», — сказали нам, показывая на них, местные жители. До Коломбо, главного города и порта Шри Ланки, от Ормары конец изрядный, и не один перекупщик наживется на облепленных песком акульих филе, прежде чем их съедят на острове к югу от Индии.

На пути к Ормаре мы повидали много акул, но такие крупные нам почти не встречались. Судя по горам зубастых голов на обнесенных оградами гротескных полях сражений, в океане у мыса Ормара водятся несметные полчища этих людоедов. Но больше всего нас поразили не грозные челюсти обезглавленных хищниц, а словно набранные из блестящих иссиня-черных бусин причудливые маски на лежащих в сторонке головах. Мы не могли поверить, что обыкновенные мухи могут скапливаться в таких невообразимых количествах, покуда Карло

не наклонился с фотоаппаратом над особенно большой акульей головой. Мгновенно маска слетела с головы, и окутанный жужжащим облаком Карло чуть не упал навзничь от неожиданности. Всюду: на заборах, на гудах рыбьих туловищ — сплошной пеленой копошились мухи, даже взбирались друг на друга в поисках свободного места для своего хоботка. Из года в год в теплом воздухе на много километров разносился манящий запах лежалой рыбы, заставляя крылатых гурманов со всех концов Макрана полчищами устремляться в Ормару.

Видимо, этот же острый запах притупил мое обоняние, сделав его невосприимчивым к менее резким ароматам, когда мы спустились к воде, где два рыбака строили лодку. Доски были белые, а лежащие на берегу готовые лодки — темно-коричневые из-за толстого водонепроницаемого слоя какой-то затвердевшей обмазки, напоминающей лак. Видя, как пристально я рассматриваю обмазку, лодочники дали мне понять, что готовят ее сами из жира акульей печени. Я долго обнюхивал лодку, но не уловил никакого запаха. Вспомнилось, как арабские рыбаки в Ираке рассказывали мне, что в прошлом они промазывали свои *дау* акульим жиром для водонепроницаемости. Они даже предложили подвергнуть такой же обработке «Тигра». Я отказался. Зная, как воняет в жару старый рыбий жир, я боялся, что эта вонь всех нас прогонит с ладьи. Однако ормарские лодки, хоть и покрытые акульим жиром, ничем не пахли. И мне снова пришли на память слова из эпоса о Гильгамеше про венценосного мореплавателя, услышавшего в Дильмуне рассказ о том, как шумерский Ной построил корабль, разломав свой камышовый дом: «Шесть саров смолы влил я в горячий котел, три сара асфальта добавил. Три сара масла принесли работники, не считая одного сара, который хранился в трюме, и двух саров, которые припас кормчий»^[36].

Прежде чем спускаться на воду свою ладью, мы для проверки, как я уже писал, утопили в Тигре смазанную асфальтом связку камыша. Асфальт растрескался — он явно не подходил для промазки камышовых связок. Возможно, покрытие было бы прочнее, смешай мы, по примеру шумерского Ноя, асфальт со смолой и маслом, а точнее, с акульим жиром. Связанная из *берди*, заготовленного в августе, наша ладья вполне могла продержаться на воде еще не один месяц; может быть, покрытие из акульего жира или, еще лучше, из особой смеси, описанной в эпосе о Гильгамеше, позволило бы ей

служить годами. Стремясь учиться у людей, хранящих вековой опыт, мы постепенно усваивали их секреты. Что ни говори, с «Тигрисом» наши дела шли раз в десять лучше, чем во время первого эксперимента на «Ра».

Более полусотни псов, набивших брюхо рыбьими внутренностями, простерлись недвижимо на мокром песке приливной полосы. Хорошо, подумал я, что «Тигрис» в западной бухте стоит достаточно далеко от берега — ему не страшны приливы-отливы. Во время шторма нагрузка на якорные тросы достигла такой силы, что веретена якорей погнулись, но лапы удержали ладью, возможно потому, что она упиралась кормой в грунт.

Обойдя селение, мы поспешили обратно, чтобы удостовериться, что у наших вахтенных все в порядке. И на пути через перешеек неожиданно встретили молодого лейтенанта пакистанских пограничных войск, который расположился со своими людьми в четырех палатках у кончика драконьего хвоста. Он был предельно учтив, а услышав, что наша маленькая «дау» называется «Тигрис», стал само дружелюбие. От начальства в Карачи он принял по радио сообщение, что в макранских водах плавает «большой корабль „Тигрис“», и лейтенанту, отвечающему за охрану всей пакистанской части макранского приморья, было предписано не чинить никаких препятствий, а, напротив, оказывать всяческое содействие!

Мы-то не подозревали, что берега Макрана закрыты для иностранцев, и причина запрета так и осталась загадкой, ибо нас принимали очень радушно. Лейтенант-пограничник, директор школы, полицейский, присланный из Карачи эксперт по рыболовству — все они говорили по английски, и все стали нашими искренними друзьями. Говорящие на урду местные жители тоже не скупились на гостеприимство, приглашали ребят с «Тигриса» к себе в дом и дарили свежих омаров, предлагали яйца, козье молоко.

Появление нашего «большого корабля» вызвало изрядный переполох в эфире между Ормарой и Карачи. Учтивый лейтенант вернулся в свою палатку, чтобы доложить по радио о прибытии «Тигриса». Мы, возвратившись в свою бухту, застали Нормана в ту минуту, когда он, сидя в рубке, лихорадочно добивался связи с внешним миром. Наконец кто-то ему отозвался, и Норман с трудом разобрал, что направляющееся из Карачи в Дубай судно зайдет в

Ормару, чтобы доставить «Тигрису» 3600 литров воды! Бред какой-то! Зачем нам вода? Норман прокричал в микрофон, что наших запасов воды хватит еще на три с лишним месяца; если добавить 3600 литров, мы пойдем ко дну. Ответа не последовало.

Услышав от нас эту историю, капитан Хансен заверил, что «Язон» не вез никакой воды и отнюдь не направлялся в Дубай. Он получил команду спасти «Тигрису» и доставить нас в Карачи. И он готов взять ладью на буксир, как только фольклорный ансамбль закончит свое выступление. Мы устроили небольшое совещание. Как быть? После опыта со «Славском» буксировка представлялась нам страшнее любого шторма. У нас было задумано оставаться в западной бухте, пока не установится погода, потом идти до Карачи. Оттуда мы хотели совершить поездку в Мохенджо-Даро и осмотреть тамошние развалины. Низкое атмосферное давление располагало нас ждать благоприятного ветра, а то, чего доброго, выбросит ладью на скалы мыса Ормара. Или вынесет на просторы Индийского океана раньше, чем мы ознакомимся с древним городом в долине Инда. Можно было добраться по верблюжьей тропе до Пасни и продолжать путь внутри страны от крепости Сутка-Кух, но тогда пришлось бы надолго оставить «Тигрис» без присмотра. А прими мы предложение капитана Хансена, «Язон» в один день довел бы ладью вдоль побережья до Карачи и у нас было бы больше времени для осмотра древних памятников. Все были за это. И когда музыканты и зрители направились обратно в селение Ормара, два судна в западной бухте подняли якоря. Широкий, могучий «Язон» пошел вперед, увлекая «Тигрису» за собой, словно игрушку на веревочке, и еще до того, как мы обогнули мыс Ормара, нас поглотила темнота.

Живописные сцены будней неподвластной току времени Ормары все еще стояли у нас перед глазами, когда мы неделей позже приехали в древний город-призрак Мохенджо-Даро. «Тигрис» был пришвартован к рейдовой бочке перед зданием военно-морской академии в оживленном порту Карачи; портовые власти приняли нас чрезвычайно радушно, а военные моряки вызвались постеречь ладью на время нашей экскурсии внутри страны. По хорошим дорогам, пересекая город за городом, Сани, молодой гид из Национального музея, привез нас на микроавтобусе к Мохенджо-Даро в 560 километрах от Карачи.

«Мохенджо-Даро» означает всего лишь «Холм Мертвых»; никому не известно, как на самом деле назывался этот город, когда в нем примерно с 2500 до 1500 года до нашей эры кипела жизнь. Поселившиеся здесь в начале третьего века нашей эры буддисты соорудили маленький храм поверх развалин. В остальном же гора песка и обломков была нетронутой вплоть до 1922 года, когда она привлекла археологов. До той поры никто не догадывался, что тут погребена неведомая культура. Ученые только-только начали подозревать, что в долине Инда существовала древнейшая цивилизация. Первыми стали здесь копать Р. Д. Банерджи и другие члены экспедиции Джона Маршалла, после них работу продолжили другие исследователи, и на сегодняшний день раскопан участок окружностью около пяти километров, площадью около ста гектаров. А под землей все еще скрываются обширные неисследованные части крупного развитого города. Раньше кругом простирались орошаемые поля с плантациями финиковых пальм и инжира, посевами пшеницы, ячменя, хлопка, кунжута, стручковых и других культур, теперь же прилегающая равнина представляет собой сплошной песок с редкими пыльными кустами тамариска. Широкий Инд, некогда омывавший городские пристани, ушел в сторону. Весь климат в целом стал суше и суровее. Подобно заброшенным руинам Ура и Вавилона, Мохенджо-Даро ныне лежит далеко от воды. Развалины жилищ и лавок тянутся на полтора километра в сторону тихого Инда, который в прошлом был и жизненной артерией, и грозным бичом горожан. Раскопки показали, что город семь раз восстанавливался после наводнений, пока люди не оставили его по неизвестным причинам. Никто не знает, почему все городское население вдруг исчезло около 1500 года до нашей эры. Мортимер Уилер и другие исследователи предполагают, что климатические, экономические и политические неурядицы могли подорвать фундамент здешней культуры. А окончательно сокрушили ее вторгшиеся с севера арии. Плодородные равнины, тысячу лет кормившие Индскую цивилизацию, были захвачены племенами, которые пришли не по морю, а через горные перевалы внутри страны. Речь идет о тех самых говорящих на санскрите ариях, что именовали неариев заимствованным несанскритским словом «млехха», которое, как полагает Бибби, тождественно шумерскому «мелухха» и могло быть самоназванием древних народов долины Инда.

«Млехха», или «мелухха», — основатели города, известного нам под названием «Холма Мертвых», — оставили следы, которые на любого производят сильнейшее впечатление. Мохенджо-Даро — памятник векового единства всего человечества, он учит, что нельзя недооценивать ум и возможности других людей, отделенных от нас многими километрами или столетиями. Отнимите у нас наследие, накопленное сотнями поколений, и сравните затем наши способности со способностями создателей Индской цивилизации. Исчисляя ныне возраст человечества миллионами лет, мы начинаем понимать, что к третьему тысячелетию до нашей эры мозг человека был вполне развит. Жители Мохенджо-Даро и их нецивилизованные современники научились бы водить машину, включать телевизор или повязывать галстук с такой же легкостью, с какой усваивает эту премудрость любой современный африканец или европеец. Последние пять тысяч лет эволюции человека мало что прибавили или убавили в его умении рассуждать и изобретать. Вот и выходит, что основатели Мохенджо-Даро либо превзошли все прочие поколения человечества в скорости развития, либо, подобно сменившим их ариям, пришли сюда, уже владея многовековым культурным наследием.

В одном согласны все исследователи: город Мохенджо-Даро был построен по заранее разработанному плану искусными архитекторами, членами высокоорганизованного общества. Тот же принцип планировки затем четыре тысячи лет соблюдался градостроителями Центральной и Западной Азии, но не был ими превзойден. Даже в начале нашего столетия лишь немногие из малых городов достигали столь же высокого уровня строительной культуры.

Первое впечатление, когда приближаешься к этому городу-призраку, сходно с впечатлением от шумерских городов: центральное возвышение с храмом, кругом — лабиринт улиц и руин. Но этот храм — поздней поры. Полтора века назад буддисты, к сожалению, разорили макушку первоначального сооружения и воздвигли свое святилище в виде кольцевидной глинобитной стены, ниже которой на террасах расположились монашеские кельи. А исконная конструкция была квадратной и ступенчатой, нечто вроде террасированной пирамиды, приспособленной затем монахами для своих целей.

Ступая между кирпичными степами, кое-где поднимающимися на высоту второго этажа, мы невольно говорили вполголоса, как бы из

уважения к святому месту. Мы не увидели ни величественных храмов, ни роскошных дворцов; все говорило об относительном социальном равенстве. Правда, самые крупные здания явно сосредоточились в центральной части, на террасах вокруг высокого святилища, увенчанного развалинами буддийского храма.

Проектировщики ясно представляли себе, каким хотят видеть город: от продолговатой возвышенности в центре расходились параллельные улицы, направленные с севера на юг и с востока на запад. Прямые и широкие, некоторые до десяти метров в ширину, они разделяли город на прямоугольные кварталы длиной около четырехсот, шириной двести-триста метров. Стены из обожженного кирпича были выложены искусными каменщиками. У большинства домов двери и редкие окна обращены в доступные только пешеходам узкие переулки, словно для того, чтобы избежать шума и пыли главных улиц, где, судя по местным произведениям искусства, влекомые парой волов, а то и слонами, катили повозки с грузом строительного материала и различных товаров. Меня особенно поразили свидетельства высоких требований к санитарии. Судя по отсутствию роскошных дворцов, здесь не было одержимого манией величия самодержца, находившего выход своему тщеславию в строительстве; тем не менее дома рядовых горожан были обеспечены совершенной канализацией, и улицы окаймлены крытыми плиткой водостоками с люками, которые позволяли работникам городских коммунальных служб очищать их. У одного такого люка археологи нашли кучу мусора, сохранившуюся до наших дней.

Город располагал водопроводом и большой общественной купальней, возможно предназначенной для очистительных обрядов. Превосходный бассейн длиной двенадцать, шириной семь и глубиной два с половиной метра обложен для водонепроницаемости двойной кирпичной стеной с 2,5-сантиметровой асфальтовой прослойкой, и цементирующим раствором для кирпичей тоже служит асфальт. Рядом с бассейном был выстроен колонный зал — очевидно, для ритуалов — и здание неизвестного назначения, с особо прочными стенами и глухим двориком.

Обилие археологических находок помогает оживить немые развалины. Обитатели города оставили утварь, украшения и изображения из долговечных материалов — от базальта и керамики до

бронзы, золота и драгоценных камней. В ходе тщательных раскопок собиралось все, что устояло против разрушительного действия времени. Сюда относятся и красиво декорированные печати с надписями, подобные тем, что дошли до древних торговых партнеров в Двуречье и на островах Файлака и Бахрейн. Письмена пока не прочтены, однако выгравированные на печатях миниатюрные изображения богов, антропоморфных чудовищ и мифических сцен говорят о художественном стиле, о теократическом укладе и космологических представлениях, удивительно близких к тому, что было присуще миру шумеров и, в меньшей степени, древних египтян. Но особенно ярко повествуют о людях и быте той поры изумительно выполненные бронзовые и многочисленные керамические статуэтки. Вот женщина, стоя на коленях, мелет зерно на муку для хлеба... А вот украшенные драгоценными камнями бронзовые танцовщицы... Керамические композиции изображают погонщиков и запряженных в двухколесные повозки волов; в бронзе выполнены чудесные миниатюрные колесницы. Некоторые ритуальные фигурки — например, керамическая птица на двух колесиках — настолько похожи на аналогичные изделия других великих цивилизаций той же эпохи, что это сходство ставит в тупик даже специалистов.

Смотришь на такие фигурки и за различными предметами, найденными среди развалин, видишь живых, думающих людей. Тут и орудия труда крестьянина, и образцы выращенных им плодов, зерна, хлопка; замечательные бронзовые крючки рыбака; изящные бронзовые весы купца с набором кремневых разновесов и аккуратных печатей; керамические шедевры гончара, начиная от красочно расписанных ваз, кончая фигурными сосудами, изображающими птиц, животных, людей; ступы для растирки красок живописца; поделки ювелира — ожерелья, браслеты и иные украшения из золота и драгоценных камней; восхитительные изделия бронзовых дел мастеров, от статуэток до ручных зеркал, изготовленных литьем по выплавляемым моделям. Даже игрок представлен игральными костями, неотличимыми от современных, и клетчатыми досками с набором фигурок. А вот воины оставили мало следов своего пребывания в пределах городской черты; видимо, речь шла о невоинственном обществе, занятом сельским хозяйством и торговлей и уповающим на прочность внешней линии обороны, с крепостями в стратегических точках вдоль побережья.

Скелетные остатки из хараппских погребений не дают однозначного ответа на вопрос о происхождении Индской цивилизации. Ф. А. Хан считает, что в захоронениях представлены четыре физико-антропологических типа. По его мнению, в населении Хараппы преобладала средиземноморская раса — люди невысокого роста, с удлинённым черепом, узкой, выступающей спинкой носа и длинным лицом. Были и другие — длинноголовые, более рослые и плечистые. Третий тип — короткоголовые, четвертый — типичные монголоиды [\[37\]](#).

Но сколько бы этнических групп ни участвовало в создании Индской цивилизации, остается загадкой: как ухитрились граждане Мохенджо-Даро и Хараппы так быстро и так далеко опередить в развитии своих современников? Может быть, раскопки Хараппы и Мохенджо-Даро вообще не дадут ответа на этот вопрос. Может быть, эти города были основаны выходцами из Амри или Кот-Диджи — двух других поселений в той же долине Инда, но ближе к морю, на месте которых ныне возвышаются холмы со следами жизнедеятельности древних общин. Мы посетили оба холма, но увидели только груды закопченного кирпича, черепки, осколки камня, кости и поддающиеся датировке угольки. Ученые надеются, что информация, которую можно извлечь из этих незатейливых остатков, даст им в руки важные ключи для разгадки происхождения Индской цивилизации. Обширные раскопки выявили здесь следы замечательной древней культуры, существовавшей примерно с 3000 по 2500 год до нашей эры, когда возникли Хараппа и Мохенджо-Даро. Примечательный факт, если речь идет не о случайном совпадении. Ведь получается, что формативный период Индской цивилизации пришелся на то же время, что возникновение шумерских и египетских династий. Не удивительно, что находятся простодушные умы, готовые принять гипотезу, будто в ту пору цивилизацию принесли на нашу Землю гости из космоса.

Широкие проспекты древнего Мохенджо-Даро, по которым нас водил наш гид Сани, были безлюдны и мрачны, голые развалины без кровли смотрели в небо зияющими пастями. Но мысленно мы заполняли улицы и переулки недавно виденными картинами. Впрочем, жизнь в Мохенджо-Даро, наверно, была еще ярче, еще интересней и содержательней, чем в Ормаре. Ничего не стоило представить себе беспокойную толпу на главных улицах, а в тенистых проулках —

праздных горожан: одни сидят и мирно дремлют, другие заняты беседой или игрой. Мы словно слышали городской шум и обоняли запахи от горбатых быков, от сена и пряностей, наполняющие воздух между пропеченными солнцем стенами. Смуглые мужчины и женщины торопливо проходили мимо с ношами, с домашней живностью; грохочущие тележки везли пальмовые листья для кровель, хлопок для прядильщиков, снадь для продажи на базаре; рыбаки несли на голове корзины с рыбой, пекари — теплый хлеб, женщины — яйца, сласти, южные плоды; плакали младенцы, щебетали пичуги; звенела кувалда кузнеца; мычала скотина; юные сорванцы с криком и гамом носились по переулкам, тогда как их более степенные сверстники сидели в тенистых помещениях, слушая жреца, который обучал школьников до сих пор не расшифрованному нами письму.

Чтобы вполне оживить Мохенджо-Даро, большой город с широкими улицами и развитым хозяйством, надо было во сто крат умножить наши впечатления от Ормары. Ормара строилась не по плану. Каждый рыбак ставил лачугу для своей семьи на приглянувшемся ему месте. Подобно большинству селений такого рода, Ормара прошла путь естественного роста на протяжении столетий, без каких-либо существенных нововведений. Она не обзавелась канализацией.

Направляясь от окраин Мохенджо-Даро к лестницам среди домов вокруг центрального возвышения, мы из того, что раскопано здесь за полвека, знали, что видим, так сказать, пустую раковину общества, которое возглавлял священный властитель, полубог, как это было в Двуречье и в Египте. При нем строго ориентированные по солнцу улицы видели смешавшихся с толпой простолюдинов ученых мужей: жрецов, писцов, астрономов, зодчих, изобретателей. Элита здешней общины вместе с правителями расположенного в 800 километрах выше по реке столь же крупного и важного города Хараппы создала империю, чьи руины и памятники разбросаны по всей долине Инда. Ее территория простерлась на полторы тысячи километров с севера на юг по берегам реки и на три тысячи километров вдоль морского побережья, от скал Макрана до джунглей Южной Индии. Возможно, весь этот край был Мелуххой для шумеров. Нам он известен как область Индской, или Хараппской, цивилизации по бытующим ныне

названиям мест, где найдены первые и пока наиболее значительные городища.

Раскопки выявляют поразительную однородность и неизменность культур Хараппы и Мохенджо-Даро за весь срок их существования, начиная от одновременного возникновения и кончая их гибелью тысячу лет спустя. Более того, в каких-то деталях строительства вместо прогресса отмечается явный упадок; некоторые исследователи объясняют его необходимостью быстрого восстановления после катастрофических наводнений.

Загадка Индской цивилизации заключается не столько в том, почему она погибла — все цивилизации сходили со сцены, только наша пока еще жива. Как она зародилась — вот в чем вопрос. Подобно шумерской и египетской культурам, современная им третья великая цивилизация не обнаруживает четких местных корней. Мы не видим их даже в Амри и Кот-Диджи. Можно подумать, что некая ветвь могущественной древней династии облюбовала себе в качестве новой обители плодородные берега большой судоходной реки. В Двуречье цивилизация тоже начинается с поселенцев, которые умели выплавлять бронзу из привозной меди и олова и оставили в царских погребениях четырехколесные повозки с упряжкой из трех быков, а также множество других предметов, свидетельствующих об уровне культуры, не превзойденном затем ни вавилонянами, ни ассирийцами.

При поиске родины первых изобретателей письменности и колеса бросается в глаза, что Индская цивилизация не только удивительно схожа с цивилизациями Двуречья и Египта, но и совпадает с ними во времени. Разница в одно-два столетия для столь важных вех на пути человечества представляется ничтожной теперь, когда приходится пересматривать старые понятия и измерять достижения человека масштабом миллионов лет. После того как рухнули господствовавшие догмы о давности существования нашего вида, лучше проявлять осторожность и не цепляться слепо за былые предположения о возрасте и распространении цивилизации. Мы слишком мало знаем, и новые открытия постоянно изменяют туманную картину. Точно известно, что основатели династий Египта и Шумера начали оставлять свои следы на речных берегах и изображать большие камышовые лодки предков как раз в ту пору, когда долину Инда заселила третья

цивилизация, причем все три обосновались в долинах великих рек вокруг Аравийского полуострова.

Раскопки в долине Инда, подобно раскопкам в Двуречье и Египте, далеко не исчерпали запас сюрпризов для тех, кто по-прежнему ведет отсчет истории от Колумба или от древних греков и римлян. На первых порах, естественно, внимание привлекли внутренние области, где были найдены памятники Мохенджо-Даро и Хараппы, но со временем стало очевидно, что люди Индской культуры питали пристрастие к береговым районам. Американский геолог Л. Р. Рейке, реконструируя уровень моря и русла крупнейших рек во времена этой древней цивилизации, установил, что практически все ее поселения располагались на берегу моря или реки^[38]. В последнее время ученые проявляют возрастающий интерес к приморским городищам, поскольку выяснилось несомненное значение мореходства и морской торговли для древнейших обитателей долины Инда. Здесь одним из пионеров явился авторитетный индийский археолог Ш. Р. Рао, который раскопал многие индские поселения, постепенно продвигаясь к океану. Вот его слова:

«До недавних пор было принято считать Индскую цивилизацию сухопутной... Однако исследования последних лет позволили обнаружить следы хараппских портов, которые говорят о приморском характере Индской цивилизации и об оживленной морской торговле между народами долины Инда и шумерами на рубеже третьего-второго тысячелетий до нашей эры... Во втором тысячелетии до нашей эры все побережье Кача, Катхиявара и Южного Гуджарата на протяжении 1400 километров было усеяно хараппскими портами. Некоторые порты возникли еще в третьем тысячелетии... Из форпостов хараппской культуры внутри страны древнее всего Лотхал... Крупнейшее хараппское сооружение из обожженного кирпича — раскопанный на восточной окраине Лотхала док для причаливания судов и обработки грузов»^[39].

Этот древний порт с огромным кирпичным доком, пожалуй, самое многозначительное из открытий, связанных с Индской цивилизацией. Он построен около 2300 года до нашей эры и представляет собой обширную выемку, облицованную толстым слоем обожженного кирпича. Сохранились части этой кладки высотой 3,3 метра; ее подпирала пристань из глинобитного кирпича шириной от 13 до 20

метров. Вода подавалась через впускное отверстие, и уровень ее регулировался водосливом. Общая длина бассейна около 215 метров, ширина около 37 метров; он позволял шлюзовать суда длиной 18—20 и шириной 4—6 метров, то есть несколько больше «Тигриси». Указывая, что входные ворота шириной 12,21 метра могли одновременно пропускать по два корабля, Рао заключает:

«О высоком уровне строительного искусства, достигнутом людьми Лотхала, говорит остроумный способ, при помощи которого они регулировали поступление воды в док во время прилива и отлива. В отлив нужный уровень воды для судов в бассейне обеспечивали опуская затвор в вертикальных щелях в стенках водослива. Во время прилива избыток воды сбрасывали, поднимая затвор. Ни в одном другом порту начала или конца бронзового века не обнаружено искусственного дока с такого рода шлюзовым устройством. Да и в самой Индии гидростроительство после хараппского периода уже не прогрессировало».

Чем был Лотхал для Индской империи? Рао показывает, что с плодородных полей в глубине страны в его амбары доставлялись рис, хлопок, пшеница. Кроме того, здесь были мастерские, где изготавливали бусы, обрабатывали слоновую кость. Сердолик для бус привозили из внутренних областей; находки бивней и скелетных костей свидетельствуют о том, что слонов держали в самом Лот-хале. Рао пишет, что через Лотхал вывозились главным образом слоновая кость, бусы из сердолика и мыльного камня, раковинные инкрустации, возможно, хлопок и изделия из хлопка. Наличие столь крупного порта дает все основания отождествлять Индскую цивилизацию с Мелуххой, откуда в Двуречье прямо или через Бахрейн поступали сердоликовые бусы, слоновая кость и стеатит. Рао нашел также терракотовую голову «бородатого мужчины с шумерскими чертами», которую считает свидетельством связей с западом, а в доме купца на базарной улице Лотхала раскопал «восемь золотых подвесок, аналогичных тем, что обнаружены в царской гробнице в Уре». Все это, считает он, придает особый вес восемнадцати индским печатям, найденным в Уре, и тем, что обнаружены в Сусе, Кише, Тель-Асмаре, Хаме, Лагаше и Тепе-Гавра. Им найдена в Лотхале круглая стеатитовая печать, несколько отличная от индских и шумерских, зато почти тождественная печатям, раскопанным датчанами в дильмунском ярусе на Бахрейне. В

посвященной этой «печати Персидского залива» статье Рао связывает ее с многочисленными индскими печатями и другими изделиями, появление которых в Двуречье, по его словам, можно объяснить только «процветающей торговлей с активным участием купцов из Индии и области Персидского залива. Употребление в разных областях печатей специфического вида говорит о наличии посредников, которые вели учет, оформляли контракты и пересылали опечатанный груз. Главными центрами были юг Двуречья, Персидский залив и западное побережье Индии от долины Инда до Камбейского залива»^[40].

В Лотхале раскопаны также грубо выполненные из терракоты маленькие модели судов, как килевых, так и плоскодонных. Вероятно, речь идет о талисманах или жертвоприношениях по обету; именно такую роль играли столь часто встречаемые при раскопках в Двуречье модели лодок из терракоты, асфальта, серебра. По символическим, очень приблизительным керамическим моделям нельзя судить о подлинных размерах и деталях конструкции мореходного торгового судна. Настоящие корабли строились не из глины, а из не столь долговечного плавучего материала, но замечательные портовые сооружения и печать с далекого острова говорят о том, что лотхальские купцы явно располагали судами, пригодными для дальних плаваний.

Поскольку мы пришли в бывшую область Индской цивилизации на шумерского типа судне из *берди* и по пути убедились, что связанные из жгутов лодки дожили до наших дней и в Дильмуне, и в Макане, наверно, нам больше, чем кому-либо из посещающих Мохенджо-Даро, было интересно, какими судами располагали индские мореплаватели. И, словно по заказу, один из жителей древнего города оставил печать, кусок долговечного камня, содержащий как раз то, что нам было нужно. Как ни мал этот предмет, он заполняет огромный пробел в мозаике, в которой мы пытались разобраться при помощи эксперимента с «Тигрисом». Я видел в крупнейших музеях Азии, Европы и Америки вещи, раскопанные в долине Инда, но самый большой сюрприз ожидал меня здесь, в маленькой экспозиции у подножия холма Мохенджо-Даро.

— Тут есть корабль!

Я с восхищением рассматривал каменную фигурку с глазами-раковинами, подобную месопотамским, когда Тору дернул меня за

рукав и подвел к следующей витрине. Нагнувшись и плюща нос о стекло, я уставился на лежащий в ней экспонат. Маленькая желтоватая печать, прямоугольный кусок стеатита размером с мой большой палец. На ярлыке надпись: «Печать с плавучим домом». На гладкой плоскости стеатита и в самом деле выгравировано судно. Камень разломался пополам, но нашедший его человек тщательно склеил половинки вместе. В качестве символа для своей печати первоначальный владелец избрал корабль, мореходный *ма-гур* с характерными серповидными обводами, позволяющими легко переваливать через океанские валы. Отчетливо показана типичная для камышового судна поперечная вязка, двойные рулевые весла на корме, рубка на палубе между двумя мачтами. Обе мачты явно двуногие; на одной из них хорошо видны перекладыны вроде тех, которые мы скопировали с египетских изображений, когда строили «Ра» и «Тигрис».

Сомневаюсь, чтобы безыскусные царапины на кусочке камня когда-либо так волновали мореплавателей, как взволновала нас принадлежавшая торговцу или моряку реликвия, которая пролежала тысячи лет в мусорных кучах Мохенджо-Даро. Мы сгрудились вокруг витрины, и, надо думать, творцу этого изображения не приходило в голову, что каждая вырезанная им борозда будет изучаться с таким вниманием и жаром.

Значение этой находки задолго до нас оценил сделавший ее Эрнест Маккей. Вот что он писал в своем отчете:

«Изображенное на печати судно вырезано смело, но грубо, вероятно, треугольным штихелем. Автор печати явно не был опытным резчиком, именно поэтому она представляет особый интерес, так как мотив нестереотипный. Нос и корма судна резко загнуты вверх — черта, присущая почти всем архаическим изображениям судов; ту же конструкцию видим, например, на древних минойских печатях, на египетской керамике додинастического периода, на цилиндрических печатях Шумера, где суда такого рода были в обиходе вплоть до ассирийских времен»^[41].

Маккей верно определил, что параллельные борозды обозначают вязку судна, «сделанного из камыша наподобие примитивных лодок Египта и судов, которыми пользовались на болотах Южной Вавилонии». По его словам, на печати показан тип судна,

распространенный в древнем Мохенджо-Даро, и, судя по вниманию к деталям, ее владелец, вероятно, был связан с мореходством.

Открытие Маккея не вызвало большого отголоска, и кроме печати он нашел только еще одно, гораздо более грубое, изображение судна, нацарапанное на керамическом черепке, хотя и здесь можно различить крутую дугу корпуса, двойную мачту с двумя реями и рулевое весло на корме. Так или иначе, ссылавшиеся впоследствии на публикацию Маккея исследователи единодушны в своем вердикте: «Судно на печати явно сделано из папируса»^[42] и «Изумительная печать... отголосок Древнего Египта»^[43]. Но можно ли утверждать, что древние жители Индской долины располагали папирусом? Папирус — африканское растение. Суда Древнего Египта и впрямь были связаны из папируса. В те времена он рос в изобилии вдоль всего Нила и был широко распространен в прилегающих африканских областях. Папирус произрастал и на Средиземноморском побережье Малой Азии, где отдельные участки его находили до наших дней; суда из бунтов изображены на стенах древних пещер в Израиле и на хеттских печатях из Газиантепа, и пророк Исайя говорит о папировых судах с посланцами из Египта. Судя по всему, папирус был некогда известен на острове Корфу, где местные рыбаки до недавних пор вязали лодки из камыша и называли их *папирелла*. Он уцелел со времен древности на Сицилии; на близлежащей Сардинии папирус не сохранился, но камышовые лодки есть. Древние мореплаватели вывезли его за Гибралтар и посадили на Канарских островах, где впоследствии римляне с удивлением обнаружили заросли папируса на реках^[44]. Неизвестно, кто именно доставил корневища не такого уж простого для разведения пресноводного растения на далекие атлантические острова; мы знаем, однако, что здесь побывали азиатские выходцы — финикийцы. Недавно в районе их бывшего порта Кадис на испанском берегу за Гибралтаром на дне моря найдена чудесная финикийская ваза с изображением ладей из бунтов, но папируса в этих местах нет. В окрестностях древнего финикийского порта Ликс на атлантическом побережье берберы уже в наше время вязали лодки из осоки за неимением папируса. На Канарских островах папирус исчез давно, и когда португальцы в средние века, через два тысячелетия после финикийцев, заново открыли этот архипелаг, светловолосые островитяне-гуанчи вообще не умели строить никаких лодок, хотя

делали для своих мумий гробы из досок, владели искусством черепной трепанации и другими сложными приемами, убедительно говорящими о былых контактах с мореплавателями из внутренних областей Средиземноморья. Наряду с осколками треногих финикийских ваз археологи обнаружили терракотовые печати, неотличимые по типу и орнаменту от некоторых месопотамских; эти находки выставлены в музее

Гран-Канария вместе с типичными мексиканскими терракотовыми печатями, чтобы подчеркнуть их поразительное сходство с изделиями, созданными по другую сторону Атлантического океана.

Несомненно, папирус играл важнейшую роль для древних мореплавателей, и, наверно, попытки сажать его корневища предпринимались с разным успехом в районах, где его нет в наше время.

В Ла-Венте на берегу Мексиканского залива на болотах вокруг древнейшей местной пирамиды обширные площади заняты растением, цветок и стебель которого неспециалист не отличит от цветка и стебля папируса. Ботаники сейчас исследуют его методом инбридинга, подозревая, что речь идет о потомке папируса *Suregus raryugus*. Этот важный вопрос был недавно поднят на этноботаническом семинаре Дональдом Б. Лоуренсом, профессором кафедры ботаники Миннесотского университета. Лоуренс писал:

«Повторное открытие гигантской осоки (*Suregus raryugus*) на побережье мексиканского штата Табаско, в знаменитом районе ольмекской культуры, родине «первой цивилизации Америки», и установленное сходство ее с папирусом побудило выступающего предположить возможное происхождение от упомянутого растения Старого Света, привоз в Новый Свет человеком в древние времена (три тысячи и более лет назад) и значение для формирования и развития культуры ольмеков»^[45].

Наука не располагает письменными данными о наличии папируса в Двуречье. Очевидно, первые *ма-гур* были, как и наша, связаны из *берди*. И поскольку мы благополучно дошли до Пакистана, *берди* явно оправдал себя как материал для мореходных судов.

От окружающей ныне Мохенджо-Даро пустынной зоны не так уже далеко до зеленого пояса, в котором Инд неторопливо извивается на своем долгом пути к мангровым болотам и соленым водам океана.

И мы, не теряя времени, спустились от маленького музея на краю развалин к реке.

— Камыш! Эй, да это же *берди*! — Норман первым подоспел к заболоченному берегу и выдернул с корнем одно растение.

В самом деле, *берди*! Типичное овальное сечение, образованное соединением серповидных в разрезе стеблей с губчатой сердцевинкой в крупноячеистой глянцево-оболочке. То самое растение, из стеблей которого связан «Тигрис». Доставлено ли оно сюда человеком или самой природой — чисто ботаническая проблема. Мы видели огромные заросли. Где бы на индских равнинах нам ни встретился свободный влажный участок, там непременно рос *берди*. Стало быть, он, а не папирус использовался людьми Индской цивилизации для строительства судов того же типа, что известен по Двуречью и Египту. Купцы, ходившие в древности между Уром и Индом, вполне могли отремонтировать, даже обновить свои суда, если задерживались в гостях так долго, что камыш утрачивал плавучесть.

Возвращаясь к ожидавшему нас в порту Карачи «Тигрису», мы познакомились по пути с миром, который производит неизгладимое впечатление смесью обычаев, разделенных промежутком в пять тысяч лет. Если в таких городах, как Карачи, внедрился реактивный век со всевозможными — были бы только деньги — электронными новинками, то, свернув с больших магистралей, путешественник может увидеть все этапы, пройденные жителями Индской долины в несколько длинных прыжков от бронзового века до современности. Вторгшиеся в эту страну арии явно не торопились уничтожить достижения Индской цивилизации на подвластной ей территории, и она оставила прочные благотворные следы. Мы увидели переселившиеся в область реки племена из Белуджистана — того самого края, чьи горы первыми предстали нашему взгляду, когда «Тигрис» приближался к Макрану. Увлекаемые парой волов дышловые повозки в их поселениях во всем были тождественны керамическим моделям из Мохенджо-Даро. Поскольку бывшие горцы никогда не посещали музей, они, очевидно, сохранили традицию, на которую не покусились арии. Мы видели деревянные колеса, украшенные такой дивной резьбой, что они вполне могли бы — скажем, в качестве люстр — украсить квартиру любителя красивой старины. Жилища белуджей, подобно некоторым постройкам Ормары, напоминали дома иракских

болотных арабов, которые, в свою очередь, верны хорошо известному нам по шумерским печатям образцу. Зайдешь в дом белуджа и видишь картину, знакомую по керамическим моделям Мохенджо-Даро и Ура: женщина, сидя на полу, перемалывает зерно каменной ручной зернотеркой. Правда, глиняные горшки уступили место покупной жестяной посуде, в остальном же все имущество белуджей напоминало про Мохенджо-Даро. Скот — тот самый, что был впервые одомашнен основателями Индской цивилизации; хлопчатобумажные одежды сотканы на изобретенном ими станке, из волокон окультуренного ими же растения. Даже зерно, перетираемое на муку для хлеба, тоже представляло вид, впервые окультуренный древними благодетелями, о которых современные белуджи вряд ли слышали. Довольствуясь полученным наследством, они четыре тысячи лет ничем его не пополняли, пока не пришла пора воспринимать образ жизни двадцатого века.

Сидевший подле одной лачуги мужчина лепил из навоза аккуратные лепешки, чтобы просушить их на солнце и использовать как топливо. Я спросил, почему он и многие его соплеменники окрашивают свои волосы и пышные бороды в красный цвет. Нам ответили, что таков старинный обычай.

Вдоль всех ручьев и канав росли *берди* и *кассаб*, и мы видели, как оба растения заготавливают для строительства камышовых лачуг и для кровель глинобитных построек. Большинство деревенских домов и все городские были сложены из сырцового кирпича. В планировке старых городов прототипом явно послужил Мохенджо-Даро, вплоть до крытых плитами водостоков.

Производство сырцового кирпича старо, как сами цивилизации долины Инда, Двуречья, Египта. В тех местах, куда не дошли основатели этих культур, его распространили сменившие их арабы; это простой и остроумный выход для засушливых областей, где нет другого строительного материала.

На наших глазах деревенские жители в долине Инда изготавливали сырцовые блоки такой же величины и в таких же деревянных формах, какие я видел в Ираке и в Мексике. Дав подсохнуть замесу из глины, соломы и воды, они извлекали блоки из формы и досушивали на солнцепеке. Независимое изобретение столь нехитрой процедуры в странах, скажем, северного побережья Африки от Египта до Марокко

никого бы не поразило, но удивительно, что сырцовыми блоками пользовались основатели мексиканской цивилизации на лесистом берегу по другую сторону Атлантики. Ольмеки, происхождение которых остается загадкой, сложили из сырцовых блоков ориентированную по солнцу храмовую пирамиду в Ла-Венте, в болотистых лесах приморья, где есть сколько угодно дерева и камыша. Сырцовые блоки применяли также доинкские народы Перу, когда воздвигали в приморье свои пирамиды в виде увенчанных храмом, астрономически ориентированных зиккуратов. Пирамида Серро Колорадо на севере Перу занимает площадь 4800 квадратных метров, и на сооружение этого древнего гиганта ушло около шести миллионов сырцовых блоков. Несмотря на полный контраст климата и природной среды, основоположники доколумбовых цивилизаций в лесах Мексики и в пустынях Перу строили из сырцового кирпича даже жилье, подобное домам Старого Света.

Глядя, как ослы и верблюды несут на базар индский хлопок, я опять же подумал о древних культурах Мексики и Перу. Насколько известно науке, культивация хлопка, дающего текстильное волокно, началась на равнинах Индской долины и оттуда распространилась в Египет. Между тем испанцы, придя в Мексику и Перу, увидели здесь обширные поля хлопчатника. Для науки поныне остается загадкой, каким образом ткацкий станок с вертикальным расположением основы и двойным навоем, которым пользовались инки ко времени прихода испанцев, оказался тождественным станкам Древнего Египта и Двуречья. Даже своеобразные керамические пряслица с орнаментом подчас совершенно одинаковы. Да и одежды из готовой ткани, по словам исследователей, были подчас «идентичны» по обе стороны Атлантики. Однако и это не все. В последнее время ботаники кое-что добавили к этим данным. Исследование хромосом показало, что окультуренный хлопчатник древних жителей Мексики и Перу отличается от диких американских видов, которые вообще не давали текстильного волокна. Хромосомы всех видов хлопчатника Старого Света намного крупнее хромосом диких видов Америки, но древние мексиканцы и перуанцы каким-то образом раздобыли хлопчатник Старого Света, скрестили его с дикорастущим местным хлопчатником и получили растение с текстильным волокном. Этот гибрид с двойным набором хромосом — единственный известный вид, сочетающий

большие и малые хромосомы. И ботаники представляют специалистам по истории культуры выяснять, как мог неамериканский хлопчатник с тринадцатью большими хромосомами, подобный хлопчатнику, впервые окультуренному жителями долины Инда, попасть в руки основоположников цивилизации Мексики и Перу? Если семена были доставлены ветром или птицами, некий американский индеец должен был распознать их и посадить на своих полях до того, как они сами проросли, наперед загадав, что, окажется волокно длиннее, чем у дикого хлопчатника, можно будет изобрести пряслице для кручения пряжи и станок для изготовления ткани.

Мы посмеивались над лихорадочными усилиями многих представителей исторических наук сохранить пальму первенства в пересечении Атлантики за испанцами и норманнами — иначе говоря, за европейцами, достигшими Канарских островов лишь через две тысячи лет после финикийцев, которые прошли путь из Малой Азии до Атлантики в несколько этапов, исследуя и осваивая новые земли. Есть что-то от религиозного фанатизма в стремлении западного мира видеть Америку европейским творением, надежно огражденной океанами, пока цивилизованные первооткрыватели-христиане не проторили дорогу к заморским варварам. Надо бы нам освободиться от шор. Искусство мореплавания, умение писать, христианская религия, даже символ креста — всем этим багажом, доставленным нами в Новый Свет, мы в конечном счете обязаны Азии.

...Мы накопили бездну исторических сведений и свежих впечатлений, наши фотокамеры запечатлели великолепнейшую арабскую крепость, и ноги ныли от усталости, а Сани не терпелось показать нам еще какие-то мечети и прочие мусульманские дива. И вот мы входим босиком в помещение очередной святыни — мавзолей умершего в XIII веке Шабазы Куланды, который принес ислам в здешние края. Слушая дробь барабанов и вдыхая запах благовоний, мы следом за Сани протиснулись к священному гробу. Какой-то человек с неправдоподобно длинными руками, возвышаясь над толпой, принимал бумажные цветы у тех, кто не мог сам дотянуться до гроба. Кончилось тем, что длиннорукий стронулся с места и пошел, все так же возвышаясь над окружающими. Что за чудеса... Я нырнул в просвет за его спиной, чтобы проверить: может быть, он на ходулях? К моему удивлению, его штанины доставали почти до пола. Что же это выходит

— под покровом длинного халата один человек сидит на плечах другого? Уместно ли так забавляться в мавзолее? Но тут я рассмотрел такие громадные ступни и кисти, каких еще никогда в жизни не видел. Да и голова необычайной величины, с огромными губами и глазищами. Казалось, в полумраке старинной гробницы расхаживает сказочный великан. Три раза обошел я следом за ним по кругу, прежде чем набрался духу пригласить его выйти с нами наружу. Здраваться с ним за руку было все равно что пожимать окорок. Пригнувшись, он вышел за ворота, и мы окружили великана, чтобы измерить его рост. Два метра сорок сантиметров без обуви! В долине Инда нам встречалось немало высокорослых людей, но этот всех превзошел.

Я тешил себя мыслью, что мы, если учесть краткость визита, не так уж мало успели повидать в Пакистане, пока мы не вернулись в Карачи и директор Национального музея Тасвир Хамиди не спросил меня:

— А в Хассан Вахан вы заезжали?

Нет, мы и не слыхали такого названия. А что это такое?

Оказалось, что Хассан Вахан — деревня на берегу озера в бассейне Инда, недалеко от Мохенджо-Даро. Тамошние жители по сей день изготавливают керамику старинного типа и вообще недалеко ушли от прошлого в своем образе жизни. А на самом озере живут на деревянных лодках рыбаки, потомки древнего народа. Живут с семьями, со всем своим имуществом и, верные обычаю, никогда не выходят на сушу. Тасвир Хамиди сам разговаривал с одним столетним патриархом, который за всю свою жизнь ни разу не ступал на землю.

Меня подмывало снова поехать внутрь страны и посетить Хассан Вахан, но в невероятно загрязненной гавани нас ждал «Тигрис». Океан, а не озеро наша задача, пора возвращаться на борт, ставить парус и прощаться с Азией. К тому же дальнейший рассказ радушного пакистанского археолога заставил меня и вовсе позабыть об озерных жителях. Тасвир Хамиди не сомневался, что древние жители Индской долины поддерживали связи с Двуречьем, и показал мне музейные экспонаты, убедительно говорящие о контактах. Среди них был «гильгамешский» мотив на индской печати: знаменитый месопотамский герой стоит между двумя вздыбленными львами.

Гильгамеш.. Легендарный правитель Урука, который отправился в Дильмун, чтобы посетить родину своих предков. Предание о

Гильгамеше дошло через Бахрейн до Инда.

В самом деле, сколько можно сомневаться? Правы те исследователи, которые отождествляют Мелухху с областью Инда. Больше ей негде быть. Дильмун, Макан и Мелухха связаны между собой. На нашем *ма-гур* мы посетили все эти три страны. И были готовы выходить навстречу новым приключениям.

Глава X. От Азии до Африки: от Мелуххи до Пунта

Отбытие из Азии. Холодный северный ветер сочился через щели в тростниковой стене, когда я на рассвете проснулся, чтобы проверить, вся ли команда вернулась ночью на борт. Попутный ветер. И все люди на месте, возвратились из последнего на много дней увольнения на берег. На сколько именно, никто не знал.

Жизнь в гавани Карачи была ключом. Куда ни погляди — суда, и всю ночь между ними сновали лодки. Рано утром, приветствуя нас улыбками, мимо прошли пакистанские рыбаки на малых *дау*. Наше судно явно поразило их. Вскоре затем на борт «Тигрису» поднялись представители портовых властей, чтобы оформить положенные бумаги.

— Следующий порт захода?

— Неизвестен.

— Мы должны что-то написать.

— Ладно, пишите Бомбей.

Семья эмигрантов из шахского Ирана, владельцы экспедиторского агентства «Ковасджи и сыновья», подошла с друзьями на небольшой яхте и подала нам буксир. У нас было условлено, что они выведут нас из гавани. Стоило «Тигрису» тронуться с места, как из двух выемок в днище пахнуло тухлыми яйцами. То же самое было, когда мы выходили из Маската. Вода современных гаваней страшно загрязнена. Мы опасались за веревки и камыш. Было похоже, что наружный слой *берди* местами загнивает. К счастью, мы уже знали по опыту, что зловоние исчезнет, как только соленые океанские волны отмоют камыш.

У входа в гавань мы насчитали на рейде тридцать восемь судов. Среди них был и «Язон». На мостике стоял капитан Хансен. Взяв электромегафон, он пожелал нам счастливого плавания и сообщил, что только вчера вернулся с очередного задания в болотистом мангровом лабиринте дельты Инда. «Язон» ходил снимать с мели греческий

пароход, но до прибытия спасателей пираты успели начисто ограбить злополучное судно.

Выйдя за внешний рейд, мы подняли паруса. Наши добровольные помощники выбрали буксир и вернулись в гавань. Напоследок бородатый шкипер яхты крикнул, что готов заплатить хорошую цену за «Тигрис», когда он освободится. Дескать, только дайте телеграмму, где и когда финишируете, и будет прислан корабль — из камышовой ладьи выйдет отменный аттракцион.

Большой город скрылся в пелене густого смога. В послевоенные годы население Карачи возросло с семисот тысяч до пяти миллионов с гаком. Далеко в море простерлась нефтяная пленка. В ней барахтались два дельфина. Крохотная мышка выглянула между бунтами и снова юркнула в укрытие. Наверно, та самая, что сопровождала нас еще от Садов Эдема.

Мачты кораблей все еще торчали на горизонте, словно макушки затонувшего леса, когда пропал северный ветер. И сразу же возникли проблемы с управлением. Подул слабый, неровный ветер от юга. Нос ладьи развернулся обратно, в сторону Карачи. Пришлось браться за гребные весла. Но мы уже научились не отступать перед натиском ветра. Солнце склонилось к закату, а лес мачт по-прежнему был виден вдалеке, теперь уже на западе. Приливное течение увлекло нас на восток, к дельте Инда. С приходом ночи стали видны огни кораблей на рейде и зарево над Карачи. Мы отдали плавучий якорь, хоть и не ждали от того большого проку. Кто-то обратил внимание на то, что за время стоянки в Пакистане корма и нос несколько осели. Карло подтянул все штаги, поправил веревки, крепящие рубки к палубе, и гибкое камышовое судно тотчас обрело прежний гордый вид.

Команда была в отличном настроении, хотя большинству нездоровилось. Оба забортных гальюна были постоянно заняты; хуже всех досталось Асбъёрну и Норрису. Меня вдруг прихватили почки, а у Нормана, хотя он регулярно глотал таблетки, опять началась загадочная лихорадка, и Юрий заподозрил малярию. Правда, Норман старался не поддаваться приступам, и этот диагноз так и остался предположительным, пока уже после экспедиции лабораторный анализ не подтвердил, что у него малярия.

Тем не менее ребята шутили и смеялись; заход в Ормару и экскурсия в Мохенджо-Даро всех взбодрили. А впереди нас ждали

неизвестные приключения. Скорее бы выйти на океанский простор, подальше от земли, которую мы считали виноватой в наших временных недомоганиях. Вряд ли я запомнил бы, что с нами в океан последовало несколько комаров, не останься один из них, словно прессованный цветок, в четвертой книге моего дневника, на странице, повествующей о нашем отбытии из Азии.

Ночью снова подул попутный северный ветер. Огни пароходов и суши канули в море. Могучие волны говорили о действия сильного течения. Вскоре над океаном пахнуло зеленой листвой, словно мы подошли к джунглям. Где-то за горизонтом слева простирались кишасшие насекомыми дебри в дельте Инда. Медленно отступал каверзный район, не дающий скучать спасателям на «Язоне». Нам не терпелось уйти от него совсем, но дельта была достаточно велика, чтобы незримо сопровождать нас день-другой, по меньшей мере. Пока что мы думали только о том, чтобы править в океан, оставляя за кормой все берега. На северо-восточный муссон не приходилось рассчитывать. Мы уже знали, что он бастует второй год подряд. А еще портовые власти Карачи сообщили, что в этой области самая коварная, чреватая штормами погода выпадает на конец января и первую половину февраля. Нам предстояло проверить, так ли это: мы вышли из гавани 7 февраля.

На второй день северный ветер прибавил, и шипящие волны понесли нас в нужную сторону, прочь от Восточного Пакистана и северо-западных берегов Индии.

Еще через день пришлось убрать топсель, потому что ветер приблизился к штормовому. Потом лопнул грот, и мы укрепили два гребных весла в помощь рулевым, чтобы лучше выдерживать курс. Снова к ладье стали подходить акулы.

Десятого февраля наступило затишье перед бурей. Дул слабый восточный ветер. Мы починили грот и стали обсуждать, куда теперь править. При таком направлении ветра риск быть выброшенными на берег Индии заметно уменьшился.

Всем не терпелось послать родным успокоительные радиogramмы. Работая на передатчике, выданном консорциумом, Норман никак не мог добиться толку, но любительская рация позволила ему связаться с коллегами в ФРГ и США. Велико было наше удивление, когда мы узнали от них, что ходит слух, будто мы решили

после Карачи идти на восток, пересечь Тихий океан и таким путем достигнуть Америки! Черт знает что! Вздор какой-то! Как раз этот вариант был совершенно неосуществим. До Дальнего Востока мы, пожалуй, еще добрались бы, но пересечь Тихий океан маршрутом, обратным пути «Кон-Тики», было невозможно. Сколько ни было таких попыток, все кончались неудачей, зато плывшие по следам «Кон-Тики» неизменно добивались успеха, а кое-кто дошел даже до Австралии^[46].

Я всегда подчеркивал, что примитивные суда тоже мореходны, но и камышовый ладье не под силу то, чего не смогли свершить испанские каравеллы. Не может судно старинного типа пробиться вдоль экватора на восток в тропическую Америку. Тихий океан занимает половину поверхности нашей планеты, и в этом гладком полушарии океанские течения и пассаты строго подчинены вращению Земли. Вдоль всего тропического пояса вода и воздух, непрерывно двигаясь от Перу и Мексики в сторону Индонезии и китайских морей, служили непреодолимым препятствием для аборигенных мореплавателей. Путь в Америку для них пролегал в субантарктических широтах, и только со стороны Америки могли они проникнуть в центральную часть Тихого океана. Конечным пунктом для мореплавателя, вышедшего из долины Инда на восток, был Китай. Любая наша попытка пройти на примитивном судне из Азии через островное царство в центре Тихого океана была бы обречена на неудачу, как это было с испанскими и португальскими каравеллами, а также с современными копиями старинных джонок, когда они пытались следовать из Китая на восток.

Пробиваясь на юг при неустойчивых восточных ветрах, мы еще долго возмущались ложными сообщениями о нашем дальнейшем маршруте. И ведь не в первый раз средства массовой информации распространяли небылицы о нашем плавании. Возможно, это объяснялось тем, что базирующийся в Лондоне телевизионный консорциум, которому принадлежали исключительные права на публикацию новостей с «Тигриса», не очень-то преуспевал в обработке того, что мы пытались передать по врученной нам рации; в то же время Норману было строго-настрого запрещено сообщать что-либо слушающим нас любителям. Когда мы благополучно высадились на берегу Ормарской бухты, средства информации объявили, что «Тигрис» потерпел крушение. Западногерманские газеты напечатали

ужасающую новость, будто японского члена команды сожрала акула, а потому руководитель экспедиции вынужден прекратить эксперимент.

Чтобы разобраться в путанице на суше и умерить растущее негодование одиннадцати членов экспедиции, консорциум отрядил своего миротворца. Из Лондона в Карачи прилетел Питер Кларк, славный малый, которого никак нельзя было винить во всем этом сумбуре. До того мы видели его лишь несколько минут в Ираке, когда проходили через Басру и он явился на борт «Тигра», чтобы пожелать нам доброго пути. На этот раз он прибыл перед самым нашим отплытием из Карачи. Ему поручили заверить нас, что отныне все сообщения о нашем плавании будут точны. Выразив свое восхищение тем, что «Тигр» такой же целый и невредимый, каким он его видел на Шатт-эль-Арабе, Питер Кларк попрощался и вылетел обратно в Лондон с утешительным отчетом. А три дня спустя, в тот самый день, когда мы слышали дурацкое известие, будто «Тигр» пойдет маршрутом, противоположным пути «Кон-Тики», через Бахрейнское радио поступил тревожный запрос другого отдела все того же лондонского консорциума: «Почему у «Тигра» отвалилась корма?»

Чушь какая-то! Мы попросили Нормана выключить рацию. Если два отдела на берегу не могут сговориться через коридор, мы и подавно бессильны что-либо сделать через океан.

В тот день исполнилось три месяца, как «Тигр» лег на воду. Веретенообразные бунты-близнецы погрузились всего наполовину, и высота надводного борта была больше, чем на «Ра II» после трех недель плавания. Мы уже не опасались, что ладья вдруг начнет быстро терять плавучесть. Никто из ребят не запросил смены в Пакистане, хотя им был обеспечен бесплатный билет домой и мы выходили из Азии к неведомой цели. Команда знала, что в любую минуту на нас может обрушиться шторм, а то и циклон, но никто не боялся, что ветер или волны разрушат камышовый корпус. Только стальной пароход или приморские скалы смогли бы распороть тугие пружинистые бунты.

Появился туман. За день несколько раз нас накрывал дождь; кругом громоздились все новые тучи. Было тепло и душно. Я записал в дневнике:

«В полдень передвинули стрелки часов еще на час назад. Лежа на матрасе, вижу через дверные проемы распаханый валами океан по обе стороны ладьи. При боковой качке волны ныряют под днище с

одной стороны, чтобы тут же вырасти выше рубки с другой, и наоборот. Не припомню такой сильной качки на «Ра I» и «Ра II», но ведь тогда мы шли вместе со стихиями, а по наперекор им! Теперь мы правим к определенной цели или в обход опасных берегов и пароходных магистралей. *Куда мы пойдем на этот раз?* Никто не знает. Мадагаскар, Красное море или любая точка африканского побережья между ними всего вероятнее и заманчивее».

Мы собрались вокруг большого стола, чтобы обсудить дальнейший маршрут. Норман, только что дочитавший книгу об одном яхтсмене, который, не скупясь на эпитеты, расписывал ужасы Красного моря, ратовал за то, чтобы идти на Сейшелы — современный островной рай, если верить книгам. Юрий уговаривал нас плыть напрямик до Кении; ему очень хотелось посетить замечательные кенийские заповедники. Карло был за Красное море: если древние египтяне в самом деле общались с народами Индской долины и Двуречья, их водные пути должны были смыкаться. Все мы видели в Багдадском музее целый зал, наполненный изумительными египетскими поделками из слоновой кости, раскопанными в Ираке. А Герман очень уж увлекательно рассказывал о волшебном подводном мире Красного моря. Других конкретных пожеланий не было, наши новички просто-напросто наслаждались жизнью на борту камышовой ладьи и радовались простирающейся впереди безбрежной сини. Решать надо было мне.

Экспедиция сложилась не совсем так, как я предполагал. Поначалу мне представлялось главным проверить плавучесть шумерского *ма-гур* из заготовленного в надлежащее время года *берди*. Никакого четкого маршрута я не замыслил. Будет держаться на воде — пересечем с муссоном Индийский океан; сохранит плавучесть и дальше — можно спуститься на юг вдоль берегов Африки, даже еще раз пройти через Атлантику до тропической Америки. Заключительный этап от Южной Африки был бы самым легким: всю дорогу попутный ветер и течение, как это было во время дрейфов на обеих «Ра». На самом же деле мы прошли по торговым путям шумерских купцов. Осмотр древних памятников Бахрейна, Омана и Пакистана отнял столько времени, что мои финансы были на исходе. И проверка «Тигриси» на плавучесть уже показала, что камышовой ладье не страшны никакие расстояния. Принципиальная возможность

совершать дальние переходы через океан была доказана в предыдущих экспедициях; править к определенной цели оказалось куда посложнее. Пока что мы курсировали между легендарными Дильмуном, Маканом и Мелуххой, которые посещались шумерскими купцами-мореплавателями. По другую сторону Индийского океана находился «рог Африки», Сомали, где ученые помещают мифическую страну египетских путешественников — Пунт. Если сумеем дойти до тех берегов, кольцо будет замкнуто. Мы свяжем три великих цивилизации Старого Света на судне той самой конструкции, которой пользовались они. В предыдущих экспедициях мы соединили Африку с Новым Светом на папирусной ладье; еще раньше было доказано, что Новый Свет мог сообщаться с центром Тихого океана, причем ближайшей сушей на этом пути был остров Пасхи с его каменными изваяниями и образцами нерасшифрованной письменности, весьма похожей, по мнению некоторых исследователей, на письменность Индской долины. Хотя остров Пасхи и долина Инда антиподы, разделяющее их расстояние было вполне преодолимо для древних судов, догоняющих солнце при помощи направленных в ту же сторону быстрых и удобных природных эскалаторов — ветров и течений. И разве для строителей пирамид, которые поклонялись солнцу и изучали его священные трассы, не естественно было стремиться на запад вслед за своим богом и прародителем!

Совещание за длинным столом прервалось, когда мелькавшие поодаль молнии внезапно с грохотом раскололи черные тучи над нашей мачтой. Ветер сместился от оста к зюйду и подул сильнее. Мы находились за пределами пароходных магистралей, за весь день видели только одну парусную *дау* из Индии. Свободные от рулевой вахты предпочли забраться в рубки и опустить брезенты, защищающие тростник. Распоротые молниями низкие тучи протекли, словно бурдюки из козьих шкур, и снова на окутанный крошечным мраком «Тигрис» обрушились каскады чистой питьевой воды. Хорошо было знать, что в эту непогоду никто не посягнет на наше одиночество. В рубке было слышно все, что кричали друг другу двое вахтенных. Но ребята на мостике, оглушенные ревом ветра и волн, совсем не слышали нас, хотя я запросто мог просунуть палец в щели между стеблями и пощупать спущенный сверху тонкий брезент.

Так началась ночь, описанная мной в первой главе. Ночь, когда я спрашивал сам себя: стал бы я выходить в плавание, если бы знал наперед, что нас ожидает? Так начался свирепый шторм, который пронесся над Индийским океаном и дошел до восточной части шумерского залива, вызвав неистовые песчаные бури в Дубаи и Абу-Даби. Ладью бросало через водяные горы, как игрушечный кораблик, и те из нас, кто еще ухитрялся спать, были разбужены криком:

— Все наверх!

Кричал Норман, и даже сквозь гул стихий была слышна тревога в его голосе.

В тусклом свете качающихся фонарей зыбились и курились пеной и брызгами маленькие вулканчики сталкивающихся гребней волн. Когда сломалась толстая стенга и половина грота стала волочиться по морю, словно наполненный водой парашют, мы испугались, как бы это не кончилось бедой: груз, равный весу небольшого кита, грозил лишить нас такелажа, и дрейфуй тогда на тяжелой плоскодонке с одними лишь гребными веслами в роли движителей. Двойная мачта вполне могла оборвать найтовы, крепящие ее к бунтам; хорошо еще, говорили мы себе, что наш камышовый катамаран достаточно широк и устойчив — вверх дном не опрокинется. В самом деле, солидный вес бунта не позволит поднять его на воздух, а плавучесть не даст волнам притопить его. Команды с мостика не доходили до ушей ребят, но каждый и без того старался вовсю, и общими усилиями нам удалось освободить парус от воды и втащить его на борт. Нептун остался без добычи.

Шторм бушевал всю ночь. Ветер выл и свистел в голых снастях, давил на закрытые брезентом рулки. Подобно Ною, мы забились в свои убежища, ожидая, когда уймется непогода. Вахтенные покинули мостик, прочно привязав рулевые весла. Нам оставалось только отсиживаться в рубках. Приятно было сознавать, что под нами сплошные бунты, а не хрупкий дощатый корпус. Не надо опасаться течи, не придется откачивать воду. Правда, при убранном парусе элегантно изогнутая корма не защищала нас — неуправляемое суденышко разворачивалось боком к ветру, и многотонные массы воды обрушивались на палубу, захлестывая лавки. Но уже через мгновение пенные каскады вокруг рубок исчезали, просачиваясь сквозь камышовое сито, и ладья, влажно поблескивая в свете фонарей и

переливаясь алмазными искорками прилипшего к связкам планктона, снова поднималась на гребне, будто всплывающая подводная лодка. Немудрено, что именно эта самооткачивающаяся конструкция первой позволила древним судостроителям спокойно выходить в море и проторила путь для создания более сложных и изощренных плавучих средств.

К утру шторм унялся, подуло от ост-зюйд-оста. Но изредка налетали дождевые шквалы, и теплый ветер снова принес явственный запах джунглей. Скрытая далеко за горизонтом Индия щекотала ноздри пряным благоуханием тропического дождевого леса. Что еще удивительнее: вместе с ветром через море к нам прилетела туча насекомых. Жуки, муравьи, несколько крупных бабочек, стрекоза и довольно крупные пауки присоединились к нашим давним спутникам — кузнечикам, которых заставил на время примолкнуть шторм. За ночь к ладье примкнули семь акул, и они явно не собирались уходить. Без паруса нас и после шторма трепала жуткая бортовая качка. Я засек время: каждые две с половиной секунды ладья содрогалась от мощного удара, как будто нас грубо сталкивали в глубокую канаву. На фоне серого утреннего неба голая мачта с перекладинами смахивала на скелет. Когда пришла пора завтракать, нам стоило великого труда усидеть на лавках за столом. Спасибо мышке — самим нам вряд ли удалось бы очистить тысячи стеблей *берди* под нами от всего, что падало и проливалось со стола. Размножившиеся и подросшие крабы-безбилетники тоже помогали содержать ладью в чистоте, орудуя клешнями, словно зубочистками.

Мы еще не избавились до конца от подхваченных на суше бактерий. Поливаемые дождем и волнами, продрогшие на ветру, четыре члена команды основательно простудились. Юрий нашел у них повышенную температуру и прописал постельный режим.

Подняв грот до основания сломанной стеньги, мы ухитрились идти довольно устойчивым южным курсом, хотя северо-восточный муссон упорно продолжал бастовать. Ветер кочевал от ост-зюйд-оста до зюйд-веста, так что приходилось уваливаться и поворачивать кругом, чтобы наполнить парус и снова выходить на нужный курс. Ладья подчинялась нам. Будь у нас больше шверцов, дело пошло бы еще лучше, но и без того наше плавание никак нельзя было назвать дрейфом. Мы не отступали перед встречными ветрами, и нам

удавалось даже идти курсом бейдевинд, принимая ветер под углом до 80°, по наблюдениям Нормана. В качестве шверцов приторачивали к бортовым связкам широкие доски и гребные весла; в проемы между бунтами на носу и на корме опускали *гуары*. Любое усиление килевого эффекта, создаваемого рулевыми веслами и продольной ложбиной между бунтами, помогало умерять ветровой снос. Маневрирование *гуарами* на носу и на корме тотчас отражалось на курсе. Но если на южноамериканских бальсовых плотках и, возможно, камышовых лодках такие доски играли важнейшую роль, то наша ладья достаточно хорошо слушалась рулевых весел, а шверцы и *гуары* примерно одинаково влияли на курс.

Первые четыре дня после шторма Норман и Эйч Пи почти не слезали с верхушки двуногой мачты. Непросто было, качаясь наверху, выковыривать долотом нижний конец сломанной стеньги, которая была глубоко врезана в деревянный брус, соединяющий мачтовые колена. Толстенная стеньга из твердой древесины переломилась поперек и расщепилась так, что обломки уже ни на что не годились. По совету Карло Асбьёрн аккуратно обтесал одно из ясеневых гребных весел. Новая стеньга сразу позволила нам побыстрее идти южным курсом в непрерывной борьбе с переменными ветрами.

Больные скоро оправились от простуды, и настроение у ребят было лучше, чем когда-либо. Все хотели плыть до тех пор, пока ладья держится на воде.

На второй день после шторма небо совсем расчистилось и море присмирело. Когда мы вставали из-за обеденного стола, высокорослый Норрис удивленно воскликнул:

— Смотрите! Что это такое?

Справа по носу мелкие волны вдоль голубого горизонта отливали кровью. Мы забрались на мачту. Цветная полоса узкой рекой пересекала море, сколько хватало глаз. Асбьёрн и Эйч Пи накачали воздухом резиновую шлюпку и пошли проверять, что там ожидает наши камышовые бунты.

Вернувшись, разведчики доложили, что необычная жидкость по густоте приближается к краске, но на химический продукт не похожа. Некоторое время мы шли вдоль оранжево-красной полосы, потом решились пересечь ее. Даже в рубках был слышен странный запах, отдающий рыбой. В ширину полоса не превышала двух саженей, зато

в длину протянулась по прямой от горизонта до горизонта, в направлении от норд-норд-веста на зюйд-зюйд-ост. Мы пересекли ее несколько раз, однако так и не смогли определить, что же это такое. Мне приходилось наблюдать в районе Рима подобный «красный прилив» водорослей, вызванный загрязнением прибрежных вод. Но здесь до берега было далеко. И как только умудрялась эта полоса не расплываться в океане, уподобляясь красной ковровой дорожке длиной в много миль? Мы следовали вдоль нее всю вторую половину дня, не видя ни начала, ни конца. Кое-где небольшие пятна краснели рядом с дорожкой, в целом же она смотрелась как пересекающая синюю морскую гладь, четко оконтуренная золотисто-красная река. Зачерпни эту жижу стаканом — любой мог бы принять ее за густой апельсиновый сок, если бы не рыбный запах.

Присмотревшись, мы обнаружили, что сама полоса и море по бокам на всю видимую глубину изобилуют почти незримыми крохотными волоконцами и пушинками, как от размокшего хлопка. Попадались также комочки мазута, но не чаще того, что мы уже привыкли наблюдать, да и величиной они не шли ни в какое сравнение с большими черными мячиками, которые мы вылавливали посреди Атлантики. В красной жиже плавали в большом количестве короткие слизистые лепты зеленовато-серой икры, мелькали отдельные перышки, и было очень много маленьких мертвых кишечнополостных — совсем как в сильно загрязненных нефтью поясах, пересеченных нами на «Ра».

Было похоже, что эта красная полоса — творение не одной только природы. Время от времени море у берегов Северного Перу окрашивается в красный цвет; там это зловещее явление обусловлено массовым мором рыбы и морской птицы, а мор вызывается тем, что теплое течение Эль-Ниньо у берегов Эквадора в отдельные годы, проникая необычно далеко на юг, вторгается в область биотопа, приспособленного к богатому кислородом, относительно холодному течению Гумбольдта. Но по соседству с красной полосой, которую мы встретили в Индийском океане, не было никакого температурного перепада.

Вечером мы ушли от загадочной дорожки и больше ее не видели. Напоследок к «Тигрису» стремительно приблизилась здоровенная — вдвое длиннее любого из нас — молот-рыба. Метнулась ракетой к

плывущему за кормой спасбую, не сбавляя скорости, описала несколько зигзагов вокруг ладьи и умчалась прочь вдоль красной полосы, рассекая воду спинным плавником.

Полыхающие молниями грозовые облака еще два дня ходили вдоль горизонта, преимущественно в сторону Индии. А с началом второй половины февраля все штормовые тучи исчезли, как и предсказывали портовые власти Карачи. Но муссон по-прежнему блистал своим отсутствием. Мы плыли навстречу образованной небом и морем сфере в голубом мире, где всякая суша крылась глубоко под водой. И день за днем ни кораблей, ни самолетов. Мы были в этом мире единственными людьми, но не единственными живыми существами.

Нам не встретилось ни одно рыболовное судно — принято считать, что в здешних водах нечего ловить, и некоторые океанографы называют их морской пустыней. Возможно, это так и есть. Но если мы шли по морской пустыне, то наш камышовый корабль был поистине плавучим оазисом. Заплывшие в эти края скитальцы, видимо, примечали тень, которую отбрасывала ладья, скользившая беззвучно, как облако, над просвеченной солнцем голубой толщей. С каждым днем наш плавучий эскорт возрастал, появлялись все новые виды морской фауны, к ним примыкали родичи, и безжизненные поначалу воды наполнились живностью до такой степени, словно «Тигрис» попал на рыбоводный пруд.

Не только нашим подводным спутникам, но и нам самим, когда мы ныряли под днище ладьи, «Тигрис» представлялся плавучим островком, своего рода опрокинутым зеленым лугом. Широкая, грузная, уютная, сплошь из растительного материала, без всяких там винтов, с удобной ложбинкой взамен обычного для судов острого киля, помавая весенней зеленью водорослей, наша ладья шла со скоростью, которая устраивала даже самых ленивых обитателей моря. Маленькие крабики свободно цеплялись за стебли *берди*, чувствуя себя среди прядей морской травы так же уютно, как блохи в бороде Нептуна. Нельзя придумать травы зеленее, сочнее и приятнее для глаза, чем нестриженный газон на днище «Тигриса», где, словно грибы, росли морские уточки, а крабики и мальки сновали, будто жуки и кузнечики. Немудрено, что единственный на много голубых километров плавучий сад привлекал всяческих бездомных скитальцев. Да и мы готовы были

сколько угодно любоваться подводным царством, свесив голову через борт или плывя на буксире около кишащих живностью желтых стеблей. Со времени выхода из Омана белые морские уточки подросли, сравнявшись в обхвате с голубиным яйцом. Стоят на длинном черном стебельке и ритмично взмахивают ветвистыми ножками, точно желтыми крылышками, загоняя в домик богатую кислородом воду и корм. Степенное движение ладьи позволяло нам созерцать непрерывный спектакль: будто колонны миниатюрных знаменосцев шествовали через море, окруженные морскими желудями, белеющими среди зелени наподобие миниатюрных палаток, между которыми патрулировали одетые в броню крабы с ноготь величиной, а приметят спускающуюся с неба гигантскую голову человека, тотчас юркнут в щели между стеблями. Кое-где словно пучки золотой проволоки сверкали в солнечных лучах. На самом деле это были черви; они все время пребывали в спутанном состоянии, становясь все толще и толще, и никакого движения не заметишь. Но главная диковина — аплизии, они же морские зайцы. В прежних плаваниях мы с ними совсем не встречались, теперь же сразу два вида неторопливо паслись на наших подводных лугах. Один поменьше, величиной с большой палец, желтый, как банан; второй подлиннее и потучнее, зеленовато-бурой окраски. Если не считать двух пар придатков на голове, напоминающих заячьи уши, у этих брюхоногих моллюсков не было ничего, что оправдывало бы родовое наименование. Неуклюжие, медлительные, тупомордые, с бугорчатой кожей на бесформенном теле, они скорее смахивали на мини-бегемотов, когда ползли вверх по бунтам, а оказавшись выше ватерлинии, вертели головой, соображая, куда двигаться дальше. Спугнешь — съеживаются и прячутся в раковину, уподобляясь финику.

За исключением крабов, никто из наших подводных пассажиров не решался выходить за пределы влажной зоны. Возможно, крабиков заманили на палубу летучие рыбы. Мы находили не всех рыбок, залетавших ночью на борт ладьи, но крабы безошибочно выслеживали не замеченную нами добычу среди бунтов и груза. Примостившись на горе еды, двурукие и восьминогие шельмецы очищали от чешуи подходящий участок и принимались жадно уписывать даровое угощение.

Наш морской огород был утехой не только для глаз. Набрав котелок крупных морских уток, Детлеф варил их с чесноком, иракскими специями и сушеными овощами; лучшей ухи мы в жизни не ели, особенно если добавить в нее летучей рыбы.

Эта рыба — благо для всякого, кто идет на плоту в теплых водах. По вкусу она не уступает отборной сельди, а как наживка превосходит самые дорогие искусственные приспособления. Разновидность, встреченная нами в Индийском океане, была не из крупных — всего около восемнадцати сантиметров в длину, и если мы утром подбирали две-три такие рыбки, этого было маловато на завтрак для одиннадцати мужчин. Зато, наживив крючок одной рыбкой, можно было тотчас выловить метровую корифену, которой вполне хватало на обед всей команде. А когда мы посвятили самого страстного рыболова на борту, Асбьёрна, в древнейший секрет — как приманивать летучих рыб, он стал на ночь зажигать все наши керосиновые фонари и выставять их вдоль рубок. Рыбки градом сыпались на палубу. Идя на юг, мы по утрам собирали все более богатый урожай. Во время ужина летучие рыбки иной раз проносились над столом, награждая нас тумачами и приземляясь в мисках и котелках. Тростник и брезент пестрели метинами из серебристой чешуи. Не раз и не два мы просыпались ночью оттого, что холодная рыба шлепалась прямо в постель к нам и принималась отчаянно бить длинными грудными плавниками, но снова взлететь не могла, потому что стартовую скорость этим летунам придает энергичное движение хвоста в воде. Я спал у дверного проема, и меня чаще других будило холодное прикосновение рыбы, протискивающейся в спальный мешок. Помню случай, когда лежавший рядом Карло сел и со смехом глядел, как я тщетно пытаюсь найти ночного гостя, устроившего пляски на моей постели. Утром Карло обнаружил его мертвым в своем спальном мешке.

В иные дни кок выдавал на завтрак каждому по три жареных летучих рыбки. После того как очередной утренний сбор дал сорок штук, мы бросили считать, принимая летучие дары моря как нечто само собой разумеющееся. Детлеф, большой любитель историй Мюнхгаузена, назвал окружающие нас воды Морем Ленивцев.

Первой на крючок с летучей рыбой всегда бросалась корифена — неутомимая охотница и верный спутник плотов в теплых водах. Корифена, она же золотая макрель, она же махимахи, была мне

знакома по прежним экспедициям, особенно в Тихом океане. Когда мы выходили из Пакистана, наш эскорт насчитывал всего две-три корифены.

На удочку они не шли, и только Асбьёрн и Детлеф ухитрялись бить их острогой. Но с того дня, как мы стали наживлять крючки летучей рыбой, обед нам был обеспечен, и сколько бы корифен мы ни вылавливали, на другой день их было еще больше.

Шестнадцатого февраля я записал, что никогда еще не видел в море столько рыбы. Восемнадцатого февраля Герман и Тору нырнули под днище «Тигрису», чтобы поснимать присоединившихся к нам различных рыб, и насчитали двадцать корифен. К вечеру следующего дня их было уже свыше тридцати. В свете фонариков мы легко отличали корифен от других рыб. Мы продолжали заниматься рыбной ловлей, и я снова и снова писал в дневнике, что сегодня нас сопровождает больше рыбы, чем когда-либо.

В ночь на 26 февраля я вылез из рубки, чтобы заступить на полуночную вахту, протер глаза и оторопел при виде невероятной картины. Поднявшийся раньше меня Тору посветил фонариком на море, и луч света, вместо того чтобы уйти в черную толщу, отразился от заполнившей поверхность сплошной массы призрачных рыбьих тел. Они казались неподвижными, хотя плыли с той же скоростью и тем же курсом, что наша ладья. Корифены. Но в каком-то невообразимом количестве. И они не сновали вокруг нас, как обычно, а шли плотным строем, точно отряд лыжников в белом, скользящий вниз по склону, засыпанному черным снегом. Обычно мы без опаски купались в обществе дружелюбных корифен, по этот безмолвный непрошенный кортеж производил такое грозное впечатление своей численностью и сплоченностью, что я со страхом подумал — не дай бог свалиться за борт.

Утром строй корифен рассыпался, но едва зашло солнце, как они снова собрались вокруг ладьи. Через два дня количество их перевалило за три сотни. Такие яркие днем, ночью они становились бледными призраками. Широкие в профиль, но совсем тонкие, если смотреть сверху, корифены располагались на расстоянии вытянутых грудных плавников друг от друга, всегда у левого борта «Тигрису», и всегда первая шеренга чуть отступала от носа ладьи, словно предоставляя нам лидерство. И они точно выдерживали нашу

скорость, как бы мы ни шли. Днем корифены резвились, носились взад-вперед; при сильном волнении развлекались, полным ходом взмывая на самый гребень, чтобы потом съехать вниз по крутому скату.

В конце месяца в дневнике появилась такая запись: «Мы настолько срослись с морской средой, что я ощущаю себя пастырем корифенового косяка. Стоит нам изменить курс или скорость, и корифены тотчас повторяют наш маневр, чтобы не отстать. Они прижимаются так близко к левому борту ладьи, что хвостовые плавники подчас рассекают воду рядом с бунтом и, светя фонариком, можно во всех подробностях рассмотреть голову рыбы. Днем они нередко плавают, раздвинув белые губы, словно ловят планктон, видно даже розовый язык. И расправленные, словно крылья бабочки, грудные плавники отливают такой яркой голубизной, что кажутся светящимися. Сперва замечаешь эти плавники, а потом уже саму рыбу. Серебристые ночью и после смерти, эти морские хамелеоны днем поражают богатой расцветкой: спина почти коричневая, голова травянисто-зеленая, хвостовой плавник желто-зеленый, остальное тело переливается разными оттенками зелени в зависимости от освещения. Сколько ни смотрим, не можем налюбоваться на такую красоту. Идут за ними, будто овцы за пастухом; невольно напрашивается сравнение с кротким добродушным стадом».

На нашем пути попадались течения, богатые планктоном. Ночью вся поверхность моря флуоресцировала, и светящаяся пленка облекала соприкасающихся с микроорганизмами рыб и стебли камыша. Организмы покрупнее мерцали обособленными искорками. Выловив их мелкочейной сетью, мы установили, что это веслоногие рачки с большими черными глазами.

Бывало так, что море не отличишь от неба. В темноте корифены напоминали плывущие по черному небосводу бледные продолговатые облака; в то же время флуоресцирующий след от хвостового плавника превращал их в таких огромных светящихся головастика. А веслоногие рачки выступали в роли звезд.

Ветер усилился, и мы пошли быстрее. Корифены тоже прибавили скорость; особенно хорошо это было видно ночью по удлинившемуся световому следу, когда они напоминали уже не столько головастика, сколько электрических угрей. Сядешь после вахты на лавку с левого борта и подолгу любишься изумительным ночным спектаклем. Если

нескольким рыбам приходило в голову поменяться местами в строю, начинался удивительный балет, длинные кометные хвосты перекрещивались и сплетались, образуя восхитительные узоры.

На рассвете строй рассыпался, но остатки косяка, словно толком еще не проснувшись, продолжали кружить около ладьи и под ней. Остальные плавали поодаль по две, по три, выскакивая боком из воды в погоне за сверкающими летучими рыбками. Иной раз целыми днями нас сопровождали олуши. Смотришь, летит впереди охотящейся корифены, чтобы в нужный момент спикировать и перехватить спасающуюся от погони летучую рыбку. А обманутый охотник растерянно мечется в разные стороны, тщетно поджидая пропавшую в небе добычу.

Мы ломали себе голову, почему охотники на ночь неизменно возвращались к нам и возобновляли свое лунатическое шествие. По мнению Карло, они обнаружили, что на «Тигрис» ночью падает дождь из летучих рыб. Корифены шли с разинутой пастью таким плотным строем, что не застрявшая на ладье летучая рыба неизбежно доставалась какой-нибудь из них. Но почему сбор непременно у левого борта? Потому ли, что именно с этой стороны вечером, перед тем как эскорт погружался в сон, наш золотистый кораблик озаряла восходящая луна? Мы терялись в догадках. Одно было очевидно: на ночь корифены для безопасности сбивались в стаю, подобно животным прерий. Вероятно, «Тигрис» представлялся им надежным могучим защитником, и каждая корифена рассчитывала, что кто-нибудь из соседак поднимет тревогу, став жертвой внезапной атаки на дремлющую компанию. В Море Ленивцев у корифен были враги, способные проглотить их целиком так же запросто, как сами они могли съесть полдюжины летучих рыбок.

Однажды ночью, когда мы плыли в сопровождении нашего скопища светящихся призраков, я стоял у румпеля и дремал, прислонясь к перилам мостика. Внезапно меня заставил очнуться какой-то переполох возле борта ладьи. Фосфоресцирующие корифены метались в панике, словно Кто-то выпустил по ним торпеду. А вот и сама лучезарная торпеда! Она была и подлиннее, и потолще своих жертв. Спасаясь бегством, корифены тянули за собой искрящийся след, и казалось, на поверхности моря извиваются морские змеи, однако живая торпеда внесла сумятицу в световые узоры. Когда же

тусклые огни пропали вместе с корифенами, мы рассмотрели в черной толще трехметровую молот-рыбу. Она уходила от ладьи, выписывая торчащим спинным плавником нервные зигзаги, словно недовольная доставшейся ей добычей.

Через минуту после того, как огромный хищник скрылся, корифены снова собрались вдоль левого борта ладьи, и строй их казался нам плотнее прежнего.

Молот-рыба — безжалостный охотник. Обычно эти акулы являлись ночью, когда легче было застигнуть врасплох корифен, но и днем вели себя активно. Однажды мы увидели, как с полдюжины корифен, спасаясь от погони, выскочили из воды, словно в подражание летучим рыбам. Последнюю в ряду подбросила вверх широкая молотовидная голова. Потеряв ориентацию, корифена упала прямо в грозную пасть подстерегавшего ее чудища.

Среди встреченных нами акул молот-рыба выделялась непостоянством. В отличие от большинства своих сородичей, она не была склонна подолгу сопровождать ладью. Явится вдруг, обследует окружение «Тигрису» и снова исчезает. В одно прекрасное утро, когда я, стыдливо прикрывшись камышовой ширмой, безмятежно восседал в забортном гальюне в левой части кормы, с мостика раздался крик:

— Большая акула за кормой!

Глянув под ноги, я увидел картину, безобразнее которой не узиришь ни в одном гальюне. Пониже моей кормы постепенно возникла страховидная широкая голова здоровенной молот-рыбы. Впервые в жизни мне представился случай хорошенько рассмотреть свирепую физиономию этой безобразной твари. Более гротескного расположения глаз невозможно себе представить. Длиннейшие боковые выросты молотовидной головы напрашивались на сравнение с пышными усами, если бы не маленькие глазки по краям и расположенные поблизости ноздри. Отнесенная назад здоровенная пасть в нижней части головы неторопливо проглотила туалетную бумагу, меж тем как разбежавшиеся глаза воззрились на меня, как бы примеряясь к главному блюду. То ли кандидат в людоеды был близорук, то ли я ему приглянулся так же мало, как он мне, — так или иначе, он поплыл дальше. Я не решался поджать ноги, чтобы не привлекать к себе внимания. Трехметровый мышечный жгут в серой коже медленно, очень медленно проскользнул ниже моего сидалища. Я мог бы

свободно коснуться спинного или хвостового плавника, когда они поочередно проследовали под забортным загончиком, однако не посмел даже встать за плавками, покуда хвост не исчез из поля зрения.

После этого чудовище надумало поиграть с плывущим за нашей кормой резиновым спасбуйем. Ребята не мешкая привязали к буксирному канату здоровенный крюк на короткой цепочке, Карло наживил его маленькой акулкой, и, к нашему общему восторгу, молот-рыба схватила приманку. После долгого поединка мы закрепили канат за кормовой брус; рыбина ответила тем, что развернула ладью на двадцать градусов, основательно взбила пенистую воду, потом стала нырять в разные стороны. Когда она поднырнула под ладью, канат зацепился за кормовой шверт, и он стал дергаться взад-вперед. Мы вытащили шверт. Несколько минут акула дубасила днище «Тигрису», и в кильватерной струе появились крошки камыша. Наконец возня прекратилась, но, сколько мы ни тянули, наших объединенных сил не хватало, чтобы вытащить канат.

Эйч Пи сделал еще раньше из бамбука и веревок маленькую водолазную корзину вроде той, какая была на «Кон-Тики». В плавках я чувствовал себя увереннее, а потому смело полез в корзину, когда ее спустили за борт. Ко всеобщему разочарованию — и к моему облегчению, — оказалось, что крюк пуст, просто он глубоко вонзился в камышовое днище. Меня окружал наш обычный эскорт, включая менее крупных белоперых акул, которых мы давно перестали опасаться. Молот-рыба исчезла, проглотив солидную наживку, но сперва она словно решила обыграть свое название: вбила крюк в камыш так основательно, что нам лишь с великим трудом удалось его выдернуть.

Еще со времен «Кон-Тики», когда акулы повседневно окружали нас со всех сторон, я прочно усвоил, что они могут быть так же добродушны и так же свирепы, как люди без мундира и в мундире. Невозможно предугадать, как поведет себя акула через минуту. Правда, в кортеже «Тигрису» были только симпатичные акулы. Во всяком случае, эти представители одного из наименее популярных хищных отрядов и внешне, и поведением являли разительный контраст молот-рыбе, и мы прониклись к ним теплым чувством.

Акулы с самого начала навещали нас, но только после Карачи мы наладили с ними настоящий контакт. Число их менялось день ото дня,

но в целом неуклонно росло; так, в день схватки с молот-рыбой мы насчитали семнадцать штук. Длина — метр-полтора, иногда больше, и поначалу мы выступали в роли хищников, а они были жертвами. Однако ловить акул слишком легко и неинтересно, не то что отбивающихся корифен. И на вкус они не так уже хороши, даже если вымочишь их, чтобы не отдавали аммиаком. Прошло немного времени, и наши самые ревностные рыболовы виновато смотрели на товарищей, если по ошибке вылавливали небольшую акулу. Нам больше нравилось подкармливать акул рыбьими головами, костями и прочими объедками.

В один погожий день, когда неторопливый ход «Тигриса» благоприятствовал любителям купания, мы увидели, как Герман, первым нырнувший с палубы, преспокойно лежит на воде в обществе десятка акул, не проявляющих ни малейших признаков враждебности. С той поры мы совершенно забыли о страхе перед нашими повседневными спутницами. Некоторые члены команды, особенно молодежь, даже хватали через край в своей дерзости, полагая, что уходить из воды стоит лишь в тех случаях, когда появляются голубые и тигровые акулы или молот-рыба.

Как-то раз я примостился на резиновой шлюпке, когда она шла на буксире у «Тигриса». Лежа на животе, погружал голову в воду и смотрел, сколько хватало воздуха, на двух длинных тонких барракуд — достаточно коварных рыб, подозреваемых в людоедстве. Эта неразлучная пара уже несколько дней ходила в глубине под нами, скаля унизывающие нижнюю челюсть грозные зубы. Поправив маску, которая не очень уживалась с отросшей за время плавания бородой, я сделал глубокий вдох, снова опустил голову в море и принялся искать взглядом барракуд. Вдруг что-то коснулось моих волос. Я поднял глаза — передо мной была образина не менее удивленная, чем моя собственная. Широкая плоская голова акулы не была для меня новинкой, однако я впервые глядел на нее в упор. До этого дня я не мыслил себе, чтобы у рыбы могло быть какое-то выражение, но у этой акулы оно было, честное слово, — дружеское любопытство, смешанное с удивлением. Возможно, меня, более привычного к собакам, отчасти ввели в заблуждение слегка повиливавший хвост и опущенные уголки плотно сомкнутого рта — словно акула испытывала недоумение от представившейся ей картины. Что видел я? Акулу! Она

же видела такую здоровенную круглую черепаху (днище шлюпки) с бородатой человеческой головой. После этого случая я произвел рыб в разумные существа, немногим уступающие теплокровным животным.

Но раза два наше мирное сосуществование с прирученными акулами чуть не обернулось бедой.

Однажды Карло, оседлав лопасть рулевого весла за кормой и держась одной рукой за страховочный леер, промывал застарелую язву на ноге. Он убедил себя (но не нашего врача Юрия), что ежедневная обработка соленой водой полезна для язвы. Герман перед тем смывал с себя мыло, держась за второе весло, теперь же он стоял на корме и высыхал на солнце. Внезапно Карло услышал его крик:

— Акула!

Маленькая общительная акулка уже несколько минут болталась под ступнями Карло, и он спокойно ответил:

— Знаю, я ее вижу.

— Акула! Акула! Поднимайся! — продолжал кричать Герман, заметив плавник трехметрового людоеда, который быстро шел напрямик на занятого целительной процедурой Карло.

К счастью, в этот момент хищница повела себя как-то странно: начала взбивать хвостом воду, словно вызывая противника на бой. Карло поднял глаза и увидел, что акула нацелилась как раз на его ногу. Могучей рукой многоопытного альпиниста он подтянулся на леере кверху, другой рукой взялся за бортовую связку и вскочил на палубу. Стоявшие на корме ребята определили, что всего лишь один акулий корпус, или, что то же самое, одна секунда, отделял нашего товарища от ампутации ступни.

А уже вблизи берегов Африки сам Герман без моего ведома пошел на непростительный риск. Все, кроме рулевых, воздав должное вкусным корифеям, забрались подремать в тенистые рубки, а Герман натянул гидрокостюм, надел маску и обвязался длинным страховочным концом, решив поснимать смешанную компанию, которая следовала за нами в кильватере. Белоперые акулы и прочие рыбы подплыли к нему и начали вертеться перед камерой. Некоторые из них до того привыкли к нам, что Тору брал с собой во время купания мешочки с мелкими кусочками рыбы и кормил их из рук. Плескаясь в одиночестве на изрядном расстоянии от ладьи, Герман заметил в глубине крупного людоеда. Акула, в свою очередь, заметила

его и двинулась вверх, описывая плавные круги. Герману приходилось снимать акул как в своем родном Карибском море, так и в большинстве других морей нашей планеты, где водятся эти хищницы, и он давно научился определять, с какими намерениями они направляются к человеку. Предельно осторожно он стал подтягиваться к ладье. Большинство ребят дремали в рубках, а Эйч Пи и Рашад обменивались шутками на мостике, не подозревая, что в это время происходит в океане за их спиной. Акула по спирали поднималась к Герману, Герман, перехватываясь по веревке, приближался к «Тигрису». И некому помочь ему, выбирая веревку с другого конца. Одно неосторожное движение или резкий звук — и акула устремилась бы в атаку. Она была совсем близко, когда он ухватился за правое рулевое весло и влез на палубу. Несколько дней после этого нелепого приключения Герман ходил бледный, молчаливый, удрученный, коря себя и огрызаясь на других. Акула акуле рознь...

Среди добровольных обитателей открытого аквариума под «Тигрисом» были элагаты и спинороги — два вида, с которыми мы не встречались в прежних океанских экспедициях. Англичане называют быстрого, как ракета, стройного красавца элагата радужным бегуном, и его окраска вполне оправдывает такое прозвище. Две голубые и две желтые продольные полосы, чередуясь на боках, отделяют серебристое брюхо от ярко-синей спины; хвостовой плавник — золотисто-желтый. Обычная длина элагата — около полуметра, мясо очень вкусное, напоминает и скумбрию, и пеламиду. Подчас эти рыбы собирались около ладьи в таком количестве, что был случай, когда я предложил Асбьёрну уgomониться после того, как он за несколько минут выловил более десятка элагатов. Мы не раз видели элагатов в обществе акул. Смотришь, рядом с «Тигрисом» идет здоровенная, в рост человека, хищница, а по бокам ее — два элагата, да так близко, словно их к ней приклеили.

А спинорога я бы назвал комиком морей. И вид у него неуклюжий, и плавает как-то потешно; ему бы не в океане жить, а в банке с водой. Правда, специалисты по биологии моря считают спинорогов в основном мелководными рыбами, обитателями рифов, однако не все спинороги отвечают этой характеристике. Мы встретились с ними в открытом океане, где глубины достигали трех тысяч метров.

Первое знакомство началось с того, что мы заметили нечто вроде пузыря, описывающего петли на поверхности воды. На самом деле это был круглый белый рот небольшой дородной пятнистой рыбы. Коротышка с высоким телом плыла очень забавным способом, синхронно помахивая похожими на занавески спинным и анальным плавниками, словно расположенными в вертикальной плоскости крыльями. Если «Тигрис» при хорошем ветре прибавлял скорость, этим чудакам было трудно поспевать за ладьей, и в своем старании не отстать от нас они подчас заваливались на бок, будто пьянчужки. Семейство спинорогов включает около тридцати видов, и среди них есть ядовитые, так что мы воздерживались от употребления в пищу тех двух видов, которые шли с нами. В итоге их численность неимоверно возросла к тому времени, когда мы приблизились к берегам Африки. Ковыляя под днищем и около борта, они состязались с морскими зайцами в кормежке на нашем подводном лугу. Когда «Тигриса» качало на высокой волне, случалось, что спинорог, не желая выпустить лакомую травинку, вместе с ней оказывался на воздухе. Шлепнется навзничь в воду, перевернется усилием плавников и опять спешит на пастбище.

Самый крупный из пойманных нами спинорогов насчитывал в длину сорок два сантиметра, но большинство было величиной с ладонь. Они умели управлять своей окраской: выловишь спинорога — по всему телу наливаются яркой синью обычно едва заметные пятна. Но главное свойство этой рыбы (отсюда ее название) — способность маневрировать шипами на спине и на брюхе. Тело спинорога покрыто костными чешуями, а перед мягким спинным плавником помещаются две, иногда три длинные колючки. Передний шип, самый длинный, запирается второй колючкой в вертикальном положении, и это позволяет рыбе надежно зацепиться в коралловом убежище. Сколько мы ни старались, не могли его согнуть. А стронешь служащую курком вторую колючку — сразу механизм выключается, и шип ложится на спину. Естественно, сама рыба управляет этим остроумным устройством изнутри. Спинороги тоже безбоязненно ходили рядом с акулами, будто знали, что тем не улыбается заполучить в глотку такой подарок.

Перед носом ладьи и под днищем плавали полосатые лоцманы. Правда, их было куда меньше, чем в Тихом океане, — может быть,

потому что мы редко вылавливали крупных акул, которых они обычно сопровождают. Однажды мы заметили полутораметровую акулу с эскортом из шести лоцманов. Стали вытаскивать ее на палубу и с удивлением увидели, что не шесть, а два десятка лоцманов выются около хвоста своей повелительницы, словно вознамерились последовать за ней. Карло оставил акулу лежать на борту, и нашим глазам представилось неожиданное зрелище: два лоцмана затеяли какой-то диковинный изящный танец у свешанного в воду акульего хвоста. Одинаковой величины, но разной окраски: одни — зеленовато-желтый с бурыми поперечными полосами, другой — голубоватый в темно-коричневую полоску, они, держась бок о бок, исполняли свои на так согласованно, словно были связаны друг с другом.

Странно, бывало, проснуться среди ночи оттого, что кто-то сморкался так энергично, что будил даже тех, кого не беспокоил самый громкий храп. Сядешь, выглянешь в дверной проем и видишь в лунном свете нечто вроде огромного лакированного ботинка, но с широким дыхалом, по которому нетрудно определить, что рядом с твоим ложем всплыл самый настоящий кит. Одно дело дивиться на китообразных в разных там маринариумах, совсем другое — пробудиться от сна бок о бок с водным млекопитающим в его родной стихии. Не в пример полицейским катерам, которые вторгались в рубку, сотрясая весь наш корабль с его такелажем, могучие киты ни разу не задели камышовые бунты, даже в самую темную ночь не столкнулись с «Тигрисом», хотя нередко всплывали на расстоянии вытянутой руки от борта или проходили под ладьей. Обычно нас навещали дельфины с покатой спиной и низким спинным плавником, но встречались и куда более крупные представители китообразных, с почти прямой спиной.

Киты и днем подходили к ладье выяснить, что это за диво. Пять-шесть огромных млекопитающих ныряют под днище «Тигриса», а ты с палубы глядишь им прямо в дыхало. Или начнут пускать фонтаны — словно морская пожарная команда затеяла упражняться. Среди любителей выпрыгивать из воды во весь рост мы распознали косатку с ее великолепным черно-белым окрасом и высоким спинным плавником. В одном районе, кишевшем серебристыми рыбешками, мы наблюдали совместную охоту косаток и дельфинов. Здесь же рассекали воду высокие острые плавники, явно принадлежащие меч-рыбам.

Несколько раз на борту «Тигриси» отмечались дни рождения. Сколько плаваю на лодках-плотах, никогда еще не было в моей команде столько выдающихся и изобретательных коков. Никогда не подозревал, что из сырой рыбы можно приготовить такое количество вкусных блюд, какое предлагал нам знаток японской кухни Тору; недаром дома у себя он держал ресторанчик, специализирующийся на рыбе. Невозможно забыть уху Детлефа, блины Нормана, рис в обработке Карло, вяленых элагатов Юрия, сушеное мясо с перцем в исполнении Германа. И кто бы подумал, что молодые скандинавские студенты сумеют испечь столько дивных пирожков и пудингов из арабской фасоли, гороха, муки и яиц. Однако всех превзошел Рашад, творец блюда «маринованная летучая рыба по-тигриски». Как-то утром я прокрался на камбуз и записал рецепт: на две очищенные и нарезанные кубиками летучие рыбы — три четверти чашки уксуса, четверть чашки морской воды, немного оливкового масла, долька чеснока, вдоволь нарубленного лука, полторы ложки сахарного песка, две чайные ложки соли, полчайной ложки перца и по щепотке припасенных Рашадом арабских специй.

Как раз с этой закуски начался обед в честь Юриного дня рождения. Далее последовала корифена на разные лады: жареная, вареная, сырая; за корифеной — особый макаронный пудинг Асбьёрна и Эйч Пи. Эти озорники просверлили по секрету дырочку в столе и воткнули в пудинг шланг от насоса, которым мы накачивали резиновую шлюпку. Только мы приготовились взять себе по куску, как Эйч Пи с самым серьезным выражением лица объявил, что за неимением дрожжей особый Юрин праздничный пудинг нуждается для пышности в нескольких каплях водки. После чего spritzнул водкой свое кулинарное изделие, и пудинг начал расти на глазах у изумленных зрителей. Никто не заметил, что Асбьёрн потихоньку качает воздух ступней. Все прочие чудеса, виденные нами в плавании, померкли перед этим. А пудинг все рос и рос, пока сверху не высунулось нечто вроде распухающего пальца. Опомнившись от удивления, мы дружно рассмеялись и запели «С днем рождения» по-английски.

В эту минуту явились нежданные гости. Три черные косатки, всплыв на поверхность, направились прямо к ладье. Потом вокруг «Тигриси» с разных сторон замелькали черные спины здоровенных

млекопитающих, и мы решили, что их все-таки не три, а больше. Впервые за несколько недель выбежала из укрытия наша мышка, словно узрела в обращенном вниз окошечке нечто такое, что побудило ее предпочесть общество поющих людей и кузнечиков.

Видимо, косаткам мы были обязаны тем, что к нам примкнули самые крупные прилипалы, каких мы когда-либо встречали. Эти вялые, уродливые черные рыбы с овальной присоской наверху головы предпочитают не затрачивать много сил на плавание, ограничиваясь сменой транспортных средств.

Роль попутных машин выполняют гладкокожие акулы и киты, а также черепахи. Выберет объект, прикрепится к нему присоской и подбирает крохи со стола хозяина. Большинство прилипал, катавшихся на наших бунтах, были длиной в палец, но две из них, длиной с руку, явно перешли к нам от китов.

Однажды Асбьёрн поразил нас тем, что голыми руками извлек из волн морских черепаху. Правда, она и без того, похоже, направлялась в гости к нам. Мы держали ее некоторое время на палубе, толкуя о черепашьем супе и нежных отбивных, но в конце концов единодушно постановили отпустить на волю. Для древних мореплавателей Индийского океана черепахи, наверно, были желанной добавкой к столу, состоящему по преимуществу из рыбы и сушеного мяса. В наши дни морские черепахи почти совсем истреблены, и все же мы несколько раз видели торчащие над водой черепашьи перископы.

Три дня спустя после удачной охоты Асбьёрна, пользуясь тихой погодой, Рашад решил искупаться и тоже сумел ухватить за панцирь здоровенную черепаху. Ловец и добыча были одинаково хорошими пловцами, и зрители на борту ладьи долго не могли определить, то ли черепаха тащит Рашада, то ли он, уходя с головой под воду, толкает ее к ладье. Лишь когда молодой араб торжествующе приподнял машущую передними лапами черепаху над водой, стало ясно, кто победитель.

На обеих пойманных нами черепахах сидели по две прилипалы; кроме того, по панцирю, совсем как по днищу «Тигриса», сновали зеленые крабики. Вторую пленницу поражение привело в такую ярость, что она принялась рвать камыш и бамбук своим попугаячьим клювом, и мы поспешили вернуть ее в родную стихию. Только она

всплыла на поверхность метрах в ста от ладьи, как Юрий крикнул с крыши рубки:

— Ее схватила здоровенная акула!

В самом деле, среди пены и брызг мелькали ласты и плавники. Потом море разгладилось, и кто-то пробурчал, что лучше уж было оставить черепаху себе.

Вскоре Асбьёрн надумал опять применить собственные руки как орудие лова, но на этот раз ему меньше повезло. Правда, и объект охоты был необычный. Море плавно колыхалось, и в одном месте гладкую поверхность рябило нечто вроде человеческих пальцев. Асбьёрн быстро подгрёб туда на шлюпке, не подозревая, что настиг Нептупа, а точнее, существо, известное под названием Neptunus.

— Попался! — крикнул он, перегибаясь через борт, и чуть не шлепнулся в воду при виде диковинной добычи.

— А-а-а-й-й! — услышали мы в следующий миг.

Асбьёрн отчаянно тряс вскинутой вверх рукой, силясь сбросить с нее какую-то разлапистую красную тварь. Большой краб! Только тут мы заметили, что ладью окружают полчища красно-бурых крабов величиной с кулак. Одни бегали по поверхности моря, как по зеркалу, другие ныряли, уходя в синюю толщу. Это была паша первая встреча с крабами-плавунцами Индийского океана, представителями вида Neptunus. Жертва Асбьёрна ущипнула ему палец до крови, и он поспешил вернуться в ладью за дуршлагом, в котором Карло промывал макароны. Остроумное приспособление позволило Асбьёрну и Детлефу в два счета выловить с десятков сердитых крабов — таких сердитых, что, очутившись в одном котелке, они перекусывали ноги друг другу. У наших ловцов тут же появились конкуренты. Корифены тоже решили поохотиться на крабов и с разбега хватали их перед носом шлюпки, подпрыгивая с добычей высоко в воздух. А там и одна полутораметровая акула ринулась вдогонку за крабом, который во всю прыть улепетывал от нее. Настигла жертву и тоже в лихом прыжке выскочила из воды. До тех пор мы ни разу не видели прыгающих акул.

Маленькие забияки, наименованные в честь бога морей, спокойно лежали на поверхности, уписывая обеими клешнями планктон, пока их кто-нибудь не спугивал. Трудно придумать что-нибудь чуднее этих миниатюрных роботов с человеческими повадками. Стоило черным глазам на стебельках приметить врага с дуршлагом, как краб

мгновенно принимал позу борца — передние конечности согнуты, клешни раскрыты. Правда, оценив размеры дуршлага, крабы заключали, что всего благоразумнее будет отступить. И улепетывали боком-боком с невероятной скоростью, согласованно перебирая пятью парами ног. Обе клешни повернуты влево, правая согнута для обтекаемости, левая вытянута назад в качестве рулевого весла. Последние суставы задних ног сплющены наподобие лопасти, чтобы лучше грести, и снабжены для большей эффективности целой системой шарниров; остальные три пары конечностей просто бегут по воде. Безошибочно действующие замысловатые части маленького робота в твердом карапаксе, от чувствительных антенн до движителей и рулей, хочется назвать чудом инженерного искусства. А ведь они всего лишь крохотная безделка в океане, где киты искони ныряют, пользуясь природным локатором, превосходящим любые радары, где кальмары могли прыгнуть к нам на борт, включив реактивный движитель, а спасаясь от врага, ставили дымовую завесу. В городе человек чувствует себя царем природы, но очутившись на просторах океана среди существ, появившихся задолго до человека и внесших свой вклад в его возникновение, и атеист иной раз спросит себя, точно ли Дарвин определил силу, которая движет видообразование по открытому им пути.

Два дня мы плыли в тихих водах, изобилующих красными крабами, потом ветер усилился, ладья прибавила ходу и вместе со своей морской отарой вошла в район, где преобладали изумительные небесно-голубые улитки. Они плавали брюхом кверху, защищенные гроздьями тонких, словно пластиковых, пузырьков, выполняющих роль паруса. Однако парус не спасал их от спинорогов. Развив предельную скорость, эти тихоходы настигали улиток и заглатывали их вместе с раковиной.

Древнейшие философы почитали людей потомками моря и неба. Современная наука приходит примерно к такому же выводу. В самом деле, откуда еще могли произойти населяющие Землю виды? Ночью в океане даже звезды казались ближе, снова становились частью нашего мира, какими их воспринимали люди, которые первыми дали имена звездам и пользовались ими как надежными указателями, странствуя в безбрежных просторах. И нас вновь посещало своеобразное чувство, доступное человеку лишь вдали от всех городов: как будто понятие

времени теряло свой смысл и прошлое сливалось воедино с настоящим. Время подразделялось не на века, а только на дни и ночи.

Стоя ночью на мостике или лежа на крыше рубки и глядя, как стенга рисует круги среди знакомых созвездий, мы все более сближались со вселенной, забытой всеми, кроме астрономов и астронавтов. Звезды перестали быть для нас хаотическим скоплением блесков, вроде морского планктона. Мы узнавали их, запоминали время и пути их следования над носом и парусом ладьи. Из ночи в ночь — одна и та же последовательность, одна и та же скорость. Не удивительно, что люди Двуречья и Древнего Египта — стран, отличающихся широкими просторами, — становились замечательными астрономами, точно знали периоды обращения главных небесных тел, правили по ним и передали нашим предкам упорядоченный календарь.

Бывали ночи, когда «Тигрис» представлялся мне ракетой. Голубые от фосфоресценции бунты разбрасывали пляшущие искорки, за рулевыми веслами тянулись яркие световые дорожки, которые напоминали лучи от фар, а еще дальше сливались как бы в раскаленную реактивную струю, толкавшую наш черный парус вперед среди скопища звезд.

Первого марта в дневнике записано: «Мы вышли в плавание в ноябре, теперь март, и мы все еще на борту. Невероятно, но факт: вчера и сегодня море у левого борта пахло рыбой! Возможно ли, чтобы морские обитатели, издающие явственный запах над водой, могли воздействовать на наше обоняние, скопившись в большом количестве у ее поверхности?»

Спустя несколько дней мы были исторгнуты из царства рыб и древнего человека. Норману удалось наладить надежную радиосвязь со все еще далеким от нас современным миром. Отчетливо слыша голос Фрэнка с Бахрейна, мы с удручающей регулярностью принимали очередные новости. Вдруг оказалось, что «Тигрис» вышел на курс, ведущий к столкновению с политическими событиями. Через четыре месяца после старта камышовой ладьи в Ираке и через четыре недели после отбытия из Пакистана возникли серьезные навигационные трудности. Не потому, что «Тигрис» отказался слушаться руля, а потому что обширные области прямо по нашему курсу стали запретной зоной.

Мы наметили пройти от Мелуххи до Пунта, нынешнего Сомали, поскольку египетские источники упоминают этот плодородный уголок Африки, посещавшийся купцами и мореплавателями из Египта. Запросив разрешение на заход в Сомали, мы получили через Бахрейнское радио первое предостережение из Лондона: «Вчера не было телефонной связи с Сомали, так как эфиопские войска заняли крупный город. Весьма настоятельно советуем воздержаться от попыток пристать к этим берегам».

Сомали начала военные действия. Яхты, заходившие в сомалийские воды, перехватывались, и команды заточались в тюрьму. Отсюда следовало, что 2400 километров африканского побережья к югу от Аденского залива закрыты для нас. Что направляясь к Красному морю, мы должны сторониться «рога Африки» и править севернее, подальше от африканских берегов и поближе к аравийским берегам залива.

Но тут же из Лондона поступило предупреждение, что аравийский берег также запретная зона. Южный Йемен закрыл свои границы. Правительство Народной Демократической Республики Йемен, занимающей 1600-километровую полосу Аравийского полуострова от Омана до Северного Йемена, который расположен на побережье Красного моря, обороняло свои рубежи от капиталистических соседей.

Получалось, что надо осмотрительно прокладывать курс, стараясь держаться срединной линии протянувшегося на полторы тысячи километров Аденского залива, и не подходить к окаймляющим его запретным берегам. Наше решение вызвало у лондонских членов консорциума новую тревогу: «Вы в самом деле собираетесь войти в Аденский залив и дальше проследовать в Красное море? Удастся ли вам выдерживать такой курс? Просьба помнить о политической ситуации этого района в соответствии с нашими прежними рекомендациями. Мы не можем рассчитывать на сотрудничество правительств Южного Йемена и Сомали. Все».

Мы были уверены, что сможем выдерживать нужный курс. Взяли прицел на узкий Баб-эль-Мандебский пролив, ведущий в Красное море из глубины столь опасного для нас Аденского залива, и тут ветер пропал. Начисто пропал. Полнейший штиль. В 1400 милях от пролива мы оказались во власти незримых океанских течений. В жизни не видел такого гладкого океана. Даже ряби не было, кроме той, которую

вызывала ладья. Парус повис этаким гобеленом, и вода отражала бежевую пирамиду на фоне красного солнечного круга. Задумаешь поплавать, ляжешь на водное зеркало — куда ни погляди, ничего похожего на линию горизонта. Даже голова слегка кружилась, когда мы парили что твои космонавты возле подвешенного в безбрежной синеве «Тигриса», к тому же двойного, как на игральной карте. Красиво! Да только вот незадача: наши штурманы брали высоту солнца и звезд и докладывали, что нас несет к Сокотре.

Сокотра — большой остров, расположенный перед «рогом Африки» примерно посередине между Сомали и Южным Йеменом, которому он принадлежит. На всякий случай мы запросили разрешения зайти на Сокотру. И снова последовал обескураживающий ответ: «Обращались в посольство Южного Йемена в Лондоне с просьбой разрешить «Тигрису» при необходимости заход на Сокотру. В посольстве знают, что «Тигрис» находится вблизи острова, но объявили, чтобы «Тигрис» без письменного разрешения не пытался, повторяем, не пытался приставать к Сокотре».

Течение несло нас все ближе к острову. Лондон снова подчеркивал:

«Рискуете арестом, если высадитесь на Сокотре без разрешения».

Помимо этого, мы получили предупреждение от министерства иностранных дел одной западноевропейской страны:

«Не подходите сейчас к Сокотре, могут быть неприятности».

Кому-то понадобилось пустить слух, будто русские задумали учредить военную базу на этом острове, контролирующем вход в Аденский залив и Красное море. Будто бы самолетам и судам запрещается подходить к нему на расстояние прямой видимости. Между тем из самого Южного Йемена сообщили, что для подхода к Сокотре достаточно получить разрешение местных властей.

При полном безветрии мы беспомощно дрейфовали в сторону Сокотры, принимая по радио все новые предупреждения. Дескать, нас могут обстрелять, могут предать суду военного трибунала.

Двенадцатого марта на юго-западе, как раз на пути нашего дрейфа, возникли бледно-голубые очертания могучих гор Сокотры. Карло заметил их в ту самую минуту, когда багровое солнце коснулось горизонта на западе, и мы закричали со смешанным чувством радости и беспокойства:

— Ур-ра! Видим Сокотру! Достигли Африки!

В самом деле, здорово! Мы пересекли Индийский океан. На поверхности моря появилась легкая рябь, но ветер был еще слишком слаб, чтобы наполнить парус. А ведь нам нельзя подходить ближе к острову. Поднимаем парус, налегаем на гребные весла... Солнце скрылось, и все потонуло во мраке. Шлем новую радиограмму: подходим к запретному острову вопреки собственному желанию.

Тринадцатое марта. Солнце взошло в легкой дымке; ленивый бриз по-прежнему был слишком слаб, чтобы ладья слушалась руля. К полудню мгла поредела, и я различил вдали слева какую-то формацию, высвеченную солнцем. Словно айсберг, которому природа придала вид сидящего белого медведя. Потом вокруг светлой формации появились темные контуры более крупного массива. Судя по всему, остров еще приблизился, но толком разобрать, что скрывается за мглой, мы не могли. К «Тигрису» подлетела чайка. Ребята выловили кустики плавающих водорослей.

Норман доложил по радио, куда нас занесло. Ему ответили, что лондонские посольства стран, представленных в команде «Тигриса», пока не получили от Южного Йемена положительного ответа.

Солнце зашло.

Четырнадцатое марта. Вскоре после полуночи ветер прибавил, и ладья стала слушаться руля. Только оба паруса наполнились, как ветер с веста отошел на зюйд-вест, потом на зюйд, потом вильнул обратно. Всю ночь мы возились с парусами и гребными веслами, возвращая «Тигриса» на нужный курс, и каждый раз ветер заходил с другой стороны. Ладья выписывала петли и зигзаги; мы совершенно выбились из сил; в темноте я боднул бамбуковое стропило и разбил голову в кровь. А выбравшись из рубки в седьмом часу утра, обнаружил, что нос ладьи смотрит прямо на скалистый берег Сокотры... Белый медведь оказался огромной песчаной дюной на склоне образованного пригорком центрального мыса. Определившись по карте, мы установили, что перед нами протянулся на сто с лишним километров северный берег острова. На восходе нас отделяло от него всего двадцать миль, на закате — четырнадцать. И это после того, как мы весь день трудились без передышки, чтобы увеличить или хотя бы сохранить дистанцию.

Нос ладьи вертелся в разные стороны, и наши корифены растерянно метались по кругу. Остров оцетинился шпилями и пиками, которые выглядели выше и неприступнее всех гор, виденных нами с начала плавания. Дежуривший на рации Норман принял сообщение, что представительство Южного Йемена при ООН тоже не стало ничего решать и предложило обращаться прямо на Сокотру. Включив любительскую рацию, Норман связался с русским радиолюбителем по имени Валерий, и я попросил Юрия передать в Москву, что нас прибывает течением к Сокотре. Вскоре поступил ответ, что Министерство иностранных дел СССР направило запросы посольству Южного Йемена в Москве и Советскому посольству в Адене.

Наступил вечер, и остров снова пропал во тьме. Детлеф доложил с мостика, что мы, идя на запад против приливо-отливного течения скоростью не менее одного узла, вроде бы сохраняем дистанцию, отделяющую нас от берега. Ночью слабые порывы ветра доносили благоухание цветов, а один раз нам почудился запах жареного кофе. На несколько секунд на берегу вспыхнул яркий огонь, потом опять сгустился крошечный мрак.

Пятнадцатое марта. В полночь ветер совершенно стих, и мы снова очутились во власти течения. Сколько ни смотрели — никаких огней, ни на острове, ни в море. Когда небо на востоке из черного стало сперва ярко-зеленым, потом красным, суша показалась всего в восьми милях от ладьи. За ночь нас оттеснило назад, и мы вернулись на траверз ориентиров, виденных накануне, только теперь они были гораздо ближе. Огромный «белый медведь» придвинулся вплотную, и мы дивились, как это песок мог подняться так высоко по склону. Пригорок с дюной ограждал с востока главную гавань острова с административным центром Хадибу. В западной части бухты мы рассмотрели высокие деревья и несколько построек. Но никаких признаков жизни. Ни одного дыма. Странно, как будто остров был покинут людьми.

Вместе с нами шло более сотни спинорогов, и появились какие-то новые виды рыб. Было много крабов-плавунцов. Летали птицы. Но люди не показывались. В разных местах вода словно вскипала от полчищ серебристых рыбок: наши корифены занялись охотой. Кругом сновали дельфины. Перед мысом пускали фонтаны три кита. Но никто не выходил навстречу нам из гавани, и никто в нас не стрелял. Может

быть, и впрямь политические осложнения или еще какие-нибудь причины вынудили людей покинуть остров? Норман принял новое известие с Бахрейна: «Министерство иностранных дел ФРГ рекомендует «Тигрису» не подходить, повторяю, не подходить к Сокотре во избежание серьезных затруднений (подчеркнуто)».

Слабый бриз позволил нам идти со скоростью 1,2 узла относительно поверхности воды, но течение оставалось встречным. Мы вошли в загрязненную зону, море на много миль вокруг было словно покрыто мыльной пеной. В дневнике записано:

«Во второй половине дня загрязнение усилилось, от края до края тянулись полосы, напоминающие «красный прилив»; местами плотные, как снежные заструги. Ближайшее рассмотрение показало, что эти полосы составлены бурыми комочками мазута, вроде встреченных нами в Атлантике. Комочки мы наблюдали не один день еще до появления пены. Длинными параллельными лентами тянется слизистая смесь пены с нефтяной пленкой. Отвратительная картина. Крабики снуют по этой мерзости; плавают с разинутым ртом корифены, охотясь за полчищами крохотных рыбешек. Всю вторую половину дня мы петляли, стараясь оторваться от острова, даже легли на обратный курс, задумав обогнуть восточный мыс, — все напрасно. Теперь, в шесть часов вечера, правим на высокий западный мыс, на который нацелились вчера вечером, только позиция наша намного хуже, вот-вот войдем в трехмильную зону. На душе беспокойно от такой близости. На небольшом мысу с идущей вверх по склону тропкой видно несколько армейских палаток; рядом с ними стоит нечто вроде грузовика. Видно также группу огромных современных бетонных зданий вперемешку со старыми арабскими домами. Три здания стоят бок о бок у самой воды. Если б не отсутствие окоп, можно было бы принять их за жилые дома. А так они производят впечатление ультрасовременных предприятий, резко контрастируя с окружающей дикой природой. Сказочные горы. Мы в жизни не видели более красивого острова. Нам с Норманом он напоминает остров, где мы впервые познакомились, — Таити с устремленными к небу шпилями Диадемы. Карло предложил нам попробовать наладить радиосвязь с Сокотрой или Южным Йеменом. Мы попытались, по нам не ответили. Большие здания еще приблизились. Никаких признаков

жизни. Никакого движения. Никакого ветра. Положение отчаянное. Рисуем, что нас выбросит на скалы».

Ночь застала нас возле самого берега. С удивлением мы увидели, что в современных зданиях внезапно вспыхнуло множество ярких электрических огней и кругом кое-где зажглись фонари. Я заключил дневниковую запись такими словами: «От близости берега тревожно на душе. Отдал команду зажечь побольше керосиновых фонарей и направить свет в сторону суши, чтобы там знали, где мы находимся, и могли вмешаться, если нас понесет на опасный берег».

Шестнадцатое марта. Остров все там же во всей своей впечатляющей красоте. Мы снова очутились перед входом в бухту, где располагался административный центр Хадибу и где, во всяком случае прежде, помещалась резиденция султана. Сопровождаемая двумя китами ладья заметно углубилась в трехмильную зону. Я сказал ребятам, чтобы убрали свои кино- и фотокамеры. Если кто-нибудь выйдет к нам, объясним причину наших затруднений. Не выйдут — сами подойдем на шлюпке к берегу и принесем свои извинения.

Когда настал час завтрака, из-за горизонта вынырнула небольшая моторная *дау*, которая шла к острову со стороны Южного Йемена. Изменив курс, она направилась прямо к нам. В нескольких стах метрах от ладьи остановилась, и четыре чернокожих члена команды воззрились на «Тигрису». Открытое суденышко было до краев нагружено огромными молотоголовыми акулами. Я послал Рашада и Эйч Пи с поручением узнать что-нибудь об этом таинственном острове. Вернувшись, Рашад сообщил, что чернокожие рыбаки встретили их очень приветливо, говорят на арабском диалекте и настоятельно советуют войти в залив, поскольку здесь единственный удобный для высадки берег. Никакие опасности нам не грозят, народ здесь гостеприимный. По словам Рашада, рыбаки сказали, будто на острове находятся русские и китайцы. Мы с улыбкой выслушали это сомнительное известие. Рыбаки запустили мотор, *дау* описала широкую дугу и скрылась вдали за восточным мысом.

Ободренный спокойствием рыбаков, я был готов подойти к берегу — все равно ведь мы давно вторглись в территориальные воды. Собрал команду на совещание. Напомнил, что у нас было договорено: если позволяет время, выслушивать каждого члена команды перед принятием важных решений. Мой голос решающий, но при условии,

что меня поддержит хотя бы один человек: вдруг я свихнусь. Затем я поставил на голосование свой план — высадиться на берег Сокотры. Рашад говорит по-арабски, Юрий по-русски. Никто не стрелял по «Тигрису», и уж наверно не станут обстреливать безобидную шлюпку, если мы подойдем в открытую под флагом ООН и объясним, в какое затруднительное положение попали. Либо нас примут, либо выведут на буксире в море.

Я не агитировал ребят, был уверен, что это единственный разумный выход и все согласятся со мной, как соглашались до сих пор. Остров чудесный, говорил я себе, здесь, наверно, можно запастись свежими фруктами, кокосовыми орехами, птицей, мясом, молоком, пресной водой. Если на берегу и впрямь есть русские, Юрию обеспечен дружеский прием, тем более что он может сослаться на телеграммы своего Министерства иностранных дел. Надо думать, на таком крупном острове, расположенном на морских путях, остались следы древних мореплавателей. Его земля так и напрашивалась на исследование. Однако вслух я ничего этого не сказал, только вкратце изложил свой план и подчеркнул, что вот уже полчаса дует слабый бриз, позволяющий нам войти в бухту и бросить якорь или пристать к берегу.

Первым после меня взял слово Норман. Я никогда не подозревал в нем ораторского таланта, умения говорить так горячо и убедительно, что при желании он запросто победил бы на выборах в президенты США. К моему удивлению, Норман заявил, что, принимая справа этот слабый бриз, мы вполне можем следовать вдоль острова, миновать западный мыс и продолжать плавание без остановок. Есть полный смысл сделать такую попытку, говорил он. Незачем без крайней нужды прерывать самый длинный этап в нашем переходе через Индийский океан, когда есть шанс побить свои собственные рекорды безостановочных плаваний на судах такой конструкции. У нас вдоволь провианта и воды, мы ни в чем не нуждаемся. Если войдем в бухту, придется либо просить, чтобы нас потом отбуксировали в море, либо нанимать дополнительных гребцов. К тому же на берегу кто-нибудь из команды непременно заболевает. Так что в интересах руководителя экспедиции и всех членов команды не прерывать здесь наше плавание.

Карло ловил каждое слово Нормана. Как он восторгался, когда увидел крутые горные шпили Сокотры, а тут вдруг утратил всякий

интерес к восхождениям. Дескать, очень уж затянулось наше плавание. Лучше рискнуть, попробовать обойти западный мыс и взять курс на Красное море, где и закончим экспедицию.

Юрий был убежден, что на острове нам ничего не грозит, но, если, как полагает Норман, при нынешнем ветре в самом деле можно миновать западный мыс, он тоже за такую попытку.

Норрис молчал, однако мы слышали знакомую икотку его «младенца»: кинооператор снимал и записывал все, что делалось и говорилось. Выждав, когда многонациональная команда определила свое отношение к самой важной за всю экспедицию проблеме, он в конце концов тоже проголосовал против высадки. Дескать, вряд ли на острове может быть что-нибудь интересное, иначе Тур с самого начала предусмотрел бы его в своих планах. Одна нация за другой выступили против моего предложения: США, Италия, СССР, ФРГ, Ирак, Япония, Мексика, Дания. Ни одного голоса «за», только мой соотечественник Эйч Пи согласился со мной, что более интересного места мы уже не встретим, а потому стоит высадиться.

Я был огорошен. Такое поражение. Возможно, меня избаловало то, что до сих пор мои предложения всегда одобрялись командой, за исключением того случая, когда я решил прервать плавание первой «Ра», а все остальные настаивали на том, чтобы продолжать. Тогда я принял единоличное решение. Жизнь людей дороже научного эксперимента. Ответ на поставленные задачи уже был получен, и я мог построить еще одну ладью для повторного испытания. На этот раз я располагал нужной поддержкой одного голоса. И меня вовсе не волновали рекорды дальности. К тому же шансов благополучно миновать западный мыс Сокотры было столько же, сколько напороться на рифы и скалы. В мореходном справочнике Индийского океана этот мыс характеризовался как весьма коварный, подчеркивалось, что около него мореплавателей подстерегают сильные течения, высокая волна и порывистые ветры. Опыт последних четырех дней показал, что ветер может в любую минуту изменить направление или пропасть, а тогда нам крышка. Дальше на запад — ни одной бухты, ни одного ровного участка, где могла бы спокойно отстояться камышовая ладья. Сплошные скалы и одна-две выемки в береговой линии, наглухо забаррикадированные коралловыми рифами.

Да, ситуация... Я не видел никакого смысла в том, чтобы рисковать жизнью, идя при боковом ветре мимо скалистого берега, когда можно было спокойно войти в пленительную бухту, отдать якорь, установить контакт с местными жителями и рассказать о наших невзгодах. Тем не менее, учитывая позицию команды и принятые по радио предупреждения, я решил пойти на компромисс.

Ветер с моря прибавил, гребни воли закурчавились барашками. Я объявил, что согласен на эксперимент: будем два часа идти дальше, проверяя с мостика пеленг на западный мыс. Если через два часа окажется, что наш курс позволяет благополучно миновать мыс, продолжим плавание. В противном случае мы еще успеем развернуться и, принимая ветер с другого борта, возвратимся к Хадибу.

Все были довольны, только у меня на душе кошки скребли — очень уж опасным казался мне этот эксперимент.

И вот мы плывем на запад мимо нелюдимых черных скал с белой оторочкой прибоя, вызванного усилившимся ветром. Риск есть риск... А когда истекли два часа и Детлеф соскочил с мостика, чтобы доложить, как обстоит дело с пеленгом, Норман выбрался из рубки с новыми радиопосланиями. Оставив Германа у румпеля, мы в тревоге окружили Нормана, и он прочитал вслух:

— «Представительство Южного Йемена при ООН связалось со своим правительством, чтобы объяснить положение «Тигриса». Надеемся получить разрешение».

Второе послание гласило:

— «Норвежское посольство в Лондоне уведомляет, что Южный Йемен не против вашей высадки на Сокотре».

Послышались крики «ура!», кто-то из ребят предложил тотчас поворачивать обратно и править на бухту Хадибу. - Я попросил Детлефа доложить обстановку. Он сказал, что мы идем против встречного течения с абсолютной скоростью два узла, выдерживая курс, с учетом сноса, 278° — на 18° правее торчащего вдали западного мыса.

Детлеф готов был тут же возвращаться на мостик, чтобы развернуться курсом на Хадибу.

— Теперь-то мы точно знаем, что в нас не будут стрелять! — радовался он.

Но тут уже я воспротивился.

— Нет. Мы единодушно постановили проверить, может ли «Тигрис» миновать этот мыс. Ответ получен, ответ утвердительный, теперь надо плыть дальше, не то получится, что мы попусту затеяли рискованное дело.

Норман поддержал меня. Нам следует продолжать плавание. Ни шумеры, ни египтяне не стали бы приставать к здешним берегам, зная по предыдущим заходам, что на острове нет ни золота, ни других ценных товаров. Правда, большинство ребят теперь явно сожалели, что упущена возможность войти в бухту Хадибу и заняться увлекательным поиском ответа на неразгаданные тайны Сокотры. Провожая взглядом уходящие назад пейзажи, мысленно мы взбирались на горы, чтобы исследовать окаймленные суровыми пиками долины.

Карло и Герман достали несколько бутылок красного вина, припасенного для особых случаев, и мы продолжали идти вперед. Нос лады смотрел правее мыса, четко вырисовывающегося на фоне золотистого вечернего неба. Солнце садилось в причудливые облака, которые мы сперва приняли за другие острова из группы Сокотры.

Слева нас неотступно сопровождали дикие скалы, а до последнего мыса надо было еще плыть и плыть. Мы заметили нехитрые каменные постройки на ровных площадках над скалами, потом все пропало во мраке, только и видны бородатые физиономии членов экспедиции, окружившие керосиновый фонарь. Все так же пели среди стеблей кузнечики; около наших босых ступней ковыляли крабики.

Наш маленький отряд не разучился наслаждаться бытием на борту шумерского *ма-гур*. Я уже простил ребятам, что не поддержали меня на утреннем совещании. Как-никак целью экспедиции было испытать наш кораблик, а их уверенность в нем служила высшей оценкой. Древняя конструкция, которую ученые почитали ненадежной за пределами рек Месопотамии, пронесла нас через шумерский залив, от Бахрейна до Омана, от Омана до Пакистана, от Пакистана до острова у берегов Африки, вполне сохранив свои мореходные качества, так что команда предпочла не останавливаться на Сокотре, хотя знала, что нам предстоит одолеть еще тысячу миль и пройти сквозь строй запретных берегов, прежде чем представится следующая возможность причалить к суше.

Глава XI. Пять месяцев для нас — пять тысячелетий для человечества

Молодой месяц словно обозначил новую фазу путешествия, когда мы ушли от Сокотры — первого на нашем маршруте клочка африканской земли. Ночь принесла крутую волну и переменные ветры, и в скудном свете тонкого лунного серпа мы с Норманом, как нам показалось, совсем близко рассмотрели черные контуры уходящего назад высокого западного мыса. Прощай, Сокотра! Некоторое время вдалеке за кормой переливались яркие лучи прожекторов. На рассвете весь возвышенный западный берег острова остался позади, и вскоре мы снова очутились наедине с океаном и нашими морскими спутниками, большинство которых остались нам верны.

Через два дня мы с хорошей скоростью миновали необитаемый остров Каль-Фарун с птичьим базаром. Высокая скала, напоминающая акулий зуб, блестела от помета. Отметив, что в лоции перепутаны местами изображения Каль-Фаруна и Джазират-Субунья^[47], мы заключили, что вряд ли эти воды с мощными приливно-отливными течениями и противотечениями между скалистыми островками привлекают какие-либо суда. Однако как раз в это время, когда небо и солнце окрасились в закатный красный цвет, мы увидели два судна. Они догоняли нас, следуя сходящимся курсом, причем одно из них появилось со стороны Сокотры. Похоже было, что ладью собираются взять в клещи, и мы подняли флаг ООН. В ответ поднялись советские флаги, а затем мы прочли названия на железных корпусах: «Анапский» и «Ачуевский». Два советских рыболовных траулера, явно нуждающиеся в свежей покраске после долгого пребывания в море. Юрий влез на крышу рубки и радостно запрыгал там, размахивая фуражкой. Его жестикуляция несколько не смутила птиц, которые пикировали на рыбу около ладьи. Да и выстроившиеся вдоль поручней моряки, по три десятка на каждом судне, поначалу реагировали довольно вяло. Тем временем солнце зашло, и траулеры озадились электрическими огнями. Замедлив ход, они как бы эскортировали нас с двух сторон, чуть отстав от «Тигриса», и один траулер

поприветствовал нас сиреной. Асбьёрн живо накачал резиновую шлюпку, вместе с Юрием они подошли по черным волнам к «Ачуевскому», и Юрий поднялся на борт. Через полчаса он вернулся с дарами и вручил нам огромного замороженного групера, десятикилограммовый мешок с обезглавленными морожеными креветками, большой мешок картофеля и русские карты залива, к которому мы направлялись. Два дня мы обедались чудными креветками, торопясь управиться с ними, пока не протухли на жаре.

Траулеры ушли курсом на Аден, и мы снова остались одни. В последний раз нам выдалась возможность поваляться на крыше рубки и поразмышлять о далеких временах, когда в этих водах плавали основатели древних цивилизаций и свободной торговли. Историк Плиний Старший в первом веке нашей эры отмечал широкий размах морской торговли между Египтом и Цейлоном, который, в свою очередь, был связан «со страной китайцев». Плиний недвусмысленно заявляет, что сведения о здешних морских путях римляне получили от древних египтян и что те точно знали, когда, куда и как ходить под парусами в этой части Индийского океана. Благодаря Плинию и заведовавшему Александрийской библиотекой древнегреческому ученому Эратосфену, трудами которого пользовался римский историк, нам было известно, что «Тигрис» далеко не первый корабль подобного рода, совершивший этот несложный переход. Плиний записал, что египтяне в свое время плавали «на судах из камыша, оснащенных подобно нильским лодкам» не только на Цейлон, но и к индийскому материку, торгуя с прасиями на реке Ганге. Он приводит точный навигационный путь, сообщенный Эратосфену египетскими купцами, и отмечает, что суда выходили из портов Красного моря летом, когда на небе показывался Сириус. Далее он пишет: «В обратный путь из Индии мореплаватели отправляются в начале египетского месяца Тибис, что отвечает нашему декабрю, и во всяком случае, до шестого дня египетского Мешир, то есть до 13 января по нашему календарю»^[48].

Мы на «Тигресе» покинули район Инда только 7 февраля, зная, что запаздываем, заплатились сломанной стеньгой и все равно дошли до африканских вод. Не времена года были для нас главной помехой, а историческая эпоха. Мы опоздали на несколько столетий, и нам не разрешили высаживаться в Пунте. Идя в опасной близости от

запретного берега, надо было маневрировать предельно осторожно, чтобы не оказаться в виду венчающего «рог Африки» мыса Гвардафуй, после которого восточное побережье материка сворачивает круто на восток-юг, окаймляя Аденский залив.

— По-моему, нам лучше всего держаться к югу от середины залива, — сказал Норман. — От нас требуется величайшая точность. Ширина промежутка между Азией и Африкой всего каких-нибудь пятнадцать миль, и мы должны попасть в эту щель.

В это время на политическом небе появился первый просвет. Мы получили разрешение на заход от Джибути, крохотной африканской республики в глубине Аденского залива, у самого входа в Красное море. Это новорожденное государство, клочок засушливой земли вокруг хорошо оборудованного порта, соблюдало нейтралитет.

Мы миновали мыс Гвардафуй за пределами видимости. Там за горизонтом наиболее развитые представители современной цивилизации выгружали новейшие изобретения для убоя людей. Три с половиной тысячи лет назад корабли египетской царицы Хатшепсут приходили сюда за миртовыми деревьями для украшения Фив. Когда плывешь от континента к континенту на камышовом корабле, времени для размышлений хоть отбавляй...

Если не считать человеческой природы, за последние пять тысяч лет многое изменилось на всех материках. Все быстрее преобразается наша среда обитания. Ожидающий нас путь так же неизведан, как большая часть пройденного, и чем лучше мы постигнем прошлое, тем вернее сможем предсказать будущее. Поскольку наша родословная совсем недавно отодвинулась на два с лишним миллиона лет назад, будущее раскопки сулят массу нового. Величайшее открытие последних лет — уразумение того, как мало, невероятно мало нам пока известно о прошлом человеке, о начале всех начал. В первые десятилетия после Дарвина и открытия неведомой прежде шумерской цивилизации нам казалось, что мы получили ответ на все вопросы: родина человека — леса, родина цивилизаций-близнецов — Египта и Двуречья — две широкие плодородные речные долины. Вроде бы все сходилось.

В том, что две замечательные цивилизации возникли бок о бок на Ближнем Востоке около 3100 года до нашей эры, не видели ничего удивительного. Ведь там помещались Сады Эдема, и Адам с Евой

родились всего за несколько тысячелетий до того. Но затем последовали открытия в долине Инда. Сперва были обнаружены хорошо сохранившиеся города-близнецы Мохенджо-Даро и Хараппа. Потом археологи и здесь раскопали следы работы первых цивилизованных градостроителей, датируемые примерно 3000 годом до нашей эры. Три великие цивилизации в областях, окружающих Аравийский полуостров, предстают нашему взору в высокоразвитом обличье, с организованными династиями, удивительно схожие между собой. Можно подумать, что объединенные родством священные правители прибыли откуда-то извне вместе со своими приближенными и утвердились на землях, населенных сильно-уступавшими им в культурном развитии племенами.

Как объяснить впечатляющий, чуть ли не внезапный одновременный расцвет трех разных областей, если не взаимосвязью явлений? Вопрос этот напрашивался и раньше, он тем более уместен теперь, когда оказалось, что 3000 год до нашей эры отнюдь не обозначает некую срединную точку в расселении и эволюции человечества. Жители Двуречья, Египта и прочие представители рода людского по меньшей мере два миллиона лет независимо друг от друга шли по пути от первобытного палеолита до цивилизации бронзового века. Зная это, вправе ли мы полагать, что три народа-судостроителя в одно время начали странствовать в поисках олова и меди, чтобы выплавлять бронзу и придавать ей заданную форму восковым литьем? И можно ли говорить о естественной связи между литьем бронзы и, скажем, изобретением письменности или колесной повозки? Тем не менее три названные цивилизации вдруг обзавелись важнейшими элементами материальной культуры и верований, словно инспирировали друг друга или же черпали из общего источника.

Признавая, что в древности достижения цивилизации распространились от обширных нив Египта и Шумера сначала по всему Ближнему Востоку, затем на Крит, Грецию. Рим и наконец на остальную Европу, мы стоим на прочной исторической основе. Известно, что влияние Индской цивилизации, с ее совершенными портами в приморье, проникло в самые отдаленные уголки Индии. Коль скоро Плиний показывает, что Цейлон в древности торговал с Китаем, кто мог помешать представителям хараппской цивилизации делать то же самое и обогащать важными импульсами великую

китайскую цивилизацию, расцвет которой наступил вскоре? В селении Ормара мы видели маленькие примитивные *dau*, регулярно доставляющие вяленую акулу на Цейлон. Для этих людей естественной дорогой было море, а не джунгли. Располагая географическими промежуточными звеньями в лице Цейлона на востоке и Бахрейна на западе, люди Индской культуры, начав бороздить моря, вряд ли пребывали в неведении о крупных государствах приморской Азии.

Хронологически все известные нам великие цивилизации древности выросли одна за другой сразу после рубежа, обозначаемого 3000 годом до нашей эры. В основе их лежит исторический прорыв в трех ключевых приречных областях. Однако при всей его важности этот прорыв еще не обозначает точку отсчета, подлинное начало цивилизованного человека. Устоявшиеся представления рухнули в который раз, когда пересмотр и уточнение радиоуглеродных датировок показали, что до того, как сложились первые династии в трех великих речных долинах, цивилизованный человек развивал свою деятельность в самых неожиданных местах. Примечательные каменные сооружения возникли на островах вокруг Великобритании, на Мальте и Бахрейне раньше, чем где-либо еще. Общеизвестные доктрины о зарождении цивилизации ныне найдены несостоятельными.

Наука озадачена. Ученые еще не успели внести исправления в устаревшие учебники. Да и не принято заменять старые тексты, прежде чем на это дадут свое благословение большинство ученых. Сейчас можно встретить утверждения, что цивилизация зародилась независимо на различных островах за тысячу или более лет до того, как она возникла в поречье на континентах. И что стимулом прогресса, вероятно, были не импульсы извне, не массовая организация и не обильные урожаи зерновых, а обусловленные изолированным положением мир и безопасность. На это возражают, что подобные гипотезы противоречат фундаментальным положениям исторической науки. Что бедные почвы и прочими ресурсами острова не обеспечивают необходимых предпосылок для рождения цивилизации. К тому же цивилизация не возникает вдруг: если она существовала на островах вокруг Британии к IV тысячелетию до нашей эры, значит, сюда пришли уже цивилизованные племена или же острова задолго до

того были заселены первобытными людьми и у них было время, чтобы подняться на следующую ступень.

В обоих случаях у начала стоят мореходные суда. Целые семьи — первобытные или цивилизованные — пересекали море. Это согласуется со свидетельствами фресок Сахары и петроглифов области Красного моря: когда началось строительство пирамид, судостроение насчитывало не один век. Когда леса преграждали путь, реки и океаны были открыты для человека.

В наших знаниях о прошлом зияет огромный пробел между костями жившего два миллиона лет назад гоминида, найденными в озерных отложениях Африки, и вдумчивыми строителями, которые плавали на своих судах по обе стороны Гибралтара всего шесть-семь тысяч лет назад. Еще один пробел отделяет этих строителей от внезапно появляющихся на берегах Нила и Инда, в устье Тигра и Евфрата самодержцев с многочисленной свитой искусных ремесленников, зодчих и астрономов. Известные нам даты — не более чем редкие вехи на огромном пути. Большая часть нашего прошлого потеряна, забыта; кое-что еще сохраняется, сокрытое от взгляда под песком, илом, землей, вулканическим пеплом. За время существования человека лик планеты менялся снова и снова. Льды приходили и уходили. Суша рождалась и исчезала. Древние почвы в лесах и поречьях перекрыты периодическими отложениями. Наступающие пустыни погребли некоторые из важнейших областей обитания древних людей. Подводная археология только-только родилась, а ведь семьдесят процентов поверхности нашей планеты занимает вода!

Следует считаться с возможностью открытия под песком еще неведомых цивилизаций. В 1975 году при раскопках городища Мардих в Сирии обнаружена столица современного Вавилонии огромного ханаанейского царства; здесь найдено, в частности, около 15 тысяч глиняных плиток с письменами. Не только шумеры и творцы цивилизации Хараппы оставались неизвестными, пока на них не наткнулась лопата археолога, — все следы хеттов, ольмеков и многих других динамических культур Старого и Нового Света скрывались под землей. И все они оказались прототипами и катализаторами последующих исторически известных культур. Помпея и санторинский Акротири обнаружены в толще вулканического пепла.

Когда заходит речь о возможности открыть что-то под водой, мы дружно смеемся. Смеемся, как смеялись над Лики, над Вегенером, который несколько десятилетий назад впервые выдвинул гипотезу о дрейфе континентов. Позволительно смеяться над версией о затонувшей Атлантиде: слишком много небылиц накручено вокруг этого предания, и затонувшие народы столь же непопулярны в среде ученых, как пришельцы из космоса. К сожалению, фантастов больше манит погружаться в море и посещать очередную Атлантиду, чем зарываться в песок к шумерам. А археологам легче копать песок, чем работать под водой.

Но где гарантия, что, кроме затонувших судов, все прочие следы человека сосредоточены на тридцати процентах поверхности планеты, занятых ныне сушей? Каждый шаг вперед науки о происхождении и развитии человеческого общества — плод острых споров. Подбросим же и мы немного дров в костер полемики.

Человек каменного века охотился за лесным зверем там, где теперь плещутся волны Северного моря и траулеры поднимают со дна наконечники стрел. На месте Атлантики, в отличие от Тихого океана, в давние времена тоже была суша. До сих пор не установлено, когда затонули последние отрезки Срединно-Атлантического хребта. Предположительные датировки допускают совпадение во времени с эпохой древнего человека. Известно, однако, что в Атлантике произошла чудовищная катастрофа как раз тогда, когда отмечается заметное оживление человеческой активности. Во всяком случае, эта катастрофа должна была отразиться на творцах островных культур вокруг Британии — ведь дно океана расколола огромная трещина, которая пересекла даже лесистую Исландию. Здесь в заполненную лавой расщелину упало дерево, и радиоуглеродная датировка показывает, что это случилось около 3000 года до нашей эры.

С поправкой на ошибки метода все равно получаем время, близкое к эпохе, когда в области трех поречий появились великие династии. Археологи установили также, что около 3000 года до нашей эры были заброшены неолитические поселения на Кипре, видимо в связи с каким-то катаклизмом^[49]. К той же дате относят конец неолитической фазы и начало нового важного периода на Мальте^[50]. И на Крите археологами найдены свидетельства пространных смещений

пластов на рубеже III тысячелетия до нашей эры, когда люди искали убежища в пещерах, а затем обосновались на возвышенностях^[51].

Предание об Атлантиде было похоронено и, казалось бы, прочно забыто наукой. Но затем оно внезапно возродилось в новом облике в среде ученых. Недавнее открытие погребенной островной цивилизации на острове Санторин между Грецией и Критом оживило старую тему. Многие серьезные исследователи обратились к древнегреческим текстам, пытаясь отождествить Санторин с Атлантидой. Возможно, говорили они, в основе древнего предания лежат какие-то искаженные сведения, дошедшие от египтян. Так Атлантида была открыта вновь — поблизости от Греции и высоко над водой.

Чем объясняется такое возрождение отвергнутой легенды? И почему она становится более правдоподобной оттого, что Атлантиду помещают не в Атлантике и не под водой? Санторин не тонул, и расположен он не к западу от Гибралтара — отпадают два основных момента атлантической версии. Санторинский вулкан взорвался и засыпал пеплом город Акротири около 1400—1200 годов до нашей эры, но остров оставался на виду, когда греческие историки плыли мимо него в гости к своим египетским информаторам, которые, по их словам, располагали письменными сведениями о гибели Атлантиды. Для египтян историческая традиция начиналась с народа, который жил за Гибралтаром задолго до фараоновых времен, а не у берегов Греции во времена Нового Царства, когда произошло извержение санторинского вулкана.

Борясь за плавучесть построенного в Египте папирусного корабля «Ра I» в тех самых водах, где, как полагали древние египтяне, затонула Атлантида, мы не скупимся на шутки. Дескать, наша задача — попытаться выяснить, как далеко могла распространиться древнейшая средиземноморская цивилизация, а не искать место, где она родилась по мнению египтян!

В отличие от экспериментов на «Ра», «Тигрис» вышел на поиски начала начал согласно шумерским преданиям. Так мы очутились в Дильмуне, где, по рассказам шумеров, поселились их предки после того, как большая часть человечества утонула вследствие всемирного катаклизма.

Задолго до проникновения в Элладу христианства у древних греков бытовали три версии о катастрофическом наводнении. В их собственном мифе о потопе человечество покарал верховный бог Зевс; затем, также в дохристианские времена, они восприняли от эллинистических иудеев их вариант шумерского предания; наконец, тесно общаясь со страной на Ниле, они узнали египетскую версию.

Примерно за четыре века до начала христианской эры древнегреческий философ Платон написал свои диалоги «Тимей» и «Критий», в которых Критий рассказывает Сократу о путешествии Солона в Египет. Платон вкладывает в уста Крития такие слова:

«Выслушай же, Сократ, сказание, хоть и очень странное, но совершенно достоверное, как заявил некогда мудрейший из семи мудрых Солон».

Дальше Критий сообщает, что в Египте, в самом начале дельты Нила, есть область, называемая Саисской, с главным городом Саис. Жители этого города относились с большим расположением к афинянам, почитая их родственным народом. Прибыв сюда, Солон был принят с великими почестями. Расспрашивая наиболее сведущих жрецов, он убедился, что сам он и все его соотечественники почти ничего не знают о древности. Чтобы вызвать жрецов на беседу о древних временах, он принялся рассказывать им про греческую старину, как Девкалион и Пирра спаслись после потопа и кто были их потомки, и по числу поколений пытался определить, сколько времени прошло с той поры. Тогда один очень старый жрец сказал ему:

«О Солон, Солон! Вы, эллины, всегда дети и старца эллина нет... Все вы юны душой... потому что не имеете вы в душе ни одного старого мнения, которое опиралось бы на древнем предании, и ни одного знания, поседевшего от времени».

Старый египтянин объяснил это тем, что в течение веков человечество подвергалось многим великим бедствиям. И самое большое бедствие — это когда бог очищает землю потопом. В Средиземноморье, продолжал жрец, это случалось не один раз, и больше всех страдали греки и их соседи. Всех живущих в городах этой области смывало в море, спасались только скотоводы и пастухи в горах. А потому в памяти греков остался лишь последний потоп, и рассказы Солона о древних родах мало чем отличались от детских побасенок. Но «что бывало прекрасного и великого или

замечательного в иных отношениях у вас, или здесь, или в каком другом месте, о котором доходят слухи, то все с древнего времени записано и сохраняется здесь в храмах. У вас же и у других каждый раз, едва лишь упрочится письменность или другие средства, нужные <для этой цели> городам, как опять чрез известное число лет, будто болезнь, низвергся на вас небесный поток и оставил в живых только неграмотных и неученых, так что вы снова как будто молодеете, не сохраняя в памяти ничего, что происходило в древние времена».

Затем старый жрец рассказывает Солону о древнейших событиях, запечатленных на хранящихся в храме священных записях, относя эти события к девятому тысячелетию до прибытия Солона в Саис.

«Записи говорят, какую город ваш обуздал некогда силу, дерзостно направлявшуюся разом на всю Европу и на Азию со стороны Атлантического моря. Тогда ведь море это было судоходно, потому что пред устьем его, которое вы по-своему называете Геракловыми Столпами, находился остров. Остров тот был больше Ливии и Азии, взятых вместе, и от него открывался плователям доступ к прочим островам, а от тех островов — ко всему противолежащему матерiku, которым ограничивался тот истинный понт. Ведь с внутренней стороны устья, о котором говорим, море представляется <только> бухтой с чем-то вроде узкого входа, а то <что с внешней стороны> можно назвать уже настоящим морем, равно как окружающую его землю по всей справедливости — истинным и совершенным материком. На этом Атлантидском острове сложилась великая и грозная держава царей, власть которой простиралась на весь остров, на многие иные острова и на некоторые части материка. Кроме того, они и на здешней стороне владели Ливией до Египта и Европой до Тиррении».

Описание городов, храмов и каналов Атлантиды ставит их вровень с наиболее внушительными сооружениями фараонов и насыщено египетским ароматом, но заслуживает внимания характеристика порта: «... водный проход и большая из гаваней кишели судами и прибывающим отовсюду купечеством, которое в своей массе день и ночь оглашало местность криком, стуком и смешанным шумом».

Судя по всему, египетских жрецов и греческого повествователя особенно занимало подробное описание Атлантиды, ее могущества и

величия ее культуры, тогда как история драматической гибели острова нарисована очень скупыми красками: «Впоследствии же времени, когда происходили страшные землетрясения и потопа, в один день и бедственную ночь, вся ваша воинская сила разом провалилась в землю, да и остров Атлантида исчез, погрузившись в море. Поэтому и тамошнее море оказывается теперь несудоходным и неисследимым: плаванию препятствует множество окаменелой грязи, которую оставил за собой осевший остров»^[52].

По другую сторону Атлантики жрецы ацтеков и майя тоже делали записи иероглифами. Большинство этих записей было сожжено испанцами, но от них нам известно, что мексиканские аборигены рассказывали о великом потопе и об острове, затонувшем в Атлантическом океане. Ацтеки называли себя по имени этого острова (на их языке — Ацтлан), говоря о нем как о своей исконной родине. В основе всех их верований лежало убеждение, что правители ацтеков произошли от схожих с испанцами светлокожих бородатых людей, которые прибыли из осевшей в море страны и научили местных дикарей поклоняться солнцу. От них же дикие предки ацтеков восприняли достижения цивилизации: письменность, возделывание хлопчатника, календарь, зодчество, включая строительство городов и пирамид.

Поразительно точный календарь майя начинается датой *4 Ахау 2 Кумху*; в переводе на нашу систему это 12 августа 3113 года до нашей эры. Удивительное совпадение с радиоуглеродной датировкой возникновения всех великих цивилизаций Старого Света... Астрономические часы майя были точнее наших приблизительных радиоуглеродных датировок. Майя достигли такого совершенства в астрономии, что исчисляли астрономический год в 365, 2429 дня. Это дает потерю всего лишь одного дня за пятитысячелетний цикл, тогда как наш современный календарь за тот же срок дает разницу в плюс полтора дня. Выходит, майя были на 8,64 секунды ближе к истине, чем мы.

Никто пока не смог удовлетворительно объяснить, почему майя вели отсчет именно от указанной даты. Предполагают связь с каким-то астрономическим явлением, но это лишь догадка. Допускают также, что дата выбрана наугад. Да только уж очень это непохоже на методичных майя! Все прочие календари — буддистов, иудеев,

христиан, мусульман — ведут отсчет от появления основателя данной религии. Основателем религии майя был Кукулькан, священный правитель и жрец, который прибыл со стороны Атлантики и научил дикарей строить храмовые пирамиды и поклоняться солнцу.

Майя и ацтеки представляли относительно молодые цивилизации доколумбовой Америки. Оба народа восприняли основу своей высокоразвитой культуры, включая письменность, от давно исчезнувших ольмеков, чья изумительная цивилизация пребывала в неизвестности, пока уже в нашем веке не была открыта археологами на берегах Мексиканского залива. Нам неизвестно происхождение веры майя в Кукулькана, но она сродни вере ацтеков в культурного героя Кецалкоатля: оба описываются как светлокожие бородатые люди, приплывшие на судах из Атлантики, имена обоих составлены из названия птицы и слова, означающего «змей», и пернатый змей служил символом этих пришлых священных правителей и их божественных предков. Крылатые и пернатые змеи, символизирующие обожествляемых правителей, занимают в резьбе и на фресках Мексики столь же видное место, как на перуанской керамике, на египетских фресках, в хеттской скульптуре, на шумерских печатях. Вместе с птичечеловеком пернатый змей обозначал теряющиеся в неизвестности начала царских династий, служа связующим звеном между воображаемым родоначальником — Солнцем — и первыми правителями-полубогами, которые были похожи на прибывших впоследствии испанцев.

Мы не знаем, почему ацтеки и майя связывают начало своей истории с судами, пришедшими из-за океана, и почему календарь майя начинается с 12 августа 3113 года до нашей эры. Но мы знаем, что у них, как и у древнейшей известной нам африканской цивилизации, бытовало предание о некоем атлантическом катаклизме, с которого начинаются первые воспоминания человечества. Дальше того истоки теряются во мгле суеверий, связывающих царские генеалогии с Солнцем. В какую дверь ни загляни, всюду нам предстает примерно одна и та же дата пятитысячелетней давности, обозначающая одновременно начало и конец. Спросим полемики ради: почему бы не взять 12 августа 3113 года до нашей эры за точку отсчета для известных пределов нашей истории? Как раз около этого времени в областях, где до того цивилизация только-только формировалась, а то и

вовсе не существовала, появляются письменность, системы счета времени, первые династии.

Если все, что нам известно о наших началах, внести в книгу, где каждая страница отвечает одному тысячелетию истории человечества, мы увидим 1995 чистых страниц, а на пяти страницах будут разрозненные строчки об уже зрелых замечательных цивилизациях.

... — Посмотрите на луну! — донесся с мостика удивленный голос Германа.

Я отложил свои книги и записи и выбрался на палубу посмотреть, что его так поразило. Эйч Пи нырнул в рубку и схватил астрономический ежегодник Нормана. В небе — ни облачка, однако лунный диск потускнел, уподобляясь затерявшемуся аэростату, потом и вовсе стал исчезать. Жутковатое зрелище.

— «Двадцать четвертого марта 1978 года — полное лунное затмение над частями Азии и Индийского океана», — прочел Эйч Пи.

Классическая картина, которую древние истолковали бы как дурное предзнаменование. Мы отнюдь не страдали суеверием, однако в ту ночь и у нас на душе скребли кошки, когда мы с хорошей скоростью и с предельной осторожностью шли вдоль берегов Пунта, следя за тем, чтобы нас не занесло в военную зону.

Три дня спустя на носовой штаг опустилась прилетевшая из Африки роскошная птица с ярким хохлом. Это был удад, которого викинги считали вестником войны и называли «ратной птицей». Карло рассказал, что в Италии удад известен под названием «марсова петушка» — по имени римского бога войны. Не слишком ли много дурных примет для мореплавателей, идущих по следам древних? Мы шутя спрашивали друг друга, как все это было бы истолковано нашими предшественниками, которые, в отличие от нас, не знали наперед, что за горизонтом и впрямь идет война.

Ночью Тору крикнул с мостика:

— Слышите?!

Да, мы слышали. Слышали в рубке доносившиеся слева звуки перестрелки.

А на другой день до нашего слуха дошел нарастающий гул самолета.

— Черт возьми, он прямо на нас идет! — крикнул дежуривший на мостике Детлеф.

Мы выскочили под палящие лучи аденского солнца в ту самую минуту, когда двухмоторный военный самолет промчался над заменившим стеньгу веслом так низко, что парус заполоскал от внезапного вихря. Я едва успел остановить Детлефа, который уже занес ногу над перилами, готовясь прыгнуть в воду.

Мы подняли флаг ООН. Самолет развернулся и снова пошел к нам бреющим полетом.

— Опять летит!! — заорал я.

Рашад прокричал, что это самолет таможенников, принял нас за контрабандистов, сейчас будет бомбить. Асбьёрн предположил, что летчики облюбовали нас в качестве тренировочной мишени.

— Ур-ра! Это американская морская авиация! — перебил их ликующий голос Нормана.

Он весело прыгал и махал руками на крыше рубки, приветствуя проревевший над нами самолет. Из кабины кто-то помахал ему в ответ. Мы облегченно вздохнули. Никто на нас не покушается...

Заснявший этот эпизод Норрис включил звукозапись, и все, кроме меня, снова выскочили на палубу, услышав мой возглас: «Опять летит!» — и рев мотора. Раздался дружный смех, однако он тут же оборвался: запись вроде бы кончилась, а мотор продолжал звучать с нарастающей силой и в какой-то другой тональности. Глянув на небо, мы увидели летящий к «Тигрису» вертолет. Норман крикнул, что это не американец.

Мы все приготовились прыгать за борт, но люди в зависшей над самой мачтой тяжелой военной птице козырнули нам и показали на свою эмблему. Французы! Едва эта машина растаяла в синеве, как с двух сторон появилось еще по вертолету. Мы снова насторожились. Они встретились над нами, и у нас отлегло от души: один был американский, другой французский. Пилоты снимали нас с воздуха, но ведь они могли и не только снимать. Мы вошли во внутреннюю область Аденского залива. Слева простиралась северная часть Сомали и фронтовая линия. Справа — Южный Йемен с древним портом Аденом; на границах этой страны тоже было неспокойно.

Норман был за то, чтобы воспользоваться благоприятной позицией и следовать прямо на Баб-эль-Мандебский пролив, чтобы войти в Красное море. Но, поскольку ни одна из стран на берегах этого моря не отозвалась на наши запросы, мы единодушно постановили

изменить курс и идти в Джибути, крохотное государство перед проливом, которое предложило нам свое гостеприимство.

Двадцать восьмого марта мы увидели синие горы Африки и ночью правили ориентируясь на береговые огни. Задолго до восхода миновали маяки у входа в гавань Джибути и отдали якорь. А когда рассвело, оказалось, что наш ближайший сосед на рейде — огромный военный корабль. С появлением солнца навстречу нам вышла из порта яхта, и следом за ней мы прошли под парусами между кораблями французского флота в Индийском океане. Древний порт был битком набит военными судами, призванными охранять нейтралитет мини-республики, которой Франция совсем недавно предоставила независимость.

На всех палубах выстроились офицеры и матросы, приветствуя «Тигрису». Я скомандовал: «Убрать паруса!» — и повернул румпель, заходя на стоянку. Норман влез на мачту и, оседлав рею, лихо съехал с ней на палубу; остальные тем временем взялись за гребные весла, шесты и якоря.

По поручению Би-би-си встретить нас и принять наши пленки в Джибути прибыли Брюс Норман и Рой Дэвис. Они привезли из Лондона известие, что мы не сможем зайти в Эфиопию через Красное море. В районе порта Массауа, через который я вывозил заготовленный на озере Тана папирус для «Ра I» и «Ра II» и в котором именно поэтому рассчитывал дней через пять закончить плавание, шли бои между эфиопскими правительственными войсками и сепаратистами. Однако тут же Рой с победным видом вручил мне два письма — одно от посла Йеменской Арабской Республики в Лондоне Мухамеда Абдуллы эль-Эриани, другое от полномочного министра Мухамеда эль-Махадхи. Посол подчеркивал интерес Северного Йемена к нашей экспедиции, горячо желал нам успеха и ссылаясь на министра. Министр писал: «Могу заверить Вас во всестороннем сотрудничестве, поскольку экспедиция д-ра Т. Хейердала представляет собой замечательнейшее и похвальное предприятие. Искренне Ваш...»

Такое событие следовало отпраздновать. Получалось, что мы можем несколько дней отдохнуть, а потом пройдем через пролив и высадимся в Северном Йемене. Конечно, это не Массауа, другая сторона Красного моря, ну да ладно.

Мы сошли на берег, где нас встретили приветливые черные африканцы, и разместились в отеле «Сиеста». Никогда не забуду роскошную сочную отбивную, от которой меня оторвал телефонный звонок. Новая директива Лондона. «В целях безопасности» Северный Йемен отменил разрешение входить в его воды. На борту «Тигриса» не было даже пистолета, стало быть, они не нас опасались. И вообще, из предыдущих любезных посланий можно было заключить, что йеменцы озабочены не своей, а нашей безопасностью. Тихоходный *ма-гур* под флагом ООН, с интернациональной командой, мог стать сооблазнительной мишенью для налетчиков. Мы подошли к одной из горячих точек современного мира.

Выходит, нам теперь некуда плыть... С научной точки зрения, тот факт, что нам не придется добавить пять дней к экспедиции, длившейся пять месяцев, не играл ровным счетом никакой роли. Но вот ведь что обидно: мы возвратились в свой собственный мир, к современникам — и натолкнулись на плоды двадцати веков прогресса, счет которым ведется от времен миролюбивого моралиста. Вернулись в мир, где прекрасных людей учат убивать друг друга эксперты, владеющие самой изощренной методикой, придуманной человеком на исходе пятого тысячелетия известной нам истории.

Я не стал делиться плохими новостями с окружившими праздничный стол товарищами. Потихоньку ушел и провел эту ночь на борту «Тигриса», лежа в уютной рубке, глядя в тростниковый потолок и размышляя, как быть дальше. Мы вынуждены закончить здесь экспедицию и оставить корабль, это ясно. До сих пор мы не задумывались над тем, как поступить с «Тигрисом». Даже храбро обещали оставаться на борту, пока ладья будет держаться на воде. Что ж, она отлично держится на воде, высота надводного борта равна той, что была у «Ра I» и «Ра II» на старте.

Наружная плетенка потрепалась и пострадала от загрязнения, но изготовленные болотными арабами сорок четыре внутренние связки в полной сохранности, как и пальмовые черешки, которыми мы залатали нос. «Кон-Тики» и «Ра II» после экспедиции привезли в Осло; они выставлены с поднятыми парусами в музее «Кон-Тики». Но после постройки нового зала для «Ра II» музеем уже некуда расширяться. Оставить «Тигриса» в загрязненной гавани Джибути — веревки быстро сгниют, и чудесный камышовый корабль развалится. С разных

концов света поступали предложения от дельцов купить «Тигрису»; последним в ряду желающих был пакистанец, который отбуксировал нас в море из гавани Карачи. Но мне претила мысль о том, что нашу гордую ладью будет возить напоказ какой-нибудь охотник за наживой. К тому же на душе было скверно от кошмара современной войны и несчастных беженцев, с которыми мы столкнулись. Внешний мир, как и мы до последних дней, не очень-то представлял себе, что здесь происходит, — ведь война вдали от собственных рубежей воспринимается лишь в виде строчек последних известий.

Я принял горькое решение. «Тигрис» заслужил более почетную кончину, чем медленное гниение в порту. Пусть станет факелом, призывающим разумных людей отстоять мир в области земного шара, где впервые утвердилось цивилизация. Предадим огню камышовые бунты у входа в Красное море в знак пламенного протеста против гонки вооружений и боев в Африке и Азии.

Утром, когда команда вернулась на борт и мы сели завтракать, я известил ребят о своем решении. Они были потрясены, однако дружно поддержали меня.

В тот день меня принял во дворце президент Джибути Хасан Гулед Аптидон — пожилой руководитель молодого государства, мудрый, дружелюбный, человечный представитель чернокожей Африки. Я попросил разрешения закончить экспедицию в его стране, рассказал, как тщательно мы маневрировали, чтобы прийти в этот нейтральный уголок.

— Вам посчастливилось, — произнес он, улыбаясь. — Ваше судно смогло уйти от войны. А моя маленькая страна должна оставаться на месте, хотя кругом идет война и нам постоянно грозит вторжение.

Президент добавил, что мы вполне можем покинуть здесь свою ладью, только надо учесть, что в страну нахлынули беженцы, все магистрали, связывающие Джибути с внешним миром, закрыты, единственная железная дорога на Аддис-Абебу взорвана. Самолеты привозят мясо из Найроби, все прочие продукты доставляются по воздуху из Парижа, так что из-за высоких цен джибутийцам приходится туго. Порт — единственный источник доходов республики: окружающие город земли представляют собой пустыню.

Сердечный прием ожидал меня также у французского контр-адмирала Дарье на борту транспорт-дока «Ураган»; очаровательная американская чета Чантл и Уолтер Кларк, не менее нас удрученная мрачной ситуацией, устроила обед в нашу честь. Временный поверенный в делах США Уолтер Кларк еще не успел открыть посольство в новорожденной республике.

Никто не знал о нашем решении, только капитан порта был предупрежден, иначе на пожар примчались бы портовые пожарники и военные вертолеты. Нам хотелось остаться наедине с «Тигрисом».

После оформления положенных документов ладью отбуксировали из гавани, и с поднятыми парусами «Тигрис» стал на якорь перед маяком на маленьком коралловом островке Муша. Прежде чем спускать флаг ООН, я послал телеграмму человеку, который предоставил нам право плыть с этим символом Объединенных Наций. Но сперва я ознакомил с текстом телеграммы всех членов команды, чтобы услышать их мнение.

«Генеральному секретарю Курту Вальдхайму.

Организация Объединенных Наций.

Поскольку многонациональная команда экспериментального камышового судна «Тигрис» сегодня заканчивает испытательное плавание, мы благодарим Генерального секретаря за разрешение плыть под флагом ООН и с гордостью докладываем, что двойная задача экспедиции выполнена, к нашему полному удовлетворению.

Мы предприняли путешествие в прошлое, чтобы изучить мореходные качества судна, построенного по древнешумерским образцам. Но это было также путешествие в будущее, с целью показать, что люди, стремящиеся к общему выживанию, могут мирно сосуществовать даже на самом тесном пространстве. Нас одиннадцать человек, представляющих страны с разными политическими системами. Вместе мы прошли на маленьком судне-плоте из хрупких стеблей и веревок более шести тысяч километров от республики Ирак, с заходами в Бахрейнский эмират, Оманский султанат и республику Пакистан, до недавно родившегося африканского государства Джибути. Рады доложить, что, несмотря на разные политические взгляды, мы, живя в стесненных условиях, в полном взаимопонимании и дружбе, плечом к плечу боролись со штормами и штилями,

постоянно сохраняя верность идеалам Объединенных Наций: сотрудничество во имя совместного выживания.

Ступая в ноябре прошлого года на борт нашего камышового судна «Тигрис», мы знали, что вместе утонем или вместе выживем, и это сознание скрепило нашу дружбу. Разъезжаясь ныне, в апреле, по домам, мы испытываем глубокое уважение и симпатию к странам каждого из членов экипажа, и наше послание обращено не к какой-либо одной стране, а к современному человеку вообще. Мы показали, что в создании ранних цивилизаций земного шара древним жителям Двуречья, Индской долины и Египта, вероятно, помогали взаимные контакты на примитивных судах, которыми они располагали пять тысяч лет назад. Культура развивалась благодаря разумному и полезному обмену идеями и товарами.

Сегодня мы сжигаем наше гордое суденышко с абсолютно целыми парусами, такелажем и корпусом в знак протеста против проявлений бесчеловечности в мире 1978 года, в который мы возвратились из открытого моря. Нам пришлось остановиться у входа в Красное море. В окружении военных самолетов и кораблей наиболее цивилизованных и развитых стран мира, не получив разрешения на заход от дружественных правительств, руководствующихся соображениями безопасности, мы были вынуждены высадиться в маленькой, еще нейтральной республике Джибути, потому что кругом соседи и братья уничтожают друг друга, пользуясь средствами, предоставленными теми, кто возглавляет движение человечества по пути в третье тысячелетие.

Мы обращаемся к простым людям всех индустриальных стран. Необходимо осознать безумные реальности нашего времени, которые для всех нас сводятся к неприятным заголовкам в «новостях». С нашей стороны будет безответственным не требовать от тех, кто принимает ответственные решения, чтобы современное оружие не предоставлялось народам, которых наши деды корили за их секиры и мечи.

Наша планета больше камышовых бунтов, которые пронесли нас через моря, и все же достаточно мала, чтобы подвергнуться такому же риску, если живущие на ней люди не осознают неотложной необходимости в разумном сотрудничестве, чтобы нас и нашу общую цивилизацию не постигла участь тонущего корабля.

Республика Джибути, 3 апреля 1978 года»^[53].

Все поставили свои подписи. Тур, Норман, Юрий, Карло, Тору, Детлеф, Герман, Асбьёрн, Рашад, Эйч Пи, Норрис. Все одиннадцать членов команды. После этого мы в последний раз сели за дощатый стол между рубками. Вяленый элагат Юрия. Маринованная летучая рыба Рашада. Галеты. Нам было что вспомнить... Норман заметил, что ладья прошла 6800 километров. «Тигрис» провел на воде 143 дня, или двадцать недель и три дня — добрых пять месяцев.

Норрис, поглядев на часы, показал на свою камеру и на солнце. Близился закат. Скоро солнце уйдет за синие горы Африки, оканчивающиеся тупым мысом у входа в Красное море. Все, кроме Эйч Пи, Асбьёрна и меня, переправились на шлюпке на коралловый островок. Маленькая яхта укрылась за островом. Бывший сапер Эйч Пи загодя купил в джибутийском фотомагазине нехитрый часовой механизм. Пробил час «Тигриса»... Асбьёрн, отвечавший на борту за керосиновые фонари, знал, где взять горючее; Эйч Пи знал, где его разлить. Спускаясь в шлюпку, я в последний раз поглядел на пустой стол. Сегодня никто не стал его драить после трапезы. Месячный запас провианта на одиннадцать человек, одеяла и прочее имущество было доставлено на берег и передано для беженцев.

Мы выстроились на берегу. Говорить не хотелось.

— Снимите шляпы, — вымолвил я наконец, когда языки пламени вырвались наружу через дверной проем главной рубки.

Парус вспыхнул, рассыпая искры под треск лопающегося бамбука и пылающего тростника. Ребята молчали. Еле слышно я произнес:

— Славный был кораблик.

Океан всегда соединял человечество

Не правда ли парадоксально, каждый год все больше и больше отделяет нас от бронзового века или неолита, но вместе с тем приближает нас к пониманию древнего мира, расширяет и углубляет наши знания о нем.

Археологические раскопки, дешифровка таинственных знаков, исследования этнологов и историков приносят данные о событиях минувших тысячелетий. Открываются целые цивилизации, о существовании которых еще вчера мы и не подозревали. Так, в долине Инда была открыта весьма развитая цивилизация, а в Междуречье найдены предметы материальной культуры, принадлежащие шумерам — предшественникам вавилонян и ассирийцев. Однако эти цивилизации — ровесники древнеегипетской культуры — отнюдь не самые ранние. При раскопках холма Эль-Убейд в том же Междуречье найдены следы дошумерской цивилизации. Также до Древнего Египта существовало на Бахрейнских островах и на части Аравийского полуострова государство Дильмун. А если вспомнить о мегалитических сооружениях, найденных на острове Мальта и в некоторых других местах земного шара, то мы должны быть готовы к восприятию другой, более полной модели древнего мира.

При исследовании связей давно исчезнувших цивилизаций, их взаимного влияния и контактов (часто межконтинентальных), а также при анализе миграций народов в минувшие тысячелетия неизбежно возникает вопрос о роли океана, вопрос о древнем мореплавании.

Для некоторых специалистов в области исторических наук эти вопросы решаются просто: океан был непреодолимой преградой для древнего человека, ибо он вряд ли мог пуститься в далекое плавание на примитивном плоту или лодке. Поэтому они считают, что когда-то существовали гипотетические материки, или островные мосты, по которым мог перебираться человек на другие континенты или отдаленные острова.

Для некоторых специалистов-историков свойственна другая крайность: в тиши кабинета они передвигают по океанам народы,

словно шахматные фигуры, не задумываясь, на чем и как мог плыть человек в те далекие времена.

Здесь нам пора сказать об ученом и исследователе, счастливо избежавшем этих крайностей и разработавшем глобальную концепцию о возможностях древнего мореплавания, о наиболее вероятных морских путях древнего человека. Речь идет о замечательном норвежском ученом — Туре Хейердале. Он ратует за историческую модель древнего мира, согласно которой океан не разъединял, не изолировал человечество на долгие годы, а, напротив, объединял его с самых древних времен.

Наверное, самое ценное в творческой деятельности Тура Хейердала то, что он соединил теоретическую и практическую сторону дела: выдвинутую гипотезу он неизменно подкреплял экспериментом.

Истоки этой кипучей деятельности лежат в самой первой экспедиции норвежского ученого на затерянный в Тихом океане островок Фату-Хива, состоявшейся более сорока лет назад. Ровно через десять лет Тур Хейердал после серьезной теоретической проработки своей гипотезы о заселении Полинезии доказывает ее экспериментально, совершив экспедицию на плоту «Кон-Тики». Во время плавания моделировались не только древнеперуанское мореходное судоходство на плоту из бальсовых бревен, но и исторические события (миграция южноамериканских индейцев), а также реконструировался древний морской путь от Южной Америки в Восточную Полинезию.

Перед началом экспедиции Хейердал раздумывал: на чем плыть? Ведь в древней империи инков для мореходства использовались не только плоты из бальсы, но и камышовые суда. Предпочтение тогда было отдано внешне более солидному плоту. Однако хрупкая на вид камышовая лодка отнюдь не забыта. Напротив, исследуя доисторическое искусство Северной Африки, Западной Азии, Южной Америки, изучив в музеях разных стран и непосредственно на стенах древних храмов или в руслах высохших африканских рек многочисленные изображения камышовых судов, в том числе с мачтой и парусом, Тур Хейердал приходит к выводу о важнейшей роли таких судов в мировом мореплавании. Он обращает внимание, что камышовые суда еще сохранились до наших дней в водах,

примыкающих к центрам крупнейших древних цивилизаций: в Южной Америке — на высокогорном озере Титикака, в Африке — на озере Тана в верховьях Нила и у развалин города Ликс в Марокко, в Азии — на реках Тигр и Евфрат, на Бахрейнских островах и индийском озере Нал, вблизи руин древнего Мохенджо-Даро.

По концепции Хейердала, именно на камышовых судах, которые на заре мирового мореходства имели неоспоримое преимущество перед деревянными судами того времени, были совершены первые трансокеанские плавания.

Экспериментальное доказательство этой глобальной идеи было осуществлено Туром Хейердалом в Атлантическом океане в 1969 и 1970 годах на папирусных лодках «Ра I» и «Ра II». В этих экспедициях была доказана не только мореходность папирусных ладей, но и что такие суда древних жителей Средиземноморья могли совершать трансокеанские плавания.

Дальнейшее развитие моделирования древнего судоходства — экспедиция на «Тигресе», сооруженном из камыша берди, о которой вы только что прочитали. Экспедиция дала богатейший материал для размышлений.

В прежних экспедициях Тура Хейердала моделировались миграционные пути древних народов. Плавание совершалось большей частью в открытом океане в условиях свободного дрейфа. Главным было — прибытие в конечный пункт назначения.

В последней экспедиции реконструировались торговые пути исчезнувших цивилизаций. Совершалась она в несравненно более сложных условиях прибрежного плавания. И одной из основных целей экспедиции было научиться управлять древним судном.

Экспедиция показала практически неограниченную мореходность шумерского камышового судна, и, пожалуй, не так-то фантастична мысль Хейердала, высказанная на страницах книги о более дальнем плавании, чем в треугольнике древнейших цивилизаций: из Персидского залива в Атлантику.

Как видим, Тур Хейердал верен избранному более сорока лет назад научному пути, проникая все глубже в недра тысячелетий. В научных кругах многих стран, в том числе и у нас, отдается дань плодотворной научной деятельности норвежского ученого. Недавно

Академия наук СССР присвоила Туру Хейердалу звание доктора исторических наук *honoris causa*.

В. Войтов

notes

Примечания

Amlet P. La Glyptique Mesopotamienne Archaïque. Paris, 1961.

По срезу стебля, доставленного в нашу страну со строительства «Тигриса», специалисты определили это растение как рогоз узколистый (*Typha angustifolia*), который в обиходе принято называть «камышом». Это обиходное название и употребляется в переводе, как более удобное для словообразования (камышовый, например), чем рогоз. — *Прим. ред.*

Salonen A. Die Wasserfahrzeuge in Babylonien. Ed. K. Tallquist. *Studia Orientalia* edidit Societas Orientalis Fennica, 1969, vol. VIII,4, s. 70.

Бытие, гл. 15.

Tallquist K. Gilgames-eposet. Stockholm, 1977, s. 22

Бытие, гл. 6.

Tallquist. Op. cit., s. 125.

Glob P. V. Al-Bahrain. Copenhagen, 1968, p. 214.

Bibby G. Looking for Dilmun. New York, 1969, p. 263.

Kramer S. N. Sumerian Mythology. A study of spiritual and literary achievements in the third millenium B. C. Philadelphia, 1944, pp. 37-38.

Oppenheim A. L. The Seafaring Merchants of Ur. Journ. Amer. Oriental Soc., 1954, vol. 74, No 1, pp. 6-17.

Gordon E. I. The Sumerian Proverb Collection: A Preliminary Report. *Journ. Amer. Oriental Soc.*, 1954, vol. 74, No 2, pp. 82-85.

Salonen. Op. cit., ss. 12-14, 49, 66, 70.

Woolley C. L. The Sumerians. New York, 1965, pp. 7-8, 192-194.

Kramer. Op. cit., p. 60.

Woolley. Op. cit., pp. 35-45.

Glob. Op. cit.

Bibby. Op. cit., p. 80.

Вскоре после захода «Тигриса» на Бахрейн датские археологи возобновили раскопки дильмунского порта. В черте города они нашли глубокую выемку, огражденную валами, и установили, что в прилив суда с малой осадкой могли входить прямо в высеченный в каменистом грунте защищенный бассейн внутри обращенной к морю городской стены, которая в таких случаях играла роль мола.¹⁸

Bibby. Op. cit., 1969, pp. 186-189.

Хейердал Т. Аку-аку. Тайна острова Пасхи. М., «Мысль», 1959,
Heyerdahl T. Art of Easter Island. London, 1976.

Mallowan M. E. L. Nimrud and its remains. New York, 1966, vol.1, pp. 78-81, 323.

Bibby. Op. cit., 1969, pp. 67-77, 160-161.

Glob. Op. cit., p. 20.

Journal of Oman Studies, 1976.

Bibby. Op. cit., 1969, pp. 191, 219-220.

Woolley. Op. cit., pp. 45-46.

Bibby. *Op. cit.*, p. 220.

Plinius. *Naturalis Historiae*, v. VI.

Bibby. Op. cit., 1969, p. 219.

Kramer. Op. cit., p. 112.

Bibby. Op. cit., 1969, pp. 221-222.

Там же, с. 192.

Dales G. F. Harrapan outposts on the Makran Coast. *Antiquity*, 1962, vol. 36, No 142, pp. 86-92.

Plinius. Op. cit., v. VI.

Tallquist. Op. cit., s. 91.

Khan F. A. Indus Valley Civilisation. In: «Cultural Heritage of Pakistan» Karachi, 1966, p. 11.

Raikes R. L. The End of the Ancient Cities of the Indus. *American Anthropologist*, 1964, vol. 66, No 2, p. 291.

Rao S. R. Shipping and Maritime Trade of the Indus People. Expedition, 1965, University of Penn., Philadelphia, vol. 7, No 3, pp.30-37.

Rao S. R. A “Persian Gulf” Seal from Lothal. *Antiquity*, 1963, vol. 37, No 146, pp. 96-99.

Mackay E. J. H. Further Excavations of Moherijo-Daro. New Delhi Government Press, 1938, vol. I, pp. 340-341.

LeBaron Bowen R. Jr. Boats of the Indus Civilisation. The Mariners Mirror, 1956, 41-42, pp. 279-290.

Fairseries W. A. The Roots of Ancient India. The University of Chicago Press, 1975, pp. 277-278.

Plinius. Op. cit., vv. VI, XXXVII.

Lawrence D. B. Ms. 26 February 1977.

Heyerdahl T. Early Man and the Ocean. London, 1978, pp. 40-63.

Red Sea nad Gulf of Aden Pilot. London, 1967, pp. 557-559.

Plinius. Op. cit., v. VI.

Karageorgis V. The Ancient Civilization of Cyprus. New York, 1969, p. 37.

Evans J. D. The Prehistoris Antiquities of Maltese Islands. London, 1971, pp. 212-214.

Hood S. The Minoans' Crete in the Bronze Age. London, 1971, p.29

Тексты Платона об Атлантиде цитируются по кн.: **Жиров Н. Ф.** Атлантида, М., «Мысль», 1964, с. 384-394.

Генеральный секретарь ООН ответил очень теплым посланием, от души поздравив команду с успешным завершением эксперимента и заверив, что ее призыв не пройдет незамеченным в ООН.